90 коп. Индекс 70145

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

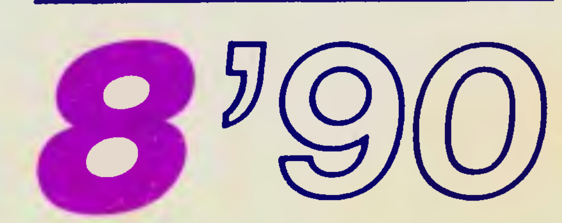
ISSN 0042-8779. Вопросы истории. 1990. № 8. 1—192.

Вопросы истории

ISSN 0042-8779

В ПОСЛЕДНИХ НОМЕРАХ 1990 г. И В 1991 г. ЖУРНАЛ «ВОПРОСЫ ИСТОРИИ»

Продолжит публикацию

Мемуаров **Н. С. Хрущева**;
Воспоминаний **А. Ф. Керенского** «Россия на историческом повороте»;
Книги **А. И. Деникина** «Очерки русской смуты».

Предполагает опубликовать

Главы из книги **А. Авторханова** «Технология власти»;
Дневники и воспоминания лидера октябристов в государственной Думе и члена Временного правительства **А. И. Гучкова**;
Видного историка академика **Ю. В. Готье** о событиях 1917—1921 гг.;
Записки французского дворянина **Вильбуа** о нравах и быте дома Романовых в первой половине XVIII в.;
Письма **В. Г. Короленко Х. Г. Раковскому**.

В статьях будут рассмотрены актуальные проблемы исторической науки, в том числе такие, как современные концепции цивилизаций; хозяйственно-культурные типы и способы производства; советская кооперация в 20-е годы; народничество в России; Земские соборы на Руси; Социнтерн и проблемы мировой политики; восстановление советско-японских отношений и др.

Будет продолжена публикация статей циклов:

«История советского общества в новом освещении»;
«Очерки истории Русской православной церкви».

В разделе «Исторические портреты» будут напечатаны очерки об **А. А. Кузнецове, М. А. Бакунине, Петре III, Александре II**, митрополите **Филарете, А. А. Аракчееве, С. Ю. Витте**, адмирале **А. В. Колчаке** и др.
Журнал предоставит страницы видным зарубежным историкам.

Подписка принимается всеми предприятиями «Союзпечати» и отделениями связи. Цена одного номера — 90 коп. Подписная цена на год — 10 руб. 80 коп. Индекс 70145.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР, ОТДЕЛЕНИЕ ИСТОРИИ.
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ СССР ПО НАРОДНОМУ ОБРАЗОВАНИЮ

№ 8 АВГУСТ 1990

Вопросы Истории

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Выходит с января 1926 года

МОСКВА. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

Б. В. Андрианов, Г. Е. Марков — Хозяйственно-культурные типы и способы производства 3
Шейла Фицпатрик (США) — Классы и проблемы классовой принадлежности в Советской России 20-х годов 16

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

Б. В. Ананьич (Ленинград), **Р. Ш. Ганелин** (Ленинград) — Сергей Юльевич Витте 32

ВОСПОМИНАНИЯ

Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева. Продолжение 54

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

Генерал **А. И. Деникин** — Очерки русской смуты. Продолжение 76
А. Ф. Керенский — Россия на историческом повороте. Продолжение 102

ПУБЛИКАЦИИ

Дневник Великого князя Константина Николаевича. Продолжение 129

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

И. Ф. Панфилов (Оха) — Вацлав Миллер 150
И. П. Русанова, Б. А. Тимощук — Во времена Збручского идола 153
Г. И. Анохин — Исландцы 157

ИСТОРИОГРАФИЯ

Н. Н. Покровский (Новосибирск) — Проблемы истории России в работах Н. Я. Эйдельмана 161
А. Л. Хорошкевич — В. Б. Кобрин. Иван Грозный . . 171
Б. Н. Миронов (Ленинград) — Ю. Ю. Кахк. «Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму 174
В. Н. Виноградов — Г. А. Космач. Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918—1929 гг. 176
И. В. Чуркина — История каринтийских словенцев с 1918 г. до настоящего времени с обзором истории всех словенцев 178
Т. М. Симонова — Ю. Хлебовчик. Между диктатом, действительностью и правом на самоопределение. Право на самоопределение и проблема границ в Центральной и Юго-Восточной Европе в период первой мировой войны и после ее окончания 180
Сунь Чэнму (КНР) — Ученые Китая изучают историю СССР 182

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

А. Б. Каменский — Были ли Романовы Романовыми? 186
М. Я. Попов — «До народа и пальцем не дотрагивайтесь!» 187
Реплика 189
Илья Саввич Галкин 190

СТАТЬИ

ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНЫЕ ТИПЫ И СПОСОБЫ ПРОИЗВОДСТВА

Б. В. Андрианов, Г. Е. Марков

Осмысливание путей прогресса культуры и его этапов началось еще в эпоху античности, когда пытались связать развитие общества с определенными ступенями хозяйственного и культурного процесса и выделить в нем три стадии: собирательство и охота — пастушество — земледелие, что соответствовало переходу от дикости к варварству и от него — к цивилизации. Эта схема, основанная на эмпирических наблюдениях и логических умозаключениях, длительное время в той или иной мере оказывала воздействие на позднейшие взгляды. Ученые по-разному определяли последовательность этих этапов. Уже к XVIII в. получила распространение идея о прохождении всеми народами пути от простейших видов хозяйственной деятельности к более сложным и совершенным.

В середине XIX в. немецкий экономист Ф. Лист выделил пять ступеней хозяйственного и культурного развития: дикость; пастушество; земледелие; земледелие в сочетании с ремеслом; земледелие, ремесло и торговля. Но только во второй половине XIX в. по мере распространения идей эволюционизма началось формирование исторического подхода к изучению культуры. Идеи культурного прогресса и прохождения им определенных этапов, всемирно-исторических закономерностей содержались в трудах А. Бастиана, И. Бахофена, Дж. Мак-Леннана, Эд. Тейлора, Л. Г. Моргана и многих других. Морган создал периодизацию культурного развития человечества, основываясь на анализе развития материальных факторов — производства и культуры. Его метод был во многом ошибочным, объяснение культурной эволюции излишне прямолинейно, а многие выводы противоречили новому фактическому материалу. Все это вызвало в конце XIX и начале XX в. ожесточенную критику эволюционистских построений и теорий как действительно неверных, так и вполне приемлемых. В итоге вместо во многом умозрительного эволюционизма стали предлагаться различные искусственные модели культур, упрощенное объяснение путей их «изменения», отрицавшее как исторические пути развития, так и проявление общих закономерностей.

В начале XX в. этнолог и географ Ф. Ратцель одним из первых высказал мнение о решающем значении в развитии культуры процессов диффузии идей и предметов. Он предложил классифицировать культурные явления в прямой связи с картографированием их географического многообразия. На механистических диффузионистских позициях стояли

АНДРИАНОВ Борис Васильевич — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института этнографии АН СССР; **МАРКОВ Геннадий Евгеньевич** — доктор исторических наук, профессор Исторического факультета МГУ.

Л. Фробениус и Ф. Гребнер, разработавшие теорию «культурных кругов», а также В. Шмидт, основатель католической «культурно-исторической» школы, и многие его сторонники. Широкое распространение в это время получили также «исторический метод» Ф. Боаса, взгляды У. Риверса, У. Д. Терри и других исследователей [1]. Ученики Боаса — О. Мэсон, К. Уисслер, В. Х. Холмс, Э. Сэпир разработали систему «культурных ареалов» Северной Америки для времени кануна европейской колонизации. В своих монографиях, посвященных американским индейцам, Уисслер соединил концепции американской «исторической школы» с идеями европейских этнографов и географов о динамике «культурных кругов» и диффузионном распространении элементов культуры по странам и континентам в зависимости от географических условий.

Экологический подход к проблемам истории культуры получил довольно широкое развитие в 1920-х годах в Англии, где археологи О. Кроуфорд и К. Фокс широко использовали географический материал для классификации и картирования археологических памятников. Многими из этих исследователей был высказан и ряд интересных, заслуживающих внимания мыслей. Важным теоретическим положением стали идеи пространственного, ареального подхода к изучению народной культуры, что в конечном счете способствовало зарождению и развитию историко-культурной регионализации, созданию классификационных схем распространения типов хозяйственной деятельности в областях с разными географическими условиями.

Одновременно с направлением, довольно условно определяемым как «диффузионизм», разрабатывались и иные концепции. Критикуя теорию «трех стадий», Э. Хан предложил свою. На мировой карте он выделил ряд видов: охота и рыболовство; мотыжное земледелие; плантационное земледелие; плужное земледелие; скотоводство; несколько смешанных форм — мотыжное земледелие со скотоводством; охота и рыболовство со скотоводством; скотоводство с охотой и рыболовством. Развивая эти идеи, европейские географы и экономисты опубликовали ряд схем, характеризующих тип хозяйственной деятельности и основные сельскохозяйственные регионы мира. Большой популярностью до сих пор пользуется карта американского исследователя Д. Уайтлиси, на которой отражена ситуация 30-х годов и выделено 15 различных типов сельскохозяйственных районов: кочевое скотоводство, фермерское животноводство, переложное земледелие и др.

Весьма своеобразна попытка социолога Д. Рибейры, предприиятая в 1970 г., построить схему социокультурной эволюции человечества. Он прежде всего выделяет переломные периоды — «революции»: сельскохозяйственную, городскую, ирригационную, пастушескую, торговую, индустриальную, термоядерную. Ряд ступеней в предложенной Рибейрой схеме вызывает серьезные возражения. Основным недостатком этой и многих подобных схем было отсутствие понимания хода всемирно-исторического процесса как смены способов производства и общественно-экономических формаций.

---

[1] См.: Ratzel F. Anthropo-geographie oder Grundzüge der Anwendung der Erdkunde auf die Geschichte. Stuttgart. 1882; ejusd. Die Afrikanische Bogen.— Abhandlungen der Philologisch-historische Klasse der Königl. Sächsische — Gesellschaft der Wissenschaft, 1981, Bd. XIII, Hf. 3; Frobenius L. Ursprung der afrikanischen Kulturen. Brl. 1898; Gräbner Fr. Kulturkreise und Kulturschichten in Ozeanien.— Zeitschrift für Ethnologie, 1905; Schmidt W. Wege der Kulturen.— Studia Institut Anthropos, 1964, Vol. 20; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственио-культурные типы и проблемы их картографирования.— Советская этиография, 1972, № 2, с. 5—7; Чеснов Я. В. Теория культурных областей в американской этнографии. В кн.: Концепция зарубежиой этнологии. М. 1976; Аверкиева Ю. П. История теоретической мысли в американской этнографии. М. 1979.

Значительный шаг вперед в разработке проблемы сделал этнограф В. Г. Богораз-Тан. Его концепция несвободна еще от влияния Гребнера, Шмидта и других сторонников теории «культурных кругов», но построена в значительной мере на принципах историзма [2].

Основываясь на положениях о единстве исторического процесса и закономерностях развития человечества по ступеням развития культуры и смены способов производства, советские этнографы стали разрабатывать концепцию о культурных общностях в виде хозяйственно-культурных типов (ХКТ) и историко-этнографических областей. Одними из первых идеи о хозяйственно-культурных типах высказали С. П. Толстов и М. Г. Левин [3]. Несколько позднее проблемы ХКТ и историко-этнографических областей были поставлены в широком плане М. Г. Левиным и Н. Н. Чебоксаровым [4]. Обсуждение и дальнейшее совершенствование идей хозяйственно-культурной дифференциации человечества продолжается и в наше время [5].

В современном понимании хозяйственно-культурные типы — это комплексы особенностей хозяйства и культуры, исторически складывавшиеся у разных народов, близких по социально-экономическому развитию и обитающих в сходных условиях среды [6]. ХКТ возникали, формировались, развивались, частично исчезали на протяжении всей истории в ходе адаптации людей к окружающей среде, хозяйственного использования природных ресурсов в системе жизнеобеспечения. При этом одни ХКТ сложились еще в глубокой древности, в эпоху присваивающего хозяйства, другие возникли на разных континентах позднее, в процессе распространения навыков земледелия и скотоводства. Существующая в настоящее время хозяйственно-культурная типология охватывает общества от времени появления первобытно-общинного строя в позднем палеолите и до начала индустриальной эпохи и внедрения механизации в сельское хозяйство.

Основными, определяющими признаками ХКТ являются характер, облик и уровень развития хозяйства и хозяйственной деятельности людей. Характер культуры имеет при этом важное, но не определяющее значение, так как культуры народов мира исключительно разнообразны. В отличие от бесчисленных разновидностей явлений культуры хозяйственно-культурные типы, даже с учетом промежуточных хозяйственных подтипов, достаточно ограниченны и, что особенно существенно, могут тесно увязываться с этапами социально-экономического развития, способами производства, так как самим процессом хозяйственной деятельности они включены в экономику и относятся к экономическому фундаменту общества. Это и создает надежную базу для систематики ХКТ.

В самом общем виде хозяйственно-культурные типы могут быть разделены на четыре основные группы. Первая включает значительное число наиболее архаических подтипов — бродячие охотники и собиратели тропических лесов (сохраняющиеся в отдельных, географически изолированных областях и в наше время); более развитые охотники тропиков и лесной зоны Северной Евразии и Северной Америки; арктические охотники на морского зверя и ряд других. Ко второй группе

---

[2] Богораз-Тан В. Г. Распространение культуры на Земле. М.— Л. 1928.

[3] Толстов С. П. Очерки первоначального ислама.— Советская этнография, 1932, № 2; Левин М. Г. К проблеме соотношения хозяйственио-культурных типов в Северной Азии.— Краткие сообщения Института этиографии, 1947, вып. 2.

[4] Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственио-культурные типы и историко этнографические области.— Советская этнография, 1955, № 4.

[5] Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Ук. соч.; Марков Г. Е. История хозяйства и материальной культуры. М. 1979; Андрианов Б. В. Неоседлое население мира. М. 1985; и др.

[6] Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Ук. соч., с. 4.

могут быть отнесены некоторые обитатели тропических областей Старого и Нового Света, сочетавшие в прошлом (кое-где и в наше время) мотыжное переложное земледелие с рыболовством, охотой и специализированным собирательством даров леса на продажу. Третью группу составляют номады — кочевые и полукочевые скотоводы, стоящие на предклассовом уровне социально-экономического развития. Наконец, четвертая группа целиком относится к производящим типам деятельности и представлена различными подгруппами плужного земледелия в сочетании с животноводством и другими занятиями, обществами, живущими в условиях классовых отношений.

Названные четыре группы ХКТ могут быть выделены достаточно уверенно, но разработка этой типологии еще не завершена. Главными ее признаками следует считать хозяйственные показатели, однако не разработана система критериев, какие из них — основные, наиболее фундаментальные, а какие — промежуточные, переходные. Хозяйственно-культурная типология недостаточно увязана с социальными структурами общества, без чего она в значительной мере имеет эмпирический, формальный характер. Необходимо дальнейшее исследование системно-структурной связи всех компонентов ХКТ, соотношения хозяйственно-культурной типологии с системами способов производства и социально-экономических укладов.

Решение поставленных в настоящей статье задач требует на основе привлечения этнографических данных и теории ХКТ обсуждения некоторых вопросов, касающихся существа категории «способ производства» и ее места в социально-экономической истории человечества. Упрощенное понимание всемирно-исторических процессов и всего прогресса человечества, проявившееся в так называемом пятичленном делении истории, вступило в острое противоречие с новым фактическим материалом.

Классики марксизма подчеркивали не только необходимость рассмотрения производственных отношений и производительных сил в их тесном взаимодействии, но и отмечали многообразие форм способов производства. К. Маркс находил возможным говорить о «древнеазиатских» и «античных» способах производства, а также о пастбищном скотоводстве[7]. Исследования многоукладной экономики России В. И. Лениным в конце XIX в. следует рассматривать как дальнейшее развитие учения о способах производства. Он ввел в политэкономию понятие «общественно-экономический уклад», которым определял совокупность производственных отношений, характеризующих определенную более или менее оформившуюся систему общественного хозяйства. Он обосновал также возможность сосуществования различных общественно-экономических укладов[8].

Что же вкладывали классики марксизма-ленинизма в понятие «способ производства» в совокупной социально-экономической системе? Есть две точки зрения. Первая: Маркс использовал это понятие двояко — для определения сочетания производительных сил и производственных отношений и в более узком, технологическом смысле, определяющем лишь способ хозяйствования; вторая: во всех случаях Маркс использовал это понятие однозначно, в полном его объеме, не сводя к сфере хозяйственной деятельности. Первой точки зрения придерживается В. Борисов, который считает, что необходимо различать употребление Марксом понятия «способ производства» в двух значениях (в «широком» и «узком») по отношению к различным структурам общества[9]. Однако согласиться с его аргументацией не представляется

[7] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 724; т. 23, с. 89.
[8] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 3, с. 86; т. 23, с. 44.
[9] Борисов В. Способ производства материальных благ: содержание категории.— Экономические науки, 1973, № 7.

возможным, что весьма убедительно показано А. Любининым[10], подвергшим критике взгляды ряда авторов (В. Кондрашева, В. Эйхорна, А. Бауэра, В. Борисова, Г. Коха).

На основе детального анализа взглядов Маркса нельзя допустить, что он применял понятие «способ производства» произвольно. Несмотря на кажущуюся расплывчатость определения им способа производства, полагает Любинин, в действительности имеет место однозначное понимание им этой категории. Термином «способ производства» Маркс и Энгельс обозначали конкретно-историческую форму отношения общества к природе в процессе производства жизненных благ[11]. И действительно, Маркс и Энгельс пишут о «способе производства жизни», «материальном способе производства», «способе производства средств к жизни». В «Немецкой идеологии» совершенно определенно указывается на способ производства, «которым люди производят необходимые им средства к жизни»[12].

Общим местом стало определение способа производства как сочетания и взаимодействия производительных сил и производственных отношений, как исторически определенного способа добывания материальных благ, как единства производительных сил и производственных отношений. Однако Любинин полагает, что производительные силы и способы добывания средств к жизни, хотя и взаимосвязаны, но представляют разные явления и что, используя категорию «способ производства», основоположники марксизма имели в виду не производительные силы как таковые, а другое, и тоже самостоятельное явление: условия, формы, методы, способы производственной деятельности людей, то есть явление, определяемое производительными силами, но не тождественное им. Таким образом, категория «способ производства» — не общая рубрика, которой обозначается лишь определенное единство производительных сил и производственных отношений. Эта категория выступает связующим звеном между производительными силами и производственными отношениями. Отсюда вытекает вывод о структуре общества: производительные силы — способ производства — производственные и другие общественные отношения — политическая надстройка — формы общественного сознания[13].

То, что мы понимаем, следуя этой концепции, под ХКТ, является органической составной частью именно способа производства, практически конкретным материальным его воплощением, его фундаментом. Определяясь производительными силами, способ производства прямо характеризует, согласно Любинину, техническую сторону процесса производственной деятельности людей, и не только таковую, но охватывает и значительно более широкий круг явлений жизни общества, в том числе и отношения, складывающиеся между людьми в ходе производственной деятельности. Любинин считает, что технический момент не составляет всего содержания способа производства, так как реальный процесс техники не может быть отделен от отношений собственности, «способ производства» «производит» не только материальный продукт, но и всю систему производственных отношений[14].

Важная составная часть способа производства — производительные силы — включает не только средства производства (средства

[10] Любинин А. К. Маркс о содержании категории «способ производства».— Экономические науки, 1986, № 5.
[11] Там же, с. 4, 6.
[12] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 19, 24, 30—37; т. 4, с. 133; т. 23, с. 92, 307.
[13] Любинин А. Ук. соч., с. 6, 7.
[14] Там же, с. 8.

и предметы труда), но и самих людей, взаимодействующих с природой, материально и духовно осваивающих ее для получения средств к существованию через механизмы культуры, систему жизнеобеспечения в процессе материального производства. Поэтому в производительные силы органически входят формы социального поведения, традиции и новации, элементы и средства языкового общения людей в пределах конкретных этнических общностей для выражения сущности элементов культуры и передачи их от поколения к поколению. Все это вместе образует очень сложную систему, из которой в политэкономии рассматривается лишь абстрактная экономическая категория, экономический скелет.

Включение в эту систему понятия ХКТ наполняет ее живым содержанием, показывает локальные варианты, органически соединяя совокупность хозяйственно-производственных навыков и экономику в общественном производстве с многообразием географической среды; таким образом, ХКТ, с одной стороны, характеризует хозяйственно-производственную, технологическую сторону способа производства, а с другой — его конкретное, этнокультурное выражение, этнологический облик общественной системы в целом и социально-экономических укладов в частности. Хозяйственно-культурный тип — историческая категория. И есть основание считать, что именно смена ХКТ, а не только развитие отдельных элементов культуры (орудий труда и технологии) ведет к изменению способа производства.

Классики марксизма рассматривали производственные отношения и производительные силы как единую систему, в которой первые выражали экономические отношения людей друг к другу в общественном производстве, а вторые — отношение людей к природной среде и природным ресурсам как основе воспроизводства материальных условий их жизни. С приобретением новых производительных сил люди меняли свой способ производства, а за ним — и экономические отношения, которые были необходимы лишь для данного, определенного способа производства [15].

Попытка жесткого регламентирования номенклатуры способов производства и их иерархии, предпринятая Сталиным и его эпигонами, является лишь мертвой догмой, противоречащей существу марксистской методологии, требующей учета конкретно-исторических и производственно-географических обстоятельств, и, кроме того, игнорирует фактические данные. Если исходить только из положения Маркса о том, что с приобретением новых производительных сил люди меняют свой способ производства, то напрашивается вывод, что эти изменения происходили не пять раз в масштабах всей ойкумены, а многократно, причем в разных природных зонах и в разных исторических условиях по-разному, в соответствии с многообразием и развитием хозяйственно-культурных типов в ходе исторического взаимодействия общества и природы.

Маркс, как известно, писал о многократно в нашей литературе оспоренном «азиатском» способе производства. К каким обществам и к каким историческим периодам его следует относить, какова степень его универсальности? На этот счет могут быть разные мнения, но что он реален, по коренным принципиальным признакам отличен от пяти «признанных» способов производства — сегодня достаточно ясно показано [16].

Более десяти лет назад была высказана гипотеза, получающая в настоящее время все большее подтверждение в работах различных

---

[15] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 3, с. 19; т. 13, с. 6; т. 23, с. 364 и др.
[16] Никифоров В. И. Восток и всемирная история. М. 1977.

исследователей, о существовании «кочевого» (или патриархально-номадного) способа производства [17]. О наличии его неоднократно упоминал Маркс: «Монголы при опустошении России действовали сообразно с их способом производства, пастбищным скотоводством» [18], или «то были племена, занимавшиеся скотоводством, охотой и войной, и их способ производства требовал обширного пространства» [19], или традиционный и единственно для варваров-завоевателей возможный «примитивный способ производства» [20].

Номадизм — это не только способ ведения экстенсивного подвижного пастбищного скотоводческого хозяйства, но и целостная хозяйственная социально-экономическая и территориально-географическая система со свойственными ей строго определенным уровнем разделения труда, характером собственности на средства производства, патриархально-общинными социальными отношениями и соответственными общественными институтами, племенной общественной организацией [21]. Сегодня уже высказана обоснованная гипотеза о существовании «африканского» номадного способа производства [22], а также «африканского способа производства у земледельческих народов Африки, не достигших в условиях многоукладных экономических систем уровня развитых классовых отношений» [23].

Характерно, что как все вновь названные, так и пять «традиционных» способов производства в принципе совпадают с наиболее крупными и определенными ХКТ или с группами ХКТ. В связи с этим уместно вспомнить о социально-экономических укладах, которым могут соответствовать «малые» (промежуточные, или переходные) ХКТ. Как в любом способе производства существуют ведущий и второстепенные социально-экономические уклады, так и в каждом ХКТ наряду с главным способом добывания средств существования имеются второстепенные, дополнительные, локальные хозяйственные и ландшафтные подтипы. Таким образом, в ХКТ имеются ведущие и дополнительные отрасли хозяйственной деятельности, образующие в комплексе подвижную, развивающуюся, изменяющуюся во времени и пространстве систему разных иерархических уровней. Эта система уже на ранних этапах исторического развития формируется условиями географической среды, уровнем развития производительных сил и разделения труда, а также культурными этническими традициями и культурными взаимодействиями, значение которых во многих случаях не следует недооценивать.

Как свидетельствуют многочисленные факты из истории доиндустриальных обществ, смена ХКТ оказывает непосредственное воздействие на способ производства и социально-экономические уклады, поэтому каждый крупный ХКТ (ХКТ «первого порядка») соответствует определенному уровню развития способа производства и в какой-то мере даже определяет его наряду с другими факторами. Это касается

---

[17] См.: Марков Г. Е. Кочевники Азии. М. 1976; Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки в XIX—XX вв. М. 1989; Викторин В. М. Потестарно-политические и правовые отношения у кочевых народов (взаимосвязь внутренних и внешних факторов). В кн.: Философские проблемы государства и права. Саратов. 1988, с. 123 сл.
[18] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. Т. 12, с. 724.
[19] Там же. Т. 8, с. 568.
[20] Там же. Т. 3, с. 21.
[21] Марков Г. Е. Кочевники Азии, с. 278 сл.; Калиновская К. П., Марков Г. Е. Скотоводы Азии и Африки. Проблемы истории, типологии и периодизации.— Вестник Московского университета, серия 8, история, 1983, № 5, с. 59 сл.
[22] Калиновская К. П. Скотоводы Восточной Африки.
[23] См. Попов В. А. Гипотеза об африканском способе производства и специфика формационного развития доколониальных обществ Тропической Африки. В кн.: V Всесоюзная конференция африканистов. Тезисы докладов «Новое мышление в Африке». М. 1989, с. 103 сл.

и «малых» ХКТ, или ХКТ «второго порядка», и соответствующих им социально-экономических укладов. Исторические преобразования с изменением условий хозяйственной деятельности и образа жизни общества, его организации и разделения труда (а как следствие — и изменение в формах собственности и производственных отношениях) влекут за собою в конечном счете наряду с другими социально-экономическими, а также прочими факторами смену способа производства.

Однако это отнюдь не означает, что можно поставить знак равенства между категориями «способ производства» и «ХКТ». Первое понятие значительно шире, чем второе, оно включает больше специальных показателей, и, что особенно существенно, отмеченная выше недостаточная разработанность основных критериев выделения ХКТ имеет следствием их неравноценность в качественном смысле. Поэтому если отдельные, наиболее фундаментальные ХКТ «первого порядка» или группы ХКТ могут быть непосредственно сопоставлены со способами производства, то большинство их в лучшем случае связано с второстепенными социально-экономическими укладами. То есть только в том случае, если тот или иной ХКТ лежит в основе ведущего в способе производства социально-экономического уклада, можно говорить о некоторой идентичности ХКТ и способа производства. Если же то, что предлагается рассматривать как ХКТ, характеризует лишь второстепенный социально-экономический уклад, то в таком случае речь идет о подтипе, «малом» ХКТ, или ХКТ «второго порядка», или о его хозяйственной и ландшафтной модификации.

Конечно, число способов производства не может быть ограничено пятью типами. Проблема многообразия способов производства требует прежде всего выработки достаточно представительных критериев, позволяющих выделять фундаментальные (основные) ХКТ «первого порядкв», а соответственно и способы производства в их марксовом понимании. Комплекс признаков, позволяющих считать материальное производство общества и его социальную структуру самостоятельным ХКТ «первого порядка», должен отвечать ряду условий. Одним из наиболее существенных следует считать устойчивость во времени и универсальность распространенности в сходных условиях среды при одинаковом уровне социального развития. Таким образом, число ХКТ «первого порядка» резко ограничивается, а различные локальные или переходные формы могут относиться к подтипам, ХКТ «второго порядка» или даже к их хозяйственным или природно-ландшафтным разновидностям.

Характер материального производства в том или ином ХКТ должен строго соответствовать определенной структуре социальных отношений и общественной организации, и только в комплексе они образуют устойчивый ХКТ, повторяющийся в сходных условиях среды. Наконец, определение характера материального производства, доставляющего средства существования, надо основывать не на второстепенных признаках н нюансах хозяйственной деятельности, а на ее комплексе, и прежде всего на том, что является главным в добывании средств к существованию и материальных жизненных благ. Именно при таких условиях ХКТ может действительно лежать в основе способа производства.

Особенно сложна систематика «основных», фундаментальных, ХКТ «первого порядка» и локальных, «малых», их подтипов применительно к первичной общественно-экономической формации, эпохам господства присваивающего хозяйства (охоты, рыболовства, собирательства) и перехода к производящей деятельности. Трудности заключаются прежде всего в огромной хронологической протяженности этого этапа истории (от времени позднего палеолита до так называемой неолитической революции) и в недостатке наших знаний о ранних периодах хозяйственной деятельности человека.

В рамках первичной, первобытнообщинной социально-экономической формации возникли прежде всего ХКТ с преобладающей экономической ролью охоты, собирательства и отчасти рыболовства. Эти ХКТ с «присваивающими» формами хозяйственной деятельности характеризуются в основном высокой подвижностью образа жизни, скудностью материальной культуры, архаичностью социальных структур, отсутствием институтов формальной власти, первобытными верованиями и системами ценностей, основанными на всеобщем равенстве и коллективном распределении продуктов труда. При разнообразии хозяйственной деятельности в разных экологических условиях и различиях элементов материальной и духовной культуры в рамках ХКТ «второго порядка» (например, между бродячими собирателями-охотниками жаркого пояса и полуоседлыми арктическими охотниками на морского зверя) можно наблюдать определенную однотипность социальных основ их существования.

К таким универсалиям относится гибкость социальной организации, ядром которой была охотничье-собирательская община в виде локальной группы или рода, ее внутренняя мобильность, подвижность и оседлость, периодическое распадение общины на хозяйственные и целевые группы, зависимость численности и относительной стабильности общины от условий производства, общинное владение землей, сочетание коллективизма с элементами социальной неоднородности. Возможность развития производительных сил при этом способе производства ограниченна, прибавочный продукт незначителен, нет экономической основы для заметного имущественного неравенства (за некоторым исключением), а тем более для образования классов.

Общие закономерности хозяйственно-культурного и социального развития человечества определяли формирование сходных ХКТ и однотипных социальных структур в Старом и Новом Свете. В экстремальных природных условиях жаркого и холодного поясов устойчиво сохранялся архаический способ производства. В теплом (субтропическом) поясе, где на рубеже мезолитической и неолитической эпох остро проявился кризис традиционного хозяйства, охотники и собиратели были вынуждены переходить к более интенсивному использованию природных ресурсов, совершенствуя технологическую основу жизнеобеспечения. Приручение, а затем одомашнение животных, культивация растений положили начало переходу к производящему хозяйству, завершившемуся так называемой неолитической революцией — длительным и сложным процессом, в ходе которого традиционное присваивающее хозяйство сменилось производящим (в виде земледелия и подсобного животноводства).

На протяжении тысячелетий формируется широкая группа ХКТ ручного (палочно-мотыжного) земледелия и пастушеского скотоводства. Мотыжные земледельцы и скотоводы-земледельцы с подсобными занятиями — охотой и рыболовством — до сих пор существуют в жарком поясе Африки, Азии и Америки. ХКТ этой группы во всех отношениях представляют значительный шаг вперед по сравнению с типами первой группы. Повысилась производительность труда и появилась возможность некоторого накопления избыточного продукта: у земледельцев — растительных продуктов и материалов, у ранних животноводов — скота. Намечается и усложнение социальных структур. Развивается ремесленная деятельность, усиливается обмен. Усложнение разделения труда и общественного производства, появление эксплуатации повлекли за собой преобразование социальных структур. С распространением металла в древнеземледельческих поселениях зародились инди-

видуальные формы хозяйствования, имущественное неравенство и новые формы собственности, которые вступили в противоречие с общинными, коллективистскими социальными отношениями.

Именно эти процессы усложнения разделения труда приводят на рубеже IV и III тыс. до н. э. к «городской революции», древнейшим государственным образованиям и формированию очагов мировой цивилизации: городам-государствам Шумера и Древнего Египта, позже древнеиндийского и древнекитайского государств в Старом Свете, а также государств в конце I тыс. до н. э. в Новом Свете. В городах стали заметны процессы выделения ремесла в особую отрасль хозяйства и отделения его от земледелия, выделения торговли в самостоятельную сферу деятельности, разделения труда физического и умственного, управленческих функций и исполнительских, формирования сословных различий между отдельными группами горожан (государственных чиновников, жрецов, ремесленников и т. д.).

Человечество вступило в эпоху классовых обществ, когда ведущими факторами исторического прогресса становятся внутренние противоречия: бурные социальные коллизии, классовая борьба, конфликты между общиной и формирующейся государственной властью, военные и политические противоборства государств.

В недрах древних государств Старого Света сформировался ХКТ оседлых пашенных земледельцев, зона которого к I тыс. до н. э. заняла широкую полосу от Гибралтара до Тихого океана, захватывая области субтропического и отчасти тропического земледелия и земледельческой культуры умеренного пояса на севере. С этого времени формируются новые центры всемирно-исторического развития. В Южной Европе складывается цивилизация Древней Греции и Рима, где основой сельского хозяйства стало неполивное плужное земледелие с железными орудиями труда, а в социальных отношениях преобладали рабовладельческие.

Крушение древних рабовладельческих государств Старого Света было подготовлено в первой половине I тыс. внутренними социальными коллизиями и внешними силами. На историческую арену выступили народы, хозяйственную основу жизни которых составило кочевое скотоводство, а социальные отношения характеризовались особым патриархально-номадным, или «кочевым», способом производства. В нем особенно ярко проявилась хозяйственно-культурная специфика, а сам ХКТ кочевников и полукочевников-скотоводов аридной зоны следует рассматривать как ХКТ «первого порядка». Кочевой образ жизни наложил глубокий отпечаток на всю материальную и духовную культуру кочевников Евразии — от монголов на востоке до кочевых арабов и берберов Сахары на западе. Можно говорить о природно-ландшафтных и историко-культурных модификациях этого ХКТ в пределах обширной аридной зоны.

На просторах Евразии и Северной Африки военные миграции кочевников вызвали «цепную реакцию» Великого переселения народов и оказали огромное влияние на исторические судьбы древних государств. В средние века в Европе общинное плужное земледелие, пройдя несколько этапов (подсечно-огневое в лесной зоне и переложное в лесостепной, двухполье, трехполье), с развитием мелкого индивидуального производства (как в сельском хозяйстве, так и в ремесле) стало хозяйственной базой европейского феодализма, а позже и капитализма. На периферии Старого Света и в Новом Свете в экологических условиях экваториальных лесов, тропических пустынь и полупустынь, таежных лесов, арктических тундр и побережий продолжали вплоть до нового времени существовать присваивающие формы хозяйства и архаические социальные структуры.

Промышленная революция, сопровождавшаяся становлением капитализма, деформировала и разрушала многие ХКТ, сохранившиеся от предшествующих исторических эпох.

Современное многообразие хозяйственно-культурных различий народов мира отражает историю ХКТ как определенных ступеней прогресса человечества в конкретной географической среде.

Таким образом, есть возможность соотнести хозяйственно-культурные типы «первого порядка» со способами производства, а на основе этого — способы производства с общественно-экономическими формациями. При этом под формацией понимается совокупность схожих по наиболее фундаментальным социально-экономическим признакам способов производства, существующих в пространстве и времени. Высказываемые по этому поводу гипотезы сведены в двух таблицах: низшего уровня — синхронистической таблице хозяйственно-культурных типов и способов производства и высшего — в структурной схеме способов производства и общественно-экономических формаций.

К одному способу производства относится, за отдельным исключением, не один, а несколько ХКТ, сходных по основным, наиболее существенным признакам: уровень разделения труда, степень экстенсивности или интенсивности хозяйства, состояние социальных отношений и общественной организации. На тех же основаниях в одну общественно-экономическую формацию включается в отдельных случаях несколько способов производства.

К архаическому, первобытно-присваивающему способу производства нами отнесены восемь ХКТ, что, однако, в известной мере условно, так как между ними есть существенные различия (см. табл. 2). Особенно это касается ХКТ бродячих охотников и собирателей тропиков, чья культура, хотя и условно, может быть отнесена к мезолитически-неолитической стадии, и ХКТ значительно более развитых охотников, рыболовов, собирателей, знакомых с зачатками земледелия и животноводства, горячей обработкой металла, имеющих более или менее развитое имущественное и социальное расслоение. В связи с этим можно поставить вопрос о выделении «бродячего» ХКТ тропиков в особый, «архаический», способ производства. Остальные семь ХКТ могут быть в таком случае отнесены к «первобытно-присваивающему» способу производства. Несколько ХКТ могут быть включены в «первобытно-производящий» способ производства. Первобытно-присваивающий и первобытно-производящий способы производства образуют первобытно-общинную общественно-экономическую формацию (см. табл. 1).

Имеющиеся фактические данные позволяют выдвинуть гипотезу о наличии особой, «варварской», общественно-экономической формации, включающей патриархально-пастушеский, африканский, варварский и номадный ХКТ и способы производства. При наличии существенных общих черт, заключающихся в предклассовом уровне социально-экономического развития, патриархально-общинной общественной организации, между этими ХКТ и способами производства имеются немалые различия в хозяйстве и социальной структуре.

Что касается способов производства и социально-экономических формаций вторичной эпохи, то здесь они специально не рассматриваются и показаны в таблицах 1 и 2 соответственно с теми существующими в литературе взглядами, которые представляются наиболее верными.

В истории хозяйственно-культурных типов и способов производства совсем не обязательно существовала эволюционная преемственность и последовательность, предусматривавшаяся предложенной Сталиным чисто эволюционистской схемой. Так же, как Русь, минуя рабовладение, перешла из варварского состояния к феодализму, так и многие

ХКТ и способы производства развивались параллельно. Из бродячей охоты и собирательства или номадизма спонтанно не развивалось земледелие. Если представители этих ХКТ и способов производства переходили к нему, то это происходило не в ходе саморазвития, а вопреки ему, часто вынужденно, вследствие кризисной экологической ситуации или под воздействием случайных исторических и политических обстоятельств. То же происходило и с рядом других ХКТ и способов производства.

Многие из них были вообще тупиковыми, значит, в их недрах не существовало предпосылок для дальнейшего развития, для перехода от экстенсивных способов хозяйствования к интенсивным и к высшим формам социальных отношений. Такого рода тупиковые ХКТ и способы

Таблица 1

Структурная схема способов производства и общественно-экономических формаций

Первичная эпоха
(первичная формация)

Первобытнообщинная общественно-экономическая формация

Первобытно-присваивающий способ производства

Первобытно-производящий способ производства

Варварская общественно-экономическая формация

Патриархально-пастушеский способ производства

Африканский способ производства

Варварский «европейский» (дофеодальный по А. И. Неусыхину) способ производства

Номадный способ производства

Вторичная эпоха
(вторичная формация)

«Азиатская» общественно-экономическая формация

Деспотический общинно-государственный способ производства

«Античная» общественно-экономическая формация

Рабовладельческий способ производства

Феодальная общественно-экономическая формация

Феодальный способ производства

Индустриальный период
(капитализм, социализм)

Таблица 2

Синхронистическая таблица хозяйственно-культурных типов и способов производства

Общественно-экономическая формация	Эпоха развития хозяйства	Хозяйственно-культурный тип	Способ производства
Первичная	Присваивающая	1. Бродячая охота и собирательство тропиков 2. Специализированная охота и собирательство тропиков 3. Охота, рыболовство, собирательство умеренного пояса 4. Пешая таежная охота 5. Арктическая охота на морского зверя 6. Прибрежное рыболовство и собирательство 7. Оленная охота 8. Охота, рыболовство, собирательство с зачатками земледелия и животноводства	Архаический, первобытно-присваивающий
	Производящая	1. Комплексное хозяйство ранних земледельцев субтропиков 2. Земледелие и животноводство умеренного пояса 3. Оленеводство тайги и тундры 4. Ручное земледелие тропиков	Первобытно-производящий
		Пастушеское скотоводство и земледелие	Патриархально-пастушеский
		Кочевое и полукочевое скотоводство	Номадный
		Традиционное земледелие и животноводство предгосударственных обществ Африки	Африканский
		Земледелие и животноводство лесной и лесостепной зоны Европы	Варварский (дофеодальный по А. И. Неусыхину)
Вторичная	Производящая	Плужное и ручное земледелие древних цивилизаций тропиков и субтропиков Северной Африки, Западной, Южной, Юго-Восточной и Восточной Азии, Центральной и Южной Америки	«Азиатский», или общинно-государственный деспотический
		Плужное и ручное земледелие древней Греции и Рима	Рабовладельческий
		1. Плужное земледелие средней полосы 2. Средневековое ручное и плужное земледелие в государствах Азии и Африки 3. Средневековый ремесленно-торговый городской	Феодальный

производства либо вообще исчезли с мировой арены, либо их представители, порывая полностью с традиционным образом жизни, переходили вследствие разного рода внешних воздействий к совершенно иным ХКТ и способам производства.

КЛАССЫ И ПРОБЛЕМЫ КЛАССОВОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ 20-х ГОДОВ

Шейла Фицпатрик

Для детального марксистского изучения советского общества нэп был периодом взлета. «Огромное значение, согласно своей программе, коммунистические деятели придают классовым отношениям,— отмечали современники.— Во многих отношениях проводится классовый принцип. Часто приходится говорить и о деклассировании, о деклассированных группах... Масса деклассированных,.. масса потерявших свое резко выраженное классовое обличье, масса социальных осколков» [1]. Статистики собирали сведения о классовом составе всех общественных институтов и организаций, включая компартию. Прилежно анализировалось крестьянство, чтобы выяснить принадлежность к классовым категориям «бедняка», «середняка», «кулака». Исследовалось социальное происхождение государственных служащих и студентов, и данные об этом сводились в таблицы и диаграммы. Статистический отдел ЦК партии издавал руководства, позволявшие выявить соотношение рода занятий и классовой принадлежности: могильщики и шоферы, например, были «пролетариями», а домашняя прислуга, носильщики, продавцы принадлежали к «младшему обслуживающему персоналу» [2].

Столь широкий сбор социологических данных объяснялся не только стремлением ученых удовлетворить свою любознательность. В этой информации нуждалась и партия, чтобы создать свое, основанное на классовой дискриминации законодательство, затрагивающее повседневную жизнь людей и их социальное положение в новом обществе. Классовая принадлежность и социальное происхождение были аргументами при решении многих практических вопросов: поступление в вузы, распределение пайков, получение жилья [3]. Представители «чуждых» общественных классов, включая частных торговцев, рантье и кулаков, в соответствии с принятой в 1918 г. Конституцией РСФСР не имели даже права голоса, и местные власти могли по своему усмотрению расширять ряды лишенных этого права («лишенцев») за счет лиц с «подозрительным» социальным и политическим происхождением [4].

Большевики считали, что подобная информация о классовой структуре российского общества имела существенное значение по политическим причинам. Без информации о балансе классовых сил революционный режим не мог оценить свои возможности и отличить друзей от врагов. Поскольку характер режима определялся как диктатура пролетариата, естественными источниками его поддержки в обществе были пролетариат и беднейшее крестьянство (беднота), а врагами — буржуазия, остатки старой аристократии, кулаки. Этот марксистский подход к политике сослужил большевикам хорошую службу в 1917 г., когда городское общество было разделено на «имущую» буржуазию и «неимущий» пролетариат, а крестьяне захватывали землю и изгоняли дворян-землевладельцев из деревни.

В 1921 г., однако, сложилась иная картина. Память о классовой поляризации пустила глубокие корни, пыл революционной классовой войны несколько охладел, но структура общества была разрушена: старые имущие классы распались, даже пролетариат почти исчез со сцены. Великая поляризация пролетариата и буржуазии превратилась в поляризацию теней и суррогатов. Первая мировая война, революция, гражданская война и голод 1914—1923 гг. были главными причинами разрушения классовой структуры. Землевладельческое дворянство и буржуазия были уничтожены как классы в результате революционной экспроприации и эмиграции. Старую бюрократическую элиту в результате падения царского режима постигла та же судьба. Нарождавшаяся под воздействием столыпинских аграрных реформ классовая дифференциация крестьянства была сведена на нет, по крайней мере временно, стихийным «черным переделом» 1917—1918 гг. и возрождением крестьянской общины.

С точки зрения большевиков, самым худшим было то, что рабочий класс, потрепанный голодом и закрытием промышленных предприятий и шахт, раскололся и рассеялся во время гражданской войны. Более миллиона рабочих уехали в деревню и превратились в крестьян [5]. Сотни тысяч рабочих вступили в Красную Армию или покинули заводы, чтобы занять управленческие и административные должности в новых органах государственного управления; другие представители этого класса стали ремесленниками и мелкими торговцами на черном рынке.

«Эффект деклассирования» коснулся не только фабрично-заводских рабочих. В вихре революции миллионы граждан бывшей Российской империи находились в процессе передвижения — от одного рода занятий к другому, с места на место, от одного социального статуса к другому, от старой жизни к (возможно) новой. Как только в 1923—1924 гг. демографический и общественный хаос стал утихать, советские чиновники, социологи и статистики попытались оценить новую ситуацию, уделяя особое внимание классовой структуре общества и классовой принадлежности отдельных лиц. Задача оказалась трудной.

В Перми в 1924 г. попытка определить классовую принадлежность студентов университета дала чрезвычайно запутанные и неопределенные результаты, которые поставили должностных лиц, занимавшихся этими исследованиями, в тупик: «Чем занимались ваши родители раньше?». «Мой отец рабочий, вот удостоверение». В удостоверении

ФИЦПАТРИК Шейла — профессор Техасского университета (Остин, США). Автор книг «Образование и социальная мобильность в Советском Союзе. 1921—1932», «Культурная революция в России. 1928—1931» и др.

[1] Правда, 1926, № 144; Селищев А. М. Язык революционной эпохи. М. 1928, с. 105.

[2] Словарь занятий лиц наемного труда. М. 1928.

[3] Подробнее см.: Kimerling E. Civil Rights and Social Policy in Soviet Russia, 1918—1936.— Russian Review, Vol. 41, № 1 (January 1982).

[4] Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР, 1924, № 71, с. 695.

[5] Это было интеллектуальным и политическим ударом для большевиков, так как в своих действиях они исходили из того, что, хотя большую часть рабочей силы в промышленности составляют недавние выходцы из деревни и крестьяне-отходники, в России существует «зрелый» рабочий класс, по существу, изолированный от крестьянства.

20-летней давности значится: рабочий, слесарь депо К° Зингер. «А чем занимался в 18-м году?». «Он служил здесь пекарем, был в артели пекарей. Работали на собес, здесь, в Перми. Вот справка». «Гм, слесарь и пекарь,— недоумевает регистратор.— А дальше... чем он занимался?». «В Томске АРА (American Relief Assosiation) предложила папе место инспектора в Перми... Инспектором АРА он служил до 23-го года. Вот удостоверение. А потом был год безработным». «А теперь чем он занимается?» «Сейчас поступил на службу. Вот справка биржи труда». Читают: направляется по требованию частного предпринимателя «заведовать делом». «А какое дело у этого предпринимателя?» «Кондитерское заведение». «Какая, однако, метаморфоза: слесарь, пекарь, инспектор АРА, кондитер...» [6].

Такая степень профессиональной и социальной мобильности сбивала с толку социологов, пугала тех, кого это касалось. Считал ли себя отец той студентки-пермячки временно деклассированным пролетарием или новобранцем в рядах мелкобуржуазных «белых воротничков»? Разделяла ли его представление о своем месте в обществе его дочь, которая должна была назвать себя представительницей пролетариата, чтобы остаться в вузе? Если она убедила опрашивавшего ее чиновника-регистратора, могла ли она впредь чувствовать себя пролетарием? А если ей это не удалось, согласилась бы она принадлежать к классу мелкой буржуазии?

Большевики и проблема пролетарской принадлежности. Наиболее желательная классовая принадлежность в нэповской России — пролетарская; по этой причине она более всего подвергалась сомнению. Большевистская партия определяла себя как партию пролетариата, а события Октября — как пролетарскую революцию. Промышленный рабочий класс в большинстве своем в Октябре поддержал большевиков, которые предполагали, что этот класс обеспечит и необходимую общественную поддержку новому революционному режиму — диктатуре пролетариата. Но что будет, если этого не произойдет?

В 1920 и 1921 г. большевики претерпели двойное бедствие. Во-первых, класс промышленных рабочих в массе своей распался. Во-вторых, многие из оставшихся рабочих отвернулись от большевиков, свидетельством чему стали забастовки в Петрограде и восстание в Кронштадте. Внутри партии «рабочая оппозиция» бросила заметный (хотя безуспешный) вызов большевистскому руководству.

Возник кратковременный «кризис доверия» — члены партийного руководства (включая Ленина) находились на грани разочарования российским рабочим классом [7]. Однако для партии оказалось невозможным отказаться от связи с ним. Большинство ее членов были до революции рабочими и причисляли себя к пролетариям. Партийные интеллектуалы, которые зачастую считали, что, став революционерами, отождествили себя с пролетариатом, почувствовали себя эмоционально связанными. Более того, они сознавали, что с точки зрения марксизма находятся в затруднительном положении: если пролетариат больше не является источником поддержки, то на какой класс смогут опереться партия и Советы? На этот вопрос не было приемлемого ответа [8].

[6] Ш-р и н В. Чистят (с натуры и по официальным документам).— Красная молодежь, 1924, № 2, с. 126.

[7] См. Slavic Review, 1988, № 4.

[8] «Получается нелепое положение: мы оказываемся над пропастью, между рабочим классом, который заражен мелкобуржуазными предрассудками, и крестьянством, которое по существу мелкобуржуазно; нельзя же опираться на одно советское и партийное чиновничество?.. Тут нужно констатировать отрыв определенных частей нашей партии от рабочего класса. Наша партия перестает быть рабочей партией» (Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г. Стеногр. отч. М. 1963, с. 74, выступление Ю. Милонова).

Партия осталась пролетарской по самоопределению, и в начале 1924 г., с объявлением массового набора рабочих в партию, известного как «ленинский призыв», партийное руководство сделало все, чтобы эта посылка стала реальностью. Для большевиков, однако, слова «пролетарий» и «рабочий» не были просто синонимами. Настоящи пролетарии, по их убеждению, должны были иметь классовое сознание, что означало преданность революции и большевистской партии. В начале 20-х годов было много рабочих, которые не выдерживали этой проверки и считались «случайным элементом» в рабочем классе, людьми, чьи умонастроения были в основе своей крестьянскими или мелкобуржуазными.

Существовало также все увеличивающееся число «пролетариев» (часто, хотя и не обязательно, большевиков), которые раньше были рабочими по роду занятий и социальному положению, но после революции стали комиссарами и командирами Красной Армии, кадрами новой советской и партийной бюрократии. Большевикам было необходимо различать их и «рабочих от станка», в то же время подчеркивая, что и они, изменив род занятий, продолжают принадлежать к пролетариату. Поэтому в начале 20-х годов при анализе классового состава организаций, включая партию большевиков, использовались две категории определения классовой принадлежности — «до» и «после» революции. Первая категория (социальное положение) базировалась на социальном происхождении и профессии в 1917 г. или в момент вступления в партию большевиков. Второй категорией был род занятий в текущий момент. Исходя из этого, член партии рабочего класса мог быть записан как рабочий по социальному положению и как служащий («белый воротничок») по роду текущих занятий, а тот, кто был крестьянином в момент вступления в партию — как крестьянин по первой категории и как рабочий по второй [9].

Цели, преследуемые большевиками, делали первую категорию решающей. С их точки зрения, главной чертой классовой принадлежности было то, что она определяла политическую позицию: если кто-либо накануне революции принадлежал к эксплуатирующим классам, то, скорее всего, он стал бы сожалеть об уничтожении старого режима и неприязненно относиться к большевикам; принадлежность же человека к эксплуатируемым классам как бы предопределяла его позицию — выступление на стороне большевиков и революции.

В отношении первой категории оставалась нерешенной важная проблема, поскольку социальное происхождение и дореволюционная профессия не всегда совпадали. Многие рабочие родились и провели ранние годы жизни в деревне. При вступлении в партию социальное положение каждого из них определялось как пролетарское. Но к какой категории принадлежал бывший рабочий, уроженец деревни, который стал красным директором или партийным секретарем? Ответ был: к пролетариям, даже если провел менее 10 из 30 лет жизни на фабрике или заводе в качестве рабочего [10]. Таких случаев было много, и большевики выработали понятие «образующий пролетарский опыт» как определяющий фактор классовой позиции. Будучи рабочим, этот опыт, конечно, можно было приобрести. Но в 20-е годы участие в Октябрьской революции или служба в Красной Армии в качестве добровольца во время гражданской войны обычно рассматривались как приемлемая

[9] Социальный и национальный состав ВКП(б). Итоги Всесоюзной партийной переписи 1927 г. М. 1928.

[10] В апреле 1929 г. на дискуссии в Президиуме ВЦСПС о трудовой дисциплине и пролетарской принадлежности предлагалось считать «старыми» кадрами рабочих с производственным стажем пять лет (Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР) СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 14. л. 163).

замена пролетарского опыта, по крайней мере для людей, принадлежавших к низшим классам города и деревни. Молодой человек провинциального, возможно, крестьянского происхождения, мог законно претендовать на то, чтобы его приняли на рабфак (по замыслу специфически пролетарскую организацию): «Почему же меня не принимают? Я служил в Красной Армии добровольцем, я достоин, я заслужил рабфак» [11].

Принадлежность к пролетариату и рабочему классу. Когда рабочие дореволюционного поколения говорили о себе как о пролетариях, это было признаком роста их сознательности в результате общения с большевиками или другими революционерами-интеллектуалами. Слово «пролетарий» (иногда заменялось словом «рабочий») чаще всего использовалось для обозначения определенного типа рабочего — того, кто состоял в рабочих организациях и участвовал в протестах, отождествлял себя с коллективом рабочих завода, фабрики, мастерской, депо и т. д. и сознавал, что капиталисты — классовые враги, а самодержавное государство — их союзник.

В 20-е годы, говоря о пролетариате, большевики все еще думали прежде всего о типе рабочего, «закаленного в революционной борьбе». Но она завершилась, и этот вид пролетарской сознательности нельзя было возродить в будущих поколениях. Более того, к концу нэпа менее 10% промышленных рабочих были «старыми кадрами, прошедшими школу революции и гражданской войны» [12]. По мере того как большевики постепенно заменяли идею о пролетарской сознательности представлением о революционной и в конечном счете гражданской ответственности, расстояние между идеальным пролетарием и фактически существовавшим рабочим становилось все больше.

С возрождением промышленности и изменением состава рабочего класса в 20-х годах в его среде возникли новые умонастроения, а старые возродились в новых формах. Одной из узнаваемых характеристик рабочего класса (но не «пролетариата» в полном смысле слова) времен нэпа было наличие в его среде квалифицированных рабочих, имевших связь с землей. Хотя социологи-марксисты в те годы пытались преуменьшить или оправдать эту связь, она, по всей видимости, укрепилась в годы гражданской войны, когда многие рабочие, включая квалифицированных, вернулись в деревню.

Пожалуй, самой интересной чертой «связи рабочих с землей» в период нэпа являлось то, что это была во многих случаях связь с совершенствующимся фермерским хозяйством. Иногда фермером был сам рабочий-крестьянин [13], иногда — близкий член его семьи. В некоторых отраслях промышленности, таких, как текстильная, целые общины рабочих, например, в Иваново, были вовлечены в дающие доход заниятия сельским хозяйством [14]. Масштабы этого явления были признаны (и то полугласно) только в конце 20-х годов, когда многим квалифицированным рабочим стало угрожать раскулачивание [15].

[11] Ростовский. Хождение по мукам одного рабфаковца.— Молодая гвардия, 1924, № 5, с. 212.

[12] ЦГАОР СССР, ф. 5451, оп. 13, д. 14. л. 163 (замечание К. В. Гея, заседание Президиума ВЦСПС от 12 апреля 1929 г.).

[13] Рабочего И. Е. Князева участие с 1905 г. в революционном движении периодически заставляло возвращаться в свою деревню (Московская губ.), чтобы избежать ареста. В 1917 г., находясь под впечатлением от сельскохозяйственных технологий немецких колонистов, он навсегда вернулся в деревню и стал к середине 20-х годов зажиточным крестьянином-фермером и советским должностным лицом (Ленинградский С. От земли на завод и с завода на землю. М.— Л. 1927).

[14] См. Семенов Н. Лицо фабричных рабочих, проживающих в деревнях, и политпросветработа среди них. М.— Л. 1929.

[15] См., напр., тревожное обсуждение этой проблемы в кн.: Январский объединенный пленум МК ВКП(б) и МКК 6—10 января 1930 г. М. 1930, с. 34; Третья сессия

Другая группа возникающих умонастроений рабочего класса была связана с деятельностью профсоюзного актива. Профсоюзы периода нэпа (их деятельность, как нам представляется, направлялась рабочими-мужчинами среднего возраста, коренными горожанами, которые до революции работали на заводах и фабриках) были обязаны функционировать в рамках системы, но в то же время и защищать трудовые (или профсоюзные) интересы своих членов, противостоять администрации. Поскольку уровень безработицы был высок, профсоюзы предпринимали максимум усилий, чтобы внедрить цеховые правила и ограничить приток крестьян — не членов профсоюза. Направленность деятельности профсоюзов была не только антикрестьянской, но в определенной степени и антиженской, антиподростковой — большинство членов профсоюза полагали, что в работе нуждались прежде всего мужчины-горожане.

На заводах и фабриках между представителями старшего поколения и молодыми рабочими из послереволюционной когорты часто складывались непростые отношения. Первые считали последних неуважительными, самонадеянными, не подчиняющимися коллективной дисциплине. «Ребята не желают иногда подчиняться ни администрации, ни мастеру и никому другому. Если, в целях производства, их переводят в другой цех на худшую работу, они сопротивляются, грозят поколотить за это и мастера, и администрацию. Безусые мальчишки ударяют себя в грудь и орут: «За что мы боролись?!» [16].

Безработица особенно сильно коснулась молодежи. Молодые люди, которым удавалось найти работу на заводе или фабрике, принадлежали, как правило, к образованной и честолюбивой группе, мало отличавшейся в социально-культурном отношении и по политической культуре [17] от своих сверстников-студентов и служащих, сознательно или несознательно стремившихся избежать работы на промышленных предприятиях. Молодые пролетарии были избранной группой в обществе времен нэпа — сменой, новым поколением, будущими строителями социализма. Они были нужны комсомолу и партии в качестве членов и учебным заведениям страны — в качестве студентов для заполнения квот, выделенных для пролетариев. Быть молодым квалифицированным рабочим в 20-х годах значило иметь новый тип пролетарской сознательности — сознательности пролетарского выдвиженца, имеющего потенциальные возможности продвижения вверх.

Буржуазия. В марксистском анализе буржуазия, разумеется, противопоставлялась пролетариату. Ее былую элитарную общественную роль большевики особенно не любили, однако в некотором отношении унаследовали. В советской терминологии 20-х годов слово «буржуазный» относилось к классовому врагу в целом, равно как и к трем ясно различимым социальным группам периода нэпа: бывшим (членам старых привилегированных классов, включавших землевладельческую и бюрократическую аристократию), нэпманам и некоммунистической интеллигенции.

Хотя Россия в годы первой мировой войны, революции и гражданской войны в результате экспроприации и эмиграции утратила бóльшую часть своей дореволюционной элиты, «старая буржуазия» все еще представлялась большевикам угрозой. Причиной этого была вероят-

Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 5-го созыва. 22—28 декабря 1931 г. Стеногр. отч. и постановления. М. 1931, бюлл. 10, с. 13.

[16] Бордадын А. Рабочая молодежь как она есть.— Молодая гвардия, 1926, № 3, с. 102; Лебина Н. Б. Рабочая молодежь Ленинграда. Труд и социальный облик. 1921—1925 годы. Л. 1982.

[17] См.: Антонов С. А. Свет не в окне. М. 1977, с. 19—24, 69—70; Селищев А. М. Ук. соч., с. 198—200.

ность подготовляемого за границей капиталистического реванша. Предполагалось, что оставшиеся в России представители бывших привилегированных классов являются потенциальными союзниками русских эмигрантов и иностранных капиталистов. Большевики опасались влияния «бывших» на советское общество, даже когда они (что было чаще всего) занимали скромное положение, сторонились политики и пытались скрыть свое прошлое. Их детей также рассматривали как возможный источник разложения и не принимали в пионеры[18], в комсомол и, по возможности, в высшие учебные заведения.

Нэпманы — «новая буржуазия», состоявшая из частных предпринимателей, порожденных нэпом,— также воспринимались с недоверием и подозрительностью. Подобно бывшим, они не стремились к политической деятельности, но большевики рассматривали их как потенциальных претендентов на власть и будущих руководителей движения за возврат к капитализму; их сдержанность считалась признаком коварства. Хотя деятельность нэпманов уже не была незаконной (как во времена «военного коммунизма»), это обстоятельство не способствовало росту социальной терпимости по отношению к ним. Нэпмана часто изображали карикатурно, как жирного и жадного эксплуататора: «Весь «цвет» ленинградских нэпманов собирался по вечерам в Саду отдыха. По аллеям с важным видом в сопровождении разодетых, раскормленных, на диво выхоленных жен ходили сахарные, шоколадные и мануфактурные «короли» [19].

Думается, что большинство нэпманов были выскочками, а не выходцами из старых купеческих и капиталистических деловых кругов[20]. Тем не менее возможность возникновения связей между нэпманами и членами старых элитарных групп бдительно контролировалась, и один наблюдатель (следователь по уголовным делам) утверждал, что «ленинградские нэпманы охотно женились на невестах с княжескими и графскими титулами и в своем образе жизни и манерах всячески подражали старому петербургскому «свету» [21]. Еще более тревожной и вероятной была опасность сближения между нэпманами и новоиспеченной советской элитой. Выгодная предпринимательская деятельность могла развернуться между государственным и частным секторами, и нэпман, выступавший в качестве «толкача», был ценным деловым знакомым для большевистских управляющих и промышленных чиновников.

Образованных профессионалов (представителей интеллигенции) также относили к «буржуазии», если только они не доказали обратного, вступив в партию большевиков до революции. Большевики определяли интеллигенцию термином «буржуазные специалисты». Он имел ироничеcкий оттенок, так как исторически русская интеллигенция выступала с радикальных позиций, гордилась тем, что стоит выше своего класса, и с презрением относилась к торговой буржуазии, как к обывателям. До революции интеллигенция была одной из элитарных групп общества. В отличие от других слоев дореволюционной элиты ей, несмотря на антипатию к большевизму, удалось в ходе революции и гражданской войны в какой-то степени сохранить целостность своей группы и острое сознание принадлежности к ней. У большевиков были

[18] Так, напр., случилось с юной Лидией Толстой, которой отказали в приеме в пионеры из-за того, что ее бабушка, вдова адмирала императорского флота, говорила по-французски и была «из бывших» (см. Либединская Л. Зеленая лампа. Воспоминания. М. 1966, с. 48—60).

[19] Шейнин Л. Записки следователя. М. 1986, с. 30.

[20] Изменения социальной структуры советского общества. 1921 — середина 30-х годов. М. 1979, с. 116—117; Трифонов И. Я. Классы и классовая борьба в СССР в начале нэпа (1921—1925 гг.). Ч. 2. Л. 1969, с. 70—71.

[21] Шейнин Л. Ук. соч., с. 158.

определенные причины опасаться интеллигенции как конкурирующего с ними жизнеспособного слоя с претензиями на нравственное, если не политическое, руководство обществом.

В 20-х годах «буржуазные специалисты» оставались относительно привилегированной группой, поскольку большевистские руководители пришли к заключению, что их профессиональные навыки были незаменимы. Но эта позиция не имела поддержки у рядовых членов партии или сочувствовавших ей представителей низших классов города. «Буржуазные специалисты» часто воспринимались как слабо замаскированные классовые враги. «Какие привилегии ни давай, а выходит по пословице: «Сколько волка ни корми, он все в лес глядит»,— жаловался один рабочий-депутат[22].

«Слово «интеллигент» становится ругательным» [23],— с тревогой отмечал в середине 20-х годов старый большевик-интеллектуал. Термин «интеллигентщина» с недвусмысленным уничижительным оттенком широко использовался, особенно в комсомольских кругах, для описания либеральных, нерешительных, слабых, лишенных большевистской «твердости» настроений. Отношение многих вышедших из низших слоев общества большевиков к интеллигенции хорошо передано в следующих словах: «Отвратительный тип отживающего класса, подхалим. Он сегодня пожимает руку нашему партийцу и старается низко ему поклониться, а на самом деле до глубины души ненавидит этого коммуниста, ненавидит все коммунистическое, все, что насаждают рабочий класс и партия» [24].

Тревога большевиков по поводу обуржуазивания и перерождения. Большевики в 20-е годы часто использовали «генеалогический» подход к классам, хотя это и расстраивало партийных интеллектуалов[25]. Если ты был капиталистом, ты им останешься навсегда — вот в чем суть такого подхода на практике. Но это не означало, что представители других классов не могли услышать песню буржуазных сирен. Большевики считали, что их революция прервала естественное движение общества по капиталистическому пути, и постоянно были настороже на случай его стихийного возвращения на этот путь. «Буржуазное» и «мелкобуржуазное» влияние было повсюду, представители любого общественного класса (даже коммунисты) вполне могли быть ему подвержены.

У партии имелись серьезные причины опасаться обуржуазивания своих кадров. Взяв власть, большевики рисковали унаследовать вместе с нею и образ жизни свергнутых классов. В 20-х годах это изображалось как угроза перерождения, то есть потери партией преданности делу революции. Большевики полагали, что оно может произойти под влиянием разлагающего воздействия на партийные кадры «бывших», нэпманов и буржуазных интеллектуалов или вследствие деловых связей с мировым капиталистическим окружением[26].

Нэпманы могли способствовать разложению советских должност-

[22] Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 5-го созыва, бюлл. 10, с. 13.

[23] Бюллетень VIII Всеукраинской конференции Коммунистической партии (большевиков) Украины. 12—16 мая 1924 г. [Стеногр.]. Харьков. [1924], бюлл. I, с. 64—65.

[24] III Московская областная и II городская конференция ВКП(б), январь 1932. М. 1932, бюлл. 10, с. 11.

[25] «У нас теперь принято делать чуть ли не так, как делают белогвардейцы, когда берут в плен: они смотрят, есть ли мозоли на руках, и, если есть, то это значит настоящий крамольник, большевик» (Десятый съезд РКП(б), с. 105).

[26] В первые годы Советской власти необходимость менять пролетарские бытовые устои при международных контактах очень тревожила большевиков. В 1922 г. рядовые члены партии не могли удержаться от шуток по поводу того, что советским дипломатам на конференции в Лозание пришлось носить фраки — официальную одежду «буржуазии» (Зверев А. Г. Записки министра. М. 1973, с. 43).

ных лиц, с которыми имели деловые контакты, пробуждая в них стремление к «легкой жизни», используя подкуп, всякого рода мелкие услуги, угощения и «подарки». Как уже говорилось выше, опасения эти имели основание. По крайней мере в Москве нэпманы, представители старой интеллигенции и партийные руководители смешивались в ресторанном обществе, и вполне разумно предположить, что в этой среде «буржуазные ценности» воздействовали именно на коммунистов.

Большевики боялись также перерождения кадров в результате служебных контактов с буржуазными специалистами. Предполагалось, что кадры будут чувствовать себя в невыгодном положении, так как «спецы» больше знают дело, и начнут подражать последним, усваивать их образ жизни.

Семейная жизнь также таила в себе опасности, если партийные кадры, происходившие из низших классов, брали в жены представительниц старых привилегированных и образованных классов. Такие браки не были редкостью и часто оказывали заметное воздействие на образ жизни мужа-коммуниста: возрастающая склонность к роскоши, крещение детей, социальное взаимодействие с «классово-чуждыми элементами», включая родственников жены, были следствием подобных мезальянсов. Центральная Контрольная Комиссия партии получала много писем с жалобами на коммунистов, вступивших в браки с представителями других классов, например: «Доступно ли старым партийцам иметь свою, часто мещанско-обывательскую (с женой-барынькой и т. д.) личную жизнь?» или «Как реагирует ЦКК на такой вопрос, когда наши члены партии, в особенности ответработники, бросают своих жен-крестьянок и сходятся с поповнами и бывшими женами белых офицеров?» [27].

Председатель ЦКК А. А. Сольц сочувственно относился к беспокойству, которое выражалось в этих жалобах. Он говорил молодым коммунистам: «Сближение с членом враждебного нам лагеря, когда мы являемся господствующим классом,— это должно встречать такое общественное осуждение, что человек должен 30 раз подумать, прежде чем предприиять такое решение... Нужно много раз подумать, прежде чем решиться брать жену из чужого класса» [28].

Классовая структура села. Попытки анализа классовой структуры крестьянства с марксистских позиций обнаружили особые проблемы. «В 1917—18 гг. мы могли до точности определить, кто буржуй, кому не дать слова на сходе, на кого наложить чрезвычайный налог. Имел собственность, эксплуатировал чужой труд, платя за труд несчастные гроши,— значит, буржуй. Имел лавочку, не жил своим трудом, одурманивал нас на гнилой селедке,— значит, буржуй. Ну, а что же нам делать теперь? Частной собственности нет, лавочки нет. Во время гражданской войны у него забрали все. Какой меркой будем мерить буржуя и бедняка теперь?» [29].

Большевики, как и другие русские марксисты, считали, что крестьянство разделено (или находится в процессе разделения) на классы, и кулаки при этом эксплуатируют бедняков, в то время как еще недифференцированные середняки занимают промежуточное положение между двумя полюсами. Этот взгляд на крестьянство и его развитие был подвергнут сомнению в 20-е годы А. В. Чаяновым и другими неопулистами и с тех пор оспаривается рядом западных ученых [30]. Нельзя с уверенностью ответить на вопрос, подтвердило ли бы время его обоснованность [31]. Времени дано не было.

Мы исследуем период в 10—11 лет — между уравнительным перераспределением земли и насильственным возвращением многих появившихся в результате столыпинской аграрной реформы «единоличников» в крестьянские общины в 1917—1918 гг. и коллективизацией и раскулачиванием конца 20-х годов. В то время реальный процесс классовой дифференциации оказывал значительно меньшее воздействие на крестьянское общество, нежели понимание большевиками классовой дифференциации, которое лежало в основе официальной политики и поведения по отношению к крестьянам, прямо влияло на их жизнь.

Термины «бедняк» и «кулак», распространенные и ранее в деревне, после революции сохранили свое старое значение (во всяком случае, до определенного предела), но приобрели и новое под влиянием современных обстоятельств и политики. Советская власть поощряла крестьян-бедняков и карала кулаков. Таким образом, в советской терминологии слово «бедняк» означало как крестьянина, который был союзником Советской власти, так и бедного крестьянина, который в качестве земледельца едва мог свести концы с концами. Соответственно термин «кулак» употреблялся по отношению к зажиточным крестьянам, настроенным против Советской власти, и к тем, кто занимал доминирующие экономические позиции в деревне и эксплуатировал бедных крестьян [32].

В основе идеи большевиков о бедняках и кулаках лежали, в дополнение к экономическим, ярко выраженные политические критерии. Однако поспешным является заключение (которое иногда делали западные исследователи), что термин «бедняк» как политическое понятие никак не связывался с экономическим статусом крестьянина и что экономические бедняки — малоземельные крестьяне, занимавшие маргинальное положение в качестве земледельцев,— были не более склонны поддерживать Советскую власть, чем другие крестьяне. Экономические бедняки могли быть деревенскими лодырями и неудачниками, но они также могли быть трудолюбивыми отходниками, отличавшимися от земледельца-середняка бóльшими связями с городом, осведомленностью об окружающем мире, грамотностью [33] и «современной» направленностью.

Именно последний тип бедняка был естественным союзником Советской власти, хотя большевики полностью этого не сознавали. Следствием существования российского «крестьянского» рабочего класса — этого неиссякаемого источника тревоги для теоретиков марксизма — было то, что в России имелось частично пролетаризированное крестьянство, особенно в нечерноземных губерниях и в отходнических уездах черноземных губерний; бедняки-отходники были пролетариями деревни в буквальном смысле слова.

Появление в жизни деревенского общества несвойственных ему городских черт и нравов давно связывалось с наличием крестьян-отход-

---

[27] Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР, 1927, № 2—3, с. 55.
[28] Комсомольский быт. Сб. М.— Л. 1927, с. 66.
[29] Деревня при нэпе. М. 1924, с. 25 (из письма крестьянина в газету «Беднота»).
[30] См., напр., Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. Lnd. 1968; Shanin T. The Awkward Class. Russia 1910—1925. Oxford. 1972.

[31] Статистические данные тщательно исследуются в кн.: Данилов В. П. Советская доколхозная деревня: социальная структура, социальные отношения. М. 1979, с. 296—321.
[32] Конечно, вопрос о том, были ли отношения между экономически доминирующими и бедными крестьянами во время нэпа полностью или в основном отношениями эксплуататора и эксплуатируемого, является спорным. Некоторые большевики были готовы признать, что кулаки играют в деревне частично положительную роль (защищая и экономически поддерживая бедных крестьян, когда последние нуждались) или по крайней мере что так их могут воспринимать другие крестьяне (Lewin M. Op. cit., pp. 76—77; Большевик, 1928, № 9, с. 79—80).
[33] Данные о грамотности крестьян по РСФСР в 1920 г. показывают, что те из них, кто имел под посевом наименьшие площади (до трех десятин), были заметно более грамотными, чем крестьяне любых других групп (Козлов В. А. Культурная революция и крестьянство. 1921—1927 гг. М. 1983, с. 94).

ников [34]. Во время гражданской войны, когда отходники и рабочие — выходцы из крестьян были вынуждены вернуться в деревню и обработкой земли добывать средства к существованию, часто не имея ни домашних животных, ни крестьянского инвентаря, между вновь прибывшими и старожилами возникало много конфликтов. Вот что писал исследователь о Смоленской губернии начала 20-х годов: «В волости после социалистического землеустройства и уравнительного передела земли произошло некоторое уравнение, и вчерашние кулаки сегодня стали середняками. Одним из таких «неудачников» был крестьянин В. из дер. Тростянки. Он имел три лошади, великолепное хозяйство, а теперь: «Шахтеры все отняли!». «Шахтерами» он называет тех крестьян, которые по бедности раньше ходили в Юзовку, а теперь на едока получили одинаковую с ним долю» [35].

После гражданской войны многие бедняки-отходники вернулись в город, другие остались в деревне либо добровольно, либо потому, что в период нэпа найти работу в городе было трудно. В Саратовской губернии возможность отхода в середине 20-х годов значительно уменьшилась, в результате чего «беднейшее и маломощное крестьянство... было вынуждено оставаться в деревне и вступало в острый конфликт с кулацкой верхушкой» [36]. Демобилизованные солдаты в период нэпа часто оказывались в деревенском обществе в аналогичной ситуации, хотя в отличие от отходников они не были типичными бедняками. Многие из них также усвоили «советское» отношение к происходящему и стремились занять руководящие позиции: «Я теперь человек государственный, не только о своей хате мысль имею, новый я»,— хвастался один из ветеранов гражданской войны. В 1927 г. ветераны Красной Армии составляли более 50% всех председателей российских сельских Советов [37]. Между ними и бывшими сельскими старостами часто возникали конфликты [38].

В деревне, как и в целом в обществе времен нэпа, дореволюционный классовый статус человека имел такое же важное значение, как его классовая принадлежность в данный момент. В 1924 г. газета «Беднота» выясняла мнение читателей-крестьян по вопросу о том, как выявить кулака, поскольку многие бывшие кулаки утратили свое экономическое преимущество, а некоторые бывшие бедняки стали относительно зажиточными благодаря перераспределению земли и своей связи с Советской властью. Откликнувшиеся на призыв газеты крестьяне, как правило, местные активисты, часто бывшие красноармейцы и отходники, враждебно относились к кулакам, даже если их экономические позиции сильно пошатнулись в годы революции.

«Настоящая» (то есть политически значимая) классовая дифференциация в деревне, утверждали эти крестьяне, основывалась не на нынешнем экономическом положении, а на экономических отношениях, существовавших в прошлом, и столыпинские «кулаки-собственники» все еще были классовыми врагами [39]. Редактор «Бедноты» Л. С. Сосновский заключал, что в восприятии крестьян (возможно, правильнее было бы говорить о крестьянских активистах.— *Ш. Ф.*) социально-политические оценки играли решающую роль при определении принадлежности к кулакам: «Может быть, сейчас у данного крестьянина и скота мало, и хозяйство небольшое. Но это — раскулаченный кулак, у которого революция обрезала крылья. В политике он даже более свирепый враг революции, чем тот буржуй, кто нажил сейчас и пользуется нажитым» [40].

Политика Советской власти в период нэпа была направлена на поддержку бедняков и против кулаков. Первых освободили от продналога, у них были преимущества при получении образования, вступлении в комсомол и партию, им должно было отдаваться предпочтение при поступлении на работу в промышленности и при получении канцелярских и управленческих должностей в сельских Советах. Кулаков же наказывали лишением права голоса и посредством налогов, им было недоступно то, на что бедняки имели преимущественное право. К концу нэпа политика дискриминации кулаков приняла еще более суровые формы, положившие начало драматическому росту враждебности, кульминацией которого стало решение Сталина о «ликвидации кулачества как класса» [41].

Потенциальные кулаки в период нэпа прекрасно сознавали свое положение и всячески старались уберечься от наклеивания на них этого ярлыка. Обследование в Сибири того, что читали крестьяне, показало: кулаки покупали преимущественно юридические книги и больше знали о советском Своде законов о земле и Уголовном кодексе, чем большинство местных юристов [42]. Зажиточные крестьяне, опасаясь, что их посчитают за кулаков, часто прибегали к разного рода уверткам, например, нанимались на работу (с лошадью) к безлошадному крестьянину, с тем чтобы сойти за бедняков [43].

Преимущества, которые имел бедняк, порождали любопытные парадоксы. Большевики часто с презрением говорили о мелкобуржуазных устремлениях крестьян, которые «лезут в зажиточные». В действительности, однако, амбициозный крестьянин конца 20-х годов был склонен вести себя иначе. Как остро подметил один из участников дискуссии 1931 г., «сейчас в зажиточные никто не лезет, а все лезут в бедняки, потому что в деревне это стало выгоднее» [44]. Это утверждение хорошо иллюстрирует написанное в 30-е годы в Комиссию партийного контроля письмо колхозницы Е. С. Беловой, в котором она рассказала о своем безупречном прошлом: бедняцкого происхождения, в начале 20-х годов работала в городе, потом вернулась в деревню, где «уже перед коллективизацией достигла положения ниже среднего крестьянского хозяйства Западной области» [45].

---

[34] См., напр., данные по деревне Вирятино (Тамбовская губ.) в конце XIX в. в кн.: Benet S. The Village of Viriatino. N. Y. 1970.

[35] Гагарин А. Хозяйство, жизнь и настроения деревни. М.— Л. 1925, с. 40—41.

[36] Козлов В. А. Ук. соч., с. 105.

[37] Цит. по: Кабытов П. С., Козлов В. А., Литвак Б. Г. Русское крестьянство. Этапы духовного освобождения. М. 1988, с. 137; Козлов В. А. Ук. соч., с. 154.

[38] См.: Резунов М. Сельские Советы и земельные общества. М. 1928; Кукушкин Ю. С. Сельские Советы и классовая борьба в деревне (1921—1932 гг.). М. 1968.

[39] См., напр., письма крестьян С. П. Гречкина (Воронежская губ.), И. Рябого (Гомельская губ.) и Д. Любавского (Новгородская губ.) в кн.: Деревня при нэпе. Кого считать кулаком, кого — тружеником. Что говорят об этом крестьяне. М. 1924, с. 25—26, 48—50, 52—54. Большинство участников дискуссии были из нечерноземных губерний и других областей отходничества; регионы, где экономически кулаки были крепче и скорее всего пережили революционный переворот, сохранив свои фермы (Сибирь, Кубань, отдельные области Украины), были представлены слабо.

[40] Деревня при нэпе, с. 7.

[41] Не преуменьшая ответственности Сталина и Политбюро за принятие этого решения, отметим, что многие местные партийные органы начали раскулачивание по собственной инициативе еще до речи Сталина в декабре 1929 г. (см. Viola L. The Campaign to Eliminate the Kulak as a Class. Winter 1929—1930.— Slavic Review, Vol. 45, № 3, 1986, pp. 513—524).

[42] Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б) 3—7 марта 1928 г. Стеногр. отч. Новосибирск. 1928, вып. 1, с. 21.

[43] О попытках кулаков скрыть свою социальную принадлежность см.: Большевик, 1929, № 12.

[44] Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета Союза ССР 5-го созыва, бюлл. 10, с 13.

[45] Smolensk Archive, WKP 190, p. 26.

Маскировка и разоблачение классовой принадлежности. Нэповская структура поощрения и наказания по классовому признаку порождала у тех, кто принадлежал к «чуждому» классу, искушение скрыть эту принадлежность или придумать новую, что подчас влекло за собой неприкрытую фальсификацию. Однако в условиях текучести российского общества 20-х годов это было связано не столько с фальсификацией, сколько с избирательным использованием индивидуумом разных элементов личной и семейной истории. Бывший дворянин, ныне работающий в качестве специалиста в каком-нибудь государственном учреждении, вполне мог назваться служащим. Дети сельского священника, жена-крестьянка которого обрабатывала семейный надел, хорошо понимали, что принадлежность к крестьянству была для них выгоднее.

Социальное положение индивидуума, как правило, определялось по его собственному заявлению, хотя власти могли запросить подтверждение у местных Советов и работодателей, а заявление, которое не соответствовало внешнему виду и манерам данного лица, могло быть тут же подвергнуто сомнению. Поскольку представители «чуждых» классов не имели права голоса, местные Советы должны были выявлять их и исключать из списков избирателей. Однако пристрастное изучение классового происхождения индивидуума обычно предпринималось только тогда, когда он хотел вступить в комсомол, партию, поступить в среднюю школу или университет или когда проходили периодические чистки в партии и комсомоле, среди студенчества, учащихся средних школ и служащих в учреждениях.

Созидательное создание желаемых типов классовой принадлежности принимало разные формы. Одним из способов достигнуть этого была перемена рода занятий или выбор профессии, отличной от профессии родителей. Дети городских служащих или специалистов нередко «создавали» себе пролетарское происхождение, проработав несколько лет перед поступлением в вуз на заводе. Обычно это делалось из практических соображений, иногда в целях самосохранения [46], однако, как правило, в этом не было цинизма. Для многих подростков периода нэпа идея тяжелого труда на заводе в качестве рабочего имела романтическую окраску.

Другим способом изменения своей классовой принадлежности для молодых людей из «чуждых» классов было усыновление их другом семьи или родственником с лучшими, чем у родителей, общественными характеристиками. Священник добивался усыновления сына дядей — сельским учителем, чтобы юноша мог получить образование [47]. Известен случай, когда учительница усыновила нескольких детей кулака, чтобы они могли продолжить обучение [48]. Родители и их взрослые дети пытались использовать новые общественные связи в своих интересах. Юноша заключил фиктивный трудовой договор с отчимом-кулаком и под видом батрака вступил в комсомол, а потом в партию. Дворянки выходили замуж за рабочих и батраков, и их дети получали новый общественный статус.

Однако эти уловки не всегда спасали детей от дальнейших неприятностей. Например, Л. А. Марецкая (ее мать-дворянка, овдовев, вышла замуж за слесаря) и А. И. Зубов (его бабушка стала женой одного из батраков своего отца-помещика) были исключены из комсомола

[46] Например, юноша из украинской буржуазной семьи, отец которого служил в армии Петлюры, после ареста отца изменил свою социальную принадлежность, став рабочим Харьковского тракторного завода (Hryshko W. I. An Interloper in the Komsomol.— Smolensk Archive, WKP 190, p. 96).

[47] Судебная практика, 1929, № 8, с. 15; см. также: Khvalynsky N. Life in the Countriside. In: Soviet Youth. Twelve Komsomol Histories. Munich. 1959, Ser. I, № 51, pp. 111—114.

[48] Революция и культура, 1929, № 2, с. 55.

за сокрытие «чуждого» социального происхождения в 1937 г., хотя в 1938 г. их восстановили [49].

Изменение классовой принадлежности часто было болезненным вопросом, усиливающим трения, существовавшие в семье. Родители с «несоответствующим» классовым происхождением иногда могли изменить свое социальное положение и шли на это, другие же не внимали призывам детей: «Вот сколь мы ни говорим, ни ругаем старика — брось свое поповство, будет обманывать народ, а он и слышать не хочет. Уперся на своем: вы, говорит, сами по себе, я тоже. Что я буду делать на старости лет, если брошу поповство? Так и не можем уломать его» [50].

В конце 20-х годов, когда давление на детей «социально чуждых элементов» достигло своего пика, некоторые были вынуждены объявлять в прессе об отказе от родителей: «Я, как сын священника, порываю всякую связь с духовным званием. Учитель Юрий Михайловский»; «Я, Евгения Афанасьевна Голубцова, отрекаюсь от отца-псаломщика» [51]. Партийная карьера Вейша была испорчена классовым положением отца — бывшего помощника исправника, дворянина. За сокрытие социального положения и малую активность Вейша исключили из партии. Отношения с отцом обострились настолько, что сын убил его [52].

Подделать или придумать классовое происхождение было относительно легко, но оно часто подвергалось сомнению. Разоблачение скрытого или ложно указанного классового происхождения было широко распространено в 20-е годы и являлось источником постоянной тревоги не только для нэпманов, кулаков, священников и членов бывших дворянских и купеческих фамилий, которые находились под прямой угрозой, но и для служащих, придумавших его или использовавших несопоставимые данные, имевшиеся в их распоряжении.

Лозунг пролетарских писателей «Срывание всех и всяческих масок с действительности» [53] явно имел в виду литературный прием, с помощью которого за социальным типом обнаруживался реальный человек. Однако молодые коммунисты Российской ассоциации пролетарских писателей срывали маски с целью обнаружения классовых врагов, и именно это содействовало их известности и успеху в среде коммунистов 20-х годов. Страх перед скрывающимися врагами и ставшее привычным подозрение, что люди могут быть не теми, за кого себя выдают, были основными элементами политической культуры коммунистов, а в ходе культурной революции первой пятилетки эти черты усугубились [54].

Малообразованным членам партии, помимо всего прочего боявшимся, что их обманывают, запугивают или ими манипулируют люди, превосходящие их по культурному и социальному уровню [55], часто каза-

[49] Smolensk Archive, WKP 386, p. 174 (из обвинения в 1936 г. человека, который сейчас является секретарем райкома); WKP 416, pp. 37, 59.

[50] Из беседы студента Пермского университета с комиссией по чистке в 1924 году.— Красная молодежь, 1924, № 2, с. 127.

[51] Известия, 24.II.1930. Примеры официального «разрыва связей» с «социально-чуждыми» родителями в предшествовавший исследуемому период см.: Судебная практика, 1931, № 16, с. 13; Красная молодежь, 1924, № 2, с. 126.

[52] Работа партколлегии ЦКК ВКП(б).— Бюллетень ЦКК ВКП(б) и НК РКИ СССР и РСФСР, 1927, № 6—7, с. 12—13.

[53] Шешуков С. Неистовые ревнители. Из истории литературной борьбы 20-х годов. М. 1970, с. 153, 276—277.

[54] См. Cultural Revolution in Russia. 1928—1931. Bloomington (Ind.). 1978. Показательные процессы (Шахтинский и Промпартии), в ходе которых в лице буржуазных специалистов «разоблачались» предатели и саботажники, стали как симптомом, так и причиной растущих настроений «классовой бдительности» и недоверия.

[55] Полуграмотная крестьянка — председатель сельсовета Мурашова — рассказала, что дочь бывшего барина принесла ей на подпись документ, но революционный ин-

лось, что партийное руководство периода нэпа недооценивает угрозу, исходящую от скрытых классовых врагов, и они с одобрением отзывались о новой политике усиления бдительности. «В нашем Чалкинском кантоне — сообщила на сессии ВЦИК СССР делегат от Татарии Ахмедзянова,— настоящий кулак Родионов заведовал семенным отделом зернового элеватора. Когда я увидела в исполкоме этого Родионова, то у меня волосы встали дыбом, т. к. я с малолетства у него в батрачестве жила, а мои мать и отец батрачили у него... Секретарь канткома мне говорит, что Родионов с 1918 г. член партии и что он оторвался от кулачества. Я говорю: «Вы арестуйте меня и отнимите партбилет, но я не буду молчать относительно Родионова». В конце концов его в прошлом году раскулачили. Хотя мы мало содействуем нашему ОГПУ, но оно у нас работает очень хорошо и такие явления изживает»[56].

Заключение и послесловие. Проблемы классовой принадлежности были главным предметом озабоченности для партии большевиков и ее сторонников в 20-е годы. Они были важны не только потому, что лежали в основе научного марксистского анализа общества, но также и по не имевшим отношения к науке причинам, связанным с практическими императивами революционной власти. В те годы все еще ставился революционный вопрос: «Союзник или враг?». Во второй половине десятилетия он задавался со все возрастающей настойчивостью и страстью, и в соответствии с посылками большевиков ответ на него должен был даваться с точки зрения классовой принадлежности. В новом обществе класс «союзников» поощрялся, а класс «врагов» ставился в невыгодное положение, с тем чтобы свести на нет его влияние. Это означало, что для отдельного гражданина его официально признанная принадлежность к тому или иному классу имела такое же большое практическое значение, как и для Советской власти.

Тем не менее с точностью установить классовую принадлежность отдельного лица в условиях разрушенной войной и революцией и изменяющейся социальной структуры общества 20-х годов было трудно. Многие изменили свое классовое положение во время и в результате революции. С точки зрения практической политики, считалось, что бывшее (дореволюционное) классовое положение имеет бóльшее значение, нежели положение, занимаемое в данный момент. Бывший дворянин, ныне скромный служащий, все равно считался классовым врагом, а бывший рабочий, ныне красный директор,— пролетарием.

У такого подхода было много преимуществ (среди них простота и обращенность к настроениям народа: негодование, направленное против старых привилегированных классов, стремление отдельных рабочих и крестьян продвинуться вверх по социальной лестнице), но у него было и много недостатков. Он вынуждал отдельных граждан фальсифицировать свое социальное происхождение, что приводило к искажению социологических данных, столь усердно собираемых. Утилитарная политическая направленность этого подхода компрометировала научную основу марксистского анализа. Наиболее серьезным было, пожалуй, то, что настойчивые поиски классовых врагов могли привести к созданию целых «классов врагов Советской власти», которые, вероятно, пополнились бы людьми «чуждого» происхождения. Основной причиной их враждебного отношения к новому порядку было именно то, что он отвергал и унижал их.

Озабоченность по поводу классовой принадлежности достигла апогея в 1929—1932 гг. в ходе ликвидации кулачества как класса, борьбы

стинкт подсказал ей правильный ход. «А если бы я подписала бумажку и приложила бы печать, она что могла бы натворить с этой бумажкой!» (Третья сессия Центрального Исполнительного Комитета 5-го созыва, бюлл. 12, с. 13).

[56] См. там же, бюлл. 7, с. 18.

с нэпманами и кампании за «пролетарскую гегемонию» в культуре (что вело к запугиванию «буржуазных спецов» и интенсивному выдвижению новых специалистов и управленческих кадров из рядов рабочего класса). Для советского общества этот период был временем мощных сдвигов и мобильности, когда миллионы крестьян добровольно или насильственно покидали деревню, с тем чтобы стать частью трудовых ресурсов промышленности, многие жители города меняли социальное положение и род занятий (одни — вследствие новой государственной политики насилия, направленной против «нэповской буржуазии», другие — в ответ на открывающиеся для представителей рабочего класса возможности продвинуться наверх).

Сдвиги, происшедшие в обществе в годы первой пятилетки, уменьшили озабоченность правительства по поводу классов и классовой борьбы. Это было особенно заметно в сфере официальной партийной и государственной политики, отличной от подсознательного отношения коммунистов, находившихся на нижних уровнях аппарата. В середине 30-х годов политика открытой классовой дискриминации (например, при приеме в высшие учебные заведения, в комсомол и в партию) была прекращена. В 1935 г. Сталин, казалось, объявил об изменении в этом направлении, поддержав комбайнера-стахановца, чьи родители были кулаками, заявив, что «сын за отца не отвечает»[57]. В Конституции 1936 г. говорилось о победе над классовыми врагами и констатировалось, что советское общество теперь состоит из двух дружественных классов — рабочего класса и колхозного крестьянства, которые находятся в гармоничном союзе с прослойкой интеллигенции.

Но что же случилось с потерпевшими поражение и рассеявшимися классовыми врагами? По словам наркома юстиции РСФСР Н. В. Крыленко (который отмечал, что пересказывает замечания, сделанные Сталиным), их антисоветское классовое сознание было столь же острым, как и раньше, несмотря на ликвидацию классов, к которым они принадлежали: «Классовый враг... остался в лице живых представителей этих бывших классов... И тысячами нитей связаны представители этих бывших классов со своими оставшимися, еще существующими за границей и продолжающими свою преступную работу друзьями, агентами и руководителями»[58]. Этой формулировке нельзя отказать в реализме. В 20—30-е годы, для которых характерны интенсивная концентрация общественно-политического внимания к классовой принадлежности и необычайная раздробленность и слабость классовой структуры, наиболее сильные проявления «классового сознания» могли быть следствием опыта людей, пострадавших из-за своего классового происхождения.

Высказывания Крыленко о «классовых врагах» могут напомнить читателям разоблачения «врагов народа», которые заполнили страницы советской печати несколькими годами позже. Это сходство не случайно. Лишь один шаг разделял преследование неуловимых «классовых врагов» в 20-е годы и срывание масок со скрытых «врагов народа» в 1937 году. Рьяные преследователи рассуждали одинаково в обоих случаях. Ими двигали бдительность в деле защиты революции; боязнь конспиративных связей между внутренними врагами и врагами Советского Союза за рубежом; подозрение, что существуют скрытые узы, способные объединить некоторых членов общества против Советской власти и пр. Чтобы найти истоки сталинских репрессий, нельзя игнорировать наследие революционных идей о классах и борьбе против классовых врагов.

[57] Комсомольская правда, 2.XII.1935.
[58] Советская юстиция, 1934, № 9, с. 2.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПОРТРЕТЫ

СЕРГЕЙ ЮЛЬЕВИЧ ВИТТЕ

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин

Едва ли есть в российской истории XIX — начала XX в. еще один государственный деятель, личность которого вызвала столько противоречивых суждений и оценок, как это произошло с С. Ю. Витте, министром путей сообщения в 1892 г., финансов в 1892—1903 гг., председателем Комитета министров в 1903—1905 и реформированного Совета министров в 1905—1906 годах. Витте, как никто другой, с величайшим усердием всеми средствами насаждал собственные версии и трактовки важнейших событий времени своего пребывания у власти и написал мемуары, полностью подчиненные этой цели. Немалым числом брошюр и статей представлена также литература, направленная против Витте. С полным основанием в нем видели и видят одного из крупнейших преобразователей в истории России.

Сергей Юльевич Витте родился в Тифлисе 17 июня 1849 г. и воспитывался в семье своего деда А. М. Фадеева, тайного советника, бывшего в 1841—1846 гг. саратовским губернатором, а затем членом совета управления Кавказского наместника и управляющим экспедицией государственных имуществ Закавказского края. Если обратиться к воспоминаниям Витте, то привлекает внимание одна деталь: рассказывая о своей родословной и детстве, он всего в нескольких строках говорит об отце и ничего не пишет о его родственниках. Сказано лишь, что Юлий Федорович Витте, директор департамента государственных имуществ на Кавказе, был дворянином Псковской губернии, лютеранином, принявшим православие, а предки его, выходцы из Голландии, приехали в «балтийские губернии», когда те еще принадлежали шведам. Умолчав о предках со стороны отца, Витте многие страницы воспоминаний посвятил семье Фадеевых: своей бабке Елене Павловне Долгорукой, ее дальнему предку Михаилу Черниговскому, замученному в татарской Орде и причисленному к лику святых, наконец, своему дяде — известному генералу и публицисту Ростиславу Андреевичу Фадееву. «Вся моя семья,— подчеркивал Витте,— была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству» [1].

Когда Витте за три-четыре года до смерти писал воспоминания, в его распоряжении был обширный домашний архив, содержавший

АНАНЬИЧ Борис Васильевич — доктор исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР; **ГАНЕЛИН Рафаил Шоломович** — доктор исторических наук, Ленинградское отделение Института истории СССР АН СССР.

[1] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. М. 1960, с. 13, 49.

и личные документы отца. При желании мемуарист мог сообщить читателю, что дед его со стороны отца Иоганн-Фридрих-Вильгельм Витте, именовавшийся в официальных русских документах «Фридрих Федоров Витте», в 1804 г. начал службу лесным землемером в Лифляндской губернии, дослужился до титулярного советника и в 1844 г. за 35-летнюю службу в офицерских чинах был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Фридрих Витте умер в 1846 г., а лет десять спустя его сыновья получили потомственное дворянство за заслуги отца. Родители С. Ю. Витте венчались 7 января 1844 г., а почти через двенадцать лет псковское дворянское депутатское собрание слушало дело о причислении Христофа-Генриха-Георга Юлиуса Витте с женой Екатериной Андреевной и сыновьями Александром, Борисом и Сергеем к дворянскому сословию [2].

Однако Витте-мемуарист, когда его государственная карьера была уже позади и политическое влияние упало до самой низкой черты, хотел убедить потомков, что происходил не из малоизвестных обрусевших немцев, а родился в семье дворянина, к моменту его рождения принявшего православие и с годами под влиянием семьи Фадеевых сделавшегося «и по духу... вполне православным» [3]. Витте позаботился, чтобы эти сведения о его родословной попали в солидные справочные издания. В результате в 1911 г. в словаре Гранат появилась статья П. Н. Милюкова о Витте, написанная по материалам, предоставленным им автору. В словаре Брокгауза и Ефрона статью о Витте написал один из давних его сотрудников, Н. Н. Кутлер. Естественно, что обе статьи не расходятся с соответствующими разделами «Воспоминаний». По-видимому, не без участия Витте в том же томе была напечатана краткая, но курьезная для энциклопедии такого ранга статья: «Витте — старинные курляндские дворяне, предки которых первоначально жили в Чехии, Пруссии, Голландии. Потомки их, переселившись в Россию, утверждены почти все по личным заслугам» [4]. Столь ревнивое отношение Витте к своему дворянскому происхождению и преданность православию, очевидно, легко понять, зная атмосферу духовной жизни воспитывавшей его семьи Фадеевых, в которой вечной занозой сидели и лютеранское прошлое, и родословная его отца.

Ранние годы Витте прошли в Тифлисе и Одессе, где в 1870 г. он кончил курс наук в Новороссийском университете по математическому факультету со степенью кандидата, написав диссертацию «О бесконечно малых величинах». Молодой математик помышлял остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Но юношеское увлечение актрисой Соколовой отвлекло его от научных занятий и подготовки очередной диссертации по астрономии. К тому же против ученой карьеры Витте восстали его мать и дядя, заявив, что «это не дворянское дело» [5].

1 июля 1871 г. Витте был причислен чиновником к канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора, а через два года назначен столоначальником. В управлении Одесской железной дороги, куда его определил на службу дядя, он на практике изучил железнодорожное дело, начав с самых низших ступеней, побывав в роли конторщика грузовой службы и даже помощника машиниста, но скоро, заняв должность начальника движения, превратился в крупного железнодорожного предпринимателя. В 1874 г. с упразднением Новороссийского

[2] Центральный государственный Исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 1343, оп. 18, д. 2687, лл. 2, 4.
[3] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 1, с. 13.
[4] См. также: Любимов С. В. С. Ю. Витте.— Русский евгенический журнал, 1928, т. 6, вып. 2.
[5] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 1, с. 84.

и Бессарабского генерал-губернаторства Витте был «оставлен за штатом на общем основании», после чего состоял при Департаменте общих дел Министерства путей сообщения и в 1875 г. был произведен в титулярные советники. Однако в апреле 1877 г. он подал прошение об увольнении с государственной службы [6].

После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. принадлежавшая казне Одесская дорога влилась в частное Общество Юго-Западных железных дорог, возглавлявшееся известным банкиром и железнодорожным дельцом И. С. Блиохом. Там Витте получил место начальника эксплуатационного отдела. Новое назначение потребовало переезда в Петербург. В столице он прожил около двух лет. События 1 марта 1881 г., оставившие заметный след в биографии Витте, застали его уже в Киеве.

Духовный мир молодого человека складывался под влиянием его дяди. Генерал, участник покорения Кавказа, военный публицист, Р. А. Фадеев с начала 1860-х годов верно служил своим пером наместнику Кавказа А. И. Барятинскому и его группе, пользовавшейся сочувствием наследника престола великого князя Александра Александровича, будущего Александра III. Вдохновляемые князем Барятинским и шефом жандармов графом П. А. Шуваловым, Фадеев и его единомышленники в середине 1870-х годов выступили с программой преобразований, направленных против либеральных реформ 1860-х годов. Эту программу Фадеев развивал в книге «Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?» (СПб. 1874). Он обвинял Петра I в заимствовании западных идей, не прижившихся на русской почве. В русском дворянстве автор видел единственную силу («культурный слой»), способную противостоять наступлению нигилизма. Дворянство должно было стать полным хозяином и в системе местного управления, возглавив всесословную волость и взяв целиком в свои руки земство [7]. Находя, что реформы Александра II способствовали возрождению общественной жизни, Фадеев, однако, видел их недостаток в отходе от принципа строго сословной политики.

Несмотря на славянофильские симпатии автора, книга встретила резкие возражения со стороны славянофилов. С ними, в частности с И. С. Аксаковым, Фадеева примирила новая программа государственного переустройства, подготовленная им совместно с генерал-адъютантом И. И. Воронцовым-Дашковым и опубликованная в виде книги «Письма о современном состоянии России» (1881 г.). Эта программа предусматривала развитие земства, тесно связанного с правительством. Фадеев рассуждал о «живом народном самодержавии» и «земском царе», призывал к восстановлению допетровских государственных форм и земских соборов. Воцарение Александра III открыло дорогу к власти силам, давно ждавшим своего часа. Группируясь вокруг наследника престола, они составляли оппозицию Александру II как «западнику». На короткое время взошла и звезда Фадеева. Его «Письма» стали своеобразной политической программой нового царствования и выдержали в 1881—1882 гг. четыре издания.

Участвовал ли Витте в политических дискуссиях середины 1870-х годов — неизвестно. Сохранились только сведения более позднего характера о его безусловном сочувствии программным сочинениям Фадеева. Нуждаются в проверке данные о том, что в те годы Витте выступал как публицист, печатая свои фельетоны в одесских газетах «Правда» и «Новороссийский телеграф» под псевдонимом «Зеленый попугай». Так

[6] ЦГИА СССР, ф. 1162, оп. 6, д. 86, лл. 76—96.

[7] См.: Исследования по социально-политической истории России. Л. 1971, с. 300—301; Чернуха В. Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.).— Исторические записки. Т. 116.

или иначе, но Витте оказался под влиянием славянофильских идей, увлекался богословскими сочинениями А. С. Хомякова. Деятельность в Одесском славянском благотворительном обществе сблизила его с руководителями «славянского движения», в частности с М. Н. Катковым.

После 1 марта Витте живо включился в большую политическую игру, затеянную Фадеевым и его единомышленниками. Как только до Киева дошла весть о покушении на Александра II, Витте написал в столицу Фадееву и подал идею о создании дворянской конспиративной организации для охраны императора и борьбы с революционерами их же методами. Фадеев подхватил эту идею в Петербурге и с помощью Воронцова-Дашкова создал пресловутую «Святую дружину». В середине марта 1881 г. в Петербурге, на Фонтанке, в особняке графа П. П. Шувалова, состоялось посвящение Витте в ее члены. Он был назначен главным правителем «Дружины» в киевском районе.

Сохранились донесения Витте Воронцову-Дашкову о положении в Киеве и на юге, свидетельствующие о том, что Витте ревностно относился к исполнению возложенных на него «Дружиной» обязанностей. По ее распоряжению он был направлен в Париж для организации покушения на известного революционера-народника Л. Н. Гартмана, участвовал в литературных предприятиях «Дружины» провокационного характера, в частности в составлении брошюры, изданной (Киев. 1882) под псевдонимом «Свободный мыслитель», содержавшей критику программы и деятельности «Народной воли» и предрекавшей ее гибель, а также в издании на деньги «Дружины» газеты «Вольное слово» (Женева, 1881—1883). На страницах этого называвшего себя либеральным органа печатались статьи, пропагандировавшие политическую программу Фадеева. Она, очевидно, должна была стать идейной платформой «дружинников». Однако звезда Фадеева закатилась так же скоро, как и взошла. Его идея созыва земского собора оказалась слишком радикальной.

Уже в конце апреля 1881 г. Александр III встал на сторону врагов каких бы то ни было перемен в системе государственного управления, таких, как М. Н. Катков и К. П. Победоносцев. Последовало смещение покровительствовавшего «Дружине» министра внутренних дел графа Н. П. Игнатьева. К весне 1882 г. Фадеев утратил свое влияние, а вскоре была ликвидирована и «Дружина». Покинутый бывшими единомышленниками, в том числе Воронцовым-Дашковым, он скончался в Одессе в конце 1883 года. Несмотря на политический крах своего кумира, Витте сохранил верность его идеалам, по крайней мере до начала 1890-х годов. В 1886 г., следуя славянофильским традициям, он в № 3 аксаковской «Руси» в статье «Мануфактурное крепостничество» заявил себя ярым противником развития капитализма в России и превращения русского крестьянина в частичного рабочего, раба капитала и машины. Очевидна известная близость Витте к И. С. Аксакову в эти годы. «Вы представляете для меня,— писал Аксаков Витте 18 сентября 1884 г.,— редкое утешительное явление: самостоятельного (вне всяких влияний) последователя того направления, которому служу». «Нигилизм,— наставлял патриарх славянофильства своего молодого поклонника,— ...по содержанию своему чисто западное явление: то же презрение к народу, к тому, что свято народу, та же отрешенность от русской народности. Русского в нем — рационализм, удаль, беззаветность, самоотвержение. «Демократ-революционер», «социал-демократ», «анархист», «террорист» и пр. Какая же тут любовь к русскому народу, собственно которого они как национальную личность и знать не хотят? Но что они логический продукт исторического отступничества от народности — это верно. Но это уже патологическое определение» [8]. А Витте в письмах Аксакову и издателю «Нового времени» А. С. Суворину представлял

[8] ЦГИА СССР, ф. 1622, оп. 1, д. 394, лл. 1—3.

себя как бы душеприказчиком Фадеева, а своего дядю — борцом за русскую идею, последователем А. С. Пушкина и Ф. М. Достоевского.

В сентябре 1884 г. Витте напомнил о себе министру двора Воронцову-Дашкову письмом сугубо личного характера. «После смерти Ростислава Андреевича,— писал Витте,— у его сестер и нас, его племянников и племянниц, явилось желание, основанное на родственном, а вместе с тем на русском чувстве, чтобы к немецкой фамилии нашей Витте,— было разрешено присоедннить русскую фамилию Фадеевых, то есть, чтобы иаша фамилия Витте была переименована в фамилию Витте-Фадеевы. Желание это было желанием Ростислава Андреевича — ио он не успел осуществить его» [9]. Ожидалось, разумеется, что об этом национальном порыве будет доложено императору. Однако пыл Витте поостыл, когда он получил холодный казенный ответ, предлагавший просителю обращаться на высочайшее имя в установленном порядке.

Витте был человеком практического ума, и хотя политическая программа Фадеева запала ему глубоко в душу, это не помешало ему во второй половине 1880-х годов сблизиться с контролировавшей идеологию группой Каткова, Победоносцева, Толстого, тем более что это не потребовало от Витте значительной внутренней перестройки. С Катковым его сблизила начатая редактором «Московских ведомостей» кампания против Н. Х. Бунге. Катков добивался замены немцев, министра финансов Бунге и министра иностранных дел Н. К. Гирса, своими, «русскими» ставленниками — И. А. Вышнеградским и И. А. Зиновьевым. Катков умер в июле 1887 г., успев исполнить свой замысел только наполовину: в январе Бунге был назначен председателем Комитета министров, и министром финансов стал Вышнеградский, профессор механики, директор Петербургского технологического института, известный в предпринимательском мире как один из главных деятелей Петербургского водопроводного общества и фактический председатель правления Общества Юго-Западных железных дорог.

Витте, служивший в 1887 г. управляющим Юго-Западными железными дорогами, безоговорочно поддержал кампанию Каткова против Бунге в печати юга, выступив на стороне Вышнеградского. Победа Вышнеградского открыла путь на государственную службу и для Витте. В 1889 г. при поддержке «Московских ведомостей» он получил должность директора Департамента железных дорог в Министерстве финансов. Пришлось отказаться от вознаграждения в 50 тыс. рублей ежегодно, которое Витте получал на частной службе, и перейти на казенное жалованье в 16 тыс., из которых половину Александр III согласился «платить из своего кошелька» [10], принимая во внимание заслуги Витте в железнодорожном деле. Расставшись с доходным местом и положением преуспевающего дельца ради манившей его государственной карьеры, Витте со свойственной ему энергией начал завоевывать Петербург. В начале 1892 г. он уже министр путей сообщения. Дальнейшее продвижение по служебной лестнице ему осложнил новый брак после смерти первой жены. Его вторая жена Матильда Ивановна Витте (Нурок, по первому браку Лисаневич) была разведенной и еврейкой. Несмотря на все старания Витте, ее не приняли при дворе, а дворцовые сплетни и интриги временами служили эффективным оружием в руках его врагов. Впрочем, брак состоялся с согласия Александра III. В августе 1892 г. в связи с болезнью Вышнеградского Витте сделался его преемником на посту министра финансов.

Заняв кресло одного из самых влиятельных министров, Витте показал себя реальным политиком. Вчерашний славянофил, убежденный

[9] Там же, ф. 472, оп. 38, д. 53, лл. 103—104.
[10] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. I, с. 208.

сторонник самобытного пути развития России в короткий срок превратился в индустриализатора европейского образца, заявившего о своей готовности в течение двух пятилетий вывести Россию в разряд передовых промышленных держав. И все же от груза идейного багажа своих наставников Аксакова, Фадеева и Каткова Витте освободился не сразу, не говоря уже о том, что созданная им экономическая система находилась в зависимости от политической доктрины Александра III, сформулированной усилиями Каткова и Победоносцева. В 1891 г. Витте с похвалой отзывался о националистической агитации «Московских ведомостей» в финляндском вопросе, отстаивал на ее страницах идею сохранения дворянства как «передового служилого сословия». И в момент вступления в должность министра финансов он поддерживал тесные отношения с газетой, продолжавшей линию Каткова. В начале 1890-х годов он еще не изменил общинным идеалам, считал русское крестьянство консервативной силой и «главной опорой порядка» [11]. Видя в общине оплот против социализма, он сочувственно относился к законодательным мерам конца 1880-х — начала 1890-х годов, направленным на ее укрепление.

Витте не был посвящен Вышнеградским в тайны подготовлявшейся уже много лет денежной реформы и едва не начал свою деятельность во главе министерства инфляционной кампанией, специальным выпуском «сибирских» бумажных рублей для покрытия расходов на постройку Великого Сибирского пути. Однако именно Витте в 1894—1895 гг. добился стабилизации рубля, а в 1897 г. сделал то, что не удавалось его предшественникам,— ввел золотое денежное обращение, обеспечив стране твердую валюту вплоть до первой мировой войны и приток иностранных капиталов. При этом резко увеличилось налогообложение, особенно косвенное. Одним из самых эффективных средств выкачивания денег из народного кармана стала введенная Витте государственная монополия на продажу спирта, вина и водочных изделий. (Идея введения табачной и винной монополии принадлежала Каткову.)

На рубеже XX в. экономическая платформа Витте приняла вполне определенный и целенаправленный характер: в течение примерно десяти лет догнать в промышленном отношении более развитые страны Европы, занять прочные позиции на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное промышленное развитие обеспечивалось путем привлечения иностранных капиталов, накопления внутренних ресурсов с помощью казенной винной монополии и усиления косвенного обложения, таможенной защиты промышленности от западных конкурентов и поощрения вывоза. Иностранным капиталам в этой программе отводилась особая роль. Еще в 1893 г. Витте говорил о них с осторожностью. Однако в конце 1890-х годов он выступил за неограниченное привлечение их в русскую промышленность и железнодорожное дело, называя эти средства лекарством против бедности и ссылаясь при этом на примеры из истории США и Германии.

Особенность проводимого Витте курса состояла в том, что он, как ни один из царских министров финансов, широко использовал исключительную экономическую силу власти, существовавшую в России. Орудиями государственного вмешательства служили Государственный банк и учреждения Министерства финансов, контролировавшие деятельность акционерных коммерческих банков. В конце 1890-х годов под эгидой Министерства финансов были учреждены Русско-Китайский, Русско-Корейский банки и Учетно-ссудный банк Персии для проведения

[11] См. Черышев И. В. Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг. 1918, с. 237, 253, 256.

политики экономического проникновения на рынки Китая, Монголии, Кореи и Персии [12].

В условиях подъема 1890-х годов система Витте способствовала развитию промышленности и железнодорожного строительства. С 1895 по 1899 г. в стране было сооружено рекордное количество новых железнодорожных линий, в среднем строилось свыше 3 тыс. км путей в год. К 1900 г. Россия вышла на первое место в мире по добыче нефти. Казавшийся стабильным политический режим и развивавшаяся экономика завораживали мелкого европейского держателя, охотно покупавшего высокопроцентные облигации русских государственных займов (во Франции) и железнодорожных обществ (в Германии). Современники шутили, что русская железнодорожная сеть строилась на деньги берлинских кухарок. В 1890-е годы резко возросло влияние Министерства финансов, а сам Витте на какое-то время выдвинулся на первое место в бюрократическом аппарате империи.

Министр финансов России сделался популярной фигурой и объектом внимания западной печати. Витте не скупился на расходы, рекламируя в европейских газетах и журналах финансовое положение России, свой экономический курс и собственную персону. Западные журналисты вроде известного английского публициста Э. Диллона рисовали своему читателю заказанный Министерством финансов «правдивый» портрет этого удивительного государственного мужа, «голландца по происхождению», считавшегося «самым мужественным политическим деятелем в Европе», человека «грубого, неповоротливого, угловатого, медленного в речи», но «быстрого в действиях», лишенного внешней привлекательности, но под «суровыми чертами которого скрыты искры Прометеева огня», человека, исполняющего «Геркулесову работу» и не имеющего себе равных «на всем пространстве Русской империи» [13]. Таким хотелось ему выглядеть в глазах западных предпринимателей или держателей русских ценных бумаг.

Заказные статьи должны были служить и средством защиты от нападок на него в отечественной и заграничной печати. За отступничество от катковской экономической программы министра резко критиковали его бывшие единомышленники, в частности известный ученый и публицист, «крестник» Каткова И. Ф. Цион, обвинявший Витте в насаждении в русской экономике порядков «государственного социализма» [14]. За неограниченное использование государственного вмешательства Витте подвергался критике и со стороны приверженцев реформ 1860-х годов, считавших, что индустриализация возможна только через перемены в государственной системе — создание настоящего («объединенного») правительства и введение представительного учреждения. В либеральных кругах «система» Витте была воспринята как «грандиозная экономическая диверсия самодержавия», отвлекавшая внимание населения от социально-экономических и культурно-политических реформ [15].

В конце 1890-х годов казалось, что Витте доказал своей политикой невероятное: жизнеспособность феодальной по своей природе власти в условиях индустриализации, возможность успешно развивать экономику, ничего не меняя в системе государственного управления. Окрыленный успехами государственного железнодорожного хозяйства, эксплуатировавшего свыше 30 тыс. верст железных дорог, и водочной монополии, Витте считал возможным распространить в отдаленном будущем опыт своей экономической реформы на систему местного управления, усовершенствовав его за счет создания хорошо организованной провинциальной администрации, с последующим упразднением земства. Былые увлечения славянофильскими теориями не помешали ему в 1899 г. провалить земскую реформу И. Л. Горемыкина и сорвать введение земств в Западном крае.

Однако честолюбивым замыслам Витте не суждено было осуществиться. Первый удар по ним нанес мировой экономический кризис, резко затормозивший развитие промышленности; сократился приток иностранных капиталов, нарушилось бюджетное равновесие. Экономическая экспансия на Дальнем и Среднем Востоке, сама по себе связанная с большими расходами, еще и обострила русско-английские противоречия и приблизила войну с Японией. С началом же военных действий ни о какой последовательной экономической программе не могло уже быть речи. Едва ли, однако, правильно было бы утверждать, что экономическую систему Витте погубили экономический кризис и русско-японская война. Ускоренная индустриализация России не могла быть успешной при сохранении традиционной системы власти и существовавших экономических отношений в деревне, и Витте скоро начал отдавать себе в этом отчет. «Когда меня назначили министром финансов,— вспоминал он,— я был знаком с крестьянским вопросом крайне поверхностно... В первые годы я блуждал и имел некоторое влечение к общине по чувству, сродному с чувством славянофилов... Но, сделавшись механиком сложной машины, именуемой финансами Российской империи, нужно было быть дураком, чтобы не понять, что машина без топлива не пойдет... Топливо это — экономическое состояние России, а так как главная часть населения — это крестьянство, то нужно было вникнуть в эту область» [16].

Не желая «быть дураком», Витте в 1896 г., следуя настоятельным советам Бунге, отказался от поддержки общинного землевладения. В 1898 г. он сделал первую попытку добиться в Комитете министров пересмотра аграрного курса, сорванную, однако, В. К. Плеве, К. П. Победоносцевым и П. Н. Дурново. К 1899 г. при участии Витте были разработаны и приняты законы об отмене круговой поруки. Но общинное землевладение оказалось твердым орешком. В январе 1902 г. Витте возглавил Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, тем самым взяв, казалось бы, к себе в Министерство финансов общую разработку крестьянского вопроса. Однако на пути Витте встал его давний противник Плеве, назначенный министром внутренних дел (после Д. С. Сипягина, убитого эсером С. В. Балмашовым). Уже в июне 1902 г. Плеве в противовес Особому совещанию создал при своем министерстве аналогичную комиссию — еще один центр разработки аграрной политики, которая стала поприщем соперничества двух министров.

Объединенными усилиями противники Витте при очевидном сочув-

---

[12] Казенный характер этих учреждений и имперскую природу внешнеэкономической политики Витте впервые раскрыл Б. А. Романов (Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. Л. 1928; его же. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.— Л. 1955).

[13] ЦГИА СССР, ф. 560, оп. 26, д. 281, лл. 54—57 (текст статьи Э. Диллона с собственноручными исправлениями Витте).

[14] См. Cyon E. M. de. Witte et les Finances Russes. P. 1895, p. 224. Несмотря на то, что золотой стандарт к концу 1890-х годов уже был введен в большинстве развитых стран мира, Цион, а также другой последователь Каткова, консервативный журналист С. Ф. Шарапов, осуждали Витте за проведение денежной реформы и привлечение иностранных капиталов. Экономические идеи Витте натолкнулись, по его словам, на «узко национальную точку зрения «Гостиного ряда» (Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2. М. 1960, с. 108), пользовавшуюся покровительством великого князя Александра Михайловича и встречавшую сочувствие со стороны самого Николая II. Впрочем, подобные отзывы о «золотой валюте» Витте можно встретить и в современной советской публицистике (см., напр., Бородай Ю. М. Кому быть владельцем земли? — Наш современник, 1990, № 3, с. 108).

[15] Освобождение, 1903, № 2, с. 24.

[16] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 498—499.

ствии императора начали оттеснять министра финансов и от рычагов управления дальневосточной политикой, находившихся до того в его почти исключительном ведении. Каковы бы ни были в совокупности причины увольнения Витте с должности министра, отставка в августе 1903 г. нанесла ему удар: пост председателя Комитета министров, который он получил, был несоизмеримо менее влиятелен. Сам Витте поэтому сравнивал свое пребывание на этом посту с тюремным заключением.

Летом 1904 г., после убийства Е. С. Созоновым министра внутренних дел Плеве, к Витте вернулось деятельное состояние. Вопреки своим утверждениям, что полицейская карьера его не прельщала, он пытался занять освободившееся место, что засвидетельствовал близко стоявший к нему журналист: «Убили Плеве. Я никогда не видал Вас счастливее,— писал И. И. Колышко (Баян), взбешенный бесцеремонным сообщением о себе в мемуарах Витте (впрочем, обращаясь к уже покойному автору).— Торжество так и лучилось из Вас. Вы решили сами стать министром внутренних дел. Помните мучительную майскую неделю (на самом деле это было в июле — августе 1904 г.— *Авт.*), когда Вы метались от Мещерского к Сольскому, от Шервашидзе к Оболенскому, подстегивая всех работать на Вас. Работали. Но Мещерский тут впервые Вам изменил, а в министры попал кн. Мирский. Затаив злобу, Вы тотчас же приспособились...» [17]. Тогда же, после убийства Плеве, Витте высказался за создание «объединенного» правительства с ним самим в качестве премьера и даже засел за изучение государственного права, чтобы постичь основы конституционного строя [18].

На протяжении осени 1904 г., получившей в политической истории России парадоксальное название «весна Святополк-Мирского» (по имени нового министра внутренних дел, который призывал доверять общественным силам и стремился разрядить сгущавшуюся политическую атмосферу), Витте принял в этих действиях живое и хлопотливое участие. Он демонстративно поддерживал П. Д. Святополк-Мирского и окружал его, по свидетельству В. Н. Коковцова, «льстивыми, подчас совершенно ненужными проявлениями покровительства в заседаниях Комитета министров». Так Витте создал Мирскому репутацию своего «ставленника», а затем «все стали говорить, что фактически министром является теперь не кто другой, как тот же С. Ю. Витте» [19].

Острые дискуссии на совещаниях у царя вызвал вопрос о привлечении в какой-либо форме к участию в законодательстве выборных от населения. Тут-то Витте и использовал двойственность своей позиции по

---

[17] Баян. Ложь графа Витте. «Ящик Пандоры». Берлин. Б. г., с. 17. Князь В. П. Мещерский, редактор-издатель газеты «Гражданин», пользовался значительным влиянием у царя. Граф Д. М. Сольский, статс-секретарь, председатель Департамента экономии Государственного совета. Князь Г. Д. Шервашидзе — обер-гофмейстер, состоявший при императрице Марии Федоровне. Князь Н. Д. Оболенский — управляющий кабинетом царя.

Кстати, Колышко имел свой взгляд и на конфликт между Витте и Плеве, связанный с борьбой вокруг «полицейского социализма». Он утверждал, что Витте изменил свою позицию в пользу «зубатовщины». Традиционная точка зрения на этот вопрос такова, что «зубатовщина» — порождение Министерства внутренних дел, а Министерство финансов с подчиненной ему фабричной инспекцией всегда против нее боролось. Так изложен этот вопрос и в мемуарах Витте. В них, впрочем, фигурирует рассказ о визите Зубатова к Витте в июле 1903 г., за полтора месяца до отставки Витте, причем Зубатов жаловался на то, что Плеве взял «чисто полицейский курс». Витте утверждал, что никакой поддержки Зубатову не оказал (Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 218). Колышко же писал: «А когда Плеве хотел Вас скушать, не Вы ли, бывший граф, благословили зубатовщину?» (Баян. Ук. соч., с. 17).

[18] Гессен И. В. В двух веках. В кн.: Архив русской революции. Т. 22. Берлин. 1937, с. 177—179.

[19] Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях графа С. Ю. Витте».— Русская летопись. Париж, 1922, кн. 2, с. 94—95, 99; Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. Париж. 1933, с. 48.

вопросу о представительстве, чтобы, как выразилась в своем дневнике жена Святополк-Мирского, взять подготовку царского указа с программой преобразований в свои руки [20]. На заключительном заседании царь вслед за великим князем Владимиром Александровичем встал, было, на реформаторскую точку зрения, и виттевский проект указа с пунктом о созыве представительства как будто прошел. Но через два дня, когда царь заявил, что пункт о представительстве его смущает, Витте и великий князь Сергей Александрович, решительный противник преобразований, предложили его исключить, и он тут же был вычеркнут царем.

Появившийся 12 декабря 1904 г. указ о преобразованиях Витте попытался обернуть себе на пользу, добившись того, чтобы разработка намеченных в нем мероприятий была поручена Комитету министров с ним во главе. Он сейчас же сосредоточил все усилия на расширении компетенции Комитета, уже 14 декабря объявившего своей обязанностью «установить направление предстоящих работ», беря на себя рассмотрение и тех вопросов, которые могли решаться лишь в законодательном порядке [21]. В Петербурге заговорили о «Сергее-премьере» или «диктатуре двух Сергеев», имея в виду Витте и великого князя. Между тем в ответ на предложения уходившего со своего поста Мирского назначить Витте министром внутренних дел царь твердил, что Витте — масон.

События «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. Витте также сумел использовать. Накануне, в 7 час. вечера, редактор газеты «Право» И. В. Гессен, к юридической помощи которого Витте иногда прибегал, побывал у него и получил резкий отказ в ответ на просьбу о вмешательстве для предотвращения подготовлявшейся расправы с рабочими. Тем не менее поздно вечером депутация представителей интеллигенции (среди них был и Гессен), потерпев решительную неудачу у генерала К. Н. Рыдзевского, товарища министра внутренних дел, который принял депутацию вместо поехавшего к царю Мирского, явилась к Витте. Витте снова заявил, что в его компетенцию дело не входит, но, предвидя, что оно может принять трагический оборот, решил назвать ответственных лиц — Коковцова, Мирского и самого царя, который «должен быть осведомлен о положении и намерениях рабочих».

Сейчас же после «Кровавого воскресенья» Витте принялся доказывать, что если бы царь прислушался к его мнению, а Комитет министров под его председательством был наделен реальной властью, дело обошлось бы чуть ли не ко всеобщему удовольствию. Появилось пространное заявление «бывшего министра», в котором нельзя было не узнать Витте. Упомянув, что ни Совета, ни Комитета министров накануне 9 января не собирали, он обвинял царя (избегая прямо его называть) в том, что рабочих «принялись дико, нелепо расстреливать», что если уж сам царь не хотел к ним выйти, он мог послать кого-нибудь вместо себя. «Только авантюрист или дурак» может решиться теперь стать министром внутренних дел, заявлял «бывший министр». Ему было, конечно, совершенно точно известно, что «не соглашается принять этот пост и Витте, если только ему вместе с титулом канцлера не предоставят полной свободы применять свою программу» [22].

17 января 1905 г. Николай II, обращавшийся за советом не только к Витте, но и к другим министрам, приказал ему составить из них совещание по «мерам, необходимым для успокоения страны», и о возможных реформах сверх предусмотренных указом от 12 декабря 1904 года. На трех заседаниях Совета министров, проведенных царем в феврале, Витте пугал его то революционной угрозой, то опасностями, связанны-

---

[20] Исторические записки. Т. 77, с. 261—262.

[21] Журнал Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб. 1905, с. 9—10.

[22] Освобождение, 1905, № 65, с. 243.

ми с созывом представительства. В итоге, однако, ему вместе с другими министрами пришлось настаивать на созыве представительства. Он, впрочем, высказал мысль о возможности назначить представителей вместо их избрания. Одновременно с рескриптом 18 февраля царь поручил председательствование в Совете министров в свое отсутствие Сольскому, а не Витте, хотя тот в совещании министров, рассматривая возможность создания «объединенного» правительства, специально оговорил желательность того, чтобы в отсутствие царя председательствование поручалось одному из постоянных членов Совета.

В обсуждавшемся проекте подчеркивалось, что «кабинета в западноевропейском значении этого слова» создавать не предполагается и никто из членов Совета не получит «преобладающего над сотоварищами его положения, ненужного у нас при непосредственном руководстве монарха в делах правительственных» [23]. Слова о «руководстве монарха» Витте, впрочем, зачеркнул: было очевидно, что проект при всех оговорках лишает Николая II возможности предотвращать объединение министров, которого он, как и его отец и дед, стремился не допускать даже под собственным председательством. Витте не мог не понимать этого, но остановиться не хотел, да и нужда в объединении министров в условиях «переживаемой године», когда рост рабочего и студенческого движения требовал «единства в действиях правительства», стала действительно насущной. Для единства недостаточно «запрячь в карету рысака и осла и дать вожжи самому опытному кучеру», рассуждал он.

Препятствие к достижению «твердого единения» он видел в «самом неудовлетворительном составе министров по их убеждениям и знаниям» [24]. Это был камень в огород царя: ведь право назначать министров при всех условиях оставалось его исключительной прерогативой. Вместе с тем когда Витте выдвигал возражения против народного представительства, что грозило бы превращением «объединенного» правительства в кабинет европейского типа, он хотел, вероятно, несколько ослабить сопротивление царя своим проектам. Впрочем, ему и самому «визират», как выражались во времена М. Т. Лорис-Меликова, импонировал гораздо больше, чем амплуа главы кабинета европейского типа. Логика преобразовательного процесса брала, однако, свое. «В последнее время, —писал Коковцов,— в строе нашего государственного управления намечаются такие изменения в виде, например, привлечения к участию в обсуждении законодательных вопросов выборных от населения, которые могут существенно изменить и нынешнее положение в этом строе министров. И весьма вероятно, что последним в зависимости от указанных изменений придется образовать если не кабинет в западноевропейском смысле, то во всяком случае более сплоченное, чем ныне, единство, при котором и мнение большинства должно приобрести несколько больший вес» [25]. Царь не мог не подумать, что стоило согласиться на созыв представительства, как министры уже готовы составить кабинет, да еще во главе с Витте, о котором справа царю втолковывали, что он хочет стать на японский манер сёгуном, превратив царя в микадо.

21 марта Совет министров, собравшись под председательством Сольского, не без строгости осудил указ от 18 февраля 1905 г., которым были разрешены петиции. Царя как бы обвинили в либерализме. Активное участие Витте в том заседании не осталось без последствий. 30 марта царь закрыл возглавлявшееся Витте с 1902 г. сельскохозяйственное совещание, а 16 апреля — совещание министров под его же председательством, созданное 17 января 1905 г., которое по поводу «объединенного» правительства успело собраться всего два раза. Можно предположить, что одна из причин новой царской немилости заключалась еще и в том, что Витте опубликовал как результат работы сельскохозяйственного совещания свою антиобщинную платформу. Рост эффективности сельскохозяйственного производства при низких ценах на его продукцию был важной составной частью виттевской программы индустриализации. Он видел в этом средство и для высвобождения в деревне рабочих рук, которые использовались бы в промышленности, и для удешевления оплаты труда промышленного пролетариата [26]. Тут-то главным тормозом и оказывалась община, приверженцем которой он был в молодости.

К постепенному переходу на позиции противника общины Витте подтолкнул один из его предшественников на посту министра финансов, Бунге, деятельный участник подготовки отмены крепостного права, ученый-экономист, советы и предсказания которого повлияли на формирование правительственной доктрины. Витте тоже стал видеть в общине причину крестьянского оскудения и предмет поклонения как крайних консерваторов, интриговавших против него у царя, так и социалистов, учения которых были враждебны всему тому, что он отстаивал. Он требовал сделать из крестьянина «персону» путем уравнения крестьян в правах с другими сословиями. Речь шла при этом обо всех правах, в том числе и имущественных, иными словами — о выходе из общины, с выделом земли. «Общинное владение,— писал Витте в мемуарах,— есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство хиреют» [27].

В общине Витте видел не только препятствие к развитию сельскохозяйственного производства, но и одну из форм революционной угрозы, поскольку она воспитывала пренебрежение к праву собственности. Он утверждал в мемуарах, что видел суть крестьянского вопроса именно в замене общинной собственности на землю — индивидуальной, а не в недостатке земли, а стало быть, и не в том, чтобы провести принудительное отчуждение помещичьих владений [28]. Однако все это, по крайней мере по отношению ко времени пребывания Витте в Министерстве финансов, было до некоторой степени запоздалым остроумием. Кроме отмены в 1903 г. круговой поруки за внесение прямых налогов, Витте — он сам это признавал — мало что сделал на министерском посту против общины.

Но в Совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности под председательством Витте общине был нанесен сильный удар, впрочем, чисто теоретический. Комитеты, созданные в качестве местных органов совещания, также представили столь резкие и откровенные суждения, что Плеве даже применял репрессивные меры против их членов. Совещание высказалось за предпочтение индивидуального землевладения общинному, в чем, по словам Витте, «Министерство внутренних дел и вообще реакционное дворянство не могли не усмотреть значительного либерализма, если не революционизма». «Гражданин» и «Московские ведомости» утверждали, что «Совещание хочет нарушить «устои» [29].

В декабре 1904 г. Витте издал под своим именем основанную на трудах Совещания «Записку по крестьянскому делу» [30]. Она была напе-

[23] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 1, л. 10.
[24] Там же, лл. 5—7.
[25] Там же, лл. 244—245.

[26] Гурко В. И. Ук. соч., с. 75.
[27] Витте С. Ю. Ук. соч. Т. 2, с. 492.
[28] Там же, с. 506.
[29] Там же, с. 535, 536.
[30] Список книг, вышедших в 1904 году. На титульном листе указан 1905 год.

чатана в типографии товарищества «Общественная польза» большим по тем временам для изданий такого рода тиражом (2 тыс. экз.). Здесь взгляды Витте на общину и индивидуальное крестьянское хозяйство были вполне ясно выражены и доведены до всеобщего сведения. «Местные комитеты настойчиво утверждают,— говорилось в «Записке»,— что временность владения является неодолимым препятствием для улучшения земельной культуры,.. воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, чтобы «спахать побольше, хотя и как-нибудь»; нерасчетливой распашкой уничтожаются кормовые угодья, а те, что остаются, лишены всякого ухода, и необходимое для успешного хозяйства соотношение площади кормовой и пахотной нарушается в угрожающей прогрессии. В результате хищнических приемов хозяйства в составе надела с каждым годом увеличивается пространство неудобных земель в виде заболоченных или заиленных лугов, истощенных и обратившихся в пустыри пашен, разъеденных оврагами склонов, балок, обнаженных пахотой песков, заросших порослью и мхом сенокосов и пастбищ и т. д.» [31].

По мнению Витте, для крестьян община была «не источником выгод, а источником споров, розни и экономической неурядицы». Вывод, к которому пришли комитеты, в частности, гласил: «Этот порядок землепользования убивает основной стимул всякой материальной культуры — сознание и уверенность, что результатом работы воспользуется сам трудившийся или близкие ему по крови и привязанностям лица; такой уверенности не может быть у общинников, вследствие временности владения... хозяйственный расчет, предприимчивость и энергия отдельных лиц бесцельны и в большинстве случаев даже неприложимы. Эти главнейшие двигатели всякой материальной культуры встречают непреодолимое препятствие в условиях общинного строя» [32]. Переделы общинной земли рассматривались при этом как мера, выгодиая «тем, которые запустили хозяйство по иеумению и ieрадению... или являются послушным орудием в руках кулаков», стремятся «поживиться за счет более хозяйственных, пустив их наемные полосы в передел». А это, в свою очередь, вело к тому, что вообще «в крестьянской среде развивается апатичное и небрежное отношение к своему хозяйству».

Общность средств производства, указывал Витте вслед за Б. Н. Чичериным, давала общине сторонников из числа приверженцев «теоретических построений социализма и коммунизма». Но они были для Витте совершенно неприемлемы. «По моему убеждению, общественное устройство, проповедуемое этими учениями, совершенно несовместимо с гражданской и экономической свободой и убило бы всякую хозяйственную самодеятельность и предприимчивость»,— писал он. Решительно отвергал Витте взгляд на общину как на образование, прокладывающее путь к кооперации. «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности» [33].

Отрицал он и то «указываемое теорией» преимущество общины, что она якобы способствует сохранению земли в руках мелких собственников и предотвращает образование латифундий. «Наоборот,— писал он,— по свидетельству местных комитетов, в общинной среде происходит дифференциация: большинство беднеет, а самая незначительная часть богатеет путем хищнической эксплуатации земли и своих однообщественников и сосредоточивает в одних руках значительную и лучшую часть надела» [34]. Подворное же крестьянское владение в западных губерниях, «где капиталистическая энергия значительно выше», не имеет тенденции к неустойчивости и сосредоточению земли в одних руках. Мало того, успешно охранять мелкую крестьянскую собственность, рассуждал Витте, можно путем запрета как продажи земли за долги, так и покупки ее лицами из некрестьянских сословий, установлением предельной нормы сосредоточения земли в одних руках, организацией льготного сельскохозяйственного кредита.

В то же время, сокрушив аргументами уравнительное землепользование, он допускал, что община может быть и выгодна для крестьян — «при неистощенной почве, примитивной культуре и дешевизне сельскохозяйственных продуктов». И поэтому он предлагал предоставить право судить об этом самим крестьянам, которых «нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования». Им следовало предоставить право свободного выхода из общины с отводом надела в подворное пользование. Витте требовал, чтобы община была частноправовым союзом, утверждая, что «при современном положении она имеет многие черты публично-правовой организации, невольно напоминающие о военных поселениях» [35]. Соответственно этому Витте и его Совещание настаивали на правовом уравнении крестьян с другими сословиями.

Появление этой программы в печати использовали противники Витте. 15 февраля 1905 г. А. В. Кривошеин составил записку «Земельная политика и крестьянский вопрос», в которой высказался за ликвидацию не только общинного, но и подворного землепользования и замену их личным хуторским землевладением, однако признавал это «задачей нескольких поколений» [36]. 30 марта 1905 г. Совещание, как уже говорилось, было закрыто царем: по обыкновению, это было сделано совершенно неожиданно для его председателя. Витте считал, что это произошло вследствие интриг Горемыкина, Кривошеина и Трепова, изображавших Совещание «как революционный клуб». «Между тем если бы Совещанию дали окончить работу, то многое, что потом произошло, было бы устранено,— писал Витте в мемуарах.— Крестьянство, вероятно, не было бы так взбаламучено революцией, как оно оказалось. Были бы устранены многие иллюминации (поджоги помещичьих имений.— *Авт.*) и спасена жизнь многих людей» [37].

На сей раз Витте пробыл в тени недолго. После Цусимы поиски путей прекращения войны с Японией, необходимость чего окончательно выяснилась на военном совещании у царя 24 мая 1905 г., снова вывели полуопального сановника на передний план. Вечером этого дня на «совещании при Совете министров» Витте, задав отрицательный тон обсуждению возможности созыва Земского собора для решения вопроса о мире, заявил, что «дипломатическая партия проиграна» и неизвестно, какой мирный договор удастся заключить министру иностранных дел. А через месяц вести переговоры о мире было поручено ему самому. Это решение, надо думать, нелегко далось царю, учитывая ту позицию в вопросе об ответственности за войну, которую Витте занимал и отстаивал. К тому же справа царю внушали, что Витте мечтает стать президентом Российской республики.

Недюжинная одаренность, государственная опытность, широта взглядов и умение ориентироваться в чуждых российскому бюрократу американских политических нравах помогли Витте в переговорах о мире с Японией. Еще по дороге в США он расположил к себе журналистов. Приехав, продолжал активно действовать в том же направлении, устанавливая отношения с различными американскими кругами, еврейской общественностью, банковским миром, что способствовало успешно-

[31] Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб. 1905, с. 106—107.
[32] Там же, с. 112—113.
[33] Там же, с. 109, 110.
[34] Там же, с. 111.

[35] Там же, с. 115.
[36] ЦГИА СССР, ф. 1571, оп. 1, д. 45, лл. 15—16.
[37] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2, с. 537.

му ходу переговоров [38]. 15 сентября 1905 г. Витте вернулся в Петербург. Он получил за Портсмутский мир графский титул («граф Полусахалинский» — издевательски называли его противники справа, обвиняя в уступке Японии южной части Сахалина), и в бюрократических кругах считали, что он возобновит борьбу за пост премьера в будущем кабинете [39].

В это время проекты дальнейших государственных преобразований разрабатывались Особым совещанием Сольского. Ему-то Витте и нанес первый визит, а затем принял в работе совещания деятельное участие. По мере нарастания осенних революционных событий поведение Витте приобретало все более ультимативный характер. Уже 21 сентября он заявил в Совещании, что «враги правительства сплочены и организованы, дело революции быстро подвигается», пугал «самозванными правительствами», одно из которых в Москве, а других — «большое число по всей России», причем «все это подвигается быстро вперед, не встречая сколько-нибудь организованного со стороны правительства отпора». Спасение он видел в создании кабинета министров, назначаемых царем по рекомендации председателя, или первого министра.

Поддержанный руководителем карательной политики генералом Д. Ф. Треповым («нас ожидает, несомненно, кровопролитный переворот, которому одни полицейские силы, конечно, не могут противостоять»), Витте продолжал запугивать синклит высших сановников. «Студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною»,— заявлял он, предлагая «для предотвращения ее» передать крестьянский вопрос будущей Думе с материалами его, Витте, сельскохозяйственного Совещания, закрытого царем.

На революционные события первых дней октября 1905 г. Витте отозвался речью о том, что «нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархией», и запиской царю с программой либеральных реформ. Наступили критические для самодержавия дни середины октября, когда всеобщая стачка парализовала железнодорожную сеть и министрам приходилось добираться к царю в Петергоф на канонерке (чуть не вплавь, как выражался Витте). Забастовали служащие Государственного банка и рабочие типографии, размножавшей государственные бумаги, так что их приходилось рассылать сановникам в машинописном виде. Треповский приказ «патронов не жалеть» некоторое время казался нелепостью.

Витте, почти ежедневно наведывавшийся в Петергоф, усвоил по отношению к Николаю II и Александре Федоровне, участвовавшей в важнейших решениях тех дней, строгий и решительный образ действий. Он предлагал им на выбор либо учредить диктатуру, либо — свое премьерство на основе ряда либеральных шагов навстречу обществу в конституционном направлении. Игра его была почти беспроигрышной: он хорошо знал, что военной диктатуры царь остерегался, видя в ней умаление самодержавной власти, к тому же те два кандидата в диктаторы, которых Витте назвал, никак не подходили на эту роль. И после нескольких дней тяжких колебаний царь согласился издать составленный под руководством Витте документ, получивший известность как манифест 17 октября. Российским подданным этим манифестом предоставлялись гражданские свободы, а будущая Государственная дума, созыв которой был провозглашен еще 6 августа, наделялась законодательными правами вместо законосовещательных, обещанных 6 августа. Добился Витте и опубликования наряду с манифестом своего всеподданнейшего доклада с программой реформ.

---

[38] См. Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны.
[39] Красный архив, 1923, т. 4, с. 64, дневник А. А. Половцова, запись 19.IX.1905.

При всех разногласиях между историками и правоведами относительно оценки манифеста 17 октября именно с этим актом традиционно связывается переход от самодержавной формы правления в России к конституционной монархии, а также либерализация политического режима и всего уклада жизни в стране. К заслугам Витте перед старой Россией, выразившимся в экономических преобразованиях и только что заключенном мире с Японией, добавился теперь и манифест 17 октября, вызвавший надежды на политическое обновление государства и общества. 19 октября появился указ о реформировании Совета министров, во главе которого и был поставлен Витте.

Права председателя Совета министров были невелики, особенно для человека с таким активным и властным характером. Как и обещал Витте царю, добиваясь создания «объединенного» правительства, Совет отнюдь не стал кабинетом в европейском смысле. Он был ответствен не перед Думой (Витте, впрочем, был смещен до ее открытия), а перед царем. И министров назначал царь, хотя Витте и позволил себе здесь противостоять царской воле. «Я этого нахальства никогда не забуду»,— написал Николай II в октябре 1905 г. на докладе о том, что Витте, уже добившийся удаления Коковцова с поста министра финансов, категорически требует и полного отстранения его от государственной деятельности [40]. Во всех делах, которые Совет рассматривал, за царем оставалось последнее слово.

Будучи министром финансов, Витте имел бóльшую власть и пользовался бóльшим влиянием, чем как глава правительства. Не только ограниченность компетенции Совета министров играла здесь роль, но и совершенно различный характер отношений Витте с Александром III и Николаем II. Первый во всем доверял Витте, а второй считал его чуть ли не злым гением своего царствования. Сейчас же после своего назначения Витте вступил в переговоры с представителями либеральной общественности об их вхождении в правительство. Переговоры ничем не закончились, оказавшись политическим маневром царизма, несколько раз повторенным впоследствии преемниками Витте. В состав возглавленного им первого «объединенного» правительства, хотя Витте и стремился к известному единомыслию, вошли такие разные по политическим устремлениям лица, как министр внутренних дел П. Н. Дурново (вместе с которым, ввиду его очень уж «яркой» репутации, не пожелали войти в кабинет «общественники») и граф И. И. Толстой, убежденный либерал, сменивший на посту министра народного просвещения генерала В. Г. Глазова.

Из своего особняка на Каменноостровском проспекте Витте переехал в одно из запасных помещений Зимнего дворца на Дворцовой набережной. Сюда по вечерам съезжались министры на заседания Совета (вместе с председателем Государственного совета их было 14 человек; иногда заседания происходили в Мариинском дворце). Результаты рассмотрения того или иного вопроса на заседаниях Совета облекались в форму представляемых царю меморий или всеподданнейших докладов председателя. Иногда по важнейшим вопросам, чаще всего связанным с подавлением революционного движения, Витте составлял доклады в обход Совета министров, писал их от руки, не только не соблюдая установленной формы, но и без обращения. Бумаги эти с царскими резолюциями наиболее одиозного содержания Витте собрал у себя и пытался сохранить, однако после его отставки царь потребовал их вернуть. Оба они не только соперничали между собой в жестокости карательных распоряжений, но и готовы были обвинять друг друга то в по-

---

[40] Шебалов А. В. Граф С. Ю. Витте и Николай II в октябре 1905 г.— Былое, 1925, № 4(32), с. 107.

пустительстве революционерам, то в опасных политических последствиях карательных действий. Витте при этом старался выступать (а также задним числом представлять себя), смотря по обстоятельствам, то безжалостным и твердым охранителем, то искусным миротворцем, умевшим обходиться без применения силы. Чтобы не брать на себя всего одиума репрессий, он не стал брать в свои руки Министерство внутренних дел.

Витте, Дурново и генерал Трепов (который после воссоздания Совета министров лишился влиятельного положения петербургского генерал-губернатора с особыми полномочиями, товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и командующего отдельным корпусом жандармов, но получил также весьма влиятельный благодаря близости к царю пост дворцового коменданта) составили своеобразный треугольник сил в борьбе влияний вокруг трона. Яблоком раздора послужила оценка роли и заслуг каждого в борьбе с революционным движением. Витте утверждал в своих мемуарах, что ему вредил у царя Трепов. Такое мнение было весьма распространено. Однако генерал А. В. Герасимов, возглавлявший тогда Петербургское охранное отделение, утверждал, что Витте и Трепов с осени 1905 г., после возвращения Витте из Портсмута, действовали рука об руку, а в назначении Витте председателем Совета министров сыграла роль рекомендация Трепова. Но к началу 1906 г., когда влияние Трепова еще более возросло, его отношения с Витте испортились; а в это время и Дурново одержал над Витте верх у царя, и весной 1906 г., как писал Герасимов, известный деятель политического сыска П. И. Рачковский, один из инициаторов смены премьера, провел по поручению Трепова переговоры с Горемыкиным, кандидатура которого и была представлена царю [41].

Впрочем, конфликты Витте с царем нарастали без чьих бы то ни было вмешательств, и причиной их были отнюдь не только приемы борьбы с революцией. Как писал Витте, царь «желал действовать в нужных случаях с каждым министром в отдельности и стремился, чтобы министры не были в особом согласии с премьером» [42]. Конфликт обострился в первой половине февраля 1906 г., когда Витте, чтобы обойти нормы закона, по которым ни он, ни Совет министров как коллегия не пользовались правом участия в назначении министров, собрал их всех на частное совещание и, заявив о намерении уйти в отставку, добился единогласного решения, что царские кандидаты не отвечают требованию однородности состава правительства. Этому предшествовал конфликт из-за петиции киевских правых, приписывавших виттевской политике в аграрном вопросе «затаенную цель — не удавшуюся среди городских и рабочих классов революцию перенести в села и деревни, дабы всеобщим народным взрывом вызвать тот политический переворот, которого столь настойчиво добиваются крайние революционные партии». «Осерчал граф»,— написал Николай II на гневном письме Витте, в котором инициатива петиции приписывалась «черной сотне Государственного совета» [43].

Став председателем Совета министров, Витте не потерял интереса к переустройству крестьянского землевладения, хотя центральным становился теперь вопрос о принудительном отчуждении в пользу крестьян части казенных и помещичьих земель. Временами, в моменты подъема крестьянского движения, даже в самых консервативных помещичьих кругах готовы были пойти и на это; 3 ноября царским манифестом были отменены выкупные платежи. Однако как только карательная политика приносила успех, аграрное реформаторство встречало сопротивление. Витте, несомненно, поддерживал вначале аграрный законопроект Н. Н. Кутлера, возглавлявшего в его кабинете ведомство землеустройства и земледелия. В случае принятия этого проекта принудительному отчуждению подлежало 25 млн. десятин, причем запланированные суммы, которые крестьяне должны были уплатить помещикам, значительно превышали выкупные платежи по реформе 1861 года.

Сходство этого проекта с кадетской аграрной программой, сопротивление помещичьей верхушки, естественно, вредили и Кутлеру и Витте в глазах царя; к тому же было подавлено Декабрьское восстание и уже наступил зимний спад крестьянского движения. И на полях всеподданнейшего доклада Витте 10 января 1906 г. по поводу кутлеровских предложений появились резолюции царя: «Не одобряю»; «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной». Витте пришлось пожертвовать своим единомышленником (автор проекта «несколько сбился с панталыку», говорится в записке, поданной им царю), предательски сняв с себя ответственность за кутлеровский проект. Но ту часть доклада Витте, где речь шла о том, чтобы в связи со сложением выкупных платежей признать надельные земли собственностью владельцев и установить порядок выхода крестьян из общины, Николай II одобрил как меру, обещавшую смягчить крестьянский натиск на землевладение помещиков, не затрагивая их интересов. Вопрос о переходе к индивидуальной крестьянской собственности был включен в программу занятий Думы, разработанную виттевским кабинетом.

За полгода председательствования Витте Совет министров рассматривал вопросы различного характера и значения — от подготовки к созыву Думы, работу которой Витте предлагал сразу же «направить к определенным хотя бы и широким, но трезвым и деловым задачам», чтобы предотвратить развитие ее оппозиционности, до пенсионных прав врачей больницы Покровского монастыря. Правительство Витте занималось введением исключительного положения в различных местностях, расширением правительственной пропаганды как «средства успокоения населения и утверждения в нем правильных политических понятий», применением военно-полевых судов, смертной казни, репрессий против государственных служащих за участие в революционном движении. Порой Совету министров приходилось отмечать и даже пресекать карательные излишества, выражать неодобрение черносотенным выступлениям, приравненным по наказуемости к революционным, вырабатывать меры по предотвращению погромов. Действия против революции Витте делил на карательные — «так сказать, меры отрицательного свойства», дающие «только наружное временное успокоение», и меры «органического характера». Эти последние заключались в уступках тем или иным социальным группам для их умиротворения и, в сущности, составляли элементы внутренней политики правительства.

Хотя важнейшие вопросы окончательно рассматривались на особых заседаниях у царя, Витте руководил их предварительным рассмотрением в Совете министров. Проект Основных законов он подверг правке, исходя из стремления сократить права Думы и Государственного совета по пересмотру их собственных статутов, лишить их возможности проявлять инициативу в расширении своей компетенции. Позаботился он и о том, чтобы установить ответственность правительства не перед Думой, а перед царем. Совет министров предложил царю издать срочно новые Основные законы, чтобы поставить Думу перед свершившимся фактом, и включить в них все, что возможно, в свою пользу и, главное, указать, что инициатива их пересмотра остается прерогативой царя. Впоследствии Витте на этом основании изображал себя единственным спасителем самодержавия.

[41] Gerassimoff A. Der Kampf gegen die erste Russische Revolution. Frauenfeld. 1934, S. 55—61.
[42] Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. М. 1960, с. 113.
[43] Красный архив, 1925, т. 4—5, с. 157.

В полугодичной деятельности его кабинета большое место отводилось преобразованиям, связанным с осуществлением провозглашенных 17 октября гражданских свобод,— законам об обществах и союзах, о собраниях и печати. Витте сознавал неизбежность этих реформ, в частности решительно отстаивал необходимость ликвидации гражданского бесправия крестьян. Политические партии, считало правительство, «являются совершенно необходимым последствием допущения, в той или иной форме, населения к участию в управлении». Элементы правового порядка Витте хотел использовать для развития нового строя, противоречивый характер которого современники выражали парадоксальной формулой: «конституционная империя с самодержавным царем». Он и сам готов был в случае тактической необходимости следовать этой формуле. В середине февраля 1906 г. он стал перед царем и сановниками в позу сторонника неограниченной царской власти и принялся доказывать, что манифест 17 октября не только не означал конституции, но и может быть «ежечасно» отменен. «Говорить, что Вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию н должны ее сохранить»,— заявил царю граф К. Н. Пален, возражая Витте [44].

В целом же Витте старался вести дело по-западному, изучая печать как выразительницу общественного мнения и воздействуя на него с ее помощью. «Мои ежедневные доклады у графа бывали по вечерам, после обеда,— писал состоявший при Витте в роли секретаря А. А. Спасский-Одынец.— Сергей Юльевич засиживался до двух часов утра. Его последней работой был просмотр большой объемистой папки газетных вырезок за каждый день... Конечно, особенным вниманием графа отмечались все критические статьи по адресу правительства. Редкие газеты его не критиковали и, пользуясь тогдашней свободой печати, откровенно бранили. Одни фельетоны почтенного Дорошевича в московском «Русском слове» чего стоили. Все это нервировало графа. Однако три газеты были в особенном положении. Это «Новое время», «Свет» В. В. Комарова и, как это ни покажется удивительным, газета «Русские ведомости»: эти три газеты читал государь. Об остальных он отзывался: «паршивцы», «дрянь» и еще крепче... Их кто-то для его величества прочитывал,— вероятнее всего, генерал Трепов. Об этом можно судить по тем отметкам на страницах, которые посылались председателю Совета министров, как например: «Сергей Юльевич! Неужели мое правительство так беспомощно, что не имеет законных средств посадить на скамью подсудимых эту революционную с...?» — особенно четко выписывалось последнее слово. Все это послужило основанием для выпуска газеты «Русское государство» как вечернего приложения к «Правительственному вестнику»... Это была четвертая газета, которую внимательно читал государь.

Кроме этих папок вырезок из русских газет, я представлял два обзора в неделю европейской и американской прессы. Это была работа состоявшего при мне моего частного секретаря-переводчика, некоего Казакевича. Представляя эти обзоры графу, я в некоторых, особо важных случаях тут же представлял проект тех «инспираций», которые были чрезвычайно нужны в те недели и месяцы, когда Коковцовым, при непосредственном руководстве Витте, велись в Париже переговоры о миллиардном займе. Делалось это в форме заготовленной статьи на двух, французском и английском, языках за исключением господина Диллона, корреспондента английской «Дейли телеграф»,— которому, и именно ему наиболее часто,— на русском языке, так как он неплохо им владел. Все эти правительству нужные корреспонденты, кроме оплаты, так сказать «поштучно», т. е. за напечатание нужного правительству текста,

[44] Кризис самодержавия в России. Л. 1984, с. 280.

получали ежемесячное пособие, достаточное для оплаты пребывания в гостинице с полным содержанием. Конечно, это касалось только больших европейских газет» [45].

В конце апреля 1906 г. перед открытием Думы Витте вышел в отставку. Он считал, что обеспечил политическую устойчивость режима, исполнив две свои главные задачи: возвращение войск с Дальнего Востока в Европейскую Россию и получение большого займа в Европе.

К действиям правительства Горемыкина, ставшего его преемником, Витте отнесся весьма критически. Однако приход на пост председателя Совета министров в июле 1906 г. П. А. Столыпина вызвал у него одобрение и надежды на успех переговоров о вхождении представителей либеральной оппозиции в кабинет. 19 июля 1906 г., после роспуска I Думы, Витте писал К. Д. Набокову: «Происходящее в России очень печально. Была большая ошибка после того как я ушел из-за Дурново — сформировать кабинет из явных и тупых реакционеров. Кабинет этот вел себя в отношении Думы, с одной стороны лакейски, а с другой — нахально (свойство лакеев). Для чего, когда я ушел, сменили всех министров? Например, Владимира Николаевича (Ламздорфа.— *Авт.*)? Да еще в такое трудное в международном отношении время. Я лично Столыпина не знаю, но по его деятельности хорошего о нем мнения. Думаю, что покуда не удастся сформировать министерства из общественных (но соответствующих) деятелей, поручение министерства Столыпину решение правильное... Неужели все... и нереволюционные партии в России не понимают, что если они все не объединятся, то в конце концов одолеет стихийная сила разрушения — грубая революция. Будет уничтожена вся культура, как материальная, так и духовная. Теперь самая организованная мирная и нереволюционная партия есть партия кадетов. Чтобы спасти положение, ей следовало бы окончательно отряхнуться от революционеров и тогда к ней постепенно пристанут все элементы, желающие мирного обновления и установления конституционных порядков. Кадеты грешат тем, что желают балансировать между двумя несовместимыми течениями» [46].

Прогнозы Витте о создании кабинета с участием общественных деятелей не оправдались, а его отношение к Столыпину вскоре резко изменилось и стало враждебным. Витте обвинял Столыпина в покровительстве черносотенным организациям, которые вели травлю опального премьера. В 1907 г. Союз русского народа устроил (неудавшееся, впрочем) покушение на Витте и его семью, опустив в дымоход особняка на Каменноостровском проспекте адские машины.

Отставка с поста председателя Совета министров стала для Витте концом политической карьеры. Однако сидеть сложа руки он не собирался и не терял надежды вернуться к власти. Оставались еще такие средства политической борьбы, как трибуна Государственного совета и печать. С присущей ему энергией Витте использовал их для того чтобы снять с себя ответственность за происхождение русско-японской войны и революции и вообще представить свою государственную деятельность в выгодном свете. За время службы в Министерстве финансов, Комитете и Совете министров Витте собрал в своем домашнем архиве значительную коллекцию документов. Она послужила основой для большой литературной работы, начатой Витте после падения его правительства.

В течение зимы 1906—1907 гг. под руководством Витте и с помощью его литературных сотрудников была подготовлена рукопись «Возникно-

[45] Воспоминания А. А. Спасского-Одынца. Хранятся в Бахметевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

[46] Цит. по: Шаховская З., Герра Р., Терновский Е. Русский альманах. Париж. 1981, с. 414—415.

вение русско-японской войны», имевшая «характер как бы личных мемуаров графа по делам, относящимся к Дальнему Востоку». Дальневосточная эпопея была описана в книге с начала 1890-х годов и до 1903 года. Витте представлен в книге миротворцем, инициатором строительства Сибирской магистрали и мирного экономического проникновения на Дальний Восток и в Маньчжурию. Вся ответственность за происхождение войны возлагалась в книге на Безобразова и компанию, а также на Плеве. Весной 1907 г. за границей Витте приступил к работе над «рукописными заметками», названными им «воспоминаниями», уже без всяких оговорок. Описание событий Витте начал с осени 1903 г., и дальневосточная тема получила в них свое продолжение. Зимой 1910—1911 гг., находясь в Петербурге, Витте диктовал «стенографические рассказы» о своей жизни начиная с детских лет и довел их до конца 1911 года. К осени 1912 г. были подготовлены основные мемуарные труды Витте, состоявшие из трех частей: истории возникновения русско-японской войны, рукописных заметок и стенографических диктовок. Все эти три части Витте хранил за границей вместе с некоторыми наиболее важными бумагами своего архива и завещал каждую отдельно издать после его смерти.

Однако едва закончив работу над воспоминаниями, Витте начал публиковать части или отрывки в виде отдельных книг, журнальных и газетных статей, интервью. Некоторые из них в зависимости от обстоятельств появлялись под именами литературных сотрудников, привлеченных Витте к этой работе. В 1914 г. в 12 номерах журнала «Исторический вестник» Витте напечатал «Возникновение русско-японской войны» под названием «Пролог русско-японской войны». В качестве автора назван редактор «Исторического вестника» Б. Б. Глинский. В том же году «Возникновение» вышло в свет в Лейпциге в виде отдельной книги на французском языке. Автором ее значился уже Пьер Марк [47].

В конце 1913 г. Витте принял самое живое участие в начатой правыми кампании против председателя Совета министров и министра финансов Коковцова. Витте инспирировал серию критических статей, дискредитировавших экономическую политику Коковцова, а 10(23) января 1914 г. выступил в Государственном совете, обвинив Коковцова в использовании винной монополии для «выкачивания из народа... денег в казну». Витте утверждал, что «питейный доход» государства за десять лет (с 1903 по 1913 г.) вырос на 500 млн. рублей, то есть на сумму, в три с лишним раза превышавшую бюджет Министерства народного просвещения [48].

Ведя войну против Столыпина, а затем Коковцова, Витте рассчитывал, что уход с государственной сцены его влиятельных противников позволит ему вернуться к политической деятельности. Он не терял этой надежды до последнего дня своей жизни. В начале первой мировой войны, предсказывая, что она кончится крахом для самодержавия, Витте заявил о готовности взять на себя миротворческую миссию и попытаться вступить в переговоры с немцами [49]. Но он уже был смертельно болен и скончался 28 февраля 1915 года. Несмотря на то, что внимание печати было приковано к событиям на фронтах, имя бывшего премьера в течение нескольких дней не сходило со страниц газет. Слишком многое в истории страны последних двух десятилетий было связано с этой личностью. «Одним вредным человеком в России стало меньше»,— с торжеством сообщали крайне правые газеты.

---

[47] Подробнее об этом см.: Вопросы историографии и источниковедения историн СССР. М.— Л. 1963, с. 317—319.

[48] Государственный совет. Стеногр. отч. Сессия девятая. Спб. 1914, стб. 342—343.

[49] Проблемы истории международных отношений. Л. 1972, с. 126—155.

Царская чета встретила известие о смерти Витте как подарок судьбы. На этот раз в реакции Николая II не было и тени свойственного ему в подобных случаях глубокого безразличия, проявленного в дни гибели таких верных ему слуг, как Сипягин, Плеве или Столыпин. Витте был единственным из министров Николая II, не просто усердно работавшим в тени императорской власти, но вышедшим из этой тени, непомерно возвысившимся в дни своего короткого премьерства. Что бы он ни писал и ни печатал о русско-японской войне и революции, доказывая свою непричастность к их происхождению, выставляя себя спасителем царской власти, для Николая II события ненавистной ему революции были прежде всего связаны с именем Витте. Царь не мог простить ему унижений, пережитых в трудные дни осени 1905 г., когда Витте вынудил его сделать то, чего он не хотел и что противоречило прочно сложившимся в его сознании представлениям о самодержавной власти.

Среди государственных деятелей последних лет существования Российской империи Витте выделялся необычным прагматизмом, граничившим с политиканством. Славянофильское воспитание не помешало ему в 1890-е годы проводить программу ускоренного промышленного развития России с привлечением иностранных капиталов. Из убежденных сторонников общины он перешел в лагерь ее непримиримых противников. Вступив на пост министра финансов с намерением начать инфляционную политику, Витте исполнил то, что не удавалось его предшественникам: стабилизировал денежное обращение и ввел золотую валюту. Провалив в 1899 г. попытку Горемыкина учредить земство в Западном крае и обвинив его чуть ли не в конституционализме, Витте подготовил манифест 17 октября — акт гораздо более значительный по своим политическим последствиям. Прагматизм Витте был не только отражением свойств его личности, но и явлением времени. Витте показал себя выдающимся мастером латать расползавшийся политический режим, ограждая его от радикального обновления. Он многое сделал для того чтобы продлить век старой власти, однако был не в силах приспособить отжившую свое систему государственного управления к новым отношениям и институтам и противостоять естественному ходу вещей.

ВОСПОМИНАНИЯ

МЕМУАРЫ НИКИТЫ СЕРГЕЕВИЧА ХРУЩЕВА

Дела предвоенные

В 1940 г. нами была проведена операция по освобождению Бессарабии от румынских войск. Это тоже вытекало из августовского договора 1939 г., который был подписан с немцами. Но кроме того тут мы хотели вернуться к исторической правде, которая была нарушена румынским королевским правительством после Октябрьской революции. Румыны были союзниками России против Германии в первой мировой войне. Однако когда после Октябрьской революции они почувствовали нашу слабость, то двинули свои войска, оккупировали Бессарабию и удерживали ее до 1940 года.

Я, будучи членом Военного совета Киевского Особого военного округа, принимал активное участие в организации освобождения Бессарабии. В это время командовал войсками КОВО Жуков. Тимошенко к тому времени стал наркомом обороны СССР. Был детально разработан план продвижения наших войск и занятия исходных позиций, намечены переправы, созданы ударные группы. Одним словом, все, что нужно сделать для того, чтобы успешно провести эту операцию, было планом предусмотрено. Вопрос заключался только в том, окажут ли сопротивление румынские войска. На границе они держали себя очень плохо. Они часто совершенно без всякого повода стреляли по пограничникам, которые несли охрану нашей границы, по колхозникам. Эта граница не считалась у нас спокойной. Румыны проявляли враждебность к нам, хотя мы ничего не позволяли себе в отношении румынской границы и румынских пограничников. Поэтому мы не знали, как румынские войска будут вести себя.

Предъявили мы ультиматум, и наши войска стали готовиться к переправе через Днестр. Румыны не оказали сопротивления и стали отходить. Я не помню сейчас, какие дипломатические переговоры велись, как они протекали и чем завершились, но мы стали переправляться на правый берег Днестра, а румынские войска стали отходить от границы. Мы переправлялись совершенно беспрепятственно. В это время мы с маршалом Тимошенко были на Тираспольском направлении. Как только переправились на правый берег Днестра, сразу же соприкоснулись с населением. Оно нас встречало радушно, даже очень радушно. В тот же день Тимошенко предложил полететь на самолете в глубь Бессарабии за линию румынских войск и сесть на лугу около деревни Фурманка. Он хотел, конечно, повидать своих близких, брата, сестру. Почти у всякого человека набирается много родственников, особенно если родственник занимает такое высокое положение, как тогда Тимошенко — нарком обороны великой страны. Он уверял, что мы спокойно сядем на самолете: там хороший луг недалеко от его деревни, а потом мы дойдем или

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 2—7.

сбегутся люди и довезут нас. Это было немножко рискованно, потому что румыны передвигались в этом районе к Пруту и за Дунай, а мы должны садиться на территорию, которая еще не освобождена от румынских войск.

Полетели мы, сделали круг. С воздуха Тимошенко узнал свою Фурманку и показал мне в окно: вот озеро, какая там охота! Начались тут всякие воспоминания о его детстве и юности. Он не был в Фурманке с начала первой мировой войны, как его призвали в армию. Его, естественно, тянуло в родные места, где он провел свое детство. Сели мы на лугу, сейчас же со всех сторон сбежались люди: кто пеший, кто верхом на лошади или в запряжке. Сейчас же самоорганизовался митинг. Помню, выступал какой-то бородатый крестьянин. Мне говорили, что он старообрядец. Одно не подтверждало, что он старообрядец: уж очень он отборно ругался в адрес румынских офицеров. Я давно не слышал такой отборной, неповторимой русской ругани. Он это делал публично на большом митинге, а ругал он их даже за то, что румынские офицеры красят губы, и сравнивал их с непутевыми женщинами (но он применил другое выражение).

На этом митинге оказался и священник. Потом он подошел к нам и расцеловался с Тимошенко. Позже я узнал, что этот человек стал священником во времена оккупации Бессарабии Румынией и что он выходец из семьи, состоящей в родственных связях с Тимошенко. Дали нам, кажется, лошадей, и поехали мы к Фурманке. Фурманка нас встретила очень хорошо. Говорю — нас, потому что я тоже там был, но это была торжественная встреча их земляка Тимошенко. Сейчас же нас пригласил к себе брат Тимошенко, потом приехала его сестра.

Началось угощение. Стали приходить знакомые. Дело уже близится к ночи. Вижу, воспоминаниям, беседам и вину нет конца. Каждый, кто приходил, обязательно приносил огромный сулей (так называют там большие бутыли вина). Тогда я сказал: «Вы тут родственники и знакомые, ведите беседу, а мне разрешите удалиться». Я ушел в большой сарай и спал там. Утром встал я рано, но уже рассвело. «Как,— спрашиваю,— маршал? Спит или встал?» «Маршал еще и не ложился». Я зашел в дом, а они еще продолжали сидеть за столом и вели беседу. Кончилось тем, что к нам прибежал посыльный от Жукова с донесением, что Москва очень беспокоится и ищет Тимошенко.

Из этой Фурманки мы вылетели тем же самолетом и полетели в Черновицы. Там, около Кишинева или в Черновицах, был организован штаб и имелся телефон ВЧ, по которому можно было поговорить со Сталиным. Прилетели мы туда и поговорили с Москвой, доложили, что все хорошо и наши войска вышли на новую границу, то есть на Прут и Дунай. Так мы заняли территорию, которая после Октябрьской революции была отторгнута румынами, воспользовавшимися военной слабостью молодой Советской республики. Наши войска вышли на ту границу, которая была до первой мировой войны, но с некоторым исправлением в районе Черновиц и Тарнополя: эти территории до первой мировой войны входили в состав Австро-Венгерской монархии. Здесь исправления были сделаны в нашу пользу, и это исторически оправданно, потому что эти земли населяли украинцы. Следовательно, украинцы, проживавшие на этой территории, воссоединились со всем украинским народом и вошли в единое Советское государство. Я считаю, что и юридические, и моральные права, безусловно, были на стороне Советского правительства, на стороне ВКП(б), на стороне действий, которые осуществлял тогда от имени партии, от имени нашего государства Сталин.

Спустя какое-то время после разгрома войск Англии и Франции в 1940 г., захвата немцами Парижа и капитуляции Франции у нас упорно носились слухи, а западная печать открыто писала, что немцы на-

правляют свои войска в Румынию. Поэтому занятие нами Бессарабии еще больше толкнуло Антонеску в объятия Гитлера. Антонеску правил страной от имени короля, он определял там политику. Это был человек профашистских взглядов. Следовательно, надо было учитывать, что этот участок границы тоже должен быть под строгим наблюдением и надо что-то делать, чтобы укреплять там наши новые рубежи. Однако на советско-румынской границе по линии Прут — Дунай мало что делалось. Можно даже сказать, что ничего не делалось. Мы только ввели свои войска и расположили их в соответствующих местах. Каких-то работ по созданию укреплений на границе не производилось. И когда началась война, граница там оказалась очень слабой.

Итак, уже закончился период «странной войны» Франции и Англии против Германии, когда война была объявлена, войска сосредоточены, но активных военных действий не велось. Эта «странная война» вселяла некоторую тревогу в руководство Советского Союза. Мы опасались, не закончится ли она сговором между Англией и Францией, с одной стороны, и гитлеровской Германией — с другой, в результате чего гитлеровскую военную машину направят на восток, то есть против СССР? Это было вполне реально, хотя некоторые у нас этого и в мыслях не допускали. Никакого особого противоречия не было в таком сговоре, потому что и та и другая стороны стояли на капиталистических основах; и та и другая стороны ненавидели марксистско-ленинское учение и наше государство, которое было единственным островом социализма в капиталистическом окружении.

Наконец-то на Западе начались активные военные действия. Это была весна 1940 года. Точного числа я уже не помню, но каждый грамотный человек может отыскать его в справочниках. Немцы перешли в наступление, и перешли в таком месте, где их меньше всего ожидали. Главные силы Франции были сосредоточены на линии Мажино. Я не изучал специальную литературу и не могу сказать, насколько эта линия была неприступной. Но печать твердила об этом и во время ее строительства, и после. Поэтому в ответ на постройку линии Мажино Гитлер построил линию Зигфрида. Таким образом, и с той и с другой стороны вроде бы были неприступные валы, как их называли. Это успокаивало, обнадеживало французов и ослабляло их волю к должной организации войск, мешало им предусмотрительно относиться к другим возможностям, которые могут использовать немцы против Франции и Англии.

Немцы ударили через Голландию и Бельгию. Сопротивление этими странами было оказано слабое, и немцы вышли на территорию Франции. Там они без больших затруднений разгромили французско-английские войска и двинулись в глубь страны. В районе Дюнкерка они устроили большой разгром войск противника, и англичане сразу же приступили к эвакуации своих войск на Британские острова, они успели вывезти много своих войск. Все говорило о том, что Великобритания отказалась от борьбы против немцев на территории Франции. Тогда в печати очень много писали о применении немцами нового метода ведения войны: выброска воздушного десанта в тылу противника. Десант наводил буквально панический страх на французов и обращал их в бегство. Немцам был открыт путь на Париж.

В это время я случайно (не помню, у меня ли имелись какие-то вопросы или Сталин меня вызвал) был в Москве. Я видел, что Сталин очень озабочен развитием военных событий на Западе. Но он не распространялся по этому поводу и не высказывал своей точки зрения. В ходе обмена мнениями он говорил только, что французы и англичане оказались очень слабыми, не сопротивляются немцам, и те наступают, реализуя свои замыслы... Вдруг было получено известие по радио, что немцы

вступили в Париж, а французская армия капитулировала. Вот тут Сталин нарушил свою замкнутость и очень нервно выругался в адрес правительств Англии и Франции за то, что они допустили разгром своих войск.

То, что Гитлер захватил Париж, а Франция капитулировала, очень расстроило, взволновало его: «Не смогли они оказать сопротивления, подверглись разгрому со стороны фашистских войск». Так он реагировал. В это время у него был я и еще присутствовал там, наверное, Молотов. Он всегда бывал у Сталина. Редко, когда я был у него, не было там Молотова или Берии. Жданов бывал тоже часто, но реже. Почему Сталин так реагировал на падение Парижа? Теперь немцы выполнили свои цели на Западе, вынудили Францию капитулировать, создали там прогерманское правительство во главе с Петеном. Для них это был конец войны во Франции. У немцев оставалась одна цель — принудить капитулировать Англию и организовать вторжение на Британские острова.

Победа немцев во Франции — это уже был сигнал, что угроза войны против Советского Союза возросла. На Западе силы, враждебные немцам, разбиты; следовательно, у них остается главная задача — сокрушить Советский Союз, который привлекал немцев с давних времен и богатствами и своей территорией. Но главным было столкновение идей. Ведь Гитлер взял на себя священное обязательство быть освободителем Европы и мира от марксизма. Поэтому главный враг, враг № 1 — это марксистско-ленинские идеи, а главный носитель этих идей и претворитель их в жизнь — народы Советского Союза. Война против нас была неизбежна. Она уже была объявлена в книге Гитлера «Майн кампф». Этот момент приближался, и Сталин тревожился.

Он тревожился еще и потому, что уже понимал, что наша армия не так сильна, как об этом писали в газетах и говорили на митингах. Свою слабость Красная Армия показала в войне с финнами, где были большие потери и с трудом решались поставленные задачи. В результате Финской войны произошла смена в руководстве Наркомата обороны: Ворошилова заменил Тимошенко.

Легкий, без особых усилий со стороны немцев разгром англо-французских войск еще больше пугал Сталина. Правда, во Франции нашлись люди, которые не признали капитуляции, бежали из страны и организовали свое движение. Возглавил его де Голль. Мы были уверены, что Французская компартия тоже все сделает для того, чтобы организовать борьбу против оккупантов. Но для этого требуется время, а немцы, конечно, используют все возможности, чтобы поскорее достичь своей конечной цели на Западе — разгрома Англии то ли путем вторжения, то ли путем дипломатических переговоров. Все это развязывало немцам руки на Западе, обеспечивало их тыл и давало возможность двинуть свои войска против Советского Союза.

С приходом маршала Тимошенко работа в Наркомате обороны, по моим наблюдениям, зашевелилась. Это были довольно слабые, разрозненные наблюдения. Я только что слышал другой раз, как докладывает Тимошенко Сталину или Сталин звонит Тимошенко по военным вопросам. В то время все искали возможности создания лучшего стрелкового оружия. После Финской войны встал вопрос о создании автоматического скорострельного оружия для вооружения пехоты. В это же время началось внедрение в войска новой, облегченной и скорострельной винтовки с большим количеством патронов в заряде. По этим вопросам много спорили. Часть военных резко высказывалась против внедрения в войска автоматического оружия, аргументируя свою точку зрения тем, что уменьшится кучность стрельбы и, следовательно, эффективность огня. Понадобилась Финская война, в которой белофинны успешно применяли немецкие автоматы, чтобы решить этот спор.

Всеми этими вопросами Сталин занимался сам, и больше никто к этому не был допущен. Так же и с танками. Помню, мне Сталин сказал в 1941 г.: «Вы обратите внимание, в Харькове на бывшем паровозостроительном заводе создается дизель большой мощности. Это очень интересный, впервые создаваемый в Советском Союзе дизель. Я имею в виду, что, может быть, его возможно будет использовать на тяжелых бомбардировщиках». Сталин считал, что если дизель поставить на самолет, то будет меньше расход горючего, увеличится дальность полета. Это тоже характерно: он сказал мне, что на этом заводе делается дизель, который необходим для военных целей, а я, секретарь Центрального Комитета КП(б)У, этого не знал. И неудивительно: надо было знать порядок, который тогда сложился. К военным заводам у нас допуска совсем не было. Туда даже партийных работников не пускали. Хотя там, на заводе, была партийная организация, я и не знал о разработке дизеля, мне не докладывали. Что там производили паровозы, мне было известно; а что там делали дизель, я не знал. На заводе был отгорожен цех, он охранялся, проход туда был с особыми пропусками, и никто не имел права совать нос в эти дела. Знали лишь Сталин и те, кто имел прямое отношение к организации этого производства.

И только когда мне вдруг позвонил Сталин, я поехал на этот завод и познакомился с конструктором дизеля тов. Чупахиным. Дизель был очень интересный. Я не мог сделать заключение, может ли он быть пригодным для установки на бомбардировщике. Но для танка (а Чупахин его строил для танка) это был хороший дизель. Парторгом ЦК на этом заводе тогда был Епишев. Он только, по-моему, закончил Военную академию и был назначен парторгом ЦК, то есть не выбирался партийной организацией, а был утвержден Центральным Комитетом ВКП(б) и не был подотчетен местным партийным организациям.

Я установил связь с заводом и стал наблюдать за ходом работ. Не помню, в каком месяце, но это было летом, мне позвонили, что такого-то числа под Харьковом, на Северском Донце будет испытываться танк Т-34. Это был новый, многообещающий танк. Я сейчас же выехал в Харьков: хотел посмотреть, как работает дизель и что это за танк. Прибыл я в Харьков и в тот же день выехал на полигон на Донце, восточнее Харькова. Место для испытания танка было очень хорошо выбрано: там сыпучие пески и там же сильно заболоченные места около озера. Я наблюдал, стоя на возвышенности, как буквально бегает танк, преодолевая препятствия и в песках, и в болотах.

Помню, еще произошел тогда такой инцидент. Я его много раз вспоминал, когда позднее встречался с этими товарищами. Рядом со мной на испытаниях стояли люди, которых я не знал лично. Один из них, красивый мужчина лет 38, может быть 40, в синем, ладно сшитом, чистеньком комбинезоне, спрашивает меня: «Товарищ Хрущев, как вы оцениваете танк? Хороший танк?» Я говорю: «Видимо, танк очень хороший, действительно, грозой будет для наших врагов. Но танк-то танком, танк — это вроде телеги, а сердце танка — двигатель. Раз двигатель хорош, поэтому он и бегает». Он, человек умный и с юмором, глянул на меня и говорит: «Вы, видимо, товарищ Хрущев, ошиблись. Вы считаете, что я конструктор дизельного двигателя, то есть Чупахин, а я не Чупахин, я Кучеренко, один из группы инженеров, которые создают этот танк. Танк — это вам не телега!», и улыбнулся. Я извинился и говорю: «Вы правильно определили, я действительно принял вас за Чупахина. У меня такое вот мнение, не знаю, насколько оно правильно, но я все-таки оцениваю по двигателю силу и маневренность танка». Он как инженер-конструктор стал мне объяснять достоинства конструкции этого танка. Потом я на практике убедился, что он был прав. Эти танки действительно оказались очень грозным оружием Красной Армии, но, к сожалению, к началу войны их было еще очень мало.

После разговора со Сталиным я часто приезжал на этот завод и довольно подробно знакомился с производством, с организацией завода. Тогда Сталин поставил задачу расширения завода, запуска дизеля в серию и организации широкого производства танков Т-34.

Война неумолимо надвигалась. Хотя при встречах Сталин беседовал по этому вопросу очень редко, даже избегал этой темы, замыкался, но было заметно, что он очень волнуется и его это очень беспокоит. Это было заметно и по тому, что он к тому времени стал пить, и довольно много пить, причем не только сам, но и стал спаивать других. Обязательно, если он вызывает, у него бывает очень много народа. Он собирал как можно больший круг людей. Я думал, что он так волнуется потому, что начинает, оставаясь один, плохо себя чувствовать, поэтому ему нужна большая компания с тем, чтобы в этой компании как-то отвлечься от мыслей, которые его беспокоят. А мысли эти: неизбежность войны, а главное, то (о чем он, видимо, думал), что в этой войне мы потерпим поражение. Войны-то в былые времена он не боялся. Наоборот, считал, что война принесет нам победу и, следовательно, расширение территории, где будут установлены новые, социалистические порядки, будет развеваться победоносное революционное марксистско-ленинское знамя. Но в тот период он так уже не думал, а, наоборот, видимо, беспокоился о том, что если начнется война, то мы можем потерять то, что завоевали под руководством Ленина.

После капитуляции французов немцы обнаглели. Наглость эта проявлялась в бесцеремонности перелетов разведчиками их воздушных сил границы Советского Союза. Они углублялись до Чернигова, а однажды мы засекли, как они летали над Шосткой. Видимо, разведывали пути бомбежки Шосткинского порохового завода. Бывали случаи, когда немцы совершали вынужденную посадку. Помню, в районе Тарнополя сел самолет, и крестьяне буквально захватили в плен немецких летчиков. Кончилось это тем, что этих летчиков отпустили, исправили самолет, и все это прошло тихо, даже, по-моему, протеста не было. Это еще больше вызывало уверенность фашистов в их безнаказанности.

На границе мы видели, что немцами уже стягиваются войска, что они готовятся и что война неизбежна. Естественно, мы беспокоились не меньше Сталина. Помню, мы с командующим войсками КОВО обратились с письмом к Сталину. Я как секретарь ЦК КП(б)У предложил написать Сталину, рассказать, что делается у нас на границе со стороны немцев. Чтобы мы не были застигнуты врасплох, нам надо произвести кое-какие работы по укреплению границы. Там велись работы по созданию долговременных железобетонных укреплений с артиллерийскими и пулеметными установками. Это дело двигалось очень медленно, и было видно, что мы не успеем закончить эти работы. Поэтому я предложил командующему написать такое письмо. Он согласился.

Мы обратились к Сталину с просьбой разрешить нам временно мобилизовать 150 тыс. или больше колхозников, вывести их на границу, сделать противотанковые рвы и другие земляные работы по укреплению границы. Мы считали, что это нужно сделать. Мы понимали, что немцы будут видеть все, да и немецкая агентура в западных областях Украины была довольно широкой. Поэтому скрытно ничего сделать было нельзя. Но и немцы открыто вели работы по укреплению своей границы. Поэтому нам нужно было чем-то ответить. Но Сталин запретил это делать, сказав, что это может послужить причиной провокаций. Очень нервно он нам ответил. Немцы продолжали свои работы, а мы ничего не делали. Следовательно, наша граница осталась совершенно открытой для противника, чем он потом и воспользовался.

Чем я объясняю такое поведение Сталина? Думаю, что он тоже все видел и понимал. Когда был подписан договор с Риббентропом, Сталин сказал: «Ну, кто кого обманет? Мы обманем Гитлера!» Он все брал на себя. Это была его инициатива, он решил, что обманет Гитлера. А когда мы уже получили урок в войне с финнами, и не в нашу пользу, когда немцы легко разгромили войска французов и англичан и довольно успешно вели воздушные операции против англичан, бомбили города и промышленность Англии, тут он уже по-другому рассматривал возможный исход войны и боялся ее. В результате этой боязни он и не хотел ничего делать, что могло бы обеспокоить Гитлера. Поэтому он нажимал, чтобы аккуратно вывозили в Германию все, что по договору было положено: нефть, хлеб и я не знаю, какие еще товары.

Возможно, он думал, что Гитлер оценит, как аккуратно выполняем мы свои обязательства, вытекающие из этого договора. Может быть, он думал, что Гитлер откажется от войны против нас? Но это нелепость. Она была продиктована неуверенностью, а может быть, даже и трусостью. Трусость вытекала, как я уже говорил, из того, что мы показали свою слабость в войне с финнами, а немцы показали свою силу в войне с англичанами и французами. Эти события и породили вот такое состояние Сталина, когда он как-то потерял уверенность, потерял оперативность в руководстве страной.

К 1940 г. у нас накопилось много спорных вопросов с Гитлером. После длительных переговоров договорились о том, что Молотов должен съездить в Берлин. Он выехал туда поездом. Я приехал в Москву уже после его поездки. Это было, кажется, в октябре или ноябре 1940 года. Я услышал тогда в руководстве разговор, который мне не понравился. Видимо, у Сталина возникла потребность спросить о чем-то Молотова. Из вопросов Сталина и ответов Молотова можно было сделать вывод, что поездка Молотова еще больше укрепила понимание неизбежности войны. Видимо, война должна была разразиться в ближайшем будущем. На лице Сталина и в его поведении чувствовалось волнение, я бы сказал, даже страх. Молотов, сам по характеру человек молчаливый, характеризовал Гитлера как человека малоразговорчивого и абсолютно непьющего. В Берлине во время официального обеда подавали в узком кругу вино. Но Гитлер не брал даже бокала, ему ставили чай, и он поддерживал чаем компанию пьющих. Я не знаю конкретно тем деловых разговоров, которые велись в Берлине, по каким вопросам и какие у нас были с немцами расхождения. Это было очень трудно понять.

У нас сложилась такая практика: если тебе не говорят, то не спрашивай. Считалось, что эти вопросы знать не обязательно. Это, конечно, неправильный подход. Это верно в отношении чиновников. Но в отношении членов правительства и членов Политбюро — руководящего органа партии и страны — это нарушение всех правил, которые должны быть в партии, если она является действительно демократической. А наша партия, ленинская, имела именно такой характер. Но ограничение и отбор информации, которая давалась членам Политбюро, определялись Сталиным. Если говорить об уставном праве, то такого уставного права не существовало и существовать не может. Это уже результат сложившегося произвола, который приобрел какую-то «законность» при Сталине.

Молотов говорил, что во время поездки были приняты очень строгие меры по безопасности продвижения поезда от границы до Берлина: буквально в зоне видимости стояли солдаты. Он рассказывал, что во время деловых разговоров вдруг пришли и сказали, что англичане делают налет и сейчас самолеты появятся над Берлином. Предложили пойти в убежище. Пошли в убежище, и Молотов понял, что уже сложилась частая практика пользоваться убежищем. Это говорило о том, что англичане довольно основательно беспокоили Берлин и Гитлеру со своей компанией приходилось прибегать к использованию убежища.

Вскоре после поездки Молотова в Берлин произошел такой инцидент: Гесс улетел в Англию, выбросился там с парашютом и приземлился. Гесс — бывший летчик, поэтому он легко мог воспользоваться этим способом. Немцы пустили «утку», что он бежал. Но было видно, что здесь что-то кроется, не вяжутся концы с концами в версии о бегстве Гесса. Возникало сомнение, что это было бегство. Когда Молотов во время войны был в Лондоне, то ему предложили встретиться с Гессом, но Молотов отказался. А я тогда спросил Сталина: «Не является ли бегство Гесса выполнением особой миссии по поручению Гитлера? Он взял все на себя с тем, чтобы ничем его не связывать, а на самом деле является посыльным Гитлера. Он не бежал, а фактически полетел туда по поручению Гитлера с тем, чтобы договориться с Лондоном о прекращении войны и развязать Гитлеру руки для похода на Восток». Сталин выслушал меня и сказал: «Да, это так и было. Вы правильно понимаете этот вопрос». Он не стал развивать дальше эту тему, а только согласился со мною. Он очень сильно переживал начало войны, в первые ее дни, как известно, был совершенно парализован в своих действиях и мыслях и даже заявил об отказе от руководства страной и партией.

После поездки Молотова в Берлин не было никакого сомнения в том, что будет война. Но полагали, что эта война может быть оттянута во времени. Гитлер готовится, война будет развязана в ближайшее время, а в какое, мы, конечно, не знали. Думаю, что и Сталин не знал. Это невозможно знать, потому что каждая страна скрывает от своего противника начало войны, даже если она приняла решение начать войну.

Однажды я приехал в Москву зимой в конце 1940 или в начале 1941 года. Как только приехал, сейчас же раздался звонок. Передали, что Сталин просит заехать к нему на «ближнюю» дачу, а сам он нездоров. Я приехал к нему. Сталин лежал одетый, на кушетке, и читал. Мы обменялись приветствиями. Сталин сказал, что чувствует себя плохо. Тут же стал рассказывать мне о военных делах. Это был единственный раз, когда он заговорил со мной об этом. Видимо, он нуждался в собеседнике. Его очень тяготило, что он один. Так я думаю. Обычно у него не появлялось внутренней потребности обменяться с кем-либо мнениями по вопросам военного характера. Он был далек от этого, потому что, видимо, очень высоко ценил свои способности и низко оценивал их у других.

Он говорил тогда, что проходит совещание военных, а он лишен возможности принять участие. На этом совещании было принято решение в пользу какого-то оружия. Это возмутило Сталина, и он тут же начал звонить по телефону, кажется, Тимошенко, который был наркомом обороны. Он стал ему что-то выговаривать, придавая особое значение артиллерии и критикуя принятое решение. Видимо, совещание было широким, в нем участвовали все командующие военных округов. Я говорю это к тому, что в то время уже принимались меры, чтобы подготовиться к нашествию гитлеровских полчищ на Советский Союз.

Внешние проявления глубоких переживаний, волнения Сталина мною воспринимались по-человечески, потому что, действительно, такая прорва нависала над нашей страной. Гитлеру удалось покорить европейские страны, непосредственно подойти к границам Советского Союза и расположить свои войска в соприкосновении с нашими войсками. Их разделяла только граница, созданная после краха Польского государства. Угроза была, я бы сказал, самой реальной за всю историю существования СССР. Смертельная угроза нависла над Советским Союзом. Крупные страны: Германия, Италия и Япония — объединились

против него. Ну, а другие? Америка слишком от нас далека. Было неизвестно, какую она займет позицию при нападении немцев на Советский Союз. Англия находилась в состоянии войны с Германией и сохраняла еще независимость, которая тоже висела на волоске. Английская сухопутная армия была слабой. Выдержит ли Англия, сможет ли она отразить попытки гитлеровской Германии высадить на Британских островах десант, это было еще неизвестно.

Поэтому вполне понятно волнение Сталина. Он чувствовал, что надвигается угроза. Справится ли наша страна? Справится ли наша армия? Опыт Финской войны показал ее слабость. Это еще больше давало повода для волнений. Не случайно же, что в результате лишь такого состояния армии мы понесли тогда огромные потери! В ответ было заменено военное руководство: смещен Ворошилов с поста наркома обороны и назначен новый нарком, Тимошенко. Все это надо представить себе, потому что отношения между Сталиным и Ворошиловым были мало сказать дружескими: я всегда видел их вместе, они были неразлучны. Если Сталин пошел на это, то можно себе представить, как был он поражен слабостью нашей армии в войне с финнами!

Помню, однажды Сталин в беседе сказал, что Гитлер по закрытым каналам обратился к нему с просьбой оказать услугу: немецкие войска оккупировали Францию, и он хотел, чтобы Сталин как авторитет в коммунистическом мире оказал ему помощь, то есть повлиял на Французскую компартию, чтобы она не встала во главе движения сопротивления немецкой оккупации. Сталин возмущался этой наглостью. Тут даже не было вопроса о том, какой дать ответ. Гитлер шел не только на гнусность, но и на пакость. Как мог он допустить, что Сталин пойдет на сделку такого характера? Низкую сделку. Оказать содействие фашизму через Французскую коммунистическую партию?!

Еще такой инцидент. Когда немцы вели бои за Данциг, то эта операция проводилась, как спектакль. У немцев там была заранее установлена киносъемочная аппаратура. Эти бои и с моря и с суши были засняты. Этот кинофильм они старались пошире продвинуть во все страны мира. Видимо, Гитлер преследовал цель показать мощь и неотразимость фашистских войск с тем, чтобы заставить дрожать своих будущих противников и парализовать их волю. Гитлер обратился к Сталину с предложением взять эту картину и пустить ее через нашу киносеть. Одним словом, показать нашему зрителю, как немцы расправляются с Данцигом, с Польшей, со всей Европой. Вот такая диверсия была задумана Гитлером против нашего народа.

Сталин поставил свои условия. Он сказал: «Если вы возьмете нашу картину (в ней были показаны очень хорошо организованные маневры, которые производили сильное впечатление), то мы возьмем ваш фильм». Гитлер, конечно, не мог согласиться с таким обменом. Тем самым Сталин парировал диверсию со стороны Гитлера, которую тот предпринял, предлагая демонстрировать картину о разгроме польских войск. И все же эта картина была прислана немцами, и мы ее просматривали со Сталиным. Она действительно производила удручающее впечатление, особенно на тех людей, которые ожидали, что это оружие может быть повернуто против них. А мы были именно такой стороной. У нас в то время шел спектакль «Ключи Берлина». Это тоже рассматривалось как психологическая подготовка страны и войск к войне. В истории уже были случаи, когда русские войска брали Берлин и получали его ключи. Это, конечно, раздражало немцев. Это была психологическая закалка наших людей против фашистов. Они трубили, что все на Земле будет им подвластно и что они могут разбить любую армию. А здесь было показано, что русские войска бивали немцев, вступали в Берлин в результате их разгрома.

Картина неизбежности войны вырисовалась значительно раньше, чем началась война, и даже значительно раньше, чем был подписан договор между Советским Союзом и гитлеровской Германией. Было известно от самого Гитлера: если фашисты придут к власти, то будет война против Советского Союза. Он написал книгу «Майн кампф», в которой излагал свои агрессивные планы и свое человеконенавистническое мировоззрение. Он прежде всего ставил задачу разгрома Советского Союза, уничтожения коммунизма. Оплот коммунизма — это Советский Союз. И когда Гитлер пришел к власти, то он сейчас же начал готовить к этому свою армию. Это не было секретом. Шумные военные парады в немецких городах, угрожающие речи против нас... Но, видимо, Сталин находился тогда под впечатлением, что в нашей стране все в порядке и армия с ее вооружением у нас на должном уровне, как и ее командный состав, и настроение народа. И действительно, настроение народа свидетельствовало о его монолитности и сплоченности вокруг партии. Эта сторона не вызывала никакой тревоги.

Фашисты, как и все буржуазные идеологи, рассчитывали, что поскольку Советский Союз многонационален, то поэтому при первом же столкновении он развалится, как колосс на глиняных ногах: возникнет национальная рознь, не будет монолитности и сплоченности народа, а следовательно, и Вооруженных Сил. Но это оказались бредни тех, кто хотел, чтобы случилось так. Мудрая ленинская национальная политика после Октябрьской революции за годы Советской власти все перевернула. Конечно, были шероховатости. Потребуются еще десятилетия, чтобы все это изжить. Но основное было уже сделано. Разные народы страны, рабочие, крестьяне, интеллигенция чувствовали, что только в единении сила. Не в розни наша сила, не в розни народов, а в их единстве и монолитности. Война убедительно подтвердила это и разбила иллюзии, которые питали наши враги.

Военные парады и маневры, которые проводились, играли большую положительную роль. Но они играли и отрицательную роль в том смысле, что расхолаживали волю и успокаивающе действовали на всех, скрывая недостатки, которые имелись в Красной Армии. Видимо, Сталин эту сторону недооценил. Он, видимо, неправильно оценивал боеспособность нашей армии, находясь под впечатлением кинокартин, в которых показывали парады и военные маневры. Сталин давно почти ничего живого не видел. Он не выезжал никуда из Москвы. Из Кремля выезжал только на дачу и в Сочи, а больше никуда. Соответствующую информацию получал только через Ворошилова. Тот, конечно, докладывал, как он сам понимал, а он тоже переоценивал Красную Армию. Считал, что она находится на высоком уровне и может легко отразить гитлеровское нашествие. Поэтому перед войной многое так и не было сделано.

Разве можно было тогда думать, что дело обстоит иначе? Вот я беру себя. Я был членом Политбюро, вращался в кругу Сталина, правительства. Разве мог я думать, что у нас буквально в первые дни войны не будет даже достаточного количества винтовок и пулеметов? Это элементарно. Даже у царя, который готовился к войне с Германией, оказались большие запасы винтовок: у него только в 1915 г. или 1916 г. не хватало винтовок, а у нас винтовок и пулеметов не хватило на второй день войны. А ведь наши возможности в смысле экономики были несоизмеримо выше, чем у царского правительства.

Я был поражен. Как же так, никто не знал? Я не знаю, знал ли об этом Сталин до войны. Наверное, тоже не знал. Но Ворошилов не мог не знать. Что же тогда наркому еще знать, если не это, то есть состояние вооруженности и накопление на случай войны резервов, боеприпасов, артиллерийского и пехотного вооружения? А оказалось, что не знает. Это преступление! Люди, которые за это были ответственны, с них

как с гуся вода. Улыбаются перед фотоаппаратами и перед киноаппаратами... Если бы Сталин это знал! Надо было поднять на ноги нашу партию с тем, чтобы сейчас же мобилизовать промышленность на работу для войны, выделить для этого заводы, которые занимались бы производством артиллерии, винтовок, автоматического оружия, зенитных пулеметов, противотанковых орудий и боеприпасов. Не говорю уже о танках и самолетах.

Не говорю не потому, что недооцениваю их как главный вид вооружения Красной Армии, а потому, что эти виды вооружения более наглядны и находились в сфере внимания Сталина. Поэтому наша авиация была подготовлена лучше. Наши танки были не хуже, а Т-34 превосходил все танки мира. Но этого вида оружия количественно было недостаточно. Надо было сделать больше таких танков. Не хочу сейчас говорить о танке Т-34, потому что тут, может быть, мы и запоздали с его конструированием, отстало созревание технической мысли. Но думаю, что после того, как этот танк был создан, прошел испытания и на испытаниях показал свои прекрасные качества, что-то можно было сделать. Его испытания проходили в Харькове, кажется, летом 1940 года. У нас еще был целый год. Если бы мы сразу, по-военному, взялись за внедрение этого танка в производство, создали несколько заводов и организовали широкую их кооперацию, мы бы очень многое сделали. А что наш народ, наша техника и наши инженеры способны на это, показала война.

В условиях войны, более тяжелых чем предвоенные, мы быстро организовали производство Т-34 совершенно на чистом месте, в том смысле, что завод, который это делал, никогда прежде не занимался производством танков. А стал выпускать танки Т-34, и довольно большое количество. Следовательно, технические и материальные возможности, людские, научно-технические, конструкторские силы у нас были. Если бы мы правильно оценили обстановку и поставили задачу, мы не имели бы того провала, с которым встретились по артиллерийскому, танковому и авиационному вооружению в первые дни войны. Потом, во время войны пришлось наверстывать. Были сделаны героические усилия, и они оправдались. Наша армия победила в войне против гитлеровских полчищ, получив такое вооружение.

За слабую подготовку Красной Армии по вооружению я обвиняю прежде всего Ворошилова. Он был наркомом обороны, и, следовательно, это входило в его обязанности. Он должен был ставить эти вопросы. Не знаю случая, чтобы Сталин отказывал, когда возникали вопросы вооружения. Мы ассигновывали на вооружение большие средства. Следовательно, эти вопросы были недооценены теми лицами, которые непосредственно отвечали за это дело. Слабость была еще и в следующем. Я не знаю, что больше подорвало нашу армию,— недостаток вооружений или слабость кадров. Безусловно, и то и другое. Что в большей степени, сейчас трудно сказать, потому что и умному командиру без танков, без артиллерии, без пулеметов трудно управлять войсками и добиваться, чтобы они выполняли задачи, которые ставятся перед ними. Но если армия, даже с самым лучшим вооружением, не имеет достаточно квалифицированных, образованных и подготовленных кадров, эффект от применения этого вооружения очень снижается.

А слабость в кадрах всем известна, и причины ее известны. Кадры были перебиты как «враги народа». Теперь этим «врагам народа», которых тогда «прорабатывали» по всей стране, ставят памятники. Если бы эти люди находились во главе армии, когда Гитлер готовился напасть на нас и еще значительно раньше, чем он напал, то их ум, их энергия были бы использованы для подготовки армии, обучения ее и накопления средств войны. Особенно успешно занимался этим Тухачевский.

Я убежден, что если бы он не был казнен, а продолжал бы свою деятельность как заместитель наркома обороны, то такого положения в начале войны с вооружением не было бы. Он любил, понимал и ценил военные новинки.

Если оценивать на аптекарских весах, чья вина здесь больше — Ворошилова или Сталина, я бы сказал: здесь равная вина и Ворошилова и Сталина. Может быть, с перевесом в большую сторону вина Сталина. Хотя Ворошилов очень отстаивал людей и спорил со Сталиным, но другой раз и сам поддавал жару настроениям Сталина по истреблению кадров. Считаю, что и тот и другой виноваты. А в отдельности каждый из них виноват не меньше, чем другой.

Что можно сказать о других членах Политбюро и правительства? Ближе всего к Сталину, в смысле принимаемых по тому или другому вопросу решений, стоял Молотов. Но это не его область. Молотова, собственно, здесь винить трудно. Его можно обвинять в том, что он не сдерживал, а подталкивал Сталина на истребление кадров. Здесь вина Молотова, может быть, больше, чем Ворошилова. На вопросы вооружения и подготовки Красной Армии он влияния почти не оказывал.

Повторяю, если бы мы правильно оценили ситуацию и поставили нашу промышленность на службу армии, защиту Родины, для чего мы эту промышленность и создавали, многое было бы по-другому. Каждый рабочий, инженер, служащий и крестьянин буквально не щадили своих сил, отрывали последнее у своей семьи и отдавали в фонды обороны. Организовывали пожертвования на производство танков и самолетов. Общественностью поднимался вопрос о том, чтобы выпустить облигации займа. Это была демонстрация идей, непонятных буржуазным историкам и идеологам. Советские люди, отдавая свои сбережения, думали о стране, о ее обороне, о будущем и во имя будущего не жалели буквально ничего, даже своей жизни.

Поэтому если бы этот вопрос, вопрос обороны, вопрос перестройки промышленности на военный лад был поставлен и в результате этого надо было бы несколько подтянуть пояса, то никто бы и упрека не сделал. Люди тогда понимали значение угрозы фашистской Германии Советскому Союзу, правильно чувствовали и оценивали. Но, к сожалению, это не было правильно оценено руководством и не были сделаны выводы. Думаю даже, что это произошло в результате незнания истинного положения дел с вооружением и состоянием армии, с ее кадрами. Потому что и по кадрам можно было бы очень много сделать, если бы своевременно было обращено внимание.

Если бы все это было правильно оценено и был сделан правильный вывод о том, как перестроиться и подготовиться к войне, создать запасы, резервы, правильно эти резервы географически распределить, а не исходить из ложных лозунгов, которые, не знаю кем, даны были в бытность Ворошилова наркомом обороны — «ни пяди своей земли не отдадим», «воевать только на территории противника». Отсюда и расположение баз снабжения непосредственно у границы. А надо было бы их отодвинуть на большую глубину с тем, что если во время войны наши войска вынуждены будут отойти, эти базы не попадут сразу же в руки противника.

Да что говорить о базах, когда сумасбродный Мехлис, пользовавшийся безграничным доверием Сталина, став начальником Главного Политуправления РККА, подбросил Сталину идею о том, что нужно разрушить старые оборонительные рубежи: Киевский укрепленный район и другие. Надо, потому что военные ориентируются здесь защищать страну и мало делают и думают о том, как разбить противника на новых границах. Эти железобетонные доты были разрушены, артиллерия и пулеметы извлечены из них. Это же нужно дойти до такого! Потом,

когда немцы пришли под Киев, нам приходилось искать буквально все, что можно было всадить в эти самые доты, чтобы организовать его оборону.

Я хочу, чтобы меня правильно поняли. То, о чем я сейчас говорю, не требует доказательств. И говорю я для будущих поколений как свидетель, который находился в гуще народа и стоял рядом со Сталиным и другими руководителями партии и народа. Надо себе представить, как мы могли использовать промышленность и что могли сделать за короткий срок! Но, к сожалению, этого мы не сделали, и пришлось нам отступать к Сталинграду, к Махачкале, отдать почти весь Северный Кавказ... Ужасное бедствие постигло наши народы. А этого можно было бы избежать. Я не знаю, кто знал тогда из членов правительства и Политбюро, кроме Сталина, о состоянии вооружения РККА, его качестве и количестве. Знал ли Сталин все? Думаю, что, наверное, и сам Сталин хорошо этого не знал.

Помню такой эпизод. Когда я бывал в Москве, Сталин всегда меня вызывал. А вызывал он меня чуть ли не каждый день. Иногда я бывал один, но чаще вместе с другими членами Политбюро. Помню, что кто-то из военных, наверное Тимошенко, сказал Сталину, что у нас не хватает зенитных пулеметов. Сталин посмотрел на нас и сказал, что надо организовать их производство. Это естественно: если чего-то не хватает, то надо наладить производство, выделить для этого заводы или хотя бы новые цеха. Вдруг у Сталина возникла мысль: надо построить новый завод крупнокалиберных пулеметов в Киеве. Он сказал мне: «Беретесь вы построить этот завод?» Говорю: «Будет решение, будем строить». «Так стройте завод!» Тут же было принято решение, определили место строительства на левом берегу Днепра, напротив Киева в районе Дарницы. Там пески, и на них стали строить завод. Это было в 1940-м, а может быть, в начале 1941 года. Что-то там сделали, какое-то количество бетона заложили в фундаменты. К тому времени, когда немцы захватили Киев, там еще ничего не было построено.

А почему? Время было упущено. Не знаю, как решались эти вопросы, но самое главное, что была бездеятельность и, я бы сказал, какой-то моральный упадок. Потому что я Сталина знал не таким. Зачем нам было сейчас, когда идет война на Западе и вот-вот начнется война против нас, когда нам нужны пулеметы, без которых нельзя вести войну в современных условиях при действии мощной авиации противника, строить новый завод? У нас столько заводов. Нужно было взять какой-то завод (или заводы) и организовать на них производство пулеметов, как это и было сделано, когда началась война. Мы бы быстро освоили их производство. А тут был сделан вид, что что-то делается, успокаивались совесть и нервы: начали строить завод. Год надо его строить, а потом еще осваивать производство. Да за год еще и не построишь хороший завод. Зачем это делать, когда имелись неотложные требования вооруженных сил? Надо было перестроить существующие заводы. А этого сделано не было, и это очень существенно сказалось в первые дни войны. Мы оказались действительно без пулеметов, без зенитного прикрытия и даже без винтовок.

В первую голову это упущение Наркомата обороны. Как же мы готовились к войне, если не подготовили производство, не создали нужного резерва и необходимого вооружения? У нас не хватало легкого оружия, нами давно освоенного,— такого, как пулеметы и винтовки. Не говорю уже, что не было противотанковых ружей и прочего. Когда началась война, было страшное возбуждение народа. Он проявлял свой патриотизм. Рабочие приходили группами в ЦК партии и требовали оружия, чтобы пойти против гитлеровских войск, разгромить их и не допустить их продвижения.

Я позвонил в Москву Маленкову (больше тогда не с кем было связаться) и спросил: «Нам нужно оружие, а у нас его нет. Нужны винтовки. Рабочие требуют винтовки. Надо выдать. Где мы можем их получить?» Он отвечает: «Ты перестань думать, что можешь получить винтовки. Винтовок нет. Те винтовки, которые были в Осоавиахиме с просверленными дырочками в стволах, чтобы нельзя было их использовать, мы собрали, заклепали эти дырочки и отдали все Ленинграду. Больше у нас ничего нет». «А как же нам быть? Чем мы будем вооружаться?» «Делайте штыки, копья, самодельные сабли. Одним словом, делайте, что сможете на своих заводах». Можете себе представить, какое возмущение и негодование вызвал у меня такой ответ? В какое положение поставили мы свою страну, если у нас не было средств для вооружения народа, когда война уже началась?

Я объясняю это провалом воли Сталина, его деморализацией. Он был деморализован победами, которые Гитлер одержал на Западе, и нашей неудачей в войне с финнами. Он стоял уже перед Гитлером, как кролик перед удавом, был парализован в своих действиях. Это сказалось и на производстве вооружения, и на том, что мы не подготовили границу к обороне. Мы боялись, что наши работы будут замечены со стороны немцев и это может вызвать войну. Так же нельзя мыслить! Война была уже неизбежна. Когда мы подписывали договор с Гитлером, то вопрос стоял только об очередности, мы выигрывали время. Война начиналась не на Востоке, а на Западе. Но мы знали, что война неизбежно придет к нам. Думаю, что, когда Сталин подписывал договор, он это понимал, а потом вдруг утратил способность правильно оценивать события. Думаю, что он был деморализован, был парализован в своих действиях, и вот результат: мы не использовали всех тех возможностей, которые имели.

А мы имели тогда мощную промышленность на Украине, в Москве, Ленинграде, других частях Советского Союза, имею в виду Европейскую часть Союза, где была самая крупная промышленность. Потом Белоруссия и Украина были оккупированы, Ростов оккупирован, промышленность Сталинграда разрушена. Все можно было использовать для создания нужного большого резерва вооружений с тем, чтобы встретить врага во всеоружии. Повторяю, что в моральном отношении Сталин был просто парализован неизбежностью войны. Он, видимо, считал, что война приведет к неизбежному поражению СССР. Потом я скажу, как Сталин вел себя в первый день войны и что он сказал тогда. Об этом мне потом рассказывали Берия, Маленков, Микоян и другие товарищи, которые в это время были вместе со Сталиным.

Хочу сказать несколько слов о своей беседе со Сталиным о танковых войсках. Это, по-моему, было в 1940 г., когда я приехал в Харьков посмотреть на испытания танка Т-34 и познакомиться с конструктором Чупахиным, создателем двигателя, и с одним из создателей танка, Кучеренко. Не помню фамилию главного конструктора. Но хорошо знал Кучеренко. Это не тот Кучеренко, который был президентом Академии строительства и архитектуры, а его брат, тоже талантливый человек, один из соавторов конструкции танка Т-34. Этот танк испытывал сам начальник Автобронетанкового управления РККА Павлов, прославленный человек, герой войны в Испании. Там он выделился как боевой танкист, бесстрашный человек, успешно владевший танком. В результате Сталин назначил его командовать автобронетанковыми войсками.

Я любовался, как он на этом танке буквально летал по болотам и пескам в районе Северского Донца, восточнее Харькова. Затем он вышел из танка, подошел к нам (мы стояли на горочке, наблюдали). Я с ним беседовал. И он беседовал с конструкторами, хвалил этот танк. А на меня он произвел удручающее впечатление, показался мне мало-

развитым человеком. Я просто удивился, как человек с таким кругозором и с такой слабой подготовкой может отвечать за состояние автобронетанковых войск РККА, сумеет ли он охватить и охватывает ли все, может ли поставить задачи, которые необходимы, чтобы сделать этот вид вооружения действительно основой мощи Красной Армии? Это подвижные бронетанковые войска. Мы знали, что Гитлер делает упор на танковые войска. Нам надо было срочно создавать противотанковую артиллерию, авиацию и бронетанковые войска, чтобы они у нас занимали высокое положение и чтобы можно было парировать удар врага теми же средствами, которыми он хочет поразить Советский Союз.

Меня все это очень беспокоило. Вскоре после испытаний я приехал в Москву и, естественно, рассказывал Сталину, как испытывался танк: о его достоинствах, как конструкторы докладывали мне о его ходовых качествах, как он ходил по пескам и болотам. Это я сам видел. Но стойкость брони — это уже вопрос испытаний, которые были проведены. Танк — замечательный! Это был лучший танк. Действительно, в войне он отлично показал себя и вынудил наших врагов признать этот танк лучшим в мире. И все-таки я решил высказать Сталину свои сомнения относительно способностей командующего автобронетанковыми войсками Павлова. Я должен был высказать их с большой осторожностью, потому что мои встречи с Павловым были кратковременны и не давали мне права настойчиво доказывать Сталину, что он не годится для своей должности. Я хотел только высказать свои сомнения, хотел ими насторожить Сталина, чтобы он лучше присмотрелся к Павлову и принял соответствующие меры.

Иначе я не мог поступить, потому что я мало знал этого человека. И нельзя же мне было сразу утверждать, что он непригоден и т. п. Поэтому я сказал: «Товарищ Сталин, знаете ли вы хорошо Павлова?» «Да, хорошо знаю». «На меня он произвел отрицательное впечатление». И тут я рассказал, что мне он кажется довольно ограниченным человеком, который хорошо владеет танком, но хватит ли у него ума, чтобы создать автобронетанковые войска, правильно их вооружить и использовать? Сталин очень нервно реагировал на мое замечание: «Вы его не знаете». «Я и раньше вам сказал, что я его мало знаю». «А я его знаю. Знаете, как он показал себя в Испании, как он воевал там? Это знающий человек. Он знает, что такое танк, он сам воевал на танке». Говорю: «Я просто хотел сказал вам, что у меня сложилось впечатление не в его пользу. Хотел бы высказать вам тогда и другое мое сомнение. За все артиллерийское вооружение отвечает маршал Кулик (его я наблюдал больше и видел, что он очень неорганизованный человек, но очень самоуверенный). Не знаю, справляется ли он со своими задачами. Война надвигается, а он отвечает и за артиллерию, и за стрелковое вооружение. На нем лежит очень большая ответственность, и, зная его характер, я сомневаюсь, что он может все обеспечить». Сталин тут реагировал еще более бурно: «Вот вы говорите о Кулике, а вы Кулика не знаете. А я его знаю по Царицыну, по гражданской войне. Он командовал там артиллерией. Это человек, знающий артиллерию». Говорю: «Товарищ Сталин, я не сомневаюсь, что он знает артиллерию как артиллерист и что он хорошо там командовал. Но сколько у него там было пушек? Две, три. А тут ведь целая страна. В новых условиях требуются другие качества человеку, который должен обеспечить вооружением нашу Красную Армию». Он махнул тут на меня рукой. Был раздражен, что я сую нос не в свои дела. Я это предвидел, когда ставил этот вопрос, потому что знал, как нетерпимо Сталин относится, если делается замечание по каким-нибудь вопросам вооружения и строительства Красной Армии, потому что он считал, что это его детище и что он один компетентен принимать решения. И он принимал их.

К сожалению, мои сомнения были подтверждены жизнью. Павлов, командовавший автобронетанковыми войсками, был освобожден от своей должности, но не потому, что непригоден, а потому, что ему дали более ответственный военный пост: его назначили командующим войсками Западного Особого военного округа, то есть на главном, центральном направлении на Москву со стороны запада. Это был самый сильный участок нашей обороны, с большим количеством войск. На втором месте тогда был Киевский Особый военный округ, а на третьем — Одесский. Это понятно, потому что из Минска — прямой путь на Москву, а Киев — это юг, житница Советского Союза, Украина с мощной металлургической промышленностью, машиностроением и большими людскими ресурсами. Так что Украина занимала очень важное стратегическое и экономическое положение. Враг ее правильно оценивал, нацеливаясь на нее.

Когда командующим в войска Белоруссии был назначен Павлов, я даже не знал о такой перестановке, что тоже характерно, хотя был членом Политбюро. Но ни у кого Сталин не спрашивал совета и ни перед кем не отчитывался. Он отчитывался только перед своей совестью. А чем это кончилось, всем известно. Павлов в первые дни войны потерял управление войсками. Он совершенно не подготовил свои войска к гитлеровскому вторжению и потерял сразу технические средства: авиация была уничтожена на аэродромах, это мы знали. Как немцы разгромили войска Западного Особого военного округа, видно и из документов, которые сейчас опубликованы в книге «Совершенно секретно!». Я познакомился с нею. Не все прочел, но познакомился с книгой. Там об этом много пишется. Сталин осудил Павлова и его начальника штаба. Эти люди были расстреляны в первые дни войны. Но фронт развалился, и немцы двинулись без всякого сопротивления в глубь нашей страны, пока мы не подтянули войска, которые находились в тылу. Такие люди, как Павлов, появились у руля Вооруженных Сил, потому что были уничтожены кадры, которые были закалены и воспитаны в гражданской войне, а потом получили образование и накопили опыт. Они были уничтожены, начиная с Тухачевского сверху и до командиров рот внизу.

А Кулик? Кулик тоже (правда, уже после войны) был арестован, хотя уже во время войны он показал себя совершенно никчемным военным деятелем, и Сталин разжаловал его из маршалов в генерал-майоры. Я столкнулся с Куликом в 1943 г., когда он пришел к нам на Воронежский фронт во главе гвардейской армии. Членом Военного совета у него был Шепилов. Мы с Ватутиным поставили эту армию на направлении Полтавы. Кулик сам был из какого-то села под Полтавой и просил дать ему это направление. Это совпадало и с военной целесообразностью. Мы с Ватутиным бывали в этой армии. Помню, раз мы с ним приехали и слушали доклад Кулика. Это просто не передать словами! Это материал для фельетонистов, как он докладывал и как он командовал. Совершенно непригодный командир! И мы вынуждены были поставить вопрос перед Сталиным, что нужно Кулика освободить от должности и назначить нового командующего, иначе он загубит армию. Сталин сопротивлялся, и Кулик действительно растрепал эту армию, понес большие потери и не решил задач, которые стояли перед ним. Тогда Сталин вынужден был согласиться с нами, освободил Кулика, отозвал и прислал вместо него нового командующего.

Новый командующий (это я попутно говорю), как только приехал и направился в армию, не доехав до штаба, подорвался на мине. Сталин устроил мне тогда большой скандал, главным образом за то, что мы не бережем командующих армиями. У нас как раз перед этим подорвался еще один командующий армией, я забыл его фамилию. Очень хороший командующий был, уже в летах, по национальности белорус.

Он тоже ехал в машине, наехал на мину и подорвался. Я Сталину потом доказывал: «Это же война идет, мы наступаем, освобождаем территорию от врага. Земля находилась под оккупацией, поэтому там имеется довольно основательная «начинка», и нет никакой гарантии, когда едешь или идешь, что не подорвешься на мине. Вы предлагаете беречь командующих. А как беречь? Командующий должен ездить в войска и командовать ими. А для этого надо передвигаться. Совершенно случайно машина наехала на мину и подорвалась».

Вот так, буквально за одну неделю, погибли два командующих. Кулик после этого уже, по-моему, не возвращался к прямому командованию, находился в распоряжении Главного управления кадров и замещал начальника Главного управления формирования и укомплектования войск. Помню, как еще до того, в 1941 г., ему было поручено заниматься укреплением Ростова-на-Дону. Он долго там сидел, долго работал. Ростов, видимо, неплохо был укреплен, потому что там были инженеры, саперы, проводили эту работу. Но Ростов пал, и эти работы не сыграли никакой роли, но это уже не вина Кулика и тех саперов, которые проводили эти работы. Я позже объясню, почему почти без выстрела пал Ростов, когда немцы обошли его с севера.

После смерти Сталина и после XX съезда партии, когда выявились злоупотребления властью со стороны Сталина и началась реабилитация невинно казненных и посаженных в тюрьмы, военные подняли вопрос о реабилитации Павлова и других генералов, которые были осуждены и казнены за развал фронта в первые дни войны. Это предложение было принято, и они были реабилитированы. Я тоже был за это, хотя и с оговоркой: если рассматривать вопрос с точки зрения юридической и фактической, на чем основывался суд, когда выносил приговор, то основания к осуждению были налицо. Почему же я, занимая такой пост, на котором мог оказывать влияние в ту или другую сторону при решении важных вопросов, согласился на их реабилитацию? Я согласился потому, что в основе-то виноват был не Павлов, а Сталин. Павлов был совершенно не подготовлен, и я увидел его неподготовленность, когда познакомился с ним. Я сказал об этом Сталину, а он вместо того, чтобы сделать соответствующий вывод и подобрать более подготовленного человека на этот пост, передвинул его с повышением. Считаю, что пост командующего войсками ЗОВО был более ответственным, чем пост командующего автобронетанковыми войсками РККА. А к вопросу истребления Сталиным кадров я еще вернусь.

В конце 1940 и в начале 1941 г. мы чувствовали, что движемся к войне. Сталин в моем присутствии ни разу не поднимал вопроса о том, что война неизбежна, но видно было по его настроению, по его поведению, что он чувствует это и очень встревожен. Какие были внешние признаки? В чем они выражались? В былые времена, когда я приезжал в Москву из Киева, он сейчас же вызывал меня на квартиру или на дачу. Чаще на дачу, он там больше жил. В те времена с ним всегда приятно было встречаться, послушать, что нового он расскажет, доложить ему. Он всегда рассказывал что-либо подбадривающее или разъяснял то или другое положение. Одним словом, выполнял свои функции руководителя и вождя, беседовать с которым каждому из нас (я, во всяком случае, говорю о себе) было приятно. Я всегда стремился к этому.

Когда начала надвигаться война, Сталин стал совершенно другим. Раньше за обедом водка и вина ставились на стол и давались участвующим в обеде: можешь себе налить, можешь и не наливать. Никакого понукания и принуждения не было. Помню, приехал я однажды с Украины, и сейчас же Сталин пригласил меня к себе. Это было летом 1938 или 1939 года. Он обедал один на открытой веранде своего домика. «Садитесь». Я сел за стол. «Хотите кушать?» Обед у него был простой: картофельный суп, стоял графинчик с водкой, рюмки. «Хотите выпить?» «Нет». Я отказался, а он ничего не сказал. Очень мне это понравилось. Помимо приближения войны на жизнь нашего коллектива очень большое влияние оказало появление в Москве Берии. Когда он явился в Москву, то жизнь Сталина и коллектива, который сложился вокруг него, приобрела совершенно другой характер. Когда я один на один беседовал со Сталиным, он мне иногда высказывал даже свое недовольство: «Когда у нас не было Берии в Москве, у нас как-то по-другому проходили встречи, по-другому проходили обеды и ужины. А сейчас он обязательно вносит какую-то страсть, соревнование, кто больше выпьет. Создается атмосфера, когда люди выпивают лишнее и нарушается тот порядок, который был у нас».

Я полностью был согласен со Сталиным, но должен сказать, что уже тогда относился с недоверием к таким его заявлениям, я видел, что Сталин иной раз, грубо говоря, провоцирует разговор на ту или другую тему с тем, чтобы выявить настроение того, с кем он беседует. Я видел, что Сталин и Берия очень дружны между собой. Насколько эта дружба была искренна, мне тогда было неизвестно. Но, во всяком случае, я видел, что не случайно Берия был назначен заместителем наркома внутренних дел, а в скором времени, когда Ежов был смещен, арестован и казнен, Берия стал властелином этого наркомата. Он приобрел решающее влияние в нашем коллективе. Я видел, что окружающие Сталина люди, занимавшие более высокие посты и в партии, и в государстве, вынуждены были считаться с Берией и несколько заискивать, лебезить, подхалимничать перед ним, особенно Каганович.

Я не замечал такого нехорошего, подлого подлизывания только со стороны Молотова. Он производил на меня в те времена впечатление человека независимого, самостоятельно рассуждающего, имел свои суждения по тому или другому вопросу, высказывался и говорил Сталину, что думает. Было видно, что Сталину это не нравится, но Молотов все-таки настаивал на своем. Это, я бы сказал, было исключением. Мы понимали причины независимого положения Молотова. Он был старейшим приятелем Сталина. Сталин знал Молотова и Молотов знал Сталина еще по подпольной работе. Молотов много лет играл свою роль в возвеличивании и возвышении Сталина. В борьбе Сталина с оппозицией Молотов был его опорой. Поэтому оппозиционеры называли его дубинкой Сталина. Он выпускался Сталиным тогда, когда нужно было наносить удары по тому или другому члену Политбюро, который становился в оппозицию к Сталину.

Об этом я еще скажу позже, когда буду говорить о Сталине более позднего периода, когда передо мной раскрылись возможности глубже понять Сталина. Особенно после его смерти и даже не после смерти: после смерти я по-другому смотрел и оплакивал смерть Сталина. А вот перед XX съездом, когда уже был арестован Берия, состоялся суд над ним и мы получили возможность, вскрыв прошлое, проанализировать, чем вызывались аресты и казни. Тогда в нас зародились сомнения, действительно ли правильно объяснялись партии и народу аресты борьбой с врагами народа? Об этом более подробно я тоже скажу позже.

Возвращаюсь к тому, что Сталин перед войной стал как бы мрачнее. На его лице было больше задумчивости, он больше сам стал пить и спаивать других. Буквально спаивать! Мы между собой перебрасывались словами, как бы поскорее кончить этот обед или ужин. А другой раз еще до ужина, до обеда говорили: «Ну, как сегодня — будет вызов или не будет?» Мы хотели, чтобы вызова не было, потому что нам нужно было работать, а Сталин лишал нас этой возможности. Могу вспомнить в этой связи один более ранний эпизод: он относится ко времени моей предвоенной работы на Украине. Раз пришел ко мне заведующий

Отделом пропаганды ЦК КП(б)У с жалобой на одного ответственного товарища и заявил, что тот относится с неуважением к ЦК. Зная о моем хорошем отношении к данному товарищу, он решил рассказать мне это. Спрашиваю, что же он сделал? Объясняет: «Собрал я на совещание нужных людей и пригласил его. Он посидел какое-то время, а потом встал и ушел». Говорю: «Если ушел, то надо разобраться, в чем дело. По какому вопросу проводилось совещание?». «По вопросу идеологической работы». «Зачем же приглашать на такое совещание человека, который к этому вопросу не имеет никакого отношения? Когда он увидел, что данный вопрос его напрямую не касается, он просто ушел. И правильно сделал. Надо созывать совещания как можно более узкие, чтобы на них присутствовали только люди, непосредственно заинтересованные в рассматриваемом вопросе. Тогда они отнесутся к совещанию по-другому. Специалистов следует приглашать на совещание только в случаях, когда они действительно нужны». Как видно из сказанного, здесь нет прямой параллели с тем, о чем я сейчас рассказываю. Но определенная аналогия напрашивается, так что нужный вывод, думается, можно сделать.

Понятно, конечно, что у Сталина мы не могли реагировать «ногами». Обеды у него продолжались иногда до рассвета, а иной раз они просто парализовали работу правительства и партийных руководителей, потому что, уйдя оттуда, просидев ночь «под парами», накачанный вином человек уже не мог работать. Водки и коньяка пили мало. Кто желал, мог пить в неограниченном количестве. Но сам Сталин выпивал рюмку коньяка или водки в начале обеда, а потом вино. Если пить вино пять-шесть часов, хотя и маленькими бокалами, так черт его знает, что получится! Даже если воду так пить, то и от нее опьянеешь, а не только от вина. Всех буквально воротило, до рвоты доходило, но Сталин был в этом вопросе неумолим.

Берия тут вертелся с шутками-прибаутками. Эти шутки-прибаутки сдабривали вечер и питие у Сталина. Берия и сам напивался, но я чувствовал, что он делает это не для удовольствия, что он не хочет напиваться и иной раз выражался довольно резко и грубо, что приходится напиваться. Он делал так из угодничества к Сталину и других принуждал: «Надо скорее напиться. Когда напьемся, скорее разойдемся. Все равно так он не отпустит». Я понимал, что такая атмосфера создалась в результате какого-то вроде бы упаднического настроения. Сталин видел надвигавшуюся неумолимую лавину, от которой нельзя уйти, и уже была подорвана его вера в возможность справиться с этой лавиной. А лавиной этой была неотвратимая война с Германией.

Гитлер пожинал плоды побед своего оружия. Вся западная печать трубила о его победах. Я читал тассовские сводки, в которых печатались высказывания из буржуазных газет. Там злобно говорилось о том, что на просторах Украины танки Гитлера смогут развернуться во всю свою мощь; что ландшафт Украины как танкодром, и поэтому немецкие танки могут врезаться в тело Советского Союза, как врезается нож в сливочное масло. Я запомнил это выражение из какой-то английской газеты. Сталин, конечно, все это читал. Бывало, приедешь в Москву и очень долго Сталин задерживает тебя у себя. Рвешься назад, спрашиваешь: «Можно уехать?» Отвечает: «Ну, что вы спешите? Побудьте здесь. Дайте возможность вашим товарищам поработать без вас. Пусть они окрепнут, пусть набираются сил». Вроде аргументы, действительно заслуживающие внимания: надо дать другим товарищам, которые работают без тебя, привыкнуть к самостоятельности, к самостоятельному решению вопросов и т. п. Все это хорошо. Но я видел, что не в этом дело. Сидишь ведь другой раз у него и ничего не делаешь, а просто присутствуешь на всех этих обедах, которые стали противными, подрывали здоровье, лишали человека ясности ума и вызывали болезненное состояние головы и всего организма.

Сталин, думаю, страдал тогда болезнью одиночества, боялся пустоты, не мог оставаться один, и ему обязательно нужно было быть на людях. Его голову, видимо, все время сверлил вопрос о неизбежности войны, и он не мог побороть страх перед нею. Он тогда сам начинал пить и спаивать других с тем, чтобы, как говорится, залить сознание вином и таким образом облегчить свое душевное состояние.

Это мое впечатление. Но я думаю, что оно правильное, потому что раньше я подобного за ним не замечал. Я бывал на обедах у Сталина, когда работал еще секретарем Московского городского комитета партии. Это были семейные обеды, именно семейные, на которые приглашались я и Булганин. Сталин всегда говорил в шутку: «Ну, отцы города, занимайте свои места». Это был действительно обед. Было там и вино и все прочее, но в довольно умеренном количестве. И если человек говорил, что не может пить, то особенного принуждения и не было. А в предвоенный период если кто-либо говорил, что не может или не хочет пить, то это считалось совершенно недопустимым. И потом завели такой порядок, что если кто-нибудь не поддержит объявленный тост, то ему полагается в виде «штрафа» еще дополнительно бокал, а может быть, и несколько бокалов. Были и всякие другие выдумки. Во всем этом очень большую роль играл Берия, и все сводилось к тому, чтобы как можно больше выпить и всех накачать. И это делалось потому, что этого хотел именно Сталин.

Меня могут спросить: «Что же, Сталин был пьяница?» Можно ответить, что и был и не был. То есть был в том смысле, что в последние годы не обходилось без того, чтобы пить, пить, пить. С другой стороны, иногда он не накачивал себя так, как своих гостей, наливал себе в небольшой бокал и даже разбавлял его водой. Но, боже упаси, чтобы кто-либо другой сделал подобное: сейчас же следовал «штраф» за уклонение, за «обман общества». Это была шутка. Но пить-то надо было всерьез за эту шутку. А потом человека, который пил «в шутку», заставляли выпить всерьез, и он расплачивался своим здоровьем. Я объясняю все это только душевным состоянием Сталина. Как в русских песнях пели: «Утопить горе в вине». Здесь, видимо, было то же самое.

После войны у меня заболели почки, и врачи категорически запретили мне пить спиртное. Я Сталину сказал об этом, и он какое-то время даже брал меня, бывало, под защиту. Но это длилось очень непродолжительное время. И тут Берия сыграл свою роль, сказав, что у него тоже почки больные, но он пьет, и ничего. И тут я лишился защитной брони (пить нельзя, больные почки): все равно, пей, пока ходишь, пока живешь! Но и в эти годы нельзя было отказать Сталину в том, что когда, бывало, приезжаешь к нему с вопросом, он внимательно выслушивал и вмешивался, если нужна была поддержка с его стороны.

Работая до войны на Украине, я проявлял инициативу в вопросах улучшения руководства сельским хозяйством и изменения налоговой политики в сторону смягчения административно-податной системы. За основу я всегда брал интересы увеличения производства, поэтому предлагал ввести за его рост дополнительную оплату, принять новую систему поставок мяса и молока. Раньше брали определенное количество молока с хозяйства. Хозяйство, которое имело 10 коров, получало скидку, а хозяйство, которое их не имело, совсем молока не поставляло. Не знаю, как назвать такую систему, но она существовала. Я внес предложение принять погектарный метод поставок молока за плату. Она была ниже себестоимости молока, и таким образом колхозы платили дань в пользу государства, потому что не получали полной оплаты за продукты, которые сдавали. Но была именно такая система поставок. Те кол-

хозы, которые не имели скота, получали льготу, но у них была земля, они ею пользовались, но уже неравноценно получали за поставки по сравнению с колхозами, у которых имелись все отрасли сельского хозяйства, в том числе животноводство и птицеводство.

Когда я в первый раз внес такое предложение, а потом собрался в Киев, Сталин вызвал меня и говорит: «Вот вы докладывали свои предложения, я хотел бы, чтобы дело было ускорено. Вы не уезжайте, а кончайте дело здесь, нам надо скорее принять решение». Это было еще в 1939 году. Когда я ему представил предложения, он их подписал и сказал: «Жаль, что вы не сделали этого три года назад». Он видел, что надвигается угроза гитлеровского вторжения и у нас нет уже времени, чтобы использовать это прогрессивное законодательство.

Как-то разработал я предложения по вопросам поставок шерсти и кожи и прислал их Сталину. Он вызвал меня и говорит: «Вы, кажется, что-то новое предложили?» «Да,— говорю,— предложил вот то-то». «Ну, и что же?» Отвечаю: «Разослали по всем областям и краям запросы, чтобы учесть их мнения». Я считал, что это в порядке вещей. Этими вопросами занимался в Совнаркоме Микоян, и это его было предложение — разослать. Я не видел тут никакого противоречия. Действительно, перед тем, как принять такое решение, надо запросить мнение людей, которые работают на местах, знают местные условия и которым придется выполнять постановление.

Сталин же воспринял это по-другому. Он был нездоров, вскочил с постели, начал ругаться, вызвал Микояна и накричал на него. Назавтра этот проект был утвержден. А мне он сказал: «Вот разослал он ваше предложение, а о своих проектах, которые он проводит, ни у кого мнения не спрашивает. Эти проекты, которые вы сейчас внесли, прогрессивные. Но они же идут в отмену тех решений, которые были разработаны и приняты по предложению Микояна». Я не думаю, что у Микояна были какие-то задние мысли. Я с большим уважением отношусь к Анастасу Ивановичу. У всех у нас есть свои недостатки, ни один человек не лишен слабостей. Имел их и Анастас Иванович. Но это честный, хороший, умный, способный, много сделавший полезного для нашей партии, для нашего государства человек. Микоян, видимо, не руководствовался желанием затормозить или опрокинуть мое предложение, а действительно хотел проверить его. Возможно, что он чувствовал, что мои предложения идут на смену закону, который разрабатывался под его руководством.

Сталин всегда поддерживал то, что было полезно для государства и партии. Работая на больших постах, я имел возможность вносить, с моей точки зрения, много нового и прогрессивного. В этих вопросах чаще всего встречал поддержку Сталина, хотя другой раз этой поддержки и не получал. Но чаще это случалось уже после войны, обычно это получалось в результате влияния Берии и Маленкова. Я убежден, что с их стороны такое негативное отношение возникало из зависти.

Во время войны Маленков поднялся. Его значение возросло. Он вошел в состав Политбюро. В своей основе это совершенно бесплодный человек, типичный канцелярист-писака. Он мог хорошо написать проект решения сам или же имел таких людей, которые быстро работали и составляли хорошие резолюции. Но его бумаги отражали то, что уже имелось на практике, и не делали ни шагу дальше. С дорожки, проторенной сегодняшней действительностью, он не сворачивал. Считаю, что такие люди не только бесплодны, но и опасны. Они закостенели сами и умертвляют все живое, если оно выходит за пределы, которые уже обозначились. Позже я вернусь к некоторым конкретным мыслям по этому вопросу.

Я немного вышел за рамки задачи, которую поставил перед собой: оставить свои воспоминания о пути, пройденном мною вместе с партией, со Сталиным и под его руководством, отметить все положительное в Сталине (хочу быть совершенно объективным) и беспощадно заклеймить и осудить то, что считаю вредным для партии. И сейчас еще давит нас эта вредная практика, которую внедрил Сталин. Она вредна не только потому, что было истреблено много лучших людей в партии, она еще вредна и потому, что отложила какой-то пласт в сознании людей, в их умах, особенно у ограниченных людей. Она создала какие-то шоры, что вот, мол, другого пути не было, что только так можно было победить при построении социализма, создании индустрии, в перевооружении армии и создании условий для разгрома гитлеровской Германии.

Это довольно примитивное понимание. Я бы сказал, рабское: обязательно должен кто-то стоять с хлыстом и бить этим хлыстом направо и налево. Только тогда рабов можно заставить делать что-то, а иначе они взбунтуются. Это просто поразительная, рабская психология! Если встать на такую позицию, на которой стоят некоторые ограниченные люди, то окажется, что репрессии, которые были применены Сталиным, были исторически неизбежны; что победы, которые одержал народ, оправдывают эту кару. Как же тогда верить в народ? Выходит, не народ является творцом истории, а какая-то личность? Только она может достичь поставленной цели. Это неверие в народ, неверие в рабочий класс, неверие в партию. Не знаю, как назвать такое понимание. Ему противостоит вся наша советская практика, история нашего народа.

Октябрьская революция была совершена не из-под хлыста Ленина, а по призыву его разума. Народ пошел за Лениным, потому что поверил ему. Поверил, потому что Ленин понял чаяния народа. Поэтому неграмотные люди — крестьяне, рабочие — слушали Ленина и в его рассуждениях и призывах чувствовали отражение своих чаяний. Поэтому они шли за Лениным до конца. Контрреволюция организовывала восстания, контрреволюция организовала гражданскую войну, во главе контрреволюции стояли генералы, офицеры, капиталисты. Все капиталистические страны оказывали поддержку этой контрреволюции, посылали войска в поддержку контрреволюции, и все-таки народ под руководством Ленина победил. В чем же была причина? Я уже об этом говорил. Ленин понял чаяния народа, выражал его мысли, и поэтому массы шли за ним, и никто не смог увлечь их на другой путь.

(Продолжение следует)

ИСТОРИЯ И СУДЬБЫ

ОЧЕРКИ РУССКОЙ СМУТЫ

Генерал А. И. Деникин

КРУШЕНИЕ ВЛАСТИ И АРМИИ. Февраль — сентябрь 1917.

ТОМ ПЕРВЫЙ. ВЫПУСК ВТОРОЙ

Глава XXII. *«Демократизация армии»: история «декларации прав солдата»*

Печальной памяти закон, вышедший из поливановской комиссии и известный под именем «декларации прав солдата», утвержден Керенским 9 мая.

Приказ по Армии и Флоту

Приказываю ввести в жизнь армии и флота следующие, согласованные с п. 2 декларации Временного правительства от 7 марта с. г., положения об основных правах военнослужащих:

1) Все военнослужащие пользуются всеми правами граждан. Но при этом каждый военнослужащий обязан строго согласовать свое поведение с требованиями военной службы и воинской дисциплины.

2) Каждый военнослужащий имеет право быть членом любой политической, национальной, религиозной, экономической или профессиональной организации, общества или союза.

3) Каждый военнослужащий во внеслужебное время имеет право свободно и открыто высказывать устно, письменно или печатно свои политические, религиозные, социальные и прочие взгляды.

4) Все военнослужащие пользуются свободой совести, а потому никто не может быть преследуем за исповедуемое им верование и принуждаем к присутствию при богослужениях и совершении религиозных обрядов какого-либо вероисповедания. Участие в общей молитве не обязательно.

5) Все военнослужащие в отношении своей переписки подчиняются правилам, общим для всех граждан.

6) Все без исключения печатные издания (периодические или непериодические) должны беспрепятственно передаваться адресатам.

7) Всем военнослужащим предоставляется право ношения гражданского платья вне службы; но военная форма остается обязательной во всякое время для всех военнослужащих, находящихся в действующей армии и в военных округах, расположенных на театре военных действий. Право разрешать ношение гражданского платья военнослужащим в некоторых крупных городах, находящихся на театре военных действий,

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, №№ 3—7.

предоставляется главнокомандующим армиями фронтов или командующим флотами. Смешанная форма ни в каком случае не допускается.

8) Взаимоотношения военнослужащих должны основываться, при строгом соблюдении воинской дисциплины, на чувстве достоинства граждан свободной России и на взаимном доверии, уважении и вежливости.

9) Особые выражения, употребляющиеся как обязательные для ответов одиночных людей и команд вне строя и в строю, как, например, «так точно», «никак нет», «не могу знать», «рады стараться», «здравия желаем», «покорно благодарю» и т. п., заменяются общеупотребительными: «да», «нет», «не знаю», «постараемся», «здравствуйте» и т. п.

10) Назначение солдат в денщики отменяется. Как исключение, в действующей армии и флоте, в крепостных районах, в лагерях, на кораблях и на маневрах, а также на окраинах, в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу (в последнем случае невозможность этого определяется полковым комитетом), офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству разрешается иметь вестового для личных услуг, назначаемого по обоюдному соглашению вестового и лица, к которому он назначается, с платой также по соглашению, но не более одного вестового на каждого из упомянутых чинов. Вестовые для ухода за собственными офицерскими лошадьми, положенными по должности, сохраняются как в действующей армии, так и во внутренних округах и назначаются на тех же основаниях, как и вестовые для личных услуг.

11) Вестовые для личных услуг не освобождаются от боевой службы.

12) Обязательное отдание чести как отдельными лицами, так и командами отменяется. Для всех военнослужащих взамен обязательного отдания воинской чести устанавливается взаимное добровольное приветствие.

Примечание: 1. Отдание воинских почестей командами и частями при церемониях, похоронах и т. п. случаях сохраняется; 2. Команда «смирно» остается во всех случаях, предусмотренных строевыми уставами.

13) В военных округах, не находящихся на театре военных действий, все военнослужащие в свободное от занятий службы и нарядов время имеют право отлучаться из казармы и с кораблей в гавани, но лишь осведомив об этом соответствующее начальство и получив надлежащее удостоверение личности.

В каждой части должна оставаться рота или вахта (или соответствующая ей часть), и, кроме того, в каждой роте, сотне, батарее и т. д. должна оставаться еще и ее дежурная часть. С кораблей, находящихся на рейдах, увольняется такая часть команды, какая не лишает корабль возможности, в случаях крайней необходимости, немедленно сняться с якоря и выйти в море.

14) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда. Но в боевой обстановке начальник имеет право, под своей личной ответственностью, принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных. Эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями.

15) Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья, не допускаются *.

Примечание: из наказаний, упомянутых в уставе дисциплинарном, постановка под ружье отменяется.

* Закон и раньше предусматривал и карал эти правонарушения.

16) Применение наказаний, не упомянутых в уставе дисциплинарном, является преступным деянием, и виновные в нем должны предаваться суду *. Точно так же должен быть предан суду всякий начальник, ударивший подчиненного в строю или вне строя.

17) Никто из военнослужащих не может быть подвергнут телесному наказанию, не исключая и отбывающих наказания в военно-тюремных учреждениях.

18) Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказания и контроля в точно определенных случаях (приказы по воен. ведомству 16 апр. № 213 и 8 мая с. г. № 274) принадлежит выборным войсковым организациям.

Объявляя настоящее общее положение, предписываю принять его (как и правила, установленные приказом по военному ведомству с. г. № 114) в основании при пересмотре уставов и законоположений, определяющих внутренний быт и служебную деятельность военнослужащих, а равно дисциплинарную и уголовную их ответственность.

Военный и морской министр А. Керенский.

Эта «декларация прав», давшая законное признание тем больным явлениям, которые распространились в армии — где частично, где в широких размерах, путем бунта и насилия или, как принято было выражаться, «в порядке революционном»,— окончательно подорвала все устои старой армии. Она внесла безудержное политиканство и элементы социальной борьбы в неуравновешенную и вооруженную массу, уже почувствовавшую свою грубую физическую силу. Она оправдывала и допускала безвозбранно широкую проповедь — устную и печатную — антигосударственных, антиморальных и антиобщественных учений, даже таких, которые по существу отрицали и власть и само бытие армии. Наконец, она отняла у начальников дисциплинарную власть, передав ее выборным коллегиальным организациям и лишний раз, в торжественной форме, бросив упрек командному составу, унизила и оскорбила его.

«Пусть самые свободные армия и флот в мире,— сказано было в послесловии Керенского,— докажут, что в свободе сила, а не слабость, пусть выкуют новую железную дисциплину долга, поднимут боевую мощь страны».

И «великая молчальница», как образно и верно характеризуют французы существо армии, заговорила, зашумела еще громче, подкрепляя свои требования угрозами, оружием и пролитием крови тех, кто имел мужество противостоять ее безумию.

«Декларация» — творчество коллективное, зародившееся в недрах Совета, но в котором повинен и офицерский элемент — преимущественно тот, что в содружестве и в угодничестве перед революционной демократией искал выхода своему «непротивлению» или честолюбивым помыслам. Первый раз декларация почти в той же редакции, которая приведена в приказе, была оглашена еще 13 марта на совещании офицеров и солдат петроградского гарнизона, под председательством подполковника генерального штаба Гущина. В силу угодничества или забитости петроградского офицерства, ошеломленного событиями и еще не разобравшегося в них, чтение декларации не вызвало ни страстных речей, ни сколько-нибудь сильного протеста. Были внесены лишь некоторые поправки и принята «при общем энтузиазме» резолюция об «установленном прочном братском единении между офицерами и солдатами»...

* То же.

Проект декларации поступил в поливановскую комиссию, которая разрабатывала его совместно с военной секцией Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов в течение почти двух месяцев, причем офицерский состав комиссии проявил преступный оппортунизм, который не раз приводил в удивление случайных участников заседаний.

В конце апреля проект в окончательной редакции был прислан Гучковым на заключение в Ставку. Мы дали горячую отповедь, в которой излили все свои душевные муки — и Верховный главнокомандующий и я,— всю свою скорбь за беспросветное будущее армии. «Декларация — последний гвоздь, вбиваемый в гроб, уготованный для русской армии»,— таков был окончательный наш вывод. Гучков 1 мая сложил с себя звание военного министра, «не желая разделять ответственности за тот тяжкий грех, который творится в отношении родины», в частности не желая подписывать декларацию.

* * *

Ставка разослала проект декларации главнокомандующим фронтами для ознакомления, после чего генерал Алексеев вызвал их в Могилев, чтобы совместно обсудить создавшееся роковое положение.

Историческое это заседание состоялось 2 мая *. Безысходной грустью и жутью повеяло от всех спокойных по форме и волнующих по содержанию речей, рисующих крушение русской армии. Генерал Брусилов тихим голосом, в котором звучала искренняя, непритворная боль, закончил свою речь словами: «Но все это можно перенести, есть еще надежда спасти армию и даже двинуть ее в наступление, если только не будет издана декларация... Но если ее объявят — нет спасения. И я не считаю тогда возможным оставаться ни одного дня на своем посту»... Последняя фраза, помню, вызвала горячий протест генерала Щербачева [1], который доказывал, что уходить с поста нельзя; что, как бы ни было тяжело и даже безысходно положение, вожди не могут бросить армию...

Кто-то подал мысль — всем главнокомандующим ехать немедленно в Петроград и обратиться к правительству с твердым предостерегающим словом и с решительными требованиями. Такая демонстрация должна была, по мысли предлагавшего, произвести большое впечатление и, может быть, остановить разрушающее течение военного законодательства. Ему возражали: прием опасный, это наша последняя ставка, и неудача выступления может дискредитировать окончательно военное командование... Но предложение было все-таки принято, и 4 мая состоялось в Петрограде соединенное заседание всех главнокомандующих **, Временного правительства и Исполнительного комитета с. р. и с. д.

У меня сохранился отчет об этом заседании, который я привожу ниже в подробных извлечениях, ввиду большого его интереса: в нем нарисована картина состояния армии в том виде, как она представлялась всем вождям ее, непосредственно во время хода событий, вне, следовательно, влияния меняющего перспективу времени; в нем же вырисовываются некоторые характерные черты лиц, стоявших у власти.

Речи главнокомандующих — почти те же по содержанию, что и в Ставке, только гораздо менее выпуклы и менее откровенны. А гене-

* Присутствовали: Верховный главнокомандующий генерал Алексеев, генералы: Брусилов, Щербачев, Гурко, Драгомиров, я, Юзефович и несколько чинов Ставки.
** Кроме Кавказского фронта.

рал Брусилов значительно смягчил свои обвинения, потерял пафос, «приветствовал от всего сердца коалиционное правительство» и не повторил уже своей угрозы выйти в отставку.

Отчет.

Генерал Алексеев. Я считаю необходимым говорить совершенно откровенно. Нас всех объединяет благо нашей свободной родины. Пути у нас могут быть различны, но цель одна — закончить войну так, чтобы Россия вышла из нее, хотя бы и уставшею и потерпевшею, но отнюдь не искалеченной. Только победа может дать нам желанный конец. Тогда только возможна созидательная работа. Но победу надо добыть; это же возможно только в том случае, если выполняются приказания начальства. Если начальству не подчиняются, если его приказания не выполняются, то это не армия, а толпа.

Сидеть в окопах — не значит идти к концу войны. Противник снимает с нашего фронта и спешно отправляет на англо-французский дивизию за дивизией, а мы продолжаем сидеть. Между тем обстановка наиболее благоприятна для нашей победы. Но для этого надо наступать. Вера в нас наших союзников падает. С этим приходится считаться в области дипломатической, а мне особенно в области военной.

Казалось, что революция даст нам подъем духа, порыв и, следовательно, победу. Но, к сожалению, в этом мы пока ошиблись. Не только нет подъема и порыва, но выплыли самые низменные побуждения — любовь к своей жизни и ее сохранению. Об интересах родины и ее будущем забывается. Причина этого явления та, что теоретические соображения были брошены в массу, истолковавшую их неправильно. Лозунг «без аннексий и контрибуций» приводит толпу к выводу — «для чего жертвовать теперь своею жизнью».

Вы спросите, где же власть, где убеждения, где, может быть, даже физическое принуждение? Я должен сказать, что реформы, которые армия еще не успела переварить, расшатали ее, ее порядок и дисциплину. Дисциплина же составляет основу существования армии. Если мы будем идти по этому пути дальше, то наступит полный развал. Этому способствует и недостаток снабжения. Надо учесть еще и происшедший в армии раскол. Офицерство угнетено, а между тем именно офицеры ведут массу в бой. Надо подумать еще и о конце войны. Все захочет хлынуть домой. Вы уже знаете, какой беспорядок произвела недавно на железных дорогах масса отпускных и дезертиров. А ведь тогда захотят одновременно двинуться в тыл несколько миллионов человек. Это может внести такой развал в жизнь страны и железных дорог, который трудно учесть даже приблизительно. Имейте еще в виду, что возможен при демобилизации и захват оружия.

Главнокомандующие приведут вам ряд фактов, характеризующих положение армий. Затем я дам заключение и выскажу наши пожелания и требования, выполнение которых является необходимым.

Генерал Брусилов. Прежде всего я должен нарисовать вам, что представляет собою офицерский и солдатский состав армий в данное время. Кавалерия, артиллерия и инженерные войска сохранили до 50% кадровых. Но совершенно иное в пехоте, которая составляет главную массу армий. Большие потери — убитыми, ранеными и пленными, значительное число дезертиров — все это привело к тому, что попадаются полки, где состав обернулся 9—10 раз, причем в ротах уцелело только от 3 до 10 кадровых солдат. Что касается прибывающих пополнений, то обучены они плохо, дисциплина у них еще хуже. Из кадровых офицеров в полках уцелело по 2—4, да и то зачастую раненых. Остальные офицеры — молодежь, произведенная после краткого обучения и не пользующаяся авторитетом ввиду неопытности.

И вот на эту среду выпала задача переустроиться на новый лад. Задача эта оказалась пока непосильной. Переворот, необходимость которого чувствовалась, который даже запоздал, упал все-таки на неподготовленную почву. Малоразвитый солдат понял это как освобождение «от офицерского гнета». Офицеру же нанесли обиду — его лишили прав воздействия на подчиненных. Начались недоразумения. Были, конечно, виноватые из старых начальников, но все старались идти навстречу перевороту. Если и были шероховатости, то объясняется это влияниями со стороны. Приказ Совета № 1 смутил армию. Приказ № 2 отменил этот приказ для фронта. Но у солдат явилась мысль, что начальство что-то скрывает — одни хотят дать права, другие отнимают.

Офицеры встретили переворот радостно. Если бы мы не шли навстречу перевороту так охотно, то, может быть, он не прошел бы так гладко. А между тем оказалось, что свобода дана только солдатам, а офицерам осталось довольствоваться только ролью каких-то париев свободы.

Свобода на несознательную массу подействовала одуряюще. Все знают, что даны большие права, но не знают какие, не интересуются и обязанностями. Офицерский состав оказался в трудном положении. 15—20% быстро приспособились к новым порядкам по убеждению; вера в них солдат была раньше, сохранилась и теперь. Часть офицеров начала заигрывать с солдатами, послаблять и возбуждать против своих товарищей. Большинство же, около 75%, не умело приспособиться сразу, обиделось, спряталось в свою скорлупу и не знает, что делать. Мы принимаем меры освободить их из этой скорлупы и слить с солдатами, так как офицеры нужны нам для продолжения войны, а других офицеров у нас сейчас нет. Многие из офицеров не подготовлены политически, многие не умеют говорить — все это мешает взаимному пониманию. Необходимо разъяснить и внушить массе, что свобода дана всем. Я знаю солдата 45 лет, люблю его и постараюсь слить с офицерами, но Временное правительство, Государственная Дума и особенно Совет солдатских и рабочих депутатов также должны приложить все силы, чтобы помочь этому слиянию, которое нельзя отсрочивать во имя любви к родине.

Это необходимо еще и потому, что заявление «без аннексий и контрибуций» необразованная масса поняла своеобразно. Один из полков заявил, что он не только отказывается наступать, но желает уйти с фронта и разойтись по домам. Комитеты пошли против этого течения, но им заявили, что их сместят. Я долго убеждал полк, и когда спросил, согласны ли со мною, то у меня попросили разрешения дать письменный ответ. Через несколько минут передо мною появился плакат — «мир во что бы то ни стало, долой войну». При дальнейшей беседе одним из солдат было заявлено: «Сказано без аннексий, зачем же нам эта гора». Я ответил: «Мне эта гора тоже не нужна, но надо бить занимающего ее противника». В результате мне дали слово стоять, но наступать отказались, мотивируя это так: «Неприятель у нас хорош и сообщил нам, что не будет наступать, если не будем наступать мы. Нам важно вернуться домой, чтобы пользоваться свободой и землей: зачем же калечиться?».

Но этот случай единичный. Чаще войска, особенно находящиеся в резерве, отзывчиво относятся ко взглядам о необходимости продолжать войну. Воззвания противника, написанные хорошим русским языком, братанье с противником и распространяемая в большом количестве экземпляров газета «Правда» приводят к тому, что, несмотря на то что офицерский состав желает драться, влияния он не имеет. Наступление является поэтому делом чрезвычайно трудным. Необходима дисциплина; нежелательна старая, но нужно подтвердить авторитет офицеров правительству и Совету. Если этого не будет, то исчезнет, что есть.

Наступление или оборона? Успех возможен только при наступлении. При пассивной обороне всегда прорвут фронт. Если войска дисциплинированы, то прорыв можно еще ликвидировать. Но не надо забывать, что теперь дисциплинированных войск нет, они не обучены, офицеры не имеют власти. Успех противника при таких условиях легко может повести к катастрофе. Поэтому необходимо внушить массе взгляд, что надо не обороняться, а наступать. Один из выдающихся корпусов занимал пассивный участок. Когда его хотели сменить с целью поставить на активный участок, то корпус отказался уйти, желая остаться на прежнем участке, и одновременно разослал телеграммы «всем». Армия должна знать, что неисполнения приказаний никто не одобряет, и тогда дисциплина, в размерах, необходимых нам для войны, восстановится. Я делаю все. Но взываю к Совету помочь мне выполнить долг, так как мои усилия недостаточны.

Кроме того, наступлению мешает неподготовленность тыла: запасов продовольствия нет — мы живем изо дня в день; конский состав в ужасающем виде — есть даже падеж от бескормицы; не хватает обозов; отпущены рабочие руки, благодаря этому дороги в отчаянном состоянии; не хватает людей, так как противник увеличивает срок службы, мы же его уменьшаем.

Итак, нам недостает многого. Но все-таки численное превосходство на нашей стороне. Если противник справится с французами и англичанами, то затем бросится на нас, и тогда нам будет нехорошо.

Нам нужно сильное правительство, на которое мы могли бы опираться, и мы приветствуем от всего сердца коалиционное правительство. Власть только тогда крепка, когда опирается на армию, олицетворяющую вооруженную силу народа.

Генерал Драгомиров. Я дополню картину, нарисованную генералом Брусиловым, оценкой положения на Риго-Двинском фронте, прикрывающем Петроград. Распоряжения к нам приходили всегда позже, опережаемые живой почтой. В армиях создалось впечатление, что начальство скрывает получаемые приказы, и создался раскол между офицерами и солдатами. После больших усилий удалось привести армию в более или менее нормальное состояние. Под словом «нормальное состояние» я понимаю лишь прекращение эксцессов.

Господствующее настроение в армии — жажда мира. Популярность в армии легко может завоевать всякий, кто будет проповедовать мир без аннексий и предоставление самоопределения народностям. Своеобразно поняв лозунг «без аннексий», не будучи в состоянии уразуметь положение различных народов, темная масса все чаще и чаще задает вопрос: «Почему к нашему заявлению не присоединяется демократия наших союзников?». Стремление к миру является настолько сильным, что приходящие пополнения отказываются брать вооружение — «Зачем нам, мы воевать не собираемся». Работы прекратились. Необходимо принимать даже меры, чтобы не разбирали обшивку в окопах и чинили дороги.

В одном из отличных полков на принятом участке оказалось красное знамя с надписью «мир во что бы то ни стало». Офицер, разорвавший это знамя, должен был спасаться бегством. Целую ночь группы солдат-пятигорцев разыскивали по Двинску этого офицера, укрытого штабом.

Ужасные слова «приверженцы старого режима» выбросили из армии лучших офицеров. Мы все желали переворота, а между тем много офицеров хороших, составлявших гордость армии, ушли в резерв только потому, что старались удержать войска от развала или же не умели приспособиться.

Но еще более опасны медленные, тягучие настроения. Страшно

развился эгоизм. Каждая часть думает только о себе. Ежедневно приходит масса депутаций — о смене, о снабжении и т. п. Всех приходится убеждать, и это чрезвычайно затрудняет работу командного состава. То, что раньше выполнялось беспрекословно, теперь вызывает целый торг. Приказание о переводе батареи на другой участок сейчас же вызывает волнение — «Вы ослабляете нас, значит изменники». Когда оказалось необходимым вывести в резерв на случай десанта противника, ввиду слабости Балтийского флота, один корпус, то сделать это было нельзя, все заявляли — «мы и без того растянуты, а если еще растянемся, то не удержим противника». А между тем раньше перегруппировки удавались нам совершенно легко. В сентябре 1915 года с Западного фронта было выведено 11 корпусов, и это спасло нас от разгрома, который мог бы решить участь всей войны. Теперь это невозможно. Каждая часть реагирует на малейшее изменение.

Трудно заставить сделать что-либо во имя интересов Родины. От смены частей, находящихся на фронте, отказываются под самыми разнообразными предлогами: плохая погода; не все вымылись в бане. Был даже случай, что одна часть отказалась идти на фронт под тем предлогом, что два года тому назад уже стояла на позиции под Пасху. Приходится устраивать торговлю комитетов заинтересованных частей. Наряду с этим сильно развилось искание места полегче. Когда распространился слух о формировании армии в Финляндии, то были устранены солдатами командиры нескольких полков, отказавшиеся будто бы идти в Финляндию и пожелавшие, ради личных выгод, занять позицию.

При известии о том, что в одной из казачьих областей было наводнение, причем сильно пострадали несколько станиц, целый полк казаков потребовал отправления на Родину. После переговоров удалось прийти к соглашению — отправить по два человека на взвод.

Гордость принадлежности к великому народу потеряна, особенно в населении Поволжских губерний. «Нам не надо немецкой земли, а до нас немец не дойдет; не дойдет и японец». С отдельными лицами можно говорить и удается добиваться желательных результатов. Но с общим настроением удается справляться с большим трудом.

Недостойно ведет себя лишь очень незначительная часть офицеров, стараясь захватить толпу и играть на ее низменных чувствах. В одном из полков был вынесен приговор суда общества офицеров об удалении из полка одного из офицеров. Офицер этот, собрав группу солдат, апеллировал к ним, призывая заступиться за него, изгоняемого из полка за то будто бы, что он защищал солдатские интересы. С большим трудом удалось успокоить собравшуюся толпу солдат, но офицера пришлось оставить в полку.

Выборное право нигде не было проведено полностью, но явочным порядком местами вытесняли неугодных, обвинив их в приверженности к старому режиму, а местами оставили начальников, признанных безусловно непригодными и подлежащими увольнению. Не было никакой возможности заставить отказаться от просьб об оставлении таких непригодных лиц. Что касается эксцессов, то были отдельные попытки стрельбы по своим офицерам. Это факты тяжелые. Но нужно помнить, что вот уже два месяца армии наносятся тяжелые удары и вместо пользы армии переворот принес колоссальный вред. Если так будет продолжаться дальше, то это — начало конца, армия прекратит существование, так как нельзя будет думать не только о наступлении, но даже и об обороне. Чувство самосохранения развивается до потери самого элементарного стыда, принимает панический характер. Из 14 дивизий описанные явления наблюдались в шести.

Немцы учли и отлично использовали появившееся у нас стремление к миру. В период развала и разрухи началось братание, поддерживав-

шее это мирное направление, а затем уже, с чисто провокационными целями, германцы стали присылать парламентеров.

Но есть явления и отрадные, и если мы получим поддержку, то разовьем их. Хорошо настроены отдельные национальности — латыши, поляки, украинцы.

Самое главное — вернуть командному составу авторитет. Во всех последних актах проглядывает забота только о солдате. Мой отец еще в 60-х годах прошлого столетия начал борьбу за раскрепощение солдата и введение разумной, а не палочной дисциплины. Ему, тогда еще капитану Генерального штаба, Александр II сказал: «Я требую от тебя дисциплины, а не либеральных мыслей». Не мне — его сыну — стоять за сохранение старого порядка, но я не могу сочувствовать развалу армии. Все, что теперь делается, губит армию. Единственное упоминание об офицерах — благодарность Гучкова — явилась как бы насмешкой над офицерами, попавшими в резерв.

Так больше продолжаться не может. Нам нужна власть. Мы воевали за Родину. Вы вырвали у нас почву из-под ног, потрудитесь ее теперь восстановить. Раз на нас возложены громадные обязательства, то нужно дать власть, чтобы мы могли вести к победе миллионы порученных нам солдат.

Генерал Щербачев. Нас привело сюда сознание важности момента и лежащей на нас громадной ответственности. Нам необходимо воскресить былую славу русской армии, и мы глубоко убеждены, что уедем отсюда с твердой уверенностью, что наши доводы приняты во внимание.

Недавно назначенный, я успел объехать все подчиненные мне русские армии, и впечатление, которое составилось у меня о нравственном состоянии войск и их боеспособности, совпадает с теми, которые только что были вам подробно изложены. Главнейшая причина этого явления — неграмотность массы. Конечно, не вина нашего народа, что он необразован. Это всецело грех старого правительства, смотревшего на вопросы просвещения глазами министерства внутренних дел. Но с фактами малого понимания массой серьезности нашего положения, с фактами неправильного истолкования даже верных идей необходимо считаться.

Я не буду приводить Вам много примеров, я укажу только на одну из лучших дивизий русской армии, заслужившую в прежних войсках название «железной» и блестяще поддержавшую свою былую славу в эту войну. Поставленная на активный участок, дивизия эта отказалась начать подготовительные для наступления инженерные работы, мотивируя нежеланием наступать. Подобный же случай произошел на днях в соседней с этой дивизией, тоже очень хорошей стрелковой дивизии. Начатые в этой дивизии подготовительные работы были прекращены, после того как выборными комитетами, осмотревшими этот участок, было вынесено постановление — прекратить их, так как они являются подготовкой для наступления.

Если мы не хотим развала России, то мы должны продолжать борьбу и должны наступать. Иначе получается дикая картина. Представители угнетенной России доблестно дрались; свергнув же правительство, стремившееся к позорному миру, граждане свободной России не желают драться и оградить свою свободу. Дико, странно, непонятно! Но это так. Причина — исчезла дисциплина; нет доверия к начальникам; Родина — для многих пустой звук.

Эти условия тяжелы вообще, но особенно тяжелы они на Румынском фронте, где приходится считаться не только с более тяжелыми, чем на других фронтах, военными условиями, но и с очень запутанной политической обстановкой. Горный, непривычный для равнинного жителя театр войны угнетающе давит на психику войск; часто слышатся голоса «уберите нас из этих проклятых гор». Продовольственные затруднения, создавшиеся благодаря тому, что приходится базироваться на одну железнодорожную линию, усиливают это недовольство. То, что мы ведем борьбу на территории Румынии, истолковывается как борьба «за Румынию», что также не встречает сочувствия. Не всегда доброжелательное отношение местных жителей истолковывается как нежелание помочь тем, кто сражается за них же. Возникают трения, иногда разрастающиеся вследствие того, что часть румын считает нас виновниками тех поражений, которые они понесли и из-за которых они лишились большей части своей территории и достояния.

Румынское правительство и представители союзников знают и учитывают происходящее у нас в армии брожение, и отношение к нам союзников меняется. Я лично замечаю, что между нами и союзниками пробежала кошка: нет прежнего уважения к нам, нет веры в мощь русской армии. Я высоко держу власть, но если развал армии продолжится, то мы не только потеряем союзников, но и сделаем из них врагов. А это грозит нам тем, что мир будет заключен на наш счет.

В 1914 году мы прошли всю Галицию. В 1915 году при отступлении мы забрали на Юго-западном фронте 100 000 пленных — сами судите, что это было за отступление и каков был дух войск. Летом 1916 года мы спасли от разгрома Италию. Неужели же теперь мы изменим общему делу союзников и принятым на себя обязательствам?

Развал в армии налицо, но он поправим. И если бы нам это удалось, то через $1^1/_2$ месяца наши доблестные офицеры и солдаты снова пойдут вперед. История будет поражена, с какими ничтожными средствами мы добились блестящих результатов в 1916 году. Если вы хотите поднять русскую армию и превратить ее в мощный организм, который продиктует условия мира, то вы должны нам помочь. Дело поправимо, но лишь в том случае, если начальники получат одобрение и доверие. Мы надеемся, что вся верховная власть в армии будет передана Верховному главнокомандующему, который один может распоряжаться войсками. Мы исполним волю Временного правительства, но дайте нам могучую поддержку.

Генерал Гурко. С чувством грусти пришли мы сюда. Вы видите, что авторитет военных начальников глубоко подорван. Я думал, что волна революции уже достигла верха и дальше пойдет улучшение, но — я ошибся.

Если вы хотите продолжать войну до желательного нам конца, то необходимо вернуть армии власть. А между тем мы получили проект декларации. Гучков не нашел возможным подписать ее и ушел. Я должен сказать, что, если штатский человек ушел, отказавшись ее подписать, то для нас, начальников, она неприемлема. Она создаст полное разрушение всего уцелевшего. А ведь она должна дойти до самой маленькой ячейки — до роты.

Коснусь вопроса об отдании чести. Можете назвать его приветствием, но оно должно быть обязательным. В самом элементарном обществе установлено взаимное приветствие и считается оскорблением, если один из знакомых умышленно не приветствует другого. Войдите в шкуру тех, кто на этой почве столкнется в бою. Какие отношения признаются декларацией нормальными, если узаконить это неуважение к начальнику.

Дом не строят из одних кирпичей. Если вы введете декларацию, то армия рассыплется в песок. Надо торопиться. Время не терпит. Необходимо создать нормальные условия для совместной работы тех, кто вместе отдает Родине свою жизнь и свое здоровье. Если вы не сделаете этого теперь, то скоро уже ничего не будет.

Я расскажу вам один эпизод из периода, когда я временно исполнял должность начальника штаба Верховного главнокомандующего. 13 февраля с. г. я долго убеждал бывшего царя дать ответственное ми-

нистерство. Как последний козырь я выставил наше международное положение, отношение к нам союзников, указал на возможные последствия, но тогда моя карта была бита.

Наше международное положение я хочу охарактеризовать теперь. Прямых указаний, как реагируют наши союзники на наш отказ от продолжения борьбы, нет. Мы не можем потребовать, чтобы они высказали свои сокровенные мысли, но, подобно тому как на войне нам часто приходится решать вопрос «за противника», так и здесь попытаемся разобраться, решая «за союзников».

Начать было легко, но волна революции захлестнула нас. Я надеюсь, что благодаря здравому смыслу мы переживем все. Если же этого не будет, если союзники убедятся в нашем бессилии, то при принципах, реальной политики у них будет единственный выход — заключить сепаратный мир. И при этом они даже не нарушат обязательств, так как ведь мы обязались драться совместно, а теперь стоим. Если же один дерется, а другой, как какой-то китайский дракон, сидящий в окопах, ожидает результатов драки, то согласитесь, что у того, кто дерется, может возникнуть мысль о сепаратном мире. И этот мир будет заключен, конечно, на наш счет. От наших союзников австро-германцы ничего получить не могут — финансы расстроены, а естественных богатств нет; наши финансы тоже расстроены, но у нас есть огромные нетронутые естественные богатства. Но к такому решению союзники придут, конечно, в крайности, так как это будет не мир, а длительное перемирие. Отъевшись на наш счет, воспитанные на идеалах 19 века, германцы вновь обрушатся на нас и наших бывших союзников.

Вы, может быть, возразите — если это возможно, то отчего бы не заключить иам сепаратный мир раньше. Тут я прежде всего затрону нравственную сторону. Ведь обязалась Россия, а не ее бывший самодержец. Мне был известен, когда вы этого еще не знали, факт двоедушия Романова, заключившего вскоре после 1904—1905 года союз с Вильгельмом, когда еще действовал франко-русский союз. Свободный русский народ, сам ответственный за свои поступки, не может отступиться от своих обязательств. Но если даже откинуть моральную сторону, то остается сторона физическая. Если только мы начнем переговоры, то в тайне это остаться не может. Через 2—3 дня об этом узнают наши союзники. Они тогда также вступят в переговоры, и начнется аукцион — кто больше даст. Союзники, конечно, богаче нас, но борьба там еще не кончена, а кроме того, за наш счет наши противники могут получить значительно больше.

С точки зрения именно международиого положения нам надо доказать, что мы еще можем воевать. Я не буду продолжать революционирования армии, так как, если это продолжится, то мы можем оказаться не в состоянии не только наступать, но даже и обороняться. Оборона еще гораздо труднее. В 1915 году мы отступали — начальники приказывали и их слушали; вы могли требовать с нас, так как мы воспиталн армию. Теперь положение иное — вы создали нечто совершенно новое и отняли у нас власть; накладывать теперь ответственность на нас нельзя — она ляжет всецело на ваши головы.

Вы говорите — «революция продолжается». Послушайте иас — мы больше знакомы с психологией войск, мы пережили с ними и славные и печальные страницы. Приостановите революцию и дайте нам, военным, выполнить до конца свой долг и довести Россию до состояния, когда вы можете продолжать свою работу. Иначе мы вернем вам не Россию, а поле, где сеять и собирать будет наш враг, и вас проклянет та же демократия. Так как именно она пострадает, если победят германцы; именно она останется без куска хлеба. Ведь крестьяне всегда просуществуют своей землей.

Про прежнее правительство говорили, что оно «играет в руку Вильгельма». Неужели то же можно сказать про вас? Что же это за счастье Вильгельму! Играют ему в руку и монархи, и демократия.

Армия накануне разложения. Отечество в опасности и близко к гибели. Вы должны помочь. Разрушать легче, и если вы умели разрушить, то умейте и восстановить.

Генерал Алексеев. Главное сказано, и это правда. Армия иа краю гибели. Еще шаг — и оиа будет ввергнута в бездну, увлечет за собою Россию и ее свободы, и возврата не будет. Виновны — все. Вина лежит иа всем, что творилось в этом направлении за последние $2^1/_2$ месяца. Мы сделали все возможное, отдаем и теперь все силы, чтобы оздоровить армию. Мы верим А. Ф. Керенскому, что он вложит все силы ума, влияния и характера, чтобы помочь нам. Но этого недостаточно. Должны помочь и те, кто разлагал. Тот, кто издавал приказ № 1, должен издать ряд приказов и разъяснений.

Армия — организм хрупкий; вчера она работала; завтра она может обратиться против России. В этих стенах можно говорить о чем угодно, но иужна сильная твердая власть; без нее невозможно существовать. До армии должен доходить только приказ министра * и главнокомандующего, и мешать этим лицам никто не должен.

Мы все отдаем себя Родине. Если мы виноваты, предавайте суду, но не вмешивайтесь. Если хотите, то назначьте таких, которые будут делать перед вами реверансы. Скажите здоровое слово, что без дисциплины армия не может существовать. Дух критики заливает армию и должен прекратиться, иначе он погубит ее.

Если будет издана декларация, то, как говорил генерал Гурко, все оставшиеся маленькие устои, надежды рухнут. Погодите, время будет. То, что уже дано, не переварено за эти $2^1/_2$ месяца. У иас есть уставы, где указаны и права и обязанности; все же появляющиеся теперь распоряжения говорят только о правах.

Выбейте идею, что мир придет сам по себе. Кто говорит — не надо войны, тот изменник; кто говорит — не надо наступления, тот трус. У вас есть люди убежденные; пусть приедут к нам и не метеором промелькнут, а поживут и устранят сложившиеся предрассудки. У вас есть печать — пусть поднимет она любовь к Родине и потребует исполнения каждым его обязанностей.

Материальные недостатки мы переживем; духовные же требуют немедленного лечения. Если в течение ближайшего месяца мы не оздоровеем, то вспомните, что говорил генерал Гурко о нашем международном положении. Работать мы будем; помогите же нам и вы.

Кн. Львов. Мы выслушали слово главнокомандующих, понимаем все сказанное и исполним свой долг, во имя родины, до конца.

Церетели. Тут нет никого, кто способствовал бы разложению армии, кто играл бы в руку Вильгельма. Я слышал упрек, что Совет способствовал разложению армии. Между тем все признают, что если у кого в настоящее время и есть авторитет, то только у Совета. Что было бы, если бы его не было? К счастию, демократия помогла делу, и у нас есть вера в спасение.

Как идти вам? У вас могут быть два пути: один — отвергнуть политику Совета, но тогда у вас не будет никакого источника власти, чтобы собрать армию и направить ее для спасения Родины; другой путь — это путь верный, испытанный нами, путь единения с народными желаниями и чаяниями.

* Ген. Алексеев мирился даже с установлением официально власти военного министра над армией в военное время.

Если командный состав не объяснил ясно, что вся сила армии, поставленной для защиты страны, в наступлении, то нет такой магической палочки, которая могла бы это сделать. Говорят, что лозунг «без аннексий и контрибуций» внес разложение в армию, в массы. Возможно, что он был понят неправильно, но надо было разъяснить, что это — конечная цель; отказаться же от этого лозунга нельзя. Мы сами сознаем, что Родина в опасности, но защита ее — дело всего русского народа.

Власть должна быть единой и пользоваться доверием, но путь для этого — разрыв со старой политикой. Единение может быть основано только на доверии, которого ничем нельзя купить. Идеалы Совета не есть идеалы отдельных кучек; это идеалы всей страны; отказаться от них, значит отказаться от всей страны.

Вам, может быть, был бы понятен приказ № 1, если бы вы знали обстановку, в которой он был издан. Перед нами была неорганизованная толпа, и ее надо было организовать.

Масса солдат хочет продолжать войну. Те, кто не хотят понять этого, не правы, и я не хочу думать, чтобы не хотели они из-за трусости. Это результат недоверия. Дисциплина должна быть. Но если солдат поймет, что вы не боретесь против демократии, то он поверит вам. Этим путем можно спасти армию. Этим путем Совет укрепил свой авторитет.

Есть только один путь спасения — путь доверия и демократизации страны и армии. Совет заслужил доверие этим путем и имеет теперь возможность проводить свои взгляды, и пока это так, еще не все потеряно. Укрепляйте же доверие к Совету!

Генерал Алексеев. Не думайте, что 5 человек, которые говорили здесь, не присоединились к революции. Мы искренно присоединились и зовем вас к совместной работе. Я сказал — посылайте к нам лучших людей, пусть они работают вместе с нами. Мои слова звучали горечью, но не упреком. Не упрек, а призыв я посылаю вам.

Скобелев. Мы пришли сюда не для того, чтобы слушать упреки. Что происходит в армии, мы знаем. То положение, которое вы описали, действительно внушает тревогу. Достигнуть при всем этом конечных целей, выйти с честью из создавшегося положения, будет зависеть от величия духа русского народа.

Я считаю необходимым разъяснить ту обстановку, при которой был издан приказ № 1. В войсках, которые свергли старый режим, командный состав не присоединился к восставшим, и, чтобы лишить его значения, мы были вынуждены издать приказ № 1. У нас была скрытая тревога, как отнесется к революции фронт. Отдаваемые распоряжения внушали опасения. Сегодня мы убедились, что основания для этого были. Необходимо сказать правду: мероприятия командного состава привели к тому, что за $2^1/_2$ месяца армия не уразумела происшедшего переворота.

Мы понимаем, что вам не легко. Но когда нам говорят — прекратите революцию, то мы должны ответить, что революция не может начинаться и прекращаться по приказу. Революция может войти в свое нормальное русло, когда мозговой процесс революции, как верно здесь было определено, охватит всю Россию, когда ее уразумеют 70% неграмотных.

Мы отнюдь не домогаемся выборного командного состава. Мы согласны с вами, что у нас есть власть, что мы сумели ее заполучить. Но когда вы поймете задачи революции и дадите уразуметь народу объявленные лозунги, то получите ее и вы. Народ должен знать, для чего он воюет. Вы ведете армию, чтобы разгромить врага, и вы должны разъяснить, что стратегическое наступление необходимо для осуществления заявленных принципов.

Мы возлагаем надежды на нового военного министра и надеемся,

что министр-революционер продолжит нашу работу и ускорит мозговой процесс революции в тех головах, в которых он протекает слишком медленно.

Военный министр Керенский. Я должен сказать присутствующим как министр и как член правительства, что мы стремимся спасти страну и восстановить активность и боеспособность русской армии. Ответственность мы берем на себя, но получаем и право вести армию и указывать ей путь дальнейшего развития.

Тут никто никого не упрекал. Каждый говорил, что он перечувствовал. Каждый искал причину происходящих явлений. Но наши цели и стремления — одни и те же. Временное правительство признает огромную роль и организационную работу Совета солдатских и рабочих депутатов, иначе я не был бы военным министром. Никто не может бросить упрек этому Совету. Но никто не может упрекать и командный состав, так как офицерский состав вынес тяжесть революции на своих плечах так же, как и весь русский народ.

Все поняли момент. Теперь, когда мои товарищи входят в правительство, легче выполнить то, к чему мы совместно идем. Теперь одно дело — спасти нашу свободу... Прошу ехать на ваши посты и помнить, что за вами и за армией — вся Россия. Наша задача — освободить страну до конца. Но этот конец сам не придет, если мы не покажем всему миру, что мы сильны своей силой и духом.

Генерал Гурко. Мы с вами (возражение Скобелеву и Церетели) рассуждаем в разных плоскостях. Главное, основное условие существования армии — дисциплина. Мерило стойкости части это тот процесс потерь, который она может понести, не теряя боеспособности. Я 8 месяцев пробыл в южно-африканских республиках и видел там части двух родов: 1) небольшие, дисциплинированные и 2) добровольческие, недисциплинированные. И вот, в то время как первые при потерях даже до 50% продолжали вести бой и не теряли боеспособности, вторые, несмотря на то что составлены были из добровольцев, отдававших себе отчет, за что они сражаются, уже после 10% потерь оставляли ряды и бросали поле битвы; и не было силы, которая могла бы заставить их драться. Вот разница между войсками дисциплинированными и недисциплинированными.

Мы просим дать дисциплину. Мы все делаем и убеждаем. Но необходим и ваш авторитетный голос. Надо помнить, что если противник перейдет в наступление, то мы рассыплемся, как карточный домик. Если вы не откажетесь от революционирования армии, то возьмите сами власть в свои руки.

Князь Львов. Цели у нас одни и те же, и каждый выполнит свой долг до конца. Позвольте поблагодарить вас, что вы приехали и поделились с нами.

* * *

Заседание окончилось. Главнокомандующие разъехались по фронтам, унося с собою ясное сознание в том, что последняя ставка проиграна. Вместе с тем с того же дня началась травля советскими ораторами и печатью генералов Алексеева, Гурко и Драгомирова, предрешившая оставление ими армии.

9 мая, как я уже говорил, Керенский, отдав предварительно приказ о недопущении ухода со своих постов старших начальников «из желания уклониться от ответственности», утвердил «декларацию». Какое же впечатление произвело опубликование этого рокового акта?

Керенский впоследствии оправдывался тем, что закон был составлен до принятия им поста военного министра и одобрен как Исполни-

тельным комитетом, так и «военными авторитетами», и он не имел никакого основания не утверждать его; словом, был вынужден сделать это. Но я помню не одну из речей Керенского, когда он, считая свой путь наиболее верным, гордился своею смелостью, выразившейся в издании закона, «который не осмелился подписать Гучков»,— закона, против которого протестовал весь командный состав.

Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов 13 мая отозвался на декларацию восторженным воззванием, в котором убогая мысль остановилась исключительно на вопросе — об отдании чести: «...два месяца мы ждали этого дня... Теперь солдат стал гражданином по закону... Отныне солдат-гражданин освободился от рабского отдания чести и как равный, свободный будет приветствовать того, кого желает... Дисциплина в революционной армии будет существовать народным энтузиазмом.., а не обязательным отданием чести»...

Люди с таким кругозором взялись перестраивать армию!

Впрочем, большинство революционной демократии Советов не удовлетворилось декларацией. Ее называли «новым закрепощением солдата». Началась устная и печатная борьба за дальнейшее расширение солдатских прав. Всероссийский съезд Советов признал, что приказ, дав прочную основу для демократизации армии, не подтвердил, однако, еще многих существенных прав солдата-гражданина. Докладчики оборонческого блока требовали отвода и аттестации командного состава войсковыми комитетами, свободы слова и в служебное время, а главное отмены § 14-го декларации, предоставляющего начальнику [право] применять в боевой обстановке оружие против подчиненных, не исполняющих приказание... Об отрицательном отношении к закону левого, пораженческого сектора Совета и съезда не приходится уж и говорить.

Либеральная печать, не вникнув в значение закона, отнеслась к нему совершенно несерьезно. А кадетский официоз * отозвался даже статьей, в которой выражалось живейшее удовлетворение тем, что декларация «дает каждому солдату возможность участвовать в политической жизни страны, раскрепощает его окончательно от оков старого режима, выводит из затхлой атмосферы прежней казармы на свежий воздух свободы...», что «армии всех стран мира стоят вдали от политической жизни, тогда как русская армия становится первой армией, живущей всей полнотой политических прав!..». Даже «Новое время»[2] писало в передовой статье: «Знаменательный день! Сегодня великая армия могучей России стала действительно армией революции!.. Отношения воинов всех степеней отныне слагаются на общей основе — сознании долга, равно обязательном для каждого гражданина. И революционная армия обновленной России пойдет на великое испытание кровью — с верой в победу и мир».

Как трудно было бороться за сохранение армии командному составу, встречавшему даже в кругах, которые считались оплотом попираемой русской государственности, такое грубое непонимание основных начал существования армии!.. Начальники еще ниже опустили головы. А армия... с удвоенной быстротой покатилась в пропасть.

Глава XXIII. *Печать и пропаганда извне*

Наряду с аэропланами, танками, удушливыми газами и прочими чудесами военной техники, в последней мировой войне появилось новое могучее средство борьбы — пропаганда. Собственно говоря, оно не совсем новое, ибо еще в 1826 г. в заседании английской палаты депутатов министр Каннинг[3] говорил: «Если нам придется участвовать когда-либо

* «Речь», 11 мая.

в войне, мы соберем под наши знамена всех мятежных, всех основательно или без причины недовольных в каждой стране, которая пойдет против нас». Но теперь это средство достигло необычайного развития, напряжения и организованности, поражая наиболее болезненные и восприимчивые места народной психики. Широко поставленные технически, снабженные огромными средствами органы пропаганды Англии, Франции и Америки, в особенности Англии, вели страшную борьбу словом, печатью, фильмами и... валютой, распространяя эту борьбу на территории вражеские, союзнические и нейтральные, внося ее в области военную, политическую, моральную и экономическую. Тем более, что Германия в особенности давала достаточно поводов для того, чтобы пропаганда обладала обильным и неопровержимо уличительным материалом.

Трудно перечислить, даже в общих чертах, тот огромный арсенал идей, которые шаг за шагом, капля по капле углубляли социальную рознь, подрывали государственную власть, подтачивали духовные силы врагов и веру их в победу, разъединяли их союз, возбуждали против них нейтральные державы, наконец, поднимали падающее настроение своих собственных народов. Тем не менее придавать исключительное значение этому моральному воздействию извне, как это делают теперь вожди немецкого народа в оправдание свое, ни в коем случае не следует: Германия потерпела поражение политическое, экономическое, военное и моральное. Только взаимодействие всех этих факторов предрешило фатальный для нее исход борьбы, обратившейся под конец в длительную агонию. Можно было лишь удивляться жизнеспособности немецкого народа, который в силу интеллектуальной мощи и устойчивости политического мышления продержался так долго, пока, наконец, в ноябре 1918 г., «двойной смертельный удар как на фронте, так и в тылу» не сразил его. При этом история, несомненно, отметит большую аналогию в той роли, которую сыграли «революционные демократии» России и Германии в судьбах этих народов. Вождь немецких независимых социал-демократов после разгрома познакомил страну с той большой и систематической работой, которую они вели с начала 1918 г. для разрушения немецкой армии и флота во славу социальной революции. В этой работе поражает сходство приемов и методов с теми, которые практиковались в России.

Не будучи в силах бороться против пропаганды английской и французской, немцы с большим, однако, успехом применяли это средство в отношении своего восточного противника, тем более что «Россия творила свое несчастье сама,— говорил Людендорф,— и работа, которую мы вели там, не была слишком трудным делом». Результаты взаимодействия искусной немецкой руки и течений, возникавших не столько из факта революции, сколько из самобытной природы русского бунта, превзошли самые смелые ожидания немцев.

Работа велась в трех направлениях — в политическом, военном и социальном. В первом необходимо отметить совершенно ясно и определенно поставленную и последовательно проводимую немецким правительством идею расчленения России. Осуществление ее вылилось в провозглашение 5 ноября 1916 г. Польского королевства *, с территорией, которая должна была распространяться в восточном направлении «как можно далее»; в создании «независимых», но находящихся в унии с Германией — Курляндии и Литвы; в разделе Белорусских губерний между Литвой и Польшей и, наконец, в длительной и весьма настойчивой подготовке отпадения Малороссии, осуществленного позднее, в 1918 г. Поскольку первые факты имели лишь принципиальное значе-

* Восстановление Польши в этнографических границах предусматривалось и Россией.

ние, касаясь земель, фактически оккупированных немцами, и предопределяя характер будущих «аннексий», постольку позиция, занятая центральными державами в отношении Малороссии, оказывала непосредственное влияние на устойчивость важнейшего нашего Юго-западного фронта, вызывая политические осложнения в крае и сепаратные стремления в армии. К этому вопросу я вернусь впоследствии.

В состав немецкой главной квартиры входило прекрасно организованное «бюро прессы», которое, помимо воздействия и направления отечественной печати, руководило и пропагандой, проникавшей преимущественно в Россию и Францию. Милюков приводит циркуляр германского министерства иностранных дел всем представителям его в нейтральных странах: «Доводится до вашего сведения, что на территории страны, в которой вы аккредитованы, основаны специальные конторы для организации пропаганды в государствах, воюющих с германской коалицией. Пропаганда коснется возбуждения социального движения и связанных с последним забастовок, революционных вспышек, сепаратизма составных частей государства и гражданской войны, а также агитации в пользу разоружения и прекращения кровавой бойни. Предлагаем вам оказывать всемерное покровительство и содействие руководителям означенных пропагандистских контор».

Любопытно, что летом 1917 г. английская печать ополчилась на посла Бьюкенена[4] и свое министерство пропаганды за полную инертность их в деле воздействия на русскую демократию и в отношении борьбы против немецкой пропаганды в России. Одна из газет указывала, что английское бюро русской пропаганды возглавляется романистом и начинающими писателями, которые «о России имеют такое же понятие, как о китайских метафизиках».

У нас, ни в правительственном аппарате, ни в Ставке, не было совершенно органа, хоть до некоторой степени напоминающего могучие западноевропейские учреждения пропаганды. Одно из отделений генерал-квартирмейстерской части ведало техническими вопросами сношения с печатью и не имело ни значения, ни влияния, ни каких-либо активных задач. Русская армия — плохо ли, хорошо ли — воевала первобытными способами, не прибегая никогда к так широко практиковавшемуся на Западе «отравлению души» противника. И платила за это лишними потоками крови. Но если относительно моральной стороны разрушительной пропаганды существует два мнения, то нельзя не отметить нашей полной инертности и бездеятельности в другой, совершенно чистой области. Мы не делали решительно ничего, чтобы познакомить зарубежное общественное мнение с той исключительной по значению ролью, которую играла Россия и русская армия в мировой войне; с теми огромными потерями и жертвами, которые приносил русский народ, с теми постоянными и, быть может, непонятными холодному рассудку наших западных друзей и врагов величественными актами самопожертвования, которое проявляла русская армия каждый раз, когда фронт союзников был на волоске от поражения...

Такое непонимание роли России я встречал почти повсюду в широких общественных кругах даже долгое время спустя после заключения мира, скитаясь по Европе. Карикатурным, но весьма характерным показателем его служит мелкий эпизод: на знамени — хоругви, поднесенной маршалу Фошу «от американских друзей», изображены флаги всех государств, мелких земель и колоний, так или иначе входивших в орбиту Антанты в великую войну; флаг России поставлен на... 46-е место, после Гаити, Уругвая и непосредственно за Сан-Марино... Невежество или пошлость?

Мы не сделали ничего, чтобы заложить прочный нравственный фундамент национального единства за время оккупации Галиции, не привлекли к себе общественного мнения занятой русскими войсками Румынии, не предприняли ничего, чтобы удержать от предательства славянских интересов болгарский народ, наконец, не использовали вовсе пребывание на русской территории огромной массы пленных для того хотя бы, чтобы дать им правильное представление о России.

Императорская Ставка, наглухо замкнувшаяся в сфере чисто военных вопросов ведения кампании, не делала никаких попыток, чтобы приобрсть влияние на общий ход политических событий, что совершенно соответствует идее служебного существования народной армии. Но вместе с тем Ставка решительно уклонилась от воздействия на общественное настроение страны, чтобы привлечь этот могущественный фактор к моральному содействию в борьбе. Не было никакой связи с большою печатью, которая представлена была в Ставке лицами, не имевшими ни влияния, ни значения.

Когда грянула революция и политический вихрь захватил и закружил армию, Ставка не могла долее оставаться инертной. Надо было откликнуться. Тем более что в России вдруг не оказалось вовсе источника моральной силы, охраняющего армию: правительство, в особенности военное министерство, шло неудержимо по пути оппортунизма; Совет и социалистическая печать разрушали армию; буржуазная печать то взывала к консулам, «чтобы империя не потерпела ущерба», то наивно радовалась «демократизации и раскрепощению»... Даже в компетентных, казалось бы, кругах петроградской высшей военной бюрократии шел полный разброд мысли, ставивший в недоумение и растерянность общественное мнение страны. Оказалось, однако, что в Ставке для борьбы нет ни аппарата, ни людей, ни техники, ни знания и опыта. А главное, что Ставка оказалась как-то оттертой, отброшенной в сторону бешено мчавшейся колесницей жизни. Голос ее ослабел и затих.

2-му генерал-квартирмейстеру, генералу Маркову, предстояла большая работа — создать аппарат, установить связь с крупной прессой, дать «рупор» Ставке и поднять влачившую жалкое существование армейскую печать, на которую уже посягали войсковые организации. Марков горячо взялся за это дело, но в течение менее чем двух месяцев своего пребывания в должности ничего серьезного сделать не успел. Всякое начинание Ставки в этом направлении подвергалось со стороны революционной демократии злостному обвинению в контрреволюционности. А либерально-буржуазная Москва, к которой он обратился за содействием в смысле интеллектуальной и технической помощи делу, ответила широковещательными обещаниями и абсолютно ничего не сделала.

Таким образом, у Ставки не было никаких средств не только для ведения активной борьбы против разложения армии, но и для противодействия немецкой пропаганде, все более и более разраставшейся.

* * *

Людендорф откровенно, с доходящим до высокого цинизма национальным эгоизмом говорит: «Я не сомневался, что разгром русской армии и русского народа представляет большую опасность для Германии и Австро-Венгрии... Наше правительство, послав Ленина в Россию[5], взяло на себя огромную ответственность! Это путешествие оправдывалось с военной точки зрения: нужно было, чтобы Россия пала. Но наше правительство должно было принять меры, чтобы этого не случилось с Германией»... *. Бесконечные страдания русского народа, уже

* Mes souvenirs de guerre.

«вышедшего из строя», даже теперь не вызывали ни слова сожаления и раскаяния у духовных его растлителей...

С началом кампании немцы изменили направление своей работы в отношении России: не нарушая связей с известными реакционными кругами двора, правительства и Думы, используя все средства воздействия на эти круги и все их побуждения — корысть, честолюбие, немецкий атавизм, иногда своеобразно понимаемый патриотизм,— немцы вступили одновременно в тесное содружество с русскими революционерами в стране и в особенности за границей, среди многочисленной эмигрантской колонии. На службу немецкому правительству прямо или косвенно привлечены были все: крупные агенты шпионажа и вербовки, вроде Парвуса (Гельфанда)[6]; провокаторы, причастные к русской охранке, вроде Блюма; агенты пропагандисты — Ульянов (Ленин), Бронштейн (Троцкий), Апфельбаум (Зиновьев), Луначарский, Озолинь[7], Кац (Камков)[8], и много других. А за ними шла целая плеяда недалеких или неразборчивых людей, выброшенных за рубеж, фанатически ненавидевших отринувший их режим — до забвения Родины, или сводящих с ним счеты, служа подчас слепым орудием в руках немецкого Генерального штаба. Из каких побуждений, за какую плату, в какой степени — это уже детали: важно, что они продавали Россию, служа тем именно целям, которые ставил им наш враг. Все они тесно переплетались между собою и с агентами немецкого шпионажа, составляя неразрывный комплот.

Началось с широкой революционной и сепаратистской пропаганды (украинской) в лагерях военнопленных. По свидетельству Либкнехта[9], «германское правительство не только способствовало этой пропаганде, но и само вело таковую». Этим целям служил «Комитет революционной пропаганды», основанный в 1915 году в Гааге, «Союз освобождения Украйны» — в Австрии, «Копенгагенский институт» (организация Парвуса) и целый ряд газет революционного и пораженческого направления, частью издаваемых всецело на средства немецкого штаба, частью субсидируемых: «Социал-демократ» (Женева — газета Ленина), «Наше Слово» (Париж — газета Троцкого), «На чужбине» (Женева — с участием Чернова, Каца и др.), «Русский вестник», «Родная речь», «Неделя» и т. д. Такого же рода деятельностью — распространением одновременно пораженческой и революционной литературы наряду с чисто благотворительным делом занимался «Комитет интеллектуальной помощи русским военнопленным в Германии и Австрии» (Женева), находившийся в связи с официальной Москвою и получавший оттуда субсидии...

Чтобы определить характер этих изданий, достаточно привести две-три фразы, выражающие взгляды их вдохновителей. Ленин в «Социал-демократе» писал: «Наименьшим злом будет поражение царской монархии — наиболее варварского и реакционного из всех правительств»... Чернов, будущий министр земледелия, в «Мысли» объявил, «что у него есть одно отечество — интернационал»...

Наряду с печатным словом, немцы приглашали сподвижников Ленина и Чернова, особенно из редакционного комитета «На чужбине», читать сообщения в лагерях, а немецкий шпион, консул фон Пельхе занимался широкой вербовкой агитаторов для пропаганды в рядах армии — среди русских эмигрантов призывного возраста и левого направления.

Но все это была лишь подготовка. Русская революция открыла необъятные перспективы для немецкой пропаганды. Наряду с чистыми людьми, гонимыми некогда и боровшимися за народное благо, в Россию хлынула и вся та революционная плесень, которая впитала в себя элементы «охранки», интернационального шпионажа и бунта.

Петроградская власть больше всего боялась обвинения в недостаточной демократичности. Министр Милюков неоднократно заявлял, что «правительство признает безусловно возможным возвращение в Россию всех эмигрантов, без различия их взглядов на войну и независимо от нахождения их в международных контрольных списках» *. Министр вел спор с англичанами, требуя пропуска задержанных ими большевиков Бронштейна (Троцкого), Зурабова и др.

Но с Лениным и его единомышленниками дело было сложнее. Их, невзирая на требование русского правительства, союзники, несомненно, не пропустили бы. Поэтому, по признанию Людендорфа, немецкое правительство командировало Ленина и его спутников (в первый партии 17 человек) в Россию, предоставив им свободный проезд через Германию. Предприятие это, сулившее необычайно важные результаты, было богато финансировано золотом и валютой через Стокгольмский (Ганецкий — Фюрстенберг[10]) и Копенгагенский (Парвус) центры и через русский Сибирский банк. Тем золотом, которое, по выражению Ленина, «не пахнет»...

В октябре 1917 года Бурцев[11] напечатал список 159 лиц, провезенных через Германию в Россию распоряжением немецкого Генерального штаба. Почти все они, по словам Бурцева, революционеры, в течение войны ведшие пораженческую кампанию из Швейцарии, а теперь «вольные или невольные агенты Вильгельма». Многие из них заняли немедленно выдающееся положение в социал-демократической партии, в Совете, Комитете ** и большевистской прессе. Имена Ленина, Цедербаума (Мартова), Луначарского, Натансона, Рязанова, Апфельбаума (Зиновьева) и др. стали скоро наиболее роковыми в русской истории.

Немецкая газета «Die Woche» ко дню прибытия Ленина в Петроград посвятила этому событию статью, в которой он был назван «истинным другом русского народа и честным противником». А кадетский официоз «Речь», который вел потом неизменно смелую борьбу с ленинцами, почтил приезд его словами: «Такой общепризнанный глава социалистической партии должен быть теперь на арене борьбы, и его прибытие в Россию, какого бы мнения ни держаться о его взглядах, можно приветствовать».

Ленин приехал 3 апреля в Петроград, встреченный весьма торжественно, и через несколько дней объявил свои тезисы, часть которых составляла основные темы германской пропаганды: «Долой войну и вся власть Советам!».

Первоначальные выступления Ленина казались такими нелепыми и такими явно анархическими, что вызвали протест не только во всей либеральной, но и в большей части социалистической печати. Но малопомалу левый сектор революционной демократии, усиленный немецкими агентами, присоединился явно и открыто к проповеди своего главы, не находя решительного отпора ни в двоедушном Совете, ни в слабом правительстве. Широкая волна немецкой и бунтарской пропаганды охватывала все более и более Совет, Комитет, революционную печать и невежественную массу, находя отражение — подневольное или сознательное — даже среди лиц, стоявших у кормила власти...

С первых же дней организация Ленина, как сказано было впоследствии, в июле, в сообщении прокурора Петроградской судебной палаты, «в целях способствования находящимся в войне с Россией государствам во враждебных против нее действиях, вошла с агентами названных государств в соглашение содействовать дезорганизации русской армии и тыла, для чего, на полученные от этих государств денежные средства, организовала пропаганду среди населения и войск... а также

* В такие списки вносились лица, заподозренные в сношениях с враждебными правительствами.

** Членами Комитета были, например, Зурабов и Перзич, служивший у Парвуса.

в тех же целях, в период времени 3—5 июля организовала в Петрограде вооруженное восстание против существующей в государстве верховной власти».

Ставка давно и тщетно возвышала свой предостерегающий голос. Генерал Алексеев и лично, и письменно требовал от правительства принятия мер против большевиков и шпионов. Несколько раз я обращался в военное министерство, послав, между прочим, уличающий в шпионстве материал в отношении Раковского[12] и документы, свидетельствовавшие об измене Ленина, Скоропись-Иолтуховского и других. Роль «Союза освобождения Украйны» (в состав которого в числе других входили Меленевский и В. Дорошенко) * как организации центральных держав для пропаганды, шпионажа и вербовки в «сечевые украинские части» не подлежала никакому сомнению.

В одном из моих писем (16 мая), на основании допроса русского пленного офицера Ермоленко, принявшего на себя роль немецкого агента, с целью обнаружения организации, между прочим, раскрывалась такая картина: «Ермоленко был переброшен к нам в тыл на фронт 6-ой армии для агитации в пользу скорейшего заключения сепаратного мира с Германией. Поручение это Ермоленко принял по настоянию товарищей. Офицеры германского генерального штаба Шидицкий и Любар ему сообщили, что такого же рода агитацию ведут в России агенты германского Генерального штаба — председатель секции «Союза освобождения Украйны» А. Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину поручено всеми силами стремиться к подорванию доверия русского народа к Временному правительству. Деньги на операцию получаются через некоего Свендсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве»... Такие приемы практиковались и до революции. Наше командование обратило внимание на слишком частое появление «бежавших из плена». Многие из них, предавшись врагам, проходили определенный курс разведывательной службы и, получив солидное вознаграждение и «явки», пропускались к нам через линию окопов. Не имея никакой возможности определить, где доблесть и где измена, мы почти всегда отправляли всех бежавших из плена с европейских фронтов на Кавказский.

Все представления верховного командования, рисующие невыносимое положение армии перед лицом такого грандиозного предательства, не только оставались безрезультатными, но не вызвали ни разу ответа. Тогда я предложил генералу Маркову пригласить в Ставку В. Бурцева и предоставить ему секретный материал по немецкой пропаганде для использования. А тем временем революционная демократия чествует в Одессе Раковского. Керенский ведет свободные диспуты в Совете с Лениным на тему, нужно или не нужно разрушать страну и армию, исходя из взгляда, что он — «военный министр революции» и что «свобода мнений для него священна, откуда бы она ни исходила»... Церетели горячо заступается за Ленина: «С Лениным, с его агитацией я не согласен. Но то, что говорит депутат Шульгин, есть клевета на Ленина. Никогда Ленин не призывал к выступлениям, нарушающим ход революции. Ленин ведет идейную пропаганду» **.

Эта пресловутая свобода мнений до крайности упрощала немецкую пропаганду, вызвав такое небывалое явление, как открытая проповедь

* Любопытно, что Бронштейн (Троцкий) — лицо достаточно компетентное в деле тайных сношений со штабами наших противников, в «Известиях» 8 июля 1918 г. писал: «Мною были разоблачены в газете «Наше Слово» и пригвождены к позорному столбу Скоропись-Иолтуховский, Поток и Меленевский как агенты австрийского генерального штаба».

** Сборник речей. Речь, произнесенная 27 апреля на заседании членов Государственной Думы.

на немецком языке в столичных собраниях и в Кронштадте сепаратного мира и недоверия к правительству агентом Германии, председателем циммервальдовской и кинтальской конференции, Робертом Гриммом!..[13]. Какую моральную прострацию и потерю всякого национального достоинства, сознания и патриотизма представляет картина, как Церетели и Скобелев «ручаются» за агента-провокатора, Керенский «добивается» перед правительством права въезда Гримма в Россию, Терещенко разрешает, а русские люди слушают речи Гримма... без возмущения, без негодования.

Во время июльского восстания большевиков чины министерства юстиции, возмущенные попустительством руководящей части правительства, с ведома министра Переверзева, решили предать гласности мое письмо военному министру и другие документы, обличавшие Ленина в предательстве Родины. Документы, в виде заявления, подписанного двумя социалистами — Алексинским[14] и Панкратовым, даны были в печать. Это обстоятельство, преждевременно обнаруженное, вызвало страстный протест Чхеидзе, Церетели и страшный гнев министров Некрасова и Терещенко. Правительство воспретило помещение в печати сведений, порочащих доброе имя товарища Ленина, и прибегло к репрессиям... против чинов судебного ведомства. Заявление, однако, на страницах печати появилось.

В свою очередь, Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов проявил трогательную заботливость не только о неприкосновенности большевистских лидеров, но даже об их чести, специальным воззванием 5 июля «предлагая воздержаться от распространения позорящих обвинений» против Ленина и «других политических деятелей» впредь до расследования дела особой комиссией. Это внимание получило откровенное объяснение в резолюции центральных исполнительных комитетов (8 июля), которая, осуждая попытку анархо-большевистских элементов свергнуть правительство, вместе с тем выражала опасение, что «неизбежные меры, к которым должны были прибегнуть правительство и военные власти.., создают почву для демагогической агитации контрреволюционеров, выступающих пока под флагом установления революционного порядка, но могущих проложить дорогу к военной диктатуре».

Как бы то ни было, обнаруженное прямое преступное участие главарей большевизма в бунте и измене заставило правительство приступить к репрессиям. Ленин и Апфельбаум (Зиновьев) бежали в Финляндию, Бронштейн (Троцкий), Козловский[15], Раскольников[16], Ремнев и многие другие были арестованы. Несколько анархо-большевистских газет закрыто.

Впрочем, эти репрессии не имели серьезного характера. Многие заведомые руководители выступлений не привлекались вовсе к ответственности, и их работа разрушения продолжалась с последовательностью и энергией. Министр юстиции Переверзев, осмелившийся начать борьбу с большевизмом, по несогласию с другими членами правительства и под давлением Совета, принужден был выйти в отставку. Его преемники Зарудный и Малянтович приступили к выпуску из тюрем арестованных большевиков, а последний и к ликвидации всего их дела. Малянтович на совещании высших чинов министерства и прокуратуры высказал даже такой преступный взгляд, что в деяниях большевиков не усматривается «злого умысла» и что во время японской войны «многие передовые люди откровенно радовались успеху Японии и, однако, никто их не думал привлечь к ответственности!..» *.

Попустительство, проявленное в отношении большевиков,— самая

* «Утро России», 14 октября 1917 года.

темная страница в истории деятельности Временного правительства. Ни связь большевиков с враждебными державами, ни открытая беззастенчивая, разлагающая проповедь, ни явная подготовка восстания и участие в нем, ничто не могло превозмочь суеверного страха правительства перед обвинением его в реакционности, ничто не могло вывести правительство из рабского подчинения Совету, покровительствовавшему большевикам.

* * *

Внося войну внутрь нашей страны, немцы также настойчиво и методично проводили другой лозунг — мир на фронте. Братание случалось и раньше, до революции, и имело даже традиционный характер в дни святой Пасхи; но вызывалось оно исключительно беспросветно-нудным стоянием в окопах, любопытством, просто чувством человечности даже в отношении к врагу — чувством, проявлявшимся со стороны русского солдата не раз и на полях Бородино, и на бастионах Севастополя, и в Балканских горах. Братание случалось редко, преследовалось начальством и не носило опасной тенденции. Теперь же немецкий Генеральный штаб поставил это дело широко, организованно и по всему фронту, с участием высших штабов и командного состава, с подробно разработанной инструкцией, в которой предусматривались: разведка наших сил и позиций; демонстрирование внушительного оборудования и силы своих позиций; убеждение в бесцельности войны; натравливание русских солдат против правительства и командного состава, в интересах которого якобы исключительно продолжается эта «кровавая бойня».

Груды пораженческой литературы, заготовленной в Германии, передавались в наши окопы. А в то же время по фронту совершенно свободно разъезжали партизаны из Совета и Комитета с аналогичной проповедью, с организацией «показного братанья» и с целым ворохом «Правд», «Окопных правд», «Социал-демократов» и прочих творений отечественного социалистического разума и совести — органов, оставлявших далеко позади, по силе и аргументации, иезуитскую элоквенцию их немецких собратов. А в то же время общее собрание наивных «делегатов фронта» в Петрограде выносило постановление допустить братание с целью... революционной пропаганды в неприятельских армиях!..

Правда, и правительство, и военный министр, и резолюции большинства Совета и Комитета осуждали братание. Но успеха их воззвания не имели. Фронт представлял зрелище небывалое. Загипнотизированный немецко-большевистской речью, он забыл все: и честь, и долг, и Родину, и горы трупов своих братьев, погибших бесцельно и бесполезно. Беспощадная рука вытравляла в душе русских солдат все моральные побуждения, заменяя единственным, доминирующим над всем, животным чувством — желанием сохранить свою жизнь.

Нельзя читать без глубокого волнения о переживаниях Корнилова, столкнувшегося впервые после революции, в начале мая, в качестве командующего 8-й армией с этим фатальным явлением фронтовой жизни. Они записаны капитаном (тогда) Генерального штаба Нежинцевым, впоследствии доблестным командиром Корниловского полка, в 1918 году павшим в бою с большевиками, при штурме Екатеринодара.

«Когда мы втянулись в огневую зону позиции,— писал Нежинцев,— генерал (Корнилов) был очень мрачен. Слова «позор, измена» оценили гробовое молчание позиции. Затем он заметил: «Вы чувствуете весь ужас и кошмар этой тишины? Вы понимаете, что за нами следят глаза артиллерийских наблюдателей противника и нас не обстреливают? Да, над нами, как над бессильными, издевается противник... Неужели русский солдат способен известить противника о моем приезде

на позицию...». Я молчал, но святые слезы на глазах героя глубоко тронули меня. И в эту минуту... я мысленно поклялся генералу, что умру за него, умру за нашу общую Родину. Генерал Корнилов как бы почувствовал это. И, резко повернувшись ко мне, пожал мою руку и отвернулся, как будто устыдившись своей минутной слабости. Знакомство нового командующего с его пехотой началось с того, что построенные части резерва устроили митинг и на все доводы о необходимости наступления указывали на ненужность продолжения «буржуазной» войны, ведомой «милитарщиками»... Когда генерал Корнилов, после двухчасовой бесплодной беседы, измученный нравственно и физически, отправился в окопы, здесь ему представилась картина, какую вряд ли мог предвидеть любой воин эпохи. Мы вошли в систему укреплений, где линии окопов обеих сторон разделялись, или, вернее сказать, были связаны проволочными заграждениями... Появление генерала Корнилова было приветствуемо... группой германских офицеров, нагло рассматривавших командующего русской армией; за ними стояло несколько прусских солдат... Генерал взял у меня бинокль и, выйдя на бруствер, начал рассматривать район будущих боевых столкновений. На чье-то замечание, как бы пруссаки не застрелили русского командующего, последний ответил: «Я был бы бесконечно счастлив — быть может, хоть это отрезвило бы наших затуманенных солдат и прервало постыдное братание».

На участке соседнего полка командующий армией был встречен... бравурным маршем германского егерского полка, к оркестру которого потянулись наши «братальщики» — солдаты. Генерал со словами — «это измена!» — повернулся к стоящему рядом с ним офицеру, приказав передать братальщикам обеих сторон, что, если немедленно не прекратится позорнейшее явление, он откроет огонь из орудий. Дисциплинированные германцы прекратили игру... и пошли к своей линии окопов, по-видимому, устыдившись мерзкого зрелища. А наши солдаты — о, они долго еще митинговали, жалуясь на «притеснения контрреволюционными начальниками их свободы».

Я не питаю чувства мести вообще. Но все же крайне сожалею, что генерал Людендорф оставил немецкую армию раньше времени, до ее развала, и не испытал непосредственно в ее рядах тех невыразимо тяжелых нравственных мучений, которые перенесли мы — русские военачальники.

Кроме братания, неприятельское главное командование практиковало в широких размерах с провокационной целью посылку непосредственно к войскам, или, вернее, к солдатам, парламентеров. Так, в конце апреля на Двинском фронте появился парламентер — немецкий офицер, который не был принят. Однако он успел бросить в солдатскую толпу фразу: «Я пришел к вам с мирными предложениями и имел полномочия даже к Временному правительству, но ваши начальники не желают мира». Эта фраза быстро распространилась, вызвала волнения в солдатской среде и даже угрозу оставить фронт. Поэтому, когда через несколько дней на том же участке вновь появились парламентеры (командующий бригадой, два офицера и горнист), то их препроводили в штаб 5-й армии. Конечно, оказалось, что никаких полномочий они не имели и не могли указать даже сколько-нибудь определенно цели своего прибытия, так как «единственною целью появлявшихся на фронте лжепарламентеров — как говорилось в приказе Верховного главнокомандующего — было разведать наше расположение и настроения и лживым показом своего миролюбия склонять наши войска к бездействию, спасительному для немцев и гибельному для России и ее свободы»... Подобные выступления имели место и на фронтах 8-й, 9-й и других армий.

Характерно, что в этой провокации счел возможным принять личное

участие главнокомандующий восточным германским фронтом, принц Леопольд Баварский, который в двух радиограммах, носящих выдержанный характер обычных прокламаций и предназначенных для солдат и Совета, сообщал, что главное командование идет навстречу «неоднократно высказанным желаниям русских солдатских депутатов окончить кровопролитие»; что «военные действия между нами (центральные державы) и Россией могут быть окончены без отпадения России от своих союзников», что «если Россия желает знать частности наших условий, пусть откажется от требования публиковать об них»... И заканчивал угрозой: «Желает ли новое русское правительство, подстрекаемое своими союзниками, убедиться в том, стоят ли еще на нашем восточном фронте дивизионы тяжелых орудий?».

Ранее, когда вожди делали низость во спасение армии и Родины, то по крайней мере стыдились ее и молчали. Ныне военные традиции претерпели коренное изменение. К чести Совета нужно сказать, что он надлежаще отнесся к этому провокационному призыву, ответив: «Главнокомандующий немецкими войсками на восточном фронте предлагает нам «сепаратное перемирие, тайну переговоров!»... Но «Россия знает, что разгром союзников будет началом разгрома ее армии, а разгром революционных войск свободной России — не только новые братские могилы, но и гибель революции, гибель свободной России»...

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Щербачев Дмитрий Григорьевич (1857—1932) — генерал от инфантерии (1914 г.). В годы первой мировой войны — командующий 7-й армией Юго-Западного фронта, затем — помощник главнокомандующего армиими (главнокомандующий русскими войсками) Румынского фронта.

[2] «Новое время» (1868—1917) — одна из крупнейших русских газет (издавалась в Петербурге — Петрограде), первоначально либеральная, затем консервативная, с 1905 г.— черносотенная. Закрыта после Октябрьской революции.

[3] Каннинг Джордж (1770—1827) — министр иностранных дел (1807—1809 гг. и с 1822 г.), премьер-министр (1827 г.) Великобритании, лидер тори.

[4] Бьюкенен Джордж Уильям (1854—1924) — английский дипломат, в 1910—1918 гг.— посол в России. В годы первой мировой войны был связан с кадетами и октябристами, поддерживал Временное правительство, был близок к Керенскому. Один из организаторов антисоветских заговоров.

[5] Факты, связанные с переездом В. И. Ленина и других большевиков-эмигрантов из Швейцарии в Россию, см.: Платтен Ф. Как я помогал Ленину приехать в 1917 г. в Россию.— Старый большевик, 1933, № 5(8); Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине. Тт. 1, 2, 4. М. 1989, 1990; и др.

[6] Парвус (Гельфанд Александр Львович) (1869—1924) — участник российского и германского социал-демократического движения. С 1903 г.— меньшевик. В первую мировую войну — социал-шовинист. Жил в Германии. С 1918 г. отошел от политической деятельности.

[7] Озолин (Озолинь) Константин Иванович (1893—1945). Член Коммунистической партии с 1917 года. После Февральской революции — председатель солдатского комитета артиллерийского дивизиона. С начала 1918 г.— в Красной Армии, в том числе и на политической работе (бригадный комиссар).

[8] Камков (Кац) Борис Давидович (1898—1938) — один из лидеров партии левых эсеров. После Октябрьской революции — член ВЦИК. Один из организаторов левоэсеровского мятежа 1918 года. Осужден на три года лишения свободы. Впоследствии— на хозяйственной работе. Незаконно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[9] Либкнехт Карл (1871—1919) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей Коммунистической партии Германии. Зверски убит контрреволюционерами.

[10] Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович (1879—1937) — деятель польского и русского революционного движения, советский государственный деятель. Член ЦК и Заграничного бюро ЦК РСДРП(б) (1917 г.). В 1914 г. способствовал освобождению В. И. Ленина из австрийской тюрьмы. Во время первой мировой войны примкнул к «Циммервальдской левой». В 1917 г., находясь в Швеции, был посредником между Лениным и Русским бюро ЦК РСДРП(б), участвовал в организации возвращения Ленина и других большевиков-эмигрантов в Россию. После Октябрьской революции работал в различных наркоматах, в том числе иностранных дел. С 1935 г.— директор Музея революции СССР. Необоснованно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

[11] Бурцев Владимир Львович (1862—1942) — публицист, издатель журнала «Былое». Разоблачил многих провокаторов царской охранки (Е. Ф. Азефа, Р. В. Малиновского и других). После Октябрьской революции — в эмиграции.

[12] Раковский Христиан Георгиевич (1873—1941) — видный деятель российского и международного коммунистического и рабочего движения, один из основателей Коммунистического Интернационала. В 1919 г.— член ЦК РКП(б), в 1919—1923 гг. возглавлял Совнарком и Наркоминдел Украинской Советской Республики, затем занимался внешнеполитической деятельностью: 1922—1923 гг.— член делегации на Генуэзской и Лозаннской конференциях; 1923 г.— заместитель наркома иностранных дел и полномочный представитель СССР в Великобритании, 1925 г.— во Франции. Незаконно репрессирован. В октябре 1941 г. расстрелян в Орловской тюрьме. Посмертно реабилитирован.

[13] Гримм Роберт (1881—1958) — один из лидеров Социал-демократической партии Швейцарии, в 1909—1918 гг. ее секретарь и главный редактор газеты «Berner Tagwacht» («Бернский часовой»). С 1911 г.— член швейцарского парламента. В годы первой мировой войны — центрист, участник Циммервальдской и Кинтальской конференций. Один из организаторов II 1/2 Интернационала.

[14] Алексинский Григорий Алексеевич (1879—19?) — в 1905—1907 гг. примыкал к большевикам. Депутат II Государственной думы. В годы первой мировой войны — социал-шовинист. В 1917 г. вошел в меньшевистскую группу «Единство». В июле 1917 г. совместно с контрразведкой сфабриковал клеветнические документы, которые должны были скомпрометировать В. И. Ленина, партию большевиков с целью подрыва их влияния на массы. В 1918 г. эмигрировал.

[15] Козловский Мечислав Юльевич (1876—1927) — советский государственный и партийный деятель. Член Коммунистической партии с 1900 г., участник революции 1905—1907 гг., Октябрьской революции. В 1918—1920 гг.— член, председатель Малого Совнаркома.

[16] Раскольников Федор Федорович (1892—1939). В Коммунистической партии с 1910 года. С начала первой мировой войны на флоте. После Февральской революции в Кронштадте: член комитета РСДРП(б), заместитель председателя Совета, редактор газеты «Голос Правды». В июльские дни арестован Временным правительством, но вскоре освобожден под давлением матросов и рабочих. Участник Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде. После победы Октябрьской революции — советский государственный, военный деятель, дипломат. В 1938 г. порвал со сталинским режимом и остался за рубежом.

РОССИЯ НА ИСТОРИЧЕСКОМ ПОВОРОТЕ

А. Ф. Керенский

Глава V. *Политическая работа*

После окончания ташкентской ссылки я возвратился в Санкт-Петербург. Мой приезд совпал с попыткой покушения на жизнь Столыпина, предпринятой 12 августа 1906 года. Эсеры-максималисты взорвали бомбу в его летней резиденции на Аптекарском острове; погибло 32 человека, включая и преступников. Среди 22 раненых были сын и дочь Столыпина. Сам Столыпин не пострадал.

К этому времени я утратил всякую надежду на восстановление доверия между царем и народом, которое казалось таким реальным после манифеста 17 октября.

После роспуска первой Думы и принятия бывшими членами Думы «Выборгского воззвания», призвавшего население к «пассивному сопротивлению» путем отказа от уплаты налогов и от службы в армии, по городам и сельским районам, а также в армии прокатилась новая волна революционных возмущений. Крестьянские беспорядки, охватившие Россию, были жестоко подавлены. В районах с нерусским населением, особенно в Финляндии, Прибалтийских губерниях и в Польше, резко усилились антирусские настроения. По всей стране были разосланы карательные экспедиции. В городах происходили столкновения с солдатами и стачки. Особой ожесточенностью отличались антисемитские погромы, организованные пресловутым «Союзом русского народа». Одним словом, казалось, что Россия вновь отброшена к мрачным временам, царившим в стране до опубликования манифеста 1905 года.

Что касается меня, то я устал от безделья и ожидания того дня, когда смогу приступить к работе в качестве защитника на политических процессах. Я хотел использовать связанные с такой работой возможности для поездок по России и познакомиться на месте с настроениями населения. Развитие политических событий требовало этого все более настоятельно. И дело было уже не в том, чтобы понять настроение людей; они нуждались в активной помощи. Но мои перспективы казались весьма призрачными. Я упорно отказывался от всех гражданских и уголовных дел в надежде на участие в политическом процессе. Настроение было хуже некуда. Почему мне, так страстно желавшему помочь людям, отказано в этом?

Мрак в моей душе рассеялся самым неожиданным образом. В конце октября мне позвонил известный адвокат Н. Д. Соколов: «Вам выпал случай принять участие в политическом процессе». Я радостно воскликнул: «Когда, где?» «Наша группа защитников отправляется в Кронштадт на крупный процесс по делу о бунте на крейсере «Память Азова». В нем замешан один из руководителей социалистов-революционеров, Фундаминский-Бунаков, и мы взялись защищать его и матросов. К сожалению, в тот же день, 30 октября, начинается еще один политический процесс — в Ревеле по делу крестьян, разграбивших поместье местного барона. Вам следует отправиться в Ревель и взять это дело на себя».

«Но это невозможно! Я никогда раньше не занимался политическими делами»,— возразил я. «Что ж, воля ваша. Вам представляется большой шанс. Решайте: либо вы воспользуетесь им, либо нет».

«Хорошо, еду»,— ответил я почти без колебаний. В тот же день я отправился ночным поездом в Ревель.

Всю ночь и весь следующий день, выпив, чтобы не уснуть, не одну чашку черного кофе, я страницу за страницей изучал материалы дела. Передо мной, я чувствовал, раскрывалась истинная подоплека событий. К делу были приобщены многочисленные показания свидетелей, официальные и медицинские справки, заявления обвиняемых. Два дня, оставшиеся до процесса, я потратил на тщательное изучение дела и связанных с ним политических и социальных аспектов. Положение прибалтийских крестьян было особенно тяжелым. Освобожденные, они не получили земли, а стали арендовать ее у местных землевладельцев, в большинстве своем немецких баронов, которые сохранили в отношении их часть своих феодальных прав. На волне карательных экспедиций некоторые из землевладельцев в районах волнений были назначены на почетную должность помощников уездных начальников и получили широкие полицейские полномочия, которые они безжалостно использовали против своих же собственных крестьян.

Данное дело касалось разграбления поместья и помещичьего дома, а также нанесенного при этом ущерба. Однако преступление крестьян блекло перед жестокостью расправы с ними. Вместо ареста и содержания до суда под стражей обвиняемых подвергли порке, а многих даже застрелили на месте. Некоторых выбранных наугад «козлов отпущения» после порки потащили на скамью подсудимых. Обвинитель заявил, что главные зачинщики не могут предстать перед судом, поскольку либо сбежали, либо убиты.

В день открытия процесса я направился в местный окружной суд, где должно было начаться слушание дела. Местные адвокаты, возглавляемые будущим президентом Эстонской республики Я. Поской, были крайне озадачены. Вместо маститого санкт-петербургского юриста пред их очами предстал неизвестный молодой человек. (Я всегда выглядел моложе своих лет, а тогда мне было всего лишь 25.) Тем не менее они проявили ко мне дружеское расположение. Сославшись на то, что я участвовал всего в нескольких уголовных делах при поступлении в коллегию адвокатов, я попросил Поску взять на себя руководство защитой. Поска любезно отклонил мое предложение, предоставив мне тем самым полную самостоятельность. Несмотря на мою неопытность, все обошлось наилучшим образом. Мне удалось не только успешно провести защиту, но и назвать организаторов и участников карательных экспедиций. Мы выиграли дело, большинство обвиняемых было оправдано. Когда я кончил свою защитительную речь, наступила тишина, а затем зал взорвался бурей аплодисментов. Председатель суда Муромцев, проявивший в ходе процесса полную беспристрастность, призвал публику к порядку, пригрозив очистить помещение, если шум не прекратится. После объявления приговора меня окружили адвокаты и родственники обвиняемых, чтобы пожать мне руку и от всей души поздравить с успехом. Я был несколько растерян. А Поска сказал: «Почему же вы сказали нам, что никогда прежде не вели процессов? Почему не приезжали сюда раньше?» Они никак не могли поверить, что это был мой первый процесс.

Двумя днями позже, вернувшись в Санкт-Петербург, я зашел в суд, и в одной из комнат, где обычно собирались адвокаты, меня приветствовали мои коллеги: «Замечательно! Примите наши поздравления!»

Продолжение. См. Вопросы истории, №№ 6—7.

«Что замечательно?» — спросил я. «Не притворяйтесь, что не знаете. Нам ведь звонили по телефону, да и в местной печати уже опубликованы сообщения о вашей речи в Ревеле».

Таков был мой дебют в качестве адвоката и политического оратора. Без ложной скромности могу сказать, что мои ораторские способности были признаны. Должен добавить, что никогда не писал заранее текстов выступлений и не репетировал их.

После ревельского процесса мне со всех сторон посыпались предложения. Вплоть до осени 1912 г., до моего избрания в Думу, я редко бывал в Санкт-Петербурге. По делам службы я объездил все губернии, всю страну от Иркутска до Риги, от Санкт-Петербурга до Маргелана в Туркестане, как и города Кавказа, Поволжья и Сибири.

Не все политические процессы вели адвокаты из организованных групп политических защитников, поскольку иногда обвиняемые могли позволить себе самим выбрать защиту. За политические дела брались в ту пору такие блестящие знатоки уголовного права, как петербуржцы Андриевский, Карабчевский, Грузенберг, москвичи Маклаков, Муравьев, Ледницкий и Тесленко. Но во всех крупных российских городах были созданы специальные объединения политических адвокатов, вроде того, к которому принадлежал и я, и они-то и оказывали юридическую помощь крестьянам, рабочим и другим лицам, которые не могли сами оплатить защиту. У нас не было членства, не было и устава. Согласно неофициальному соглашению, наш гонорар сводился к стоимости проезда во втором классе и суточным в размере 10 рублей. Старшие, известные и признанные адвокаты из нашей среды принимали участие в этих благотворительных процессах реже, чем представители молодого поколения. Такого рода дела требовали особого, глубокого сострадания к обвиняемым и понимания политической значимости этих процессов. Именно о такой работе я и мечтал.

Последовавшая за революцией 1905 г. волна репрессий прокатилась по стране с 1906 до начала 1909 года. После подавления карательными экспедициями крестьянских и других волнений началась охота за оставшимися революционными организациями, или, как их называли, бандами. Жертв предавали суду военных трибуналов. Это была кампания организованного юридического террора. Она не только противоречила нормам морали, но и была абсолютно бессмысленна, поскольку революционный накал сошел на нет и люди возвращались к нормальной повседневной жизни. Но власти никак не могли забыть событий 1905—1906 гг. и не хотели, чтобы о них забывала и общественность.

В положении о специально созданных военно-полевых судах, представленном Столыпиным 19 августа 1906 года *, не были даны юридические гарантии прав обвиняемых. Учреждение этих судов вызвало в стране такую бурю возмущения, что Столыпин даже не представил положения о них в Думу в течение двух месяцев после ее созыва, как это предусматривалось законом.

Большинство политических дел рассматривалось в военно-окружных судах. Главным военным прокурором в то время был генерал Павлов, безжалостный человек, который считал, что судьи должны выполнять свой «долг», не обращая ни малейшего внимания на доводы защиты. Павлов продержался на своем посту недолго. Опасаясь попыток покушения на свою жизнь, он принял все возможные меры предосторожности. Он никогда не покидал здания Главного военного суда, где у него была и квартира, к которой прилегал сад, окруженный высоким забором. В этом-то саду он и был убит террористами.

Одним из специальных военных судей в Балтийских губерниях был некий генерал Кошелев, снискавший недобрую славу своей патологической жестокостью. Это был настоящий садист, привычкой которого было разглядывать порнографические открытки во время заседаний суда при рассмотрении дел тех обвиняемых, которым грозил смертный приговор. В конце 1906 — начале 1907 года он председательствовал в Риге на процессе по делу так называемой Тукумсской республики, на котором я был одним из защитников. Во время беспорядков в Тукумсе в 1905 году было убито 15 драгунов. Вскоре после начала процесса стало очевидным, что Кошелев не заинтересован в установлении истины, а лишь стремится отобрать среди обвиняемых 15 человек, чтобы повесить их в отместку за смерть драгунов. И эти 15 были повешены.

Согласно правилам, в военном трибунале вместе с судьей всегда заседали четыре полковника, с которыми судья обязан был консультироваться. Предполагалось, что полковники, избиравшиеся по очереди из состава местного гарнизона, будут представлять независимое жюри. Однако в Прибалтике военные власти постоянно нарушали дух и букву этого правила, назначая двух полковников из числа наиболее покладистых постоянными членами трибунала, которые сопровождали председателя трибунала на всех процессах в Прибалтике.

Конечно, не все военные судьи походили на Кошелева. Было здесь и два других — Арбузов и Никифоров. Никифоров являлся полной противоположностью Кошелеву. Человек глубоко верующий, он перед вынесением смертного приговора шел обычно в церковь. Осенью 1908 г. он председательствовал на процессе по делу независимой террористической группы социалистов-революционеров — «Северной боевой организации». Возглавлял группу эстонец Трауберг, который высказывал подозрение, что в руководстве партии социалистов-революционеров орудует некий высокопоставленный агент-провокатор. Достойное поведение Трауберга на процессе произвело большое впечатление на присутствовавших, убедившихся в том, что он говорил правду. Когда помощник прокурора Ильин, человек крайне амбициозный, попытался запугать обвиняемого, Никифоров резко осадил его: «Если Трауберг говорит это, мы должны считаться с его словами».

Были и другие достойные судьи, такие, как генерал Кирилин из Санкт-Петербургского военного округа, который, несмотря на давление сверху, проводил процессы безупречно.

Я предпочитал работать в местных военных судах, где судьи были менее склонны подчиняться давлению извне. Вспоминается дело об экспроприации Миасского казначейства на юге Урала. Дело рассматривал военный трибунал в Златоусте. Как обычно, председательствовал генерал с юридическим образованием, выпускник Военно-юридической академии. В состав суда входили четыре полковника, однако на сей раз они не подверглись давлению извне. Все обвиняемые — молодые люди, члены большевистской группы социал-демократов во главе с Алексеевым, выходцем из уфимской богатой купеческой семьи. Нам удалось доказать несостоятельность обвинения, и судья оправдал некоторых из обвиняемых.

Позднее Алексеев рассказал мне об экспроприациях, которые осуществляла его группа. Официально Ленин и большевистская печать заклеймили экспроприации как «мелкобуржуазную практику» левых социалистов-революционеров и максималистов. «Как же так,— спросил я Алексеева.— Выходит, вы проводите экспроприации, хотя это противоречит взглядам вашей партии?» «Очень просто,— ответил он.— По этому вопросу у нас в партии имеется специальная договоренность. Перед тем как проводить экспроприацию — примерно за две недели — мы выходим из партии, заявляя о своем несогласии с ее политикой. Это дает нам полную свободу для проведения акции. Захваченные деньги переправляются на Капри Горькому для финансирования его шко-

* См. гл. VI.

лы *. Через две недели мы подаем заявление о восстановлении в рядах партии, «осуждая» свои ошибки, и нас немедленно восстанавливают».

В специальном отделе по политическим делам судебной палаты приговоры утверждались большинством голосов судей, назначавшихся по рекомендации министра юстиции И. Г. Щегловитова. В частной беседе со мной председатель Санкт-Петербургской судебной палаты Н. С. Крашенинников весьма красочно живописал настроения этих судей: «Надеюсь, вы понимаете, что на всех этих политических процессах не делается и видимости служения истине. Они — отражение ожесточенной политической борьбы. То, что ваши клиенты принимают за справедливость, для меня — уголовное преступление». До революции 1905 года Крашенинников был одним из самых беспристрастных судей, однако революционные эксцессы ожесточили его и привели в ряды правых.

Мой опыт в России и позднейшие наблюдения в период заграничной ссылки утвердили меня в том, что там, где замешана политика, беспристрастность невозможна. Когда идет жестокая политическая борьба, ни один судья, по своей человеческой натуре, не может сохранить независимость суждений.

Щегловитова всячески поощрял царь, который был непреклонен в политических вопросах. Показательным было его отношение к процессам о погромах, учиненных членами «Союза русского народа». Среди документов, рассмотренных Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства по расследованию деятельности бывших министров и высокопоставленных чиновников, есть заявление начальника одного из департаментов Министерства юстиции Лядова. Из всех прошений о помиловании, рассматривавшихся в его департаменте, утверждает Лядов, царь неизменно удовлетворял лишь те, которые подавали члены «Союза русского народа», и отвергал прошения, поданные революционерами.

В первые годы своей карьеры я вел дело Союза учителей Санкт-Петербургской губернии. Дело рассматривалось в судебной палате в ноябре 1907 года. Обвиняемым инкриминировались антиправительственные заявления, содержавшиеся в их петициях, направленных в Сенат. Эти петиции были поданы в полном соответствии с положениями императорского указа от 28 февраля 1905 года **. Указ призывал все группы, организации и частных лиц вносить предложения о реформах и сообщать о недостатках в деятельности правительства. Теперь же, спустя годы, их подвергли тщательному изучению и использовали против составителей. В дело оказались вовлеченными многие сельские учителя. В период послаблений, когда люди посмели свободно выражать свои взгляды, крестьяне часто делегировали сельских учителей выступать от их имени на митингах и собраниях. Представители местных властей, в том числе директора начальных школ, выступая со стороны защиты, в своих показаниях отмечали благонамеренность учителей, с похвалой отзывались о их деятельности на сельских сходах и собраниях кооперативных обществ, особенно отмечая, что учителям нередко удавалось утихомиривать кипящие страсти. Приговор был мягким, многих учителей оправдали, но ни один из них не был восстановлен на работе. Результат этого процесса явился страшным ударом по прослойке образованных людей в сельских районах Санкт-Петербургской губернии. Стало ясно, что указ о петициях оказался не чем иным, как ловушкой для тех, кто принял слово царя за чистую монету. Подобных дел было немало. Так, в 1908 или 1909 году несколько служащих почты и телеграфа в Вильне были обвинены в организации всеобщей забастовки в 1905 году, до опубликования манифеста 17 октября,— забастовки, о которой многие из обвиняемых успели давно забыть.

* Школа обучала и давала партийное образоаание руководителям будущего восстания.

** Так у автора (*прим. ред.*).

Однажды я выступал в Тверской губернии защитником по делу группы «Крестьянское братство». Ее руководителем был молодой крестьянин лет 25—30. У меня с ним состоялся весьма интересный и поучительный разговор. Он обладал ясным, живым умом и рассматривал положение с точки зрения своих односельчан и крестьянства в целом. Он подробно рассказал о деятельности и значении своего «Братства». Несмотря на преследования, члены «Братства» продолжали отстаивать свои вполне определенные взгляды на аграрный вопрос и развитие крестьянства. Они высоко ценили образование, читали книги и местные газеты, а также участвовали в организации кооперативных обществ и других полезных начинаниях. Россия и впрямь после 1905 г. значительно выросла в политическом отношении.

В военных судах солдаты охотно сотрудничали с представителями защиты и откровенно излагали причины своих поступков. На процессе военнослужащих первой гвардейской артиллерийской бригады в Санкт-Петербурге власти, например, утверждали, что подсудимые возбуждали среди солдат ненависть к офицерам, хотя, как говорилось в обвинительном заключении, они толком не разумели, о чем говорят. На самом же деле обвиняемые оказались вполне умными людьми и полностью отдавали себе отчет в своих поступках. Они не возражали против соблюдения дисциплины, но при условии, что офицеры будут справедливо к ним относиться.

Одним из крупнейших для меня процессов стал процесс по делу армянской партии Дашнакцутюн в 1912 году. Оно стало эпилогом в прискорбной деятельности князя Голицына * в начале столетия, в результате которой даже такие верные друзья России, как армяне, превратились в грозную революционную силу. Перед судом предстала вся армянская интеллигенция, включая писателей, врачей, юристов, банкиров и даже купцов (которые, как утверждалось, давали революционерам деньги). Расследование дела длилось несколько лет. Аресты шли по всей России, и в конце концов в Санкт-Петербурге был учрежден специальный сенатский суд. Некоторых обвиняемых продержали в тюрьме почти четыре года, прежде чем начались судебные заседания. Слушания открылись в январе 1912 года и продолжались до середины марта. Было опрошено 600 свидетелей. Опасаясь беспорядков, полиция приняла особые меры предосторожности. Суд шел при закрытых дверях, в зал заседаний не допустили даже родственников обвиняемых. Атмосферу накаляли всякого рода запреты.

В начале процесса один из подсудимых заявил о своей невиновности. Председательствующий на процессе сенатор Кривцов вынес постановление о том, чтобы было оглашено заключение следствия, которое носило чисто обвинительный характер. Я вмешался и попросил судью назначить эксперта для изучения свидетельских показаний, которые, по моему глубокому убеждению, являлись лжесвидетельством. Озадаченный моей просьбой, Кривцов спросил: «Отдаете ли вы себе отчет в том, о чем просите и что ожидает вас в случае ошибки?» «Да, отдаю»,— ответил я без колебаний. Была назначена экспертиза, и большую часть свидетельств признали ложной. Защите удалось также доказать ложность показаний и по другим пунктам обвинения. Дошло до того, что, стоило мне подняться, чтобы заявить протест по тому или иному поводу, как судья утвердительно махал рукой и бормотал: «Принято». Из 146 обвиняемых 95 были оправданы, 47 получили тюремное заключение или ссылку в Сибирь и только трех приговорили к каторж-

* Наместник на Кавказе с 1898 по 1900 год.

ным работам. Исход процесса поднял престиж России за рубежом, особенно среди армян в Турции. Следователь Лужин был обвинен в лжесвидетельстве, однако дело против него в конечном счете прекратили после того, как комиссия психиатров признала его невменяемым.

Ленский расстрел

Процесс по делу армян завершился в середине марта. Времени почивать на лаврах оказалось у меня немного. 4 апреля 1912 года произошли Ленские события. Поскольку они стали вехой в истории борьбы против реакционных сил в России, вкратце расскажу о них.

Могущественная англо-русская ленская золотопромышленная компания занималась эксплуатацией рудников в районе реки Бодайбо в северо-восточной части Иркутской губернии. Иркутск, ближайший железнодорожный узел, находился в 2250 километрах. Золотые прииски располагались на безжизненном плоскогорье, изрезанном бесплодными долинами и бурными реками. Снег в горах лежал вплоть до конца июня, а зима наступала в конце сентября. Горнорабочие жили и работали на одном безжизненном плоскогорье в ужасающей нищете. Отсутствие средств сообщения превращало их в заключенных, полностью зависимых от компании,— она владела единственной в районе железнодорожной веткой и контролировала все движение речного транспорта. В 1911 году губернатор Иркутска полковник Бантыш, посетивший Ленские прииски, был потрясен условиями жизни и работы шахтеров и потребовал от администрации во избежание неприятностей принятия самых решительных мер. Его предупреждение осталось без внимания.

Предлог для забастовки был самым обычным — ее объявили в знак протеста против низкого качества получаемого в пищу мяса, но это была последняя капля, переполнившая чашу терпения. И хотя рабочие были настроены крайне мирно, они тем не менее намерены были идти до конца. Управление компании решительно отказалось вести с рабочими какие-либо переговоры. Опасаясь серьезных беспорядков и не желая удовлетворять законные требования рабочих, администрация обратилась за помощью в столицу. Департамент полиции в Санкт-Петербурге немедленно направил в район волнений для наведения порядка жандармского ротмистра Трещенкова. Но его методы запугивания только укрепили волю рабочих бороться за свои права. 4 апреля рабочие вместе с женами направились к административному корпусу, чтобы потребовать улучшения своего положения. Их встретили ружейными залпами. Было убито около 200 человек, еще больше ранено. Священник, срочно вызванный к умирающим, сохранил для нас в книгах местной церкви описание случившегося: «В первой же палате я увидел раненых рабочих, без всякого ухода валявшихся на полу и на койках... Воздух раздирали стоны жертв. Мне пришлось встать на колени прямо в лужу крови, чтобы свершить последний обряд, и, едва успев отпустить грехи одному, я вынужден был обратиться к другому. Все умирающие клялись, что намерения у них были самые мирные и что они просто хотели вручить петицию. Я поверил им. Умирающий человек не лжет».

Ленский расстрел послужил сигналом для нового взрыва общественной активности и революционной агитации. Повсюду зазвучали голоса протеста — на заводах, в печати, на партийных митингах, в университетах, а также в Думе. Правительство было вынуждено назначить комиссию с широкими полномочиями для расследования на месте всех обстоятельств расстрела. Главой комиссии назначили бывшего министра юстиции в кабинете Витте С. С. Манухина, пользовавшегося всеобщим уважением; он лично отправился на прииски. Однако это не удовлетворило общественное мнение; оппозиция в Думе (либералы, социал-демократы и трудовики) приняла решение послать на Лену свою комиссию. Я был назначен главой этой комиссии, в работе которой я пригласил принять участие двух московских юристов — С. А. Кобякова и А. М. Никитина. Поездка оказалась удивительно интересной. Мы добирались до места поездом, на лошадях, пароходом и на конечном этапе путешествия — в шитике *. Красота, окружавшая нас во время поездки по Лене, не поддается описанию. Мы видели строения на одном берегу, а на другом — девственные леса. На рассвете к реке на водопой спускались целыми семействами медведи.

На всем пути следования по Лене мы постоянно встречали политических ссыльных. Незабываемые часы провел я с Екатериной Брешковской, знаменитой «бабушкой русской революции», которую до тех пор никогда не видел.

Положение по приезде на прииск сложилось весьма своеобразное. Правительственная комиссия во главе с сенатором Манухиным разместилась в одном из домов поселка, а через улицу в другом доме находилась штаб-квартира нашей. Обе комиссии проводили опросы и перекрестные допросы свидетелей. Обе фиксировали показания служащих и готовили отчеты. Свои зашифрованные отчеты сенатор Манухин направлял в Министерство юстиции и царю. Мы же свои — по телеграфу в Думу и в прессу. Нет нужды говорить о том, что администрация прииска была раздосадована нашим вмешательством, однако ни сенатор, ни представители местных властей не чинили нам препятствий. Напротив, мы встретили полное понимание со стороны генерал-губернатора Восточной Сибири Князева, а иркутский губернатор Бантыш и его специальный помощник А. Мейш оказали нам большую помощь. В результате открытого расследования монопольное положение компании было ликвидировано, а ее администрация полностью реорганизована. Трущобы, в которых жили рабочие и их семьи, разрушили, а на их месте построили новые дома. Была повышена зарплата и значительно улучшены условия труда. Мы имели все основания испытывать чувство удовлетворения от проделанной сообща работы.

Избрание в Государственную думу

Я никогда не заглядывал в будущее и не строил политических планов. С самого начала политической деятельности моим единственным желанием было служить своей стране. Вот почему я был захвачен врасплох, когда осенью 1910 года во время одного из процессов в Санкт-Петербурге ко мне обратились глава фракции трудовиков в первой Думе Л. М. Брамсон и член центрального комитета этой партии С. Знаменский с предложением баллотироваться на выборах в четвертую Думу по списку трудовиков. Идея стать членом Думы никогда прежде не приходила мне в голову, такое предложение поэтому было полной неожиданностью. Мне сказали, что предполагалось расширение фракции трудовиков в Думе за счет присоединения к ней других народнических групп, а также что для избрания необходимо располагать собственностью. Мне посоветовали озаботиться ее приобретением. Я всегда с симпатией относился к движению народников и потому без колебаний принял предложение.

Поскольку никаких связей в партии я не имел, то получил для ведения избирательной кампании крайне трудный участок — Саратовскую губернию, где в результате столыпинской избирательной реформы

* Лодка, напоминающая венецианскую гондолу.

постоянно укреплялись позиции местного дворянства. Другим кандидатам достались такие «демократические» губернии, как Вятская и Пермская, однако, как потом выяснилось, все они потерпели поражение в ходе предварительной кампании, и к осени 1912 года я остался единственным из 15 новых кандидатов от трудовой группы.

После возвращения с Ленских приисков я отправился в уездный центр Саратовской губернии город Вольск, где мне предстояло начать предвыборную кампанию. До этого я лишь однажды бывал в Вольске, когда оформлял право на собственность, дающее мне возможность баллотироваться на выборах. Вольск в те времена был живописным старинным русским городом. Традиции свободолюбия и острое чувство независимости, присущие его жителям, уходили еще ко временам восстания крестьян под руководством Е. Пугачева.

В Вольске я немедленно установил контакты с замечательными людьми самых различных профессий — судьями, врачами, чиновниками. На предвыборных собраниях я мог говорить свободно, не прибегая к псевдореволюционной риторике, поскольку идеи мои находили благодатную почву в аудитории.

Новый избирательный закон отличался сложностью, и его положения нарушали все нормы демократической процедуры. Депутаты избирались коллегиями выборщиков, в которых были представлены четыре группы (курии): землевладельцы, городское население, крестьяне и в некоторых округах — промышленные рабочие. Каждая курия выбирала своего депутата в Думу, а остальные депутаты выбирались на общем губернском собрании всех курий. Я был избран депутатом на собрании от курии городских жителей. Соперников у меня не было. Такого единства было трудно достичь в крестьянской курии, так как среди зажиточных крестьян и волостных старшин было немало желающих стать депутатом Думы. Так я стал депутатом четвертой Думы.

Дело Менделя Бейлиса

В связи с кризисным состоянием, сложившимся в европейских международных отношениях в 1912—1913 годах, жизненные интересы Российской империи диктовали ей необходимость вести более гибкую и благожелательную политику в отношении нерусских народов, живших в приграничных районах.

В условиях, когда быстро ухудшались отношения с Германией, Австро-Венгрией и Турцией, незаконная отмена конституционного режима в Финляндии привела к превращению в прошлом лояльной страны в потенциальный плацдарм прогерманской пропаганды. Потерпела провал попытка И. Г. Щегловитова использовать процесс партии Дашнакцутюн для разжигания вражды к армянам, жившим на границе с Турцией. Все это ни в малой степени не смущало реакционные круги, которые в канун всеобщего европейского кризиса совершенно забыли о своей ответственности за состояние дел в бескрайней империи, населенной многими разными народами. Балканские войны 1912—1913 годов стали прелюдией к первой мировой войне. Разжигание военной истерии великими державами, входившими в состав обеих коалиций, стало приобретать зловещий характер.

Приблизительно в это время в Киеве начался процесс Менделя Бейлиса. Этому простому, ни в чем не повинному человеку приписали совершение ритуального убийства малолетнего мальчика-христианина Андрея Ющинского. Было бы большой несправедливостью по отношению к России и ее народу, если бы я не подчеркнул, что по всей стране прокатилась огромная волна возмущения. Свой открытый протест

заявили не только независимые круги общественности, но даже и группы государственных служащих, например, чиновники Министерства юстиции, которые расценили этот процесс как оскорбление, нанесенное им самим. Высшая иерархия русской церкви решительно отказалась подтвердить, будто ритуальные убийства детей-христиан являются частью иудейской веры.

Профессия юриста — составная категория правовой системы государства, главная функция юриста — защита истины, справедливости и гражданских свобод. Мы, члены коллегии адвокатов, представляли автономный орган, и нашей обязанностью было открыто донести правду до сведения Щегловитова и всех тех, кто искажал русскую правовую систему. Адвокатам Санкт-Петербурга следовало твердо определить свою позицию. 23 октября 1913 года, за пять дней до того, как присяжные признали Менделя Бейлиса невиновным в совершении преступления, коллегия адвокатов Санкт-Петербурга на пленарном заседании единогласно приняла следующую резолюцию: «Пленарное заседание членов коллегии адвокатов Санкт-Петербурга считает своим профессиональным и гражданским долгом поднять голос протеста против нарушений основ правосудия, выразившихся в фабрикации процесса Бейлиса, против клеветнических нападок на еврейский народ, проводимых в рамках правопорядка и вызывающих осуждение всего цивилизованного общества, а также против возложения на суд чуждых ему задач, а именно, сеять семена расовой ненависти и межнациональной вражды. Такое грубое попрание основ человеческого сообщества унижает и бесчестит Россию в глазах всего мира. И мы поднимаем наш голос в защиту чести и достоинства России».

Эта резолюция имела огромный резонанс в России и, что было еще более важно, произвела глубокое впечатление за рубежом. Дело Бейлиса в значительной мере усилило антирусские настроения в Европе и Соединенных Штатах и ярко продемонстрировало антипатриотизм правящей верхушки в канун первой мировой войны. Президент Вудро Вильсон и до этого не проявлял ни понимания проблем России, ни симпатии к ней. Дело Бейлиса стало последней каплей, переполнившей чашу терпения. И когда разразилась война, правительство США заняло крайне враждебную позицию в отношении России и приняло решение не оказывать ей финансовой и другой помощи.

Реакция широких кругов общественности вызвала ярость тех, кто инспирировал дело Бейлиса, и 25 видных адвокатов, подписавших резолюцию, были отданы под суд. Среди них был и я. Наш процесс открылся в окружном суде Санкт-Петербурга 3 июня и продолжался до 6 июня 1914 года — до начала войны оставалось менее восьми недель. Нас горячо поддержала пресса и общественные деятели, независимо от их политических взглядов. Несколько ранее дело Бейлиса подверг уничтожающей критике в консервативном органе печати «Киевлянине» лидер правых в Думе В. Шульгин. Хотя по своим политическим взглядам Шульгин был антисемит, однако и он не смог промолчать перед лицом постыдных обстоятельств дела Бейлиса. За это он также получил 8 месяцев тюремного заключения.

Поскольку в новом уголовном кодексе 1903 г. не было статей, относящихся к нашему «преступлению», нам вынесли обвинительный приговор согласно ст. 279 закона времен Екатерины II — за распространение «клеветнических» анонимных писем. Двадцать три моих товарища получили шесть месяцев заключения в крепости. Н. Д. Соколов как один из основных авторов и я как инициатор принятия резолюции были приговорены к 8 месяцам тюремного заключения и лишению прав быть куда-либо избранными.

Масоны

Описание Толстым в «Войне и мире» роли и деятельности масонов в основном соответствует истине. В XVIII и начале XIX в. эта организация была ведущей силой в духовном и политическом развитии России, особенно после того, как в ее ложи вступили Н. И. Новиков и многие другие выдающиеся политические и государственные деятели. Среди масонов были и верующие, и вольнодумцы. Поначалу Екатерина II терпимо относилась к существованию лож. Сторонница вольтерьянства и свободомыслия, императрица не была обременена «религиозными предрассудками». Просветительская деятельность масонов выражалась в создании таких предприятий, как типографии, и в пропаганде либеральных идей. В том грубо искаженном изображении масонства, которое стало общепринятым даже в просвещенных слоях общества в период царствования Николая I, весьма мало правды.

Новиков вскоре подвергся репрессиям: будущий царь Павел I оказался под влиянием масонов из лиц своего ближайшего окружения, и Екатерина II имела все основания считать, что масоны намерены сделать великого князя своим послушным орудием. Эти репрессии нанесли удар по русскому масонству, от которого оно так никогда и не оправилось. После восшествия на трон Павла I Новикова возвратили из ссылки и приблизили к императорскому окружению в Гатчине, где он вскоре осознал полную несовместимость своих идей с палочной дисциплиной Павла I.

Начало правления Александра I было отмечено господствующим влиянием людей, входящих в масонские ложи. Главной задачей «общества» было объединение культурной элиты России для уничтожения абсолютизма и освобождения крестьян — цель, к которой благосклонно относился сам царь Александр I, покровительствовавший ордену. В орден входили видные государственные деятели, такие, как либерал Сперанский и герой войн с Наполеоном Кутузов. В ложах состояли многие из декабристов. После восстания декабристов, в период реакционного правления Николая I, ложи были объявлены вне закона, однако, по-видимому, продолжали свою деятельность нелегально. В начале XX века возродившиеся масонские общества вели работу по укреплению связей между лидерами просвещенного земства и городской интеллигенцией. В мои годы масоны в России действовали подпольно, и не только потому, что вплоть до 1905 года всякая социальная и политическая деятельность могла вестись только нелегально, но и потому, что общественность крайне недоброжелательно воспринимала всякую организацию, которая во имя достижения общей цели объединяла членов самых различных политических партий.

Первоначально я не намеревался писать о русском масонстве. Однако некоторые «разоблачения», появившиеся за последние годы в русской и нерусской прессе, объясняли падение монархии и создание Временного правительства тайной деятельностью лож. Я счел своим долгом опровергнуть такую абсурдную трактовку великих и трагических событий, которые определили величайший поворот в истории России. Во имя восстановления исторической правды я и остановлюсь кратко на этой теме *.

При отъезде из России летом 1918 года мне было поручено раскрыть суть нашей работы, без упоминания чьих-либо имен, для восстановления истины в том случае, если в прессе когда-либо появятся искажающие ее материалы. Теперь пришло время сделать это, поскольку

* Рассказывая о политическом устройстве, работе и целях масонского общества, я (подчеркиваю это обстоятельство) связан торжественной клятвой, данной при вступлении в масоны,— не раскрывать имен других членов общества.

в секретных письмах двум своим друзьям видная политическая деятельница, масонка с большим стажем Е. Д. Кускова, упоминает мое имя и сообщает другому политическому деятелю о моем членстве в ложе *.

Предложение вступить в масоны я получил в 1912 году, сразу же после избрания в четвертую Думу. После серьезных размышлений я пришел к выводу, что мои собственные цели совпадают с целями общества, и принял это предложение. Следует подчеркнуть, что общество, в которое я вступил, было не совсем обычной масонской организацией. Необычным прежде всего было то, что общество разорвало все связи с зарубежными организациями и допускало в свои ряды женщин. Далее, были ликвидированы сложный ритуал и масонская система степеней; была сохранена лишь непременная внутренняя дисциплина, гарантировавшая высокие моральные качества членов и их способность хранить тайну. Не велись никакие письменные отчеты, не составлялись и списки членов ложи. Такое поддержание секретности не приводило к утечке информации о целях и структуре общества. Изучая в Гуверовском институте циркуляры Департамента полиции, я не обнаружил в них никаких данных о существовании нашего общества даже в тех двух циркулярах **, которые касаются меня лично ***.

Основу нашего общества составляла местная ложа. Высший совет ордена имел право создавать специальные ложи, помимо территориальных. Так, была ложа в Думе, другая — для писателей и т. д. При создании каждая ложа получала полную автономию. Ни один орган ордена не имел права вмешиваться в работу ложи или в вопрос о приеме в нее новых членов. На ежегодных съездах делегаты от лож обсуждали проделанную работу и проводили выборы в Высший совет. На этих же съездах генеральный секретарь от имени Высшего совета представлял доклад о достигнутых успехах с оценкой политического положения и программой действий на предстоящий год. Порой на съездах внутри партийных фракций вспыхивали острые столкновения мнений по таким жизненно важным проблемам, как национальный вопрос, формирование правительства, аграрная реформа. Но мы никогда не допускали, чтобы эти разногласия наносили ущерб нашей солидарности.

Такой внепартийный подход позволил достичь замечательных результатов, наиболее важный из которых — создание программы будущей демократии в России, которая в значительной мере была воплощена в жизнь Временным правительством. Бытует миф, который всячески распространяли противники Временного правительства, будто некая мистическая тройка масонов навязала правительству — вопреки общественному мнению — свою программу. В действительности же положение в России и насущные нужды нашей страны обсуждались на съез-

* Письма были посмертно опубликованы в работе: Г. Аронсон. Россия накануне революции. Нью-Йорк. 1962.

** Автор имеет в виду циркуляр № 165377 от 16 января 1915 года. О нем говорилось в приводимом им письме VI Отделения Департамента полиции от 30 мая 1915 г., в котором признается слежка за А. Ф. Керенским, «присяжным поверенным и членом фракции трудовиков», и говорится, что его противоправительственная деятельность получила подтверждение в ходе тайного и открытого наблюдения за его деятельностью и связями. Во время своих поездок по стране Керенский, говорилось в письме, неоднократно встречался со многими лицами, «известными своей неблагонадежностью». Чинам охранки в соответствии с циркуляром № 165377 предписывалось усилить наблюдение за А. Ф. Керенским и всю полученную информацию докладывать Департаменту полиции (см. A. Kerensky. Memoires. Russia and History's Turning Point. Lnd. 1966, pp. 90—91). *(Прим. ред.)*.

*** Циркулярное письмо № 171902, подписанное директором Департамента полиции Брюном де Сент Ипполитом, является единственным документом, в котором упоминается масонское общество розенкрейцеров (в наших кругах оно было известно под названием «Организация Варвары Овчинниковой»), которое привело к возникновению общества под эгидой великого князя Александра Михайловича, куда входили придворные и аристократы.

дах масонов людьми, которые вовсе не пытались навязать друг другу свои политические программы, а руководствовались лишь своей совестью и стремлением найти наилучшие решения. Мы ощущали пульс национальной жизни и всегда стремились воплотить в нашей работе чаяния народа.

В период существования четвертой Думы идея объединения во имя достижения общих целей получила еще большую поддержку. Позвольте повторить, что все наши усилия имели целью установление в России демократии на основе широких социальных реформ и федерального устройства государства. В последние, роковые годы распутинской власти для большинства членов общества обреченность монархии стала очевидностью, однако это не мешало монархистам принимать участие в общем деле, поскольку вопрос о будущей форме правления был подчинен решению более насущных задач.

После начала первой мировой войны встала необходимость пересмотреть всю нашу программу. Это была первая всеобщая война, в которую оказались втянуты не только вооруженные силы, но и огромные массы гражданского населения. Ради достижения победы необходимо было добиться примирения между всеми классами общества, между народом и верховной властью. Моя попытка вынудить царя сделать жест доброй воли в отношении народа * была, конечно, наивна, однако во всех других отношениях положения новой программы военного времени были претворены в жизнь. Безоговорочная защита Отечества оставалась основой нашей деятельности на весь период войны. Однако после Февральской революции разгорелись политические страсти, и внепартийное сотрудничество стало совершенно невозможным.

В своих поездках в качестве защитника на политических процессах я никогда не ограничивался профессиональными делами, а всегда стремился почувствовать настроения людей и установить контакты с местными представителями различных либеральных и демократических группировок.

После моего избрания в Думу и вступления в организацию масонов расширившийся объем и особая важность моей работы привлекли к себе соответственно повышенное внимание политической полиции. В 1915 году полицейский надзор за моей деятельностью в провинции не был еще столь тщательным, каким он был в Санкт-Петербурге, и я практически не ощущал его. В столице же я был окружен секретными и несекретными агентами, чье наблюдение за мной постоянно усиливалось.

Возможность ареста не волновала меня, хотя скорее всего я был бы арестован в начале 1916 года, если бы из-за внезапной болезни не прекратил на семь месяцев всякую политическую деятельность. Такую возможность нетрудно было предвидеть — неизбежный риск ареста сопутствовал той жизни, которую я вел. Однако постоянное присутствие полицейских, которые денно и нощно буквально следовали за мной по пятам, стало все больше раздражать меня.

Как-то осенью 1915 года, во время обсуждения в Думе доклада Бюджетной комиссии об ассигнованиях Министерству внутренних дел, мне пришла в голову внезапная мысль сыграть шутку над министром **, рассказав историю, которая наверняка позабавит членов Думы и в то же время покажет им те условия, в которых вынуждены работать члены оппозиции.

Когда началось обсуждение вопроса об ассигнованиях Департаменту полиции, я поднялся и обратился к министру со следующими словами: «Господин министр, у меня создалось впечатление, что ваш департамент расходует чересчур много средств. Я, конечно, безмерно признателен директору Департамента полиции за заботу о моей безопасности. Я проживаю в доме, расположенном в глухом месте, и каждый раз, когда я выхожу на улицу, по обеим ее сторонам стоят по два, а то и по три человека. Нетрудно догадаться, что это за люди, поскольку и летом и зимой они носят галоши, плащи, а в руках держат зонтики. Неподалеку от них на той или другой стороне улицы стоят пролетки, на случай, если мне понадобится куда-нибудь поехать. По тем или иным соображениям я предпочитаю не пользоваться этими пролетками, а иду вместо этого пешком. И когда я не спеша иду по улице, меня сопровождают два телохранителя. Если я убыстряю шаг, сопровождающие меня компаньоны начинают задыхаться от спешки. Иногда, когда я, завернув за угол, останавливаюсь, они пулей вылетают из-за угла, натыкаются на меня и, ошарашенные, бросаются обратно, оставив меня без охраны. Стоит мне немного отойти от дома и сесть на извозчика, как один из стоящих на углу рысью кидается вслед за мной. В подъезде моего дома я часто застаю за беседой нескольких очаровательных людей в галошах и с зонтиками в руках. Мне представляется, господин министр, что от 15 до 20 человек выделены для того, чтобы заботиться о моей драгоценной персоне, поскольку они сменяют друг друга днем и ночью. Вы понимаете, что вам от всех них мало пользы. Почему бы вам не посоветовать директору Департамента полиции предоставить в мое распоряжение машину с шофером? Ведь тогда он будет знать все — куда, когда и с кем я иду,— да и мне это пойдет во благо: не придется тратить такую уйму времени на поездки по городу и так уставать от этого».

Мой рассказ очень позабавил членов Бюджетной комиссии, а Хвостов со смехом ответил: «Если предоставить вам машину, то придется дать их и всем вашим коллегам, а это разорит казну». Оба эти заявления были восторженно встречены залом.

* См. гл. VIII.

** А. Н. Хвостов.

Глава VI. *Россия на пути к демократии*

Краткий промежуток между роспуском Думы в 1906 году и началом первой мировой войны был одним из важнейших для России и Европы.

Однако на Западе этот период представляется в искаженном виде. Когда истощенная и измученная войной Россия неожиданно превратилась в тоталитарную диктатуру, почти все на Западе этот насильственный переворот расценили как нормальное возвращение к «царизму», на сей раз вместо «белого» к его «красному» варианту. Однако такой переход не может считаться закономерным, ибо в последние десятилетия перед первой мировой войной в нашей стране происходили глубокие изменения в экономической, культурной и политической жизни.

Время деятельности первой Думы было отмечено острой борьбой в придворных и правительственных кругах между представителями двух определенных точек зрения. Одна группа, которая связывала свои надежды с естественной антипатией царя и его супруги к конституции, настаивала на возвращении к неограниченной монархии. В этих целях активно использовался «Союз русского народа», который, играя роль «недовольных низов» и выступая от имени больших и малых провинциальных городов, обрушивал на власти шквал требований о роспуске Думы и аннулировании октябрьского манифеста. Другая группа, состоявшая из тех, кто не полностью утратил чувство реальности, стремилась доказать, что возврат к неограниченной монархии был бы настоящим безумием и что ликвидация народного представительства приведет к тому, что даже наиболее надежные и умеренные слои населе-

ния перейдут в лагерь революции. И уж во всяком случае, убеждали они, международное положение тогдашней России никак не позволяет ей делать резкие скачки вправо.

Победила вторая группа. Вместо ликвидации народного представительства и конституции было решено так изменить избирательный закон, чтобы создать в Думе устойчивое проправительственное большинство из представителей высшего класса, буржуазных, консервативных, а также умеренно-прогрессивных элементов. Одновременно было решено немедленно провести радикальную земельную реформу. Цель ее — создать по примеру французов и немцев новое «третье сословие» преуспевающих фермеров взамен исчезающего высшего класса. Предполагалось, что эти шаги должны сопровождаться решительными репрессивными мерами в отношении явно идущего на спад революционного движения.

В канун созыва первой Думы в Санкт-Петербурге стало известно о назначении нового министра внутренних дел. Им стал саратовский губернатор П. А. Столыпин, которого до этого мало кто знал. Менее чем через три месяца, сразу же после роспуска Думы 8 июля 1906 г. он был назначен председателем Совета министров с предписанием провести в жизнь план, о котором я писал выше.

Магическое возвышение Столыпина было само по себе знамением времени. Выходец из провинциальной среды, он не был вхож в придворные круги и никогда не занимал каких-либо высоких должностей в правительстве. Вся его карьера прошла в провинции, где у него не было недостатка в связях с видными представителями общества и земства.

Столыпин хорошо представлял себе и признавал ценность деятельности земства. В Саратове, где я позже был избран депутатом четвертой Думы, он считался губернатором, придерживающимся либеральных взглядов. Он был прекрасным оратором, а его предприимчивый характер и далеко идущие планы должны были обеспечить ему высокую политическую карьеру. Он не разделял точки зрения на Думу своего предшественника И. Л. Горемыкина, который считал ее «пустой говорильней». В отличие от ограниченного и бездушного бюрократа, каким был Горемыкин, Столыпину очень импонировала роль конституционного министра. Он охотно использовал всякую возможность выступить в Думе, открыто обсуждать с оппозицией жизненно важные вопросы и управлять страной на основе своего правительственного большинства.

Столыпин выгодно выделялся на фоне санкт-петербургских чиновников своими бойцовскими качествами. Царя привлекала молодость Столыпина, его уверенность в собственных силах, преданность трону и готовность осуществить задуманные царем изменения в избирательном законе, являвшиеся нарушением основных законов от 23 апреля 1906 года. Руководители «Совета объединенного дворянства» видели в нем человека, способного спасти от уничтожения систему землевладения. Октябристы и другие умеренные сторонники конституции, напуганные революционными крайностями, ухватились за Столыпина, как утопающий хватается за соломинку. Они приветствовали его программу, видя в ней стремление укрепить связи правительства с представителями умеренно-либеральных и умеренно-консервативных кругов, что, в свою очередь, способствовало бы укреплению конституционной монархии и окончательной ликвидации революционного движения. Столыпин казался им русским Тьером (Тьер — деятель, который укрепил буржуазную Третью республику во Франции после разгрома Коммуны в 1871 г.). Тьер, однако, в своих планах исходил из существования во Франции сильного крестьянского сословия с хорошо развитым инстинктом собственности. Такого крестьянства в России еще не существовало, и для его создания потребовались бы многие десятилетия.

Я всегда выступал против Столыпина и тех, кто его поддерживал. Его тактический лозунг «Сначала успокоение, а потом реформы» казался мне не только ошибочным, но и крайне опасным для судеб страны. Посол России в Лондоне граф Бенкендорф писал в Петербург, что только своевременно проведенные реформы могут принести умиротворение стране.

Однако, несмотря на ошибки и даже преступления, возможно, допущенные правительством Столыпина, факт остается фактом, что в намерения Столыпина не входило ни восстановление абсолютизма, ни уничтожение народного представительства — он стремился лишь к установлению в России консервативной, но строго конституционной монархии. Его мечтой была могучая, централизованная империя, экономически здоровая и культурно развитая. «Вы хотите великих перемен,— сказал Столыпин, обращаясь к левому, наполовину социалистическому большинству второй Думы.— А я хочу великую Россию».

Именно эта утопическая мечта бросила страну в океан новых потрясений, ибо фатальная ошибка Столыпина заключалась в его непонимании реального положения России, когда высшее сословие уже перестало быть политической силой, а среднее сословие, которое еще не сформировалось как единая сила, не могло стать посредником в отношениях между правящим меньшинством и трудящимися массами.

Правда, быстрое развитие городов и промышленности вело к тому, что городское «третье сословие» начинало играть определенную роль в социальной и экономической жизни страны. В деревне же такой социальной страты не было. Выборы в первую Думу показали, что крестьяне, которые в большинстве своем вели свое хозяйство только на капиталистической основе, не способны были играть роль социально консервативного класса.

В то же время частная собственность дворян на землю практически изжила себя. Эта система стала настолько экономически неэффективной, что ее доля в общем производстве не составляла и 10%. Хотели они того или нет, но и правительство и консерваторы были вынуждены в конце концов принять факт естественного упадка землевладельческого дворянства. Единственную свою надежду на поддержание жизнедеятельности этой системы они связывали с завоеванием ей поддержки со стороны нового класса «крестьян-фермеров».

Как известно, значительная часть крестьян в России вела свое хозяйство на основе общинного землевладения. Собственником земли был не крестьянин, а община (мир). Эту систему поначалу всячески защищали славянофилы, а затем народники. Представители этого мировоззрения полагали, что слаборазвитое чувство частной собственности у крестьян позволит России перейти к новой, более высокой стадии развития национальной экономики, минуя ужасы западного капитализма. Выдвигая требование о «национализации» или «социализации» земли, народники были уверены, что крестьяне безболезненно перейдут от общинной к кооперативной форме землепользования. В действительности же крестьянская община того времени имела мало общего с той идеальной общиной, которую рисовали в своем воображении славянофилы и народники. С административной точки зрения община была крайне удобна для полицейского контроля, или, выражаясь словами Витте, для надзора над крестьянами как над малыми детьми, а также для сбора налогов, поскольку за неплательщиков долги выплачивали остальные члены общины на основе пропорционального распределения. Власти превратили общину в оплот экономической отсталости и мало-

помалу лишили ее присущих ей жизненных сил. К тому же принудительное членство в общине всегда вызывало раздражение у крестьян.

После аграрных бунтов 1905—1906 гг. для всех стала очевидной необходимость ликвидации принудительных общин. Предполагалось, что после этого возникнут общины со свободной системой землепользования, некоторые из них станут, по желанию самих крестьян, частными, некоторые — кооперативными хозяйствами. Законопроект первой Думы о земельной реформе, который предусматривал разрешить эту проблему путем выкупа земли у частных собственников и передачи ее крестьянам, позволил бы крестьянам самим определить будущее общинного землевладения. Это был разумный и демократический путь решения древнейшей и наиболее существенной социально-политической проблемы России.

В случае принятия законопроекта в деревне немедленно начался бы процесс социального расслоения, и нет сомнений, что из недр крестьянских масс возникло бы «буржуазное» меньшинство, что позволило бы осуществить внедрение фермерской системы по французскому или немецкому образцу.

После роспуска первой Думы решение земельной проблемы перешло в руки Столыпина. 9 ноября 1906 г., приблизительно за три месяца до открытия второй Думы, Столыпин, воспользовавшись статьей 87 «Основных законов», которая предоставляет правительству право при чрезвычайных обстоятельствах принимать законы между сессиями Думы и Государственного совета с последующим представлением их для ратификации, объявил о земельной реформе. Провозгласив этот свой вариант реформы, Столыпин еще раз доказал, что его политическая прозорливость уступает силе характера.

В руках Столыпина, а точнее, в руках «Совета объединенного дворянства», который поддерживал его, земельная реформа, хотя и имела здоровую основу, по сути дела превращалась в орудие дальнейшего классового угнетения. Вместо того чтобы содействовать развитию свободного фермерства, за что ратовал Витте, положить конец принудительному характеру общинной системы и законам, ущемляющим гражданские права крестьян, столыпинский закон насильственно ликвидировал общину в интересах крестьянского «буржуазного» меньшинства.

Реформа была проведена в жизнь чрезвычайно энергично, однако с огромными нарушениями элементарных норм закона и права. Правительство, выступившее «в поддержку сильных», экспроприировало землю, принадлежавшую общине, и передало ее тем зажиточным крестьянам, которые пожелали выйти из общины. Пренебрегая всеми условиями общинного права, правительство передало им самые плодородные земли. Новым собственникам были предоставлены займы в размере до 90% стоимости земли для обустройства и развития фермерского хозяйства.

Столыпин очень гордился своей ролью земельного реформатора. Он даже пригласил зарубежных специалистов по аграрному вопросу, чтобы они изучили работу, проделанную им и его правительством в деревне.

За 5 лет, с 1907 по 1911 г., система крестьянского землепользования претерпела значительные изменения. Каковы же были результаты?

Выступая на заседании четвертой Думы с речью, в которой резко критиковал политические и экономические последствия столыпинской реформы, я процитировал слова хорошо известного немецкого эксперта по аграрному вопросу профессора Ауфхагена. После посещения большого числа русских деревень он писал: «Своей земельной реформой Столыпин разжег в деревне пламя гражданской войны». По словам Милюкова, другой зарубежный ученый, ярый сторонник Столыпина,

профессор Приор, который тоже тщательно изучил земельную реформу, пришел к выводу, что цель реформы не была достигнута.

И действительно, несмотря на все льготы и привилегии, к 1 января 1915 г. лишь 2719 тыс. крестьянских хозяйств можно было причислить к разряду частных владений (22—24% пригодных к обработке крестьянских земель).

В большинстве своем крестьяне заняли неблагожелательную и даже враждебную позицию в отношении столыпинской реформы, руководствуясь двумя соображениями. Во-первых, и это самое главное, крестьяне не хотели идти против общины, а столыпинская идея о «поддержке сильных» противоречила взгляду крестьянина на жизнь. Он не желал превращаться в полусобственника земли за счет своих соседей. Во-вторых, более свободная политическая атмосфера, возникшая после манифеста 17 октября, открывала перед крестьянством новые возможности экономического развития с помощью кооперативной системы, что более соответствовало интересам крестьянства.

Придя к власти, Столыпин обещал подавить революционное движение и умиротворить страну. И в этом отношении, как и в аграрном вопросе, он вновь продемонстрировал сильный характер, но вместе с тем недостаточную политическую прозорливость.

К этому времени в России наступил период успокоения. Революционное движение пошло на убыль естественным путем. Манифест 17 октября открыл дорогу к свободе и плодотворной политической деятельности. Так называемые крайности в период беспорядков, такие, как ограбление банков для «нужд» революционеров, убийства мелких чиновников как «врагов народа» и т. п., поначалу вызвали у общественности замешательство, а затем негодование и резкое осуждение. Вместо того чтобы, воспользовавшись такими настроениями людей, погасить тлеющие искры революционного пожара, сняв для этого напряжение в стране и вернув ее к нормальной жизни, Столыпин со всей силой обрушился на тех, кого самый ход событий уже сделал безвредными. Меры, которые первоначально предполагалось использовать для защиты страны от кратковременного народного взрыва, вскоре превратились в орудие личной мести. И чем спокойнее становилась обстановка в стране, тем больше было арестованных, осужденных, высланных или казненных.

С помощью своей безжалостной политики «умиротворения» Столыпин рассчитывал завоевать поддержку большинства населения. Однако достиг он прямо противоположных результатов: чем решительнее и тверже становилась его политика, тем решительнее раздавались протесты против нее. Первые два или три года, последовавшие за роспуском первой Думы, часто называли эрой «белого террора». В наши дни такое определение столыпинской политики звучит несколько странно. После выстраданного опыта тоталитарных режимов в Европе и России называть Столыпина правителем-террористом столь же нелепо, как сравнивать любительское пение с совершенным артистизмом Шаляпина. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что число невинных заложников, расстрелянных в России всего за один день после покушения Каплан на жизнь Ленина, значительно превысило число приговоренных к повешению столыпинскими «скорострельными» военно-полевыми судами за все восемь месяцев их существования. Да и сами репрессии Столыпина были направлены против сравнительно небольшого слоя населения, активно выступавшего против правительства.

И несмотря на это, все образованные граждане России, независимо от их классовой принадлежности и исповедуемых взглядов, с чувством глубокого возмущения воспринимали каждое сообщение о новой расправе. Русское общественное мнение столь решительно осуждало

каждый акт казни отнюдь не потому, что симпатизировало революционному террору, который к тому времени изжил себя и свелся к жалким актам насилия, а вследствие своего традиционного неприятия смертной казни. В высшей степени знаменательно, что Россия была одной из немногих стран, где была отменена смертная казнь за уголовные преступления.

Россия того времени не желала, чтобы правительство прибегало к кровавым расправам в отношении своих политических противников. Вот почему после учреждения столыпинских военно-полевых судов Л. Н. Толстой в своем глубоко волнующем обращении к правительству («Не могу молчать») потребовал положить конец казням. Вот почему один из выдающихся парламентских ораторов того времени — умеренный либерал Ф. И. Родичев с трибуны Думы заклеймил Столыпина в глазах всей России, назвав палаческие петли «столыпинскими галстуками». Вот почему сразу же после падения монархии в 1917 г. правительство демократической революции, осуществляя одну из самых заветных и священных целей русского освободительного движения, отменило, ко всеобщему удовлетворению, смертную казнь за все без исключения преступления. Вот почему в той атмосфере духовного возрождения, в которой жила Россия в канун первой мировой войны, потерпела полный провал столыпинская политика «умиротворения», как и его земельная реформа, что, по сути дела, послужило причиной и его собственного трагического конца.

1 сентября 1911 г. на специальном представлении в Киевском городском театре Столыпин был смертельно ранен полицейским агентом, бывшим анархистом. Это произошло всего в нескольких шагах от царской ложи, где сидел царь со своими дочерьми. К тому времени царь с трудом выносил присутствие своего бывшего фаворита. Специальное расследование установило, что в Киеве почему-то была снята обычная охрана Столыпина полицейскими агентами. Ходили разговоры о возбуждении уголовного дела против товарища министра внутренних дел генерала Курлова, который отвечал за полицию. Однако предварительные расследования были прекращены по личному указанию царя.

Обстоятельства смерти Столыпина вызывали определенное недоумение. Убийца был казнен с необычной поспешностью, а до этого содержался в строжайшей изоляции. Люди из окружения Столыпина, которые знали о борьбе между Столыпиным и Распутиным, полагали, что охранка, действуя на руку высокопоставленным врагам Столыпина, смотрела сквозь пальцы на готовящееся преступление. Через несколько месяцев после смерти Столыпина главный военный прокурор вызвал к себе зятя Столыпина Б. И. фон Бока и сказал ему, что главная ответственность за смерть его тестя лежит на Курлове и что именно он спровоцировал убийство. Одновременно прокурор информировал фон Бока о том, что уголовное дело Курлова было прекращено по личному указанию царя *.

Столыпин однажды рассказал Гучкову в Думе о своем предчувствии, что он будет убит полицейским агентом.

Вот так вышло, что всесильный «умиротворитель» России оказался бессильным справиться с «темными силами», которым покровительствовала молодая царица. Столыпин для Распутина был слишком независимым и честным. И к тому же в результате принятия его консервативного избирательного закона от 3 июня 1907 г. он потерял поддержку главной партии в третьей Думе — октябристов.

Английский историк профессор Бернард Пейерс, многократно совершавший поездки по России в думский период и во время мировой войны, не без остроумия написал в своей книге «Падение русской

* A. V. Zenkovsky. The Truth about Stolypin. N. Y. 1956.

монархии», что при тогдашнем умонастроении общества любая Дума, даже если бы она состояла из одних бывших министров, стала бы в оппозицию к правительству.

Избирательный закон от 3 июня 1907 г. практически ликвидировал представительство от рабочих и крестьян городов и деревень. В провинции выборы были почти полностью отданы на откуп умирающему дворянству, а в крупных городах система и без того неполного всеобщего избирательного права была еще больше урезана: сократилось число депутатов, а половина мест была в соответствии с выборами по куриям зарезервирована для представителей незначительного меньшинства владеющей собственностью буржуазии. Уменьшилось и представительство от нерусских народов. Польша, например, получила право направить в третью (как и в четвертую) Думу только 18 депутатов по сравнению с 53 представителями в первой и второй думах, а представительство от мусульманского населения Туркестана было и вовсе ликвидировано.

Народные представители, избранные согласно столыпинскому закону, справедливо были названы «кривым зеркалом России». Левые партии, имевшие большинство и в первой и во второй думах, практически не были представлены в третьей Думе (1907—1912 гг.), более того, в нее оказались избранными всего 13 трудовиков и 20 социал-демократов. Социалисты-революционеры бойкотировали выборы. Кадеты же, партия либеральной интеллигенции, со своими 54 местами утратили господствующие позиции и стали играть роль «лояльной оппозиции его величества».

50 мест заняли представители реакционного «Союза русского народа», который получал субсидии из специальных фондов полицейской охранки и пользовался покровительством царя и великого князя Николая Николаевича. Эти депутаты, возглавляемые способными людьми — Марковым, Пуришкевичем и Замысловским,— с самого начала стремились парализовать работу Думы, постоянно провоцируя всякого рода инциденты. 89 мест было отдано сравнительно новой партии — «националистам». Они были избраны в основном в западных и юго-западных губерниях, которые с незапамятных времен были ареной вражды русской, польской, литовской и еврейской национальных групп. Брешь между кадетами и правым крылом была заполнена 153 депутатами от октябристов, из которых едва ли один избирался в первые две думы. Они таким образом составляли чуть больше трети всех депутатов.

Я так подробно описал состав третьей Думы, поскольку по сути дела таким же было распределение мест в четвертой Думе (1912—1917 гг.), которая сыграла колоссальную роль в конфликте между монархией и народом в последние годы перед революцией. Но даже третья Дума, несмотря на ее консервативность с точки зрения социального состава и наличие правого крыла со всем его влиянием на правительственные круги, с самого начала своего существования проявила себя защитницей конституционной системы и политических прав народа, следуя в этом отношении примеру первой Думы. Они разнились между собой лишь умонастроениями и методами достижения цели.

Первая Дума была душой и сердцем России. Она поставила перед собой цель — беспощадное разоблачение темных сторон старого режима. Она была непреклонна и отвергала любой компромисс. Она требовала от верховного правителя безусловной капитуляции — передачи всей власти представителям народа. Главное ее требование хорошо выразил В. Набоков — красноречивый сын министра юстиции при Александре III: «Исполнительной власти надлежит подчиняться власти законодательной». Но первой Думе не хватило времени для принятия

законов в интересах страны, ибо она была распущена, едва приступив к работе.

На первых порах деятельность третьей Думы не была отмечена какими-либо эффектными начинаниями. Она не потребовала от правительства капитуляции. Ее лозунгом стал компромисс, лояльное сотрудничество с властями на основе октябрьского манифеста царя. Этот манифест, ставший знаменем доминирующей в Думе партии октябристов, предоставлял народным представителям право осуществлять законодательную власть, определять бюджет и открыто обсуждать любые вопросы. Изменив, в нарушение закона о выборах, порядок их проведения, правительство торжественно подтвердило незыблемость прав самой Думы. Лидеры октябристов были исполнены решимости использовать эти права для объединения народного представительства с тем, чтобы превратить Думу в подлинно решающую силу российской государственной системы.

Ни царь с придворными, ни демократические и левые круги общества не поняли сути этого компромисса. Столкнувшись в свое время с курсом первых двух дум на «штурм унд дранг», царь поначалу был вполне удовлетворен третьей Думой. Он полагал, что в Таврическом дворце теперь заседают люди, представлявшие все районы страны, хорошо осведомленные о местных делах и потребностях, которые своим советом помогут его министрам издать подходящие законы, никоим образом не посягающие на прерогативы монарха. Таким же образом расценила монархические взгляды третьей Думы и общественность, решительно осудив этот «реакционный парламент» и окрестив его лидеров «лакеями реакции».

Однако лидеры эти были далеко не реакционеры. Социальную основу октябристов составляли средние и высшие слои русского общества. Они включали представителей дворянства, местной администрации, свободных профессий, а также ремесленников и мелкого чиновничества как от столицы, так и от провинции. И хотя среди них было мало специалистов в законодательных делах, тем не менее многие из них прошли хорошую практическую школу в своих сферах деятельности. И этот практический опыт привел их к твердому убеждению, что Россия уже выросла из пеленок и больше не нуждается в бюрократической опеке, тем более, что русско-японская война окончательно доказала неспособность бюрократической системы соответствовать запросам растущей империи.

Первым председателем третьей Думы был Н. А. Хомяков. Ранее он занимал видный пост в системе санкт-петербургской администрации. Он происходил из очень знатной семьи и был сыном одного из основателей славянофильского движения. Создатель партии октябристов и ее глава в третьей Думе А. И. Гучков являлся представителем совсем других слоев общества. Внук крепостного крестьянина, он отражал интересы интеллектуальной верхушки московского купечества. Он гордился своим происхождением, презирал сословные привилегии и испытывал сильнейшее недоверие к бюрократии. И тем не менее два этих представителя таких различных социальных групп сошлись вместе на платформе одной партии. Ибо для каждого из них главной целью было упрочение конституционной системы. И оба они сознавали, что без народного представительства, без радикальной замены всей оснастки государственного корабля Россию ожидает катастрофа при первом же столкновении с внешним миром.

Европа в то время жила, как на вулкане. Вопрос уже заключался не в том, быть или не быть войне между великими державами, а в том, когда она начнется. Опыт Цусимы и Порт-Артура открыл глаза всем патриотам на реальное положение вещей. И период, и весь процесс

прозрения, в ходе которого за семь или восемь лет было создано лояльное консервативное большинство, прошел под определяющим влиянием настроений усиливающейся патриотической тревоги, переросших в конце концов в чувства патриотического негодования.

Я хорошо знал Гучкова. Какое-то время мы вместе входили во Временное правительство, а позднее не раз встречались в эмиграции. Он говорил мне, что с самого начала деятельности третьей Думы торопился вместе с другими лидерами октябристов принять меры для сплочения всей России с тем, чтобы она смогла справиться с внешней угрозой, когда она наконец наступит. Экономическое и промышленное развитие Германии в тот период шло бурными темпами. Немцы лихорадочно строили военный флот, а техническое оснащение их армии постоянно совершенствовалось. Для любого, кто сколько-нибудь был сведущ в международных отношениях, было очевидно, что временное ослабление России после русско-японской войны рассматривалось в Берлине как козырная карта в гонке за мировое господство.

Для Гучкова, Хомякова, Шидловского и других лидеров октябристов была очевидна опасность, порожденная затхлой атмосферой, сложившейся вокруг царя. Хорошо сознавая, что им приходится полагаться на слабовольного царя, они решительно отклоняли все заманчивые предложения Столыпина войти в правительство. Они предпочитали внимательно следить за деятельностью властей, используя законные права Бюджетной комиссии Думы для борьбы против влияния могущественной и безответственной клики Распутина в придворных кругах, и всячески укреплять военные и экономические позиции страны посредством обычного законодательства.

Идиллические отношения между царем и третьей Думой длились недолго. Согласно «Основным законам» Российской империи, внешняя политика, армия и флот находились под прямым контролем царя. Официально Дума не имела права вмешиваться в дела соответствующих министерств и не могла оказывать влияния на их деятельность. Однако сметы расходов на нужды этих правительственных учреждений утверждались Бюджетной комиссией, в результате чего она стала играть, как и во всяком парламенте, крайне важную, определяющую роль. И с этим вынуждены были считаться все министры. Перед рассмотрением в Бюджетной комиссии расходные сметы различных министерств тщательно изучались в соответствующих специальных комитетах. С помощью такой системы, то есть с помощью финансового контроля, осуществлявшегося Бюджетной комиссией, Военное министерство и Адмиралтейство, по сути дела, подпадали под контроль Думы. После русско-японской войны создание военно-морских сил приходилось начинать практически с нуля, а армию следовало коренным образом реорганизовать, увеличить и перевооружить в соответствии с техническими требованиями того времени.

Какого-либо твердого, устойчивого руководства армией и флотом не существовало. Высшие эшелоны военной власти постоянно находились в стадии реорганизации. Большое количество разного рода военных ведомств возглавлялось абсолютно безответственными великими князьями, которые, как правило, обделывали, не обращая при этом ни на кого внимания, свои собственные делишки. В армии и на флоте служило немало способных и энергичных военных специалистов, которые с энтузиазмом разрабатывали планы реформ, но были полностью бессильны претворить их в жизнь.

Став председателем комиссии Думы по вопросам обороны, Гучков постарался немедленно наладить связи с теми людьми в Военном министерстве и Адмиралтействе, которые проявляли заинтересованность в коренной реорганизации этих ведомств. Таким образом Дума оказа-

лась в самом фокусе всей деятельности по реорганизации системы обороны России.

Без сомнения, третья и четвертая Думы сыграли очень существенную роль в подготовке России к войне 1914—1918 годов. Трезвомыслящие и деятельные люди в армии и во флоте ощущали твердую поддержку Думы, которая, в свою очередь, нашла в их лице сторонников в борьбе с придворной камарильей.

Такое сближение не осталось, однако, без должного внимания близких к царю лиц, которые ратовали за возвращение к абсолютизму.

Весной 1908 г. во время обсуждения в Думе бюджета Военного министерства Гучков в своей речи просил великих князей принести «патриотическую жертву», отметив, что Дума уже обратилась к народу страны с призывом пойти во имя защиты отечества на великие лишения. По сути дела, Гучков попытался убедить великих князей отказаться от административной деятельности в армии, к которой они вряд ли подходили и при осуществлении которой показали лишь полную безответственность. Он обратился с такой просьбой, отдавая себе отчет в позиции военной администрации. Его речь, естественно, вызвала бурю возмущения в придворных кругах. Царица поспешила расценить ее и всякое иное вмешательство Думы в военные дела как посягательство на императорские прерогативы.

Ее подозрения еще больше укрепились после происшедшего через год в Константинополе государственного переворота, в результате которого младотурки свергли султана. При дворе Гучкову тут же приклеили кличку «младотурок» и с того времени стали рассматривать его как врага государства № 1.

Был смещен с поста военного министра опытный в своих делах Редигер, работавший в атмосфере широкого сотрудничества с Думой. На его место назначили командующего Киевским военным округом генерала Сухомлинова, посредственного служаку, мало смыслившего в современном военном деле, который в соответствии с волей царя отказался от всякого сотрудничества с Думой.

Царица по-своему была права, считая лидера конституционных сил наиболее опасным противником своей безумной мечты о восстановлении абсолютного самодержавия в России. Движение октябристов вместе со всеми зависимыми от него группировками, без сомнения, находилось в арьергарде тех сил в стране, которые выступали за подлинную демократию. Оно было в авангарде тех же сил в высшем эшелоне власти — в руководящих военных, административных и великосветских кругах. Противодействуя таким образом реакции, оно волей-неволей расчищало дорогу бурному возрождению революционного движения, мощный импульс которому дали события на Ленских золотых приисках весной 1912 года *. И хотя октябристы не имели ни малейших намерений углублять демократизацию России, они всячески стремились поднять страну до более высокого экономического и культурного уровня, подобающего великой державе. В этом их поддерживали умеренное крыло оппозиции и наиболее просвещенные люди, занимавшие высшие административные посты.

Таким образом, несмотря на то, что они возникли в условиях наступления контрреволюции, третья и четвертая думы сыграли прогрессивную роль в истории России. Некоторые из принятых ими законов самим фактом своего существования содействовали экономическому и культурному буму, пережитому Россией в последнее десятилетие перед первой мировой войной.

В думский период, например, система просвещения развивалась столь бурно, что к моменту начала войны Россия подошла вплотную

* См. гл. V.

к введению в стране всеобщего обязательного образования. В начале XX в. было покончено с абсурдной и преступной кампанией, которую проводили против народного образования в конце XIX в. реакционные министры. К 1900 г. 42% детей школьного возраста посещали школу. Третья Дума большинством голосов утвердила законопроект о всеобщем обучении, внесенный министром образования П. М. Кауфманом-Туркестанским. К сожалению, закон был отклонен Государственным советом, половину членов которого назначал лично царь, и возвращен на доработку в Думу. Позднее этот закон был принят четвертой Думой. К тому времени министр просвещения граф П. Н. Игнатьев пришел к выводу, что уровень грамотности среди молодежи в стране позволяет ввести обязательное начальное обучение. И не разразись война, эта идея была бы полностью реализована к 1922 году. Но даже и до войны школу не посещали в большинстве случаев лишь те дети, чьи родители не хотели этого.

В 1929 г. фонд Карнеги опубликовал книгу «Русские школы и университеты времен мировой войны» *. Ее авторы — два профессора, специализировавшиеся в области русской системы просвещения, Одинец и Покровский, а предисловие к ней написал бывший министр просвещения П. Н. Игнатьев. Книга была призвана разоблачить миф, будто до прихода большевиков лишь 10% населения в стране было грамотным, а правящие классы всеми силами стремились помешать детям рабочих и крестьян получить образование.

Если рассматривать состояние высшего и среднего образования в России с точки зрения социального происхождения учащихся, то оно было самым демократическим в мире. Еще до учреждения Думы земства тратили на образование 25% своих средств, а в период ее деятельности — до трети. За время с 1900 по 1910 г. государственные ссуды земствам на образование увеличились в 12 раз. В 1906 г. действовало 76 тысяч школ, которые посещало около 4 млн. учеников. А в 1915 г. число школ уже превысило 122 тыс., а число учащихся достигло 8 миллионов. За это время был повышен минимальный возраст для оканчивающих школы, а учебные программы расширены с тем, чтобы дать возможность наиболее одаренным детям из крестьянских семей продолжить образование в пределах средней школы. В государственных школах обучались не только дети, они стали центром просвещения и для взрослых крестьян. При школах создавались библиотеки, проводились лекции, вечерние и воскресные занятия для взрослых и даже устраивались театральные представления. Для учителей земства устраивали специальные курсы. Ежегодно на учебу за границу отправлялись группы преподавателей и преподавательниц. До первой мировой войны тысячи учителей из государственных школ побывали в Италии, Франции, Германии.

Подводя итоги, Одинец и Покровский писали: «Вывод, который следует сделать из анализа состояния начального и среднего образования в России непосредственно в канун войны, заключается в том, что никогда за всю историю русской цивилизации развитие системы образования не проходило столь стремительно, как в рассматриваемый период».

Наряду со значительными успехами в сфере образования земства, действуя совместно с Думой и кооперативными организациями, добились огромных достижений в области сельского хозяйства. С 1906 по 1913 г. площадь обрабатываемых земель возросла на 16 %, а урожай увеличился на 41 %. За этот период ссуды земств на агрономические нужды крестьян повысились в 6 раз. Значительные суммы на эти цели расходовало и центральное правительство. В Европейской части Рос-

* Yale University Press.

син земства всячески содействовали тому, чтобы крестьяне вели фермерское хозяйство с использованием средств механизации, а в Сибири, где земств не было, этим занималось правительство.

Крестьянский земельный банк выкупил у частных землевладельцев миллионы десятин земли и перепродал их крестьянам. Кредитные кооперативные ассоциации и земства снабжали крестьян всеми необходимыми сельскохозяйственными орудиями. К началу войны 89,3% всех пахотных земель находилось в руках крестьян. Средний размер крестьянского хозяйства колебался от 12 до 30 десятин. За период экономического бума в России перед первой мировой войной экспорт русской сельскохозяйственной продукции возрос на 150%. Крестьянские хозяйства доминировали как на внешнем, так и на внутреннем рынке, поставляя три четверти зерна и льна и практически все масло, яйца, мясо.

Переход земли к крестьянам и огромный рост крестьянской аренды (к этому времени некрестьянская аренда приблизилась к нулю) сопровождались широко распространившимся переселением крестьян, которое осуществлялось при активной помощи правительства, земств и кооперативов. Именно в это время Сибирь вступила в стадию экономического и культурного развития по американскому типу. За годы между русско-японской и первой мировой войнами население в этом регионе удвоилось, а площадь обрабатываемых земель утроилась. Сельскохозяйственное производство возросло более чем втрое, а экспорт сельскохозяйственной продукции увеличился в 10 раз. Перед первой мировой войной все масло, которое ввозила Англия из России, производилось сибирскими и уральскими крестьянскими кооперативами. Если в 1899 г. масло из Сибири практически не вывозилось, то в 1915 г. его экспорт кооперативами Сибири составлял тысячи тонн.

Да, именно кооперативное движение, свободно развившееся в условиях конституционной России, дало возможность русскому народу, и прежде всего крестьянству, проявить природную сметку и организаторский талант. До первой мировой войны около половины всех крестьянских хозяйств включилось в кооперативное движение, которое по масштабам уступало в Европе лишь Англии. В 1905 г. число крестьянских кооперативов составляло 7,29 млн., а в 1916 г.— уже 10,5 млн.; в 1905 г. их фонды равнялись 375 млн. золотых рублей, а в 1916 г.—682,5 миллиона. Столь же быстро развивалось кооперативное движение и в городах. Федерация потребительских кооперативов, возглавляемая московским Центральным союзом, стала одной из наиболее влиятельных социальных и политических организаций в России.

Общее улучшение благосостояния народа нашло свое выражение в значительном росте потребления таких товаров, как сахар, масло, керосин, обувь, а также в увеличении вкладов в сберегательных банках. Это признавалось и советским экономистом Лященко. Согласно расчетам одного из крупнейших специалистов по русской экономике профессора С. Н. Прокоповича, национальный доход России, несмотря на войну с Японией и последовавшую за ней депрессию, которая продолжалась вплоть до 1909 г., увеличился за указанный период на 79,4% (в 50 губерниях, по которым имеются данные).

Даже коммунистические авторы временами писали о быстром развитии промышленности за время конституционной «пятилетки» в канун первой мировой войны: «Россия стала быстро продвигаться по капиталистическому пути, оставляя позади старые капиталистические страны, шедшие ранее впереди» *. С 1900 по 1905 г. промышленное производство выросло на 44,9 %, а к 1913 г.— на 219 %. Показатели ремесленных промыслов были еще выше. С точки зрения технического прогресса промышленность в целом прошла стадию дальнейшего развития и модернизации. По далеко неполным данным, капиталовложения в переоборудование промышленности составили за 1910—1912 гг. 537,3 млн. золотых рублей. В этот период процветания капиталовложения, сделанные в промышленность, в 3 раза превышали американские. По концентрации промышленности, которая была выше, например, чем в Америке, Россия стала одной из самых развитых стран мира. Стоимость промышленной продукции России в 1908, 1911 и 1916 гг. составляла соответственно 1,5; 5,5 и 8,5 миллиарда рублей.

* Заметки по истории Октябрьской революции. М. 1927.

Перед самой войной началось строительство железнодорожной магистрали Туркестан — Сибирь («Турксиб»), завершенное уже в советский период. На эти годы были запланированы грандиозные программы преобразования всей экономики страны. Их осуществление прервала война 1914 года.

Такая сверхконцентрация русской промышленности вызвала к жизни два важных процесса. Во-первых, она привела к сосредоточению в городах значительного числа рабочих, создав тем самым благоприятные условия для их организации. Во-вторых, она укрепила не столько позиции средних классов, сколько мощь банковского капитала. Тем самым ни в городе, ни в деревне экономический бум не изменил социальную структуру общества настолько, чтобы это могло создать прочные предпосылки для формирования конституционной монархической системы.

Жизнь нормально развивающейся страны основана на принципе честной игры. Предполагается, что и власти и простой люд в своих взаимоотношениях придерживаются определенных правил. Всякий раз, когда эти правила нарушают власти, которые обычно обладают превосходством в физической силе, это приводит к злоупотреблениям. И тогда люди оказываются перед выбором: либо покорно смириться с произволом властей, либо встать на путь борьбы в защиту своих основных прав, прибегая к самым крайним методам.

Побывав в самых разных уголках страны, я с годами приобрел четкие представления о чувствах, надеждах и чаяниях демократически настроенных людей. Позднее, став членом Думы и изучив всю систему управления страной, я ясно осознал всю трагическую сложность отношений между правительством, формально несущим ответственность за благосостояние страны, и верховной властью, находившейся в то время в руках безответственной клики невежественных и бесчестных политиканов. У меня внезапно открылись глаза на полнейшее нежелание правящих и привилегированных кругов русского общества занять независимую позицию и передать власть трезвым, здравомыслящим людям.

В то же время для всех стало очевидным, что распутинщина превратилась в позор России и что беспомощность перед ней царя ставит страну на грань нового тяжелого кризиса. Было ясно, что грядущее столкновение лишит власти не только царя, но и те группировки, которые утвердили свое положение в Думе согласно столыпинскому закону от июня 1907 г., поскольку этот закон будет немедленно заменен всеобщим избирательным правом. Россия была единственной великой державой в мире, введение в которой всеобщего избирательного права могло бы привести к демократизации как в политической, так и в социальной сфере без восстания или революции.

80 % крестьянского населения страны, владеющего почти 90 % обрабатываемых земель; отмирающее дворянство; промышленный пролетариат, сконцентрированный в городах и быстро набирающий силу; все еще политически и социально слабый средний класс; огромная армия бюрократов, в основном состоящая из образованных людей среднего класса, которые абсолютно не заинтересованы в защите капиталистической системы; и последнее — по перечислению, но не по важности — наличие интеллигенции, традиционно воплощающей дух русской культуры

с его внеклассовыми принципами справедливости и священной неприкосновенности личности — все эти элементы играли существенную роль в борьбе между привилегированным большинством в Думе и короной, борьбе, которая приближалась к своему апогею.

Учтя уроки борьбы за народное представительство в третьей Думе, октябристы в четвертой Думе осенью 1912 г. заняли место оппозиции. Перед ее открытием Гучков обратился к своим сторонникам с новым лозунгом: «Против участия безответственных людей в решении государственных дел, за правительство, ответственное перед народными избранниками». Таким образом, осенью 1912 г. Гучков повторил призыв, с которым выступили кадеты Милюкова в первой Думе весной 1906 года.

Приближался еще один критический момент в истории России, и примирение между политическими врагами, до тех пор немыслимое, становилось неизбежным. Их общей целью стало сохранение монархии как символа единства государства при эффективной и полной передаче власти правительству, опирающемуся на поддержку народных избранников. Но это была недостижимая цель. Монарх, которому была ненавистна сама мысль о конституции и который мечтал о возрождении обреченного абсолютизма, не мог допустить парламентской демократии. Пойти на такой шаг было для него равносильно измене самому себе. Судьба все еще оставляла ему шанс...

В полночь 31 июля 1914 г. германский посол вручил русскому министру иностранных дел ультиматум. Россия снова оказалась в состоянии войны.

(Продолжение следует)

ПУБЛИКАЦИИ

ДНЕВНИК ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ КОНСТАНТИНА НИКОЛАЕВИЧА

Январь 1859 г.

1 января. Новый год на чужбине. Обедня и поздравления на «Громобое». Потом с жинкой ходили на «Ретвизан» и на «Баян» и поздравляли команды. Погода серая и по временам дождь. Гуляли вдвоем с жинкой и с Николой. Ездили в La Rinella и дальше под Пеллегрино до деревни Santissîma Vergine.

2 января. Серая погода, по временам дождь и очень крепкий N, который развел порядочное волнение. Приехал фельдъегерь. Доброе письмо от Саши в ответ на мое парижское письмо[1] и бездна бумаг. Он тоже привез и Биарицский костюм для жинки с письмом к ней от Императрицы Евгении. Жинка оделась в этот костюм и в нем ужасно мила. Возил ее на Марину смотреть волнение и на мол и террасу маяка.

3 января. Ветер стих, ясно, солнце, но очень холодно. Все утро сидел и работал бумаги, привезенные фельдъегерем. Ездили всем обществом в La Bagaria и там в сумасшедшую виллу Palagonia. По дороге чудные виды на залив.

4 января. Погода опять серая и холодная, хотя барометр высок. У жинки Отелло и потому я ездил один к обедне на «Громобой», а у нее была дома обедница. Потом ездил с жинкой кататься к подножию Пеллегрино. Вечером играл на виолончели. Сегодня день рождения Герцога Калабрского и потому наши суда расцветились флагами и в 12 часов салютовали. После обедни я ездил на Английскую канонерскую лодку «Vigilant». Интересно было его устройство и расположение артиллерии, потому что наши два клиппера, которые мы теперь строим в Финляндии, будут в этом роде.

5 января. Сочельник и была обедня с водосвятием на «Громобое». После этого ездил с Гауровицем в гошпиталь навестить раненого с «Ретвизана». Рана идет хорошо, но сил мало. Потом с жинкой катался по Марине, Флоре и Jardin Anglais. Вечером играл на виолончели.

6 января. Чудная погода. Крещение. Чудесно удалась обедня на «Громобое» с водосвятием наверху на шханцах, с освещением знамен 4-го и 7-го экипажа, флага и всего фрегата. После завтрака сделали большую прогулку в Montréal *, где осматривали чудный Собор. Виды были удивительные. После обеда делали елку всему нашему обществу, которая очень хорошо удалась. Вечером в лунном свете ездили гулять по Марине и по гавани.

7 января. Удивительная погода. Первый настоящий теплый день и мертвый штиль. В 10 часов отправились с жинкой на «Баян» проститься, потому что я приказал ему сегодня идти в Грецию. Я хотел, чтоб он шел под парусами, но ради мертвого штиля приказал ему разводить пары. Покуда он топил, мы на катере отправились в пещеру Ринеллы и пристали внутри самой пещеры. Было удивительно хорошо. Когда воротились, пары на «Баяне» были уже готовы. Мы вошли на террасу маяка и оттуда смотрели, как он пошел и салютовал. Удивительно хорошо. В 2 часа ездили в монастырь Mater Gratia.

8 января. Погода опять теплая и хорошая, и мы отправились на Пеллегрино. Жинка не в духе, потому что Гауровиц ей сказал про мой Амурский план[2]. Ее несли на креслах, а мы на ослах. От креста я пошел пешком. После пещеры отправились

Продолжение. См. Вопросы истории, 1990, № 5.

* Монреаль, пригород Палермо.

к колоссальной статуе Розалии, что на скале над морем. Восхитительный вид. Назад вниз жинка шла почти все время пешком и оттого очень устала. Вся экспедиция прекрасно удалась.

9 января. Погода серая. Катался один с жинкой по Марине, гавани и Ринелла. За обедом был Principe Carini * с женою.

10 января. Погода утром хороша, а потом сделалась серая. Все эти дни много работал с Головниным учреждение Морского Министерства и Портов[3]. Ездил с жинкой в Mondello и срисовал его, а оттуда с Николой и Горковенкой[4] воротились пешком кругом Пеллегрино с морской стороны. Это около 9 верст, продолжалось 1 3/4.

11 января. Погода порядочная и довольно тепло. Ездили к обедне на «Громобой». После обедни увидели дым на горизонте и догадались скоро, что это «Рюрик» и потому остались его дожидаться. Он пришел в щегольском виде. Баженов рассказывал про свои переходы с Екатер[иной] Мих[айловной] и про перевозку Сардинских войск в Виллафранку. Воротились домой около 3 часов и потому гулять не ездили. Вечером играл с Чичериной[5] на виолончели.

12 января. Днем писал письмо к Саше[6]. Прогулки не помню. Обедал один с жинкой. Вечером маленький бал у Вице-короля.

13 января. Ездили в Solanto. Чудный вид. У меня жестоко болела голова.

14 января. Отправили фельдъегеря в Питер. Долгие рассуждения с жинкой о посылке письма Императрицы Евгении в Питер. Вместо прогулки был на артиллерийском учении на «Громобое». Вечером играл на виолончели.

15 января. Утром в 9 часов отправился с Лихачевым на наши суда, надеясь застать парусное учение. Вместо того у них мыли койки и учения не было. В это время входил в гавань Австрийский военный пароход и встал на якорь прямо перед носом у «Громобоя». Я на баке все время стоял и смотрел и в трубу узнал, когда они садились в катер, Эрц-Герцога Вильгельма, его сестру Марию и ее мужа Рейнера. Пароход зовут «Elisabeth». Он отшвартовался между «Громобоем» и «Рюриком». Особенной прогулки не было. Покуда мы катались, принцы у нас расписались. У нас был огромный обед с Вице-королем и разными здешними дамами и господами.

16 января. Утром ходил с Головниным пешком на гавань и воротились через Porta Felice. В час ездил с жинкой с визитом к Австрийским принцам. Оттуда в женский монастырь Св. Екатерины, где в монахинях дочь Partana. Ее мать и братья с нами ходили. Осматривали в подробностях. Очень богато и чисто, но не монастырски. За обедом были у нас Австрийцы. Все было очень мило и мы говорили и толковали будто ни в чем не бывало[7].

17 января. Хорошенько не помню, что происходило. Помню только, что Австрийцы приезжали к нам проощаться. Мы им показывали наш сад, потом отвезли их на гавань и на их пароход, где с ними и простились. Потом я возил жинку на «Рюрик», на котором она еще никогда не бывала.

18 января. Обедня на «Громобое». Прогулки и остального дня не помню. Получил телеграф о приходе «Медведя» в Мессину и приказал ему идти сюда.

19 января. Утром в 9 часов ездил на «Громобой». Он начинает окончательно чиститься и краситься и приводить рангоут в порядок. На «Рюрике» видел учение спуска ботов. Оно не так удобно, как на «Владимире». Воротился пешком. С жинкой ездил в Mare Dolce et fontana Favara и на Campo Santo **.

20 января. Утром работал отчет с Головниным и Лихачевым. В 11 часов дали знать, что «Медведь» виден. Я тотчас отправился на маяк и смотрел как он входил. Он в щегольском виде, только жалуется на котлы. Вечером большой дворянский бал в Casino. Ужасная скука.

21 января. Утром работал опять с Головниным и Лихачевым. В 2 часа отправились в женский монастырь Canceliere, где в 1846 году мы видели пострижение. Там сестра San-Cataldo. Она нас водила. Монастырь гораздо беднее, чем Екатерининский, но монахини превеселые и ужасные болтуньи. Много смеялись avec les novices ***.

---

* Князь Карини *(итал.)*.
** Маре Дольче и фонтан Фавара и на кладбище *(итал.)*.
*** с послушницами *(фр.)*.

Получил вчера известие, что корабль «Синоп» пришел в Мессину, и я решился его там навестить. После обеда в 1/2 9-го жинка меня проводила до мола, мы сели на «Рюрик» и отправились. Чудная, тихая, ясная, теплая ночь.

22 января. Всю ночь было издали видно извержение Этны, что очень редкое явление. Утро чудное. 12° тепла. В 1/2 11 пришли в Мессину и встали на якорь подле «Синопа». Он очень красив. После завтрака отправился на корабль и осматривал его во всех подробностях. Он составит прекрасное приращение нашего Флота. Хотел потом съехать на берег, но отказался, потому что погода испортилась и пошел дождик. В 1/2 4-го дождь прекратился, и мы съехали на берег, прокатившись сперва по гавани. На берегу меня не узнавали. К нам пристали тотчас два человека с разными похабными предложениями. Мы потолкались по нескольким улицам и были в Соборе. К обеду воротились на пароход. После обеда, часов в 7, снялись с якоря. «Синоп» расцветился очень красиво фальфейерами. Мертвый штиль. За маяком встретили в море довольно большую зыбь.

23 января. Ночью зыбь была очень большая, так что баковых часовых должны были снять. Ветер был свежий SW, но без волнения, потому что мы не далеко от берега. Утром пасмурно и скоро пошел сильный дождь. В 11 часов благополучно пришли в Палермо. Я тотчас съехал. Радость увидеть жинку. В остальной день ничего особенного не было.

24 января. Приехал Путятин. Я с ним немного говорил, потому что надо сперва прочесть его бумаги. Особенной прогулки не делали. Обыкновенно ездим теперь по Марине через малую гавань на молу. Сегодня идет порядочная зыбь с моря, поэтому мы поехали посмотреть морскую пещеру в Ринелле. Прибой в ней внутри великолепный. Вечером играл на виолончели.

25 января. Утром занимался с Путятиным. К обедне ездили на «Громобой». Потом возил жинку на «Медведь». После завтрака ездили с Путятиным в Montréal. Осматривали снова Собор, Двор, чудную картину Pietro Novelli (Il Monrealese), а потом лазили на крышу Собора, откуда удивительнейший вид на всю долину. Вечером ездили в первый раз в театр. «Jl Barbiere»[8]. Голоса хороши, но нет согласия ensemble и оркестр скверный. Уехали раньше конца, потому что жинка очень устала.

26 января. Утром пришел «Баян» из Греции. Течь на нем очень сильна. При салюте выкинуло человека за борт и он через полчаса умер. Утром занимался с Путятиным и рассматривал чертежи трехпушечной океанской канонерской лодки, которую он хочет строить в Англии. Большой спор с жинкой из-за Головнина. Слезы, расстройство нерв и жестокая головная боль. Прогулка обыкновенная. На моле слышим музыку на «Рюрике». У него маленький пикник и пляска. Мы поехали на «Громобой» и оттуда в трубы смотрели на пляску. Было очень весело. К обеду жинка не могла прийти от головной боли и легла в постель.

27, 28, 29, 30, 31 января. Опоздал писать журнал и потому забыл, что происходило в каждый отдельный день. Погода была переменная, то хорошо и тепло, то холодно и дождь. Особенно больших прогулок не делали, только один раз ездили в Багарию в Villa Butera, где монастырь с восковыми фигурами монахов. В субботу были в Santa Maria di Gesù и ужасно хохотали с монахами и новичками. Обыкновенно ездил с женою по Марине и на молу. В четверг был большой обед с разными здешними дамами и господами. На этой неделе узнали мы про речь Наполеона при открытии камер. Мне кажется, что война делается с каждым днем вероятнее[9].

Февраль

1 февраля. Была обедня на «Громобое». Потом на «Ретвизане» бал, который наши офицеры задали здешнему обществу. Ночью пришел «Палкан» и остановился на большом рейде. На нем пришел и Таубе[10] и привез брошюру «Napoléon III et l'Italie»[11]. Удивительно логически и умно написана. Он говорит, что во французских портах приказано все вооружать и что везде ожидают начало войны в марте. В 1/2 3 с жинкой на «Ретвизане». Устройство прелестное. Пляска очень живая и веселая. Мы оставались до 1/2 8-го. Нас провожали фальшфейерами.

2 февраля. Сегодня нашему Николе минуло 9 лет. Была обедня на «Громобое». Там же позавтракали и отправились на террасу маяка смотреть съемку с якоря «Пал-

кана» и «Медведя». Они снялись под парусами не слишком щеголевато. Идут по моему приказанию в Мессину, потому что здесь вдруг взбеленились, что у нас слишком много судов. После сделали прогулку до Santissima Vergine и по Марине. За обедом были гардемарины, товарищи Николы. Вечером для него делали маленький фейерверк. Решился идти в четверг в Мальту.

3 февраля. Тепло, но серо, и с полудня полил сильный дождь, так что нельзя ездить гулять. Утром до дождя ходил пешком на гавань и назад. Только и разговоры и мысли про вероятную Итальянскую войну. Ночью стал дуть SO свежо.

4 февраля. Дует свежо O и No . Волнение очень порядочное и прибой по Марине. Сегодня день рождения Веры[12]. Ей минуло 5 лет. Ужасно как время летит. К обедне на «Громобой» ездил один без жинки, потому что слишком свежо. Ездили с жинкой смотреть прибой в гротте Ринеллы. Сегодня суда наши должны были выходить на рейд, но не могли ради слишком свежего O.

5 февраля. Погода чудная, тихо, тепло. Утром ходил пешком до гавани. С жинкой поехали на террасу маяка и смотрели, как «Ретвизан» под парусами вышел на большой рейд. За ним «Громобой» пошел на рейд под парами. За обедом был у нас Вице-король. Вечером играли в карты.

6 февраля. Утром на почтовом пароходе приехал Мансуров[13]. После завтрака отправился с жинкой и с Николой на «Громобой». Чудная теплая погода и маленький хорошенький NW. Поднявши шлюпки, тотчас снялись с якоря. Жинка сидела все время на мостике, и ей очень понравилось. Пошли по 7 и 8 узлов под брамселями. «Ретвизан» отстает. К ночи стихло и идем по 5 узлов. Чрезвычайно приятно быть опять под парусами.

7 февраля. Ветер помаленьку с утра стихает, так что мы в 10 часов у Фаро развели пары и вошли в Мессину. Встали на якорь снаружи гавани. Внутри ее стоят «Палкан» и «Медведь». Салюты и встреча начальства. После завтрака в город. Показывал жинке Собор и Монастырь Santo Gregorio. Вошли в parloir * и говорили с монахинями. В это время показался «Ретвизан». Потом поехали по берегу пролива по направлению к Фаро, до круглой церкви, которая soi disant ** есть группа сирен. В это время проходил мимо нас «Ретвизан» очень близко. У жинки ужасно голова разболелась, и она с нами не могла обедать. Барометр очень низок. Вечером очень засвежел N, почти шторм, мы вытравили 75 сажень канату и должны были будить команду и спустить брамстеньги.

8 февраля. Очень холодно и порядочно свежий ветер с порывами и беспрерывным дождем. После полудня немного разгулялось, и мы катались по городу. Карнавал и есть маски на улице, но глупо и не живо. Вечером опять порывы с дождем.

9 февраля. 1° тепла и беспрерывно снег. После полудня катались на берегу, но холодно, скверно. Вечером были в Театре. «Весталка Меркаданте» вздор и глупый балет, но хорошенькая танцовщица Derossi.

10 февраля. Поездка в Таормину, неудачная, потому что холодно, часто дождь, и Этна закрыта облаками. Однако осматривать театр после 13 лет было очень интересно. Благополучно воротились в 10 часов, несмотря на темноту.

11 февраля. Ночью в 4 часа снялись с якоря и пошли. Я не выходил. Погода хорошая. Этна видна превосходно, но холодно. Ветер NW довольно свежий. Мы идем по 8 $^1/_2$ и 9 узлов. Попутное течение гонит еще вперед. В 1 час встали на якорь в Сиракузах. В 2 съехали на берег. Осматривали в городе 1) Собор в Храме Минервы. 2) Музеум, где чудная статуя Венеры. 3) Так называемый источник Аретузы. За городом смотрели 1) Амфитеатр, 2) Нимфеум. 3) Основание храма Юпитера. 4) Цирк. 5) Большие каменоломни Латомии, где так называемое Ухо Дионисия. Оно теперь от больших дождей затоплено водою на 7 фут. 6) Малые каменоломни, принадлежащие Casale-Borgia, где внутри разведен преживописный сад. 7) Старинные христианские подземельи, где гробница Мартиана Епископа. Обедали дома на фрегате.

12 февраля. В 3 часа ночи снялись с якоря под парами и вышли в море. Я оставался наверху до 5 часов. Глупость «Палкана», который вместо того, чтобы быть в кильватере у корабля, все лепился около нас. Ветер свежий, попутный. Идем под всеми

* приемная *(фр.)*.
** якобы *(фр.)*.

парусами и парами 10 и 10 $^1/_2$ узлов. В 2 часа пришли в Мальту и стали на якорь. Ясная чудесная погода, только холодно. Жинка бедная очень страдала и не могла видеть входа. Салюты как должно. Приехали с визитом Вице-адмирал Fanshaw, командир эскадры и генерал Pennefather, начальник гарнизона, а от губернатора адъютант. Длинные разговоры с ним о том, кто сделает первый визит. Мы настояли на своем. В штатском с жинкой на берег. Сперва к нашему консулу Tagliaferro[14], а потом прогулка. Показывал ей маленький здешний город и лучшие виды. Обед дома с командирами.

13 февраля. Утром ездил на 3-дечный корабль «Цесаревич». Чрезвычайно красив, но слабо выстроен, и почти все крепления у него тронулись. В 12 часов Губернатор Sir Gaspart Le Marchant у меня с визитом. В 1 час я официально на берег под флагом. Общий салют. Два почетных караула: у пристани и у дома Губернатора. Визит ему, Генералу Pennefather и Адмиралу Fanshaw. Потом в штатском большая прогулка пешком по городу. Вечером обед у Губернатора и большой бал. Жинка ужасно мила и делает огромный эффект.

14 февраля. Утром Fanshaw представлял мне своих капитанов, а Pennefather своих главных офицеров. Я им показывал фрегат, артиллерию и оружие. После завтрака ходил по Адмиралтейству. Особенного ничего. Док строят новый, старый выпучивается. В мастерских ничего особенно нового. Прекрасный сухарный завод. Оттуда в прекрасную морскую гошпиталь. Вечером обед и бал у старика Fanshaw. Жинка опять прелесть мила. Бал довольно веселый. Плясали Scotch reel *.

15 февраля. После обедни у нас на «Громобое» завтрак у Губернатора. Потом осматривали дворец, чудный Собор Иоанна крестителя, и делали прогулку вовнутрь острова до сада Santo Antonio. Вечером обед у нашего консула.

16 февраля. Осматривал в подробностях Английские корабли «Marlborough» и «Conquesor», и «Troopshipp Urgent». Обед вечером у Fanshaw.

17 февраля. Все время стояла погода теплая, прелестная, а сегодня вдруг холодно, крепкий NO, и ужасный дождь. После полудня дождь прекратился, и я ездил в гавань осматривать корвет «Ariel» и канонерку «Boxer». Они очень интересны. Для сравнения с нашими. Потом был на «Медведе», который гораздо лучше «Ариеля». Потом ездил с женою немного гулять по берегу. Вечером был у нас обед со всеми здешними властями.

18 февраля. Грустный день кончины Папа. Была панихида. Дует также свежо, как вчера, но хорошая погода. В 2 часа ездил на берег и со стариком Pennefather осматривал крепость St. Elmo, казармы, стрелковый батальон, их штуцера и 2 офицерские казармы. У консула дожидался жинки до 3/4 6-го и пошел один домой. Обедали одни.

19 февраля. В 1/2 9-го утром снялись с якоря. Не очень свежо, но в море еще большая зыбь. Жинка сперва была наверху, но скоро должна была сойти вниз. Пробовали уложить ее в койку, но вышло еще хуже. Тогда перевели ее ко мне в рубку, и там ей легче. До Capo Passaro шли с парусами до 8 $^1/_2$ узлов. Там ветер в лоб и пошли гораздо тише.

20 февраля. Шли весь день Мессинским проливом, против довольно сильного противного ветра и зыби очень тихо. Гадость от дыма, который всюду проникает. Вечером прошли Мессину и вышли в море. Там тише, и мы пошли морем.

21 февраля. Ветер опять в лоб, опять дым по палубе. К полудню зыбь большая и ход 2 1/2 узла. Надежда быть в Палермо несколько раз являлась и пропадала. Вечером при захождении солнца увидели берега, но приняли Zaffarano за Gallo **. Решились ночью держаться в море, когда стемнело и отошли на N, увидели Палермский вертящийся маяк и пошли на него. Я все наверху. Очень интересный вход. В полночь бросили якорь на рейде подле самого маяка.

22 февраля. Чудное утро. Фельдъегерь Вильде с письмами из дому[15]. Втянулись в гавань, и обедня на фрегате. В гавани Английский пароход «Scurge», капитан Принц Hohenloe Langenburg нам представлялся. К завтраку воротились в Оливуццу. Ездил с жинкой кататься, надеясь видеть карнавал, но не было ничего. Обед с командирами и Римским-Корсаковым[16], которого я выписал из Питера, чтобы дать ему посмотреть

* шотландский быстрый танец *(англ.)*.
** Дзаффарано за мыс Галло.

«le Suffren» и «the Excellent» *. Начал читать бумаги, привезенные фельдъегерем. Очень их много.

23 февраля. Великий Пост. Утреня в 10 часов на «Громобое», вечерня в 8 часов у нас. Весь день сидел и читал петербургские бумаги, так что даже гулять не ездил. Тяжело.

24 февраля. Утреня на фрегате. Опять сидел весь день дома и работал. Сперва кончал бумаги, потом писал длинное письмо к Саше [17]. Ужасно утомился. Во время вечерни у нас мне сделалось дурно. Почти обморок. Жинка очень испугалась.

25 февраля. К утрени не ездил, а все писал письма. Одно Саше с просьбою об поездке в Иерусалим, которое повезет Мансуров [18]. Еще письмо к Мама и к Марии [19]. Отправил и фельдъегеря и Мансурова. На фрегате преждеосвященная обедня, вечерня у нас.

26 февраля. Службы идут по 2 раза в день. Вечером крепкий NO с проливным дождем. Длинные разговоры с Мирбахом [20] и Горковенкой. Мирбах соглашается попробовать испытать себя вторым воспитателем. Дай Бог, чтоб пошло.

27 февраля. Все три службы на фрегате, а вечером исповедь у нас. В Питере сегодня первая исповедь нашей сладкой Оли [21]. Да благословит ее Бог.

28 февраля. Чудная погода. В 9 часов утра обедня на фрегате. Приобщились Святых Таин со всеми офицерами, гардемаринами и половиною команды. Они заменяли нашу семью, которая сегодня же приобщалась в Питере. В 4 часа ездили на «Громобой» ко всенощной. Обедали и вечер провели одни с жинкой.

Март

1 марта. Чудная погода. Обедню слушали на «Палкане», потому что на «Громобое» приобщалась вторая половина команды. Особенной прогулки не было. Обедали у нас все командиры, Вице-король Кастельчикало с семейством, и директор полиции Маниска лька со своей хорошенькой женой. Вечером играли в карты и ужасно смеялись. Наши невинные игры в карты суть: фофаны, дурачки и любопытный.

2 марта. Погода чудная. Утром один ходил пешком. В 1 час поездка в Монастырь Santo Martino. Брали с собой молодую Кастельчикалу. Чудная поездка. Монастырь великолепный. Дворец. Вечером опять играли в карты.

3 марта. Погода серая, но теплая. В воздухе готовится сирокко. Пришел «Ретвизан» из Мессины под парусами и встал на большом рейде. Ездил с Головниным, Лихачевым и Бойе на Пеллегрино. До пещеры на ослах, а потом пешком по ужасной дороге на самую верхушку горы, где молнией разрушенный телеграф. Там неописанно чудный вид. До самого низу пешком. Вечером телеграф от Саши об отправке судна в Цивитавеккию в распоряжение Прусского короля. Вследствие сего решился послать «Рюрик», который действительно ночью и ушел [22].

4 марта. Погода чудная. Ездили на W — через деревню Sferro-Cavallo до острова Isola delle femine. Удивительные виды.

5 марта. Ездили большим обществом через Sferro-Cavallo в Carini. Там старинный замок князей Carini. Почти разваливается. Чудное местоположение и вид на море и долину. Там завтракали. Пошел проливной дождь, ждали, ждали и все-таки в дожде воротились. Обедали всем гуляльным обществом в гуляльных костюмах. Получили из Неаполя телеграфическое известие о приезде курьера. Приказали прислать его сюда и решились оставаться здесь до Воскресенья.

6 марта. Ходил утром пешком на Обсерваторию, что во Дворце. Прекрасный меридиональный круг, инструмент знаменитого Piazzi [23], инструмент для измерения землетрясений. Теперешний Астроном Ragona умный человек. Сверху чудный вид. Эскадра наша на рейде. Был у нас большой прощальный обед с здешними властями.

7 марта. Приехал утром фельдъегерь. Милое и очень интересное письмо от Саши с политическими известиями. Наш союз [24]. Все пахнет войною. Приехал тоже Лисянский. Много бумаг. Ездил с жинкой прощаться с видами по дороге в Байду. Удивительно хорошо. Потом по Марине, любоваться нашей эскадрой на рейде. Обед и вечер обыкновенные. Читаю много бумаг.

* «Сюфрэн» и «Экселент» — названия кораблей.

8 марта. Слушал обедню на фрегате, а жинка дома. Потом ездил на «Ретвизан» и «Баян» раздавать медали за спасение во время шторма 28 и 29 декабря. Жинка приехала часам к 2. Снялись под парами, потому что тихий противный ветер. «Громобой» очень плохой ходок. К тому же уголь скверный.

9 марта. Чудная погода. С утра виден Капри. Идем очень тихо. Чудный вид Неаполитанского залива. В 4 часа встали на якорь в военной гавани. Приехал Аквила [25]. Бедный потерял 13-летнюю дочь, ужастно грустен, и много про нее говорил. Обедали на фрегате, а в 8 часов переехали на берег во Дворец Chiatamone, где нам дана квартира.

10 марта. Весь день посвящен визитам. Ужасно утомительно. 1) Сиракузский [26], 2) Аквила с женой, 3) Тропани [27] с женой, 4) Каролина с мужем Монтемолин [28] и его братом Фердинандом, 5) горбатый Дон Себастьян. Показывал жинке комнаты Мама и террасу с чудным видом. Ходил пешком по Villa Reale. Вечером после большого обеда Григорович читал вторую главу своих записок. Очень хорошо.

11 марта. Писал письмо Саше [29]. Ходил пешком до купеческой гавани. Там разговор со швейцарским часовым. С жинкой в Museo Borbonico *. От коллекции de chefs-d'oeuvre ** голова кругом ходит. Ужасно утомительно. Потом катался с жинкой под Позилиппо и назад по Strada Nuova. Чудный вид, но было немного поздно и темно. Обед и вечер одни.

12 марта. Поездка в Казерту, со всей свитой и посланниками в полной форме. Глупая встреча, глупый прием, еще глупейший разговор. Королева [30] почти совсем не говорит. Герцогиня Калабрская [31] очень мила собой, но еще менее говорит. Свиты совсем не принимали. Смотрели Дворец и сад.

13 марта. Утром был на нашем пароходе «Таврида» Черноморского Общества. Потом жинка отправилась в музеум, а мы, мужчины, на Везувий. Любовались лавой, которая течет множеством мелких ручьев. Ходили только до обсерватории, которая великолепна. Прелестный инструмент для наблюдения землетрясений. Возвращались с факелами. Обедали в 10 часов вечера.

14 марта. Принимал Генерала Филанджери. Начинался с ним пренитересный разговор, когда приехали из Казерты королевские Принцы, то есть Герцог Калабрский с молодой женой, графы Трани [32] и Казерта [33]. Они несколько разговорчивее, чем были при Матери. Потом жинка принимала бездну дам, очень устала и вечером сделалась у нее лихорадка. Я один ездил ко всенощной на фрегат к выносу Креста.

15 марта. Получили от Саши по телеграфу разрешение на Иерусалимскую поездку. Большая радость. Жинка больна, весь день в постели. У нее сильные геморроидальные припадки с лихорадкой. Ужасно страдает. Ездил с Николой в виллу San Romano, где несколько птиц, зверей и рыб и разные затеи в саду. Потом ездили в зверинец, где большая коллекция львов, львиц, тигров. M. Charles к ним входил в клетки, и потом собрал большое общество разнородных зверей в одной клетке и с ними играл. Бедная жинка ужасно страдает.

16 марта. Бедная жинка ужасно страдает. Боли становятся все хуже и хуже. Боятся воспаления желудка. Гауровиц призвал на помощь здешнего доктора Циммермана. Вечером решились поставить 10 пиявок на желудок и припарки. Это ее немного облегчило. Я утром ходил в порт. «Баян» уже в доке. Начали выкачивать воду. В 4 часа ходил пешком по Villa Reale. Вечером по улицам.

17 марта. Жинке лучше, но боли иногда возвращаются. Вечером поставили 8 пиявок на крестец. Был на «Баяне». Готовятся вынимать винт с рамой.

18 марта. Жинке гораздо лучше, но она ужасно слаба. Доктор Циммерман приходит два раза в день и очень нам полюбился. Я сегодня ездил с визитами к здешней семье, чтобы благодарить, что спрашивали про здоровье жинки.

19 марта. Жинке хорошо, но она очень слаба и ее держат в постели. Вчера приехал Король Прусский, а сегодня я к нему ездил. Он в жалком положении, хотя ему лучше [34]. Погода стоит холодная с ужасным ветром.

* Бурбонский музей *(итал.)*.
** шедевров *(фр.)*.

20 марта. Все эти дни ходил по утрам на «Баян». Мы решили снять всю медную обшивку и выконопатить его, снять медную коробку со штевня и осмотреть шпунт. Ездил немного по городу с Головниным. Смотрели скульптурную мастерскую Сндже-лини, где мне понравились особенно Ева, Вакханка и Мадонна. Церковь Севéра, где les statues voilées * и церковь Януария. Погода ужасная. Холод и ветер. У меня весь день сильно голова болела. Жинке все лучше, но еще в постели.

21 марта. Жинка в первый раз встала и оставалась весь день на кушетке. Она еще очень слаба. Я все не могу отделаться от головной боли, несмотря на частые и долгие прогулки пешком. По вечерам сидим с доктором Циммерманом и очень приятно разговариваем.

22 марта. Все еще холодно. Слушал обедню на «Громобое». Ходил делать визит к Аквиле. С ним длинный разговор про магнетизм и про мир духов, которым он много занимался. Весь день обыкновенный.

23 марта. Голова моя все хуже да хуже, иногда чувство лихорадки. Жинке разрешено принимать визиты. Перебывала вся здешняя семья, начиная с Аквила. Продолжение разговора о духах. Le Dieu Démon **. Перед обедом прогулка пешком по Villa Reale. Стало мне от этого еще гораздо хуже. Видно, что во мне сидит какая-то болезнь, которая еще не выходит наружу.

24 марта. Мне еще гораздо хуже. Выходить запрещено. Играл с жинкой Травиату в 4 руки. Не мог долго выдержать. Перебивался весь день. Наконец вечером мочи нет. Голова трещит жестоко. Сделали мне горячую ванну с холодными примочками на голову и уложили в постель.

25 марта. Конногвардейский праздник, а я весь день в постели и жестоко потею. Это меня спасло от fièvre cérébrale ***. Но голова еще жестоко болит и вечером мне поставили 6 пиявок на затылок.

26 марта. Ночь беспокойная от кровотечения из раночек. Весь день тоже в постели. В полузабытьи. Много днем сплю.

27 марта. Ночью почти не спал. Гауровиц ночью стал мне делать холодные примочки на голову. К утру немного уснул. Потом в первый раз встал. Уморительно слаб. Весь день то сижу в креслах, то лежу на постели в большой зале.

28 марта. Ночь спокойная. Весь день в зале, как вчера. Лучше. Но еще очень слаб и голова тяжела. Давали мне касторового масла. Действовало три раза. Здешний король очень плох [35].

29 марта. День как вчера. Все еще слаб и голова тяжела. Весь день в зале.

30 марта. Лучше. Силы немного возвращаются. Пил кофе и мог курить. Мог даже сам читать. Читаю «La Grèce par About.

31 марта. Выпустили меня в первый раз прокатиться в закрытой карете. Но эта попытка не удалась. У меня снова голова разболелась и вечером сделался озноб и лихорадка.

Апрель

1 апреля. Выспался хорошо и лихорадка прошла, но сделался сам собою понос. От этого голова стала гораздо легче. Король так плох, что каждую минуту ждут его смерти. Вся семья в Казерте.

2 апреля. Один день как другой. Силы возвращаются, но очень тихо. Вчера приехал фельдъегерь из Питера. Я все сижу и читаю бумаги. У нас из морского бюджета отрезали 1.300.000. Это колоссальное свинство, для которого, разумеется, воспользовались моим отсутствием. Ездил с жинкой в Capo di Monte.

3 апреля. Утром выехал гулять с Гауровицем. Смотрели миленькую виллу Аквилы на Позилиппо. Потом жинка ездила на Везувий, а я с доктором в la Chartreuse de S. Martino ****, что наверху подле St. Elmo и откуда чудный вид на город и окрестности.

4 апреля. Ездил с жинкой опять на виллу Аквилы на Позилиппо, а потом по мастерским скульпторов. Закажем маленькую Мадонну, чтоб поставить на колонну,

* статуи, покрытые покрывалами *(фр.)*.
** Бог Демон *(фр.)*.
*** воспаление мозга *(фр.)*.
**** Монастырь Сан-Мартино *(фр.)*.

и Эсмеральду. Потом в Villa Reale. Снимали наши фотографии. Силы возвращаются. Вечером мог с жинкой играть в 4 руки на фортепьянах. Королю гораздо лучше, так что есть даже род надежды.

5 апреля. К обедне еще не позволено ездить. Жинка ездила одна без меня. В 2 часа ездили в Казерту. На железной дороге виделись и простились со всей семьей. В Казерте видели только Калабрского с его молодой женой. Я ему подарил для Короля целую коллекцию фотографий Рюмина. Эта поездка меня очень утомила, и я сильно устал.

6 апреля. Утром ездили прощаться с Прусским королем, который сегодня вечером отправляется на «Рюрике» в Рим. Он сегодня особенно путался в словах и туго понимал и был от того в отчаянии. Грустное положение. В 12 часов ездили осматривать Помпею. Подробно осматривали вновь открытые бани (термы) и 2 или 3 дома. Интересно, но ужасно утомительно. При нас откапывали три дома, но ничего интересного не нашли. Между прочим, 5 скелетов. Хорошего было только 3 бронзовых сосуда. Вечером приезжали еще Аквилы с нами прощаться. Кокошкин [36] получил депешу от Горчакова [37], что Государю неугодно, чтоб я в Пасху был в Греции. Вследствие этого мы несколько изменили план путешествия. На ночь, после общего прощания, перебрались на «Громобой».

7 апреля. Чудная теплая погода и штиль. В 9 часов снялись и пошли в Кастелламаре. В 12 часов съехали на берег и отправились в Сорренто по чудной дороге. Там осматривали дом Аквилы и останавливались отдохнуть в гостинице Тассо. Непрятно душный воздух, пыль и ветер сирокко. От мглы нет никакого вида. Воротились в 5 часов на фрегат, но не снялись, потому что барометр очень низок, и скоро заревел с берега сирокко.

8 апреля. Тихо и тепло. В 7 часов утра снялись с якоря. Прошли между Капри и мысом Кампанеллы. Встретили в море довольно сильную зыбь. Жинку тотчас укачало. Весь день тихо, но барометр ужасно низок. Что-нибудь да будет.

9 апреля. Барометр ужасно низок. С 7 часов утра начало свежеть и сделался почти шторм. Это явно сирокко, хотя у нас он дует от S и SSW. Мы в 20 милях от Мессины, и оттого волнения нет. Сперва боролись против ветра. Но он так силен, что потеряли ход, фрегат перестал слушаться руля. Тогда мы начали лавировать под парами и триселями и к 6 часам были у пролива, а в 8 благополучно бросили якорь в Мессинской гавани. Полагаем остаться здесь на Пасху.

10 апреля. Чудная погода, так что мы поставили тент. Ради Страстной Пятницы была три раза служба, Царские часы, вечерня с выносом Плащаницы и утреня, причем обносили Плащаницу по всей верхней палубе. Вечером с жинкой играли в 4 руки Requiem Моцарта. Головнин дал мне книгу путешествия к Святым местам католического священника M. Mislin. Весьма интересно.

11 апреля. Страстная Суббота. Была чудная обедня с Воскресни Боже, который я так люблю. Сегодня 12 (лет) нашей официальной помолвке. Никола красил яйца. Ездил на пароход «Херсонес» нашего Пароходного Общества, который подият в Севастополе из воды. Погода не хороша, кругом гроза, часто дождик.

12 апреля. П а с х а. В полночь наша чудная Пасхальная служба, с возможным торжеством. За обедней мне сделалось дурно и я просидел ее в каюте. Потом разговливание. Днем мы разцветились флагами и салютовали. Поздравления и христосования. Написал маленькое письмо Саше [38]. Вечером после обеда снялись с якоря и пошли под парами в Афины. Чудная погода с маленьким северным ветерком.

13 апреля. Чудная погода. Славный северный ветер. Идем под парами и всеми парусами по 8 и 9 узлов. Жинка весь день наверху. К вечеру стало немного свежеть, и ее один раз вырвало. Шибко подвигаемся вперед.

14 апреля. Ночью шли по 10 узлов. С рассветом увидели берега Греции. Весь день шли шибко вдоль южных оконечностей Мореи. В 5 часов были в красивом проливе Церигго. В 6 часов прошли мыс Анжело и вошли в Архипелаг. Чудо, чудо как открылись O [st] (восточные) берега Мореи. Эпизод с голубем, который прилетел с берега, которого словили, показали жинке и который снова воротился на берег. Есть ли это предзнаменование? Чтоб не быть слишком рано в Пирее, в 7 часов подняли винт и пошли под парусами с легким S ветром, но скоро стихло и в полночь снова опустили винт.

15 апреля. С утра сделался ветер N, и мы идем только 5 и 6 узлов. Красивые и интересные берега. В 3 часа благополучно встали на якорь в Пирее. Там тесно, много судов военных иностранных. Пошли салюты, наши ответы. Приезды официальных лиц и поздравления. Французский Адмирал Clavaud мой старый знакомый из Тулона. В 5 часов приехали король [39] и королева под штандартом, и потому опять общие салюты. Долго с ними болтали в каюте. Наконец с ними вместе на берег. Опять салюты. На берегу ужасная крикатня. Нас повезли дорогой не прямой, а окольной и не в город, а кругом Акрополиса. Чудное впечатление, которое он производит в первый раз. Во дворец. Показывали свои и наши комнаты. Наконец обед. Ужасно устал и не мог заснуть до 4 часов.

16 апреля. Жаркий день. Утром Королева показывала нам свой сад. На время жары сидели дома. Вчера приехал Мансуров с письмами и бумагами. Долго я с ним сидел и толковал. Наше Иерусалимское дело в Петербурге пошло превосходно [40]. Саша хочет, чтобы мы воротились к 25 июня [41]. В 12 часов ходили к молебну в нашу чудную здешнюю Церковь. В 5 часов с Королем и Королевой в Акрополис. Колоссальное впечатление. Я его смотрел в подробностях и очень долго, и оттого успели осмотреть только Пропилеи и Парфенон. Потом катались в ужасной пыли по улицам города, и мимо нескольких руин. Вечером большой обед со всем здешним Министерством. Ужасно устал, так что после обеда сделалось почти дурно. Не могу спать по ночам.

17 апреля. День рождения Саши. Большая обедня в нашей Церкви. Там собралось все министерство и дипломатический корпус. После завтрака у меня огромное представление и поздравление. Сперва дипломаты, потом Министерство и все здешние власти, наконец Синод, которому я много говорил и, кажется, хорошо. Весь остальной день оставался дома, много работал и отдыхал. Вечером огромный бал. Я ушел в 1/2 12-го и опять не мог заснуть. Сегодня телеграф об ультиматуме Австрии и приходе французов в Турин [42].

18 апреля. Телеграф о благополучном рождении у Миши сына Николая [43]. Огромная радость. Утро дома и много работаю. В 2 часа прогулка в Елевсис. Древности, местность, народ, костюмы мужчин и женщин, завтрак, пляски. Чудная погода, все очень удачно. Воротились на винтовой шхуне. Видели место Саламинского сражения [44]. Чудный вход в Пирей в сумерки при салютации. Обед в саду на мозаичном полу.

19 апреля. Обедня в нашей Посольской Церкви и молебен об рождения Николая Михайловича. Прогулка мимо музыки на Ферму Королевы. Там она располагает сад по семи холлам в память первой экспедиции Греков, то есть похода Аргонавтов. Соединяющаяся с этим мысль о Константинополе. Прогулка по этим холмам. Обед в саду у Фермы.

20 апреля. Осматривали Университет и его устраивающуюся библиотеку. Старую Митрополию (Св. Ирины), где иконостас, подаренный Батюшкой, вновь строящуюся Митрополию, Храм Тезеи и древности, которые в нем сложены, вид с горы Нимфео, где Обсерватория, гору Пникс, где кафедры народных витий, монумент Лизикрата, который называют Фонарем Диогена, и Храм Юпитера Адрианова. Обед на мозаике в саду. После вечером освещение Акрополиса разноцветными бенгальскими огнями. Невыразимо чудное зрелище.

21 апреля. Поездка в Марафон. Поле сражения и курган над греческими телами. Обед на воздухе в самом Марафоне и народные пляски. Возвратились домой поздно ночью.

22 апреля. Свободный для меня день. Сперва писал письмо Саше [45]. Потом кончили осматривать в подробностях Акрополис со всеми его древностями и Ареопаг. Вечером большой обед у Озерова [46] и собрание.

23 апреля. Именины жинки и Мама. Были в посольской Церкви. Потом поездка на Пентеликон. Остановились у Греческого Монастыря в прелестной долине. Дамы там остались. Мы верхом на вершину по ужасной дороге. Я ехал в Алжирском бурнусе. Греческие каменоломни. Чудные виды, только немного туманно. Обед в долине у Монастыря. Воротились ночью.

24 апреля. Все утро писал письма. В 5 часов в Пирей. В 6 снялись с якоря. Король и Королева проводили нас в море. В 7 часов прощание чувствительное с ними и свитою. Много слёз.

25 апреля. Ночью ветер был попутный, с утра сделался противный, но после полудня опять попутный бакштаг правым гамом. Тогда «Ретвизан» начал сильно отставать, так что в 5 часов мы поворотили назад к нему, он сказал сигналом, что у него разгорячаются подшипники. Чудная ночь с молодой луной. Ночью прошли Кандию.

26 апреля. Всю ночь шли превосходно, ветер свеженький попутный. Потому в 8 часов подняли винты и пошли под парусами сперва 8 узлов, но скоро начало стихать, так что шли только по 4 узла. В 12 часов хотел развести пары, но «Ретвизан» объявил, что он исправляет подшипники. Это продолжалось до 5 часов, наконец это мне надоело, я приказал «Палкану» держаться на моем траверсе, а «Ретвизану» показал рандеву Яффа, и мы побежали под парами и парусами по 8 и по 9 узлов. Чудная теплая южная ночь с луной. Ужасно много читаю разных путешествий про Иерусалим.

27 апреля. Чуднейшая погода, совершенный пассад NW, и мы весь день бежим по 9 и по 10 узлов. Маленькая боковая качка, но жена молодцом, встала и её не укачивало.

28 апреля. С утра ждем увидеть берег, но он как заколдованный и показался только в 11 часов. В $^1/_2$ 2-го бросили якорь перед Яффой. Наехали арабы, Мансуров и все наши. Мы в 3 часа на берег. Зыбь очень порядочная, но мы благополучно въехали в гавань. На берегу встреча Патриаршего Наместника Мелетия. Прямо в Церковь. Толпа и богомольцы. В наши комнаты. Архиерей Кирилл. Весь день на террасе. Свезли наших гребцов и палканцев. Поздний обед и приём консулов. Ночлег.

29 апреля. Встали в 4 часа, а отправились только в 7. Неприятности и трудности отправки. Дорога хорошая до ...*. Там отдых и завтрак. В 4 часа дал [команду] на ночлег в Сарис в горах. Встреча с Абугошем. Трудная дорога в темноту. Жинка молодец. Неприятности с офицерами. Ночлег в палатках.

30 апреля. Отправились в седьмом часу. Остановка у Абугоша. Ужасная дорога и трудный спуск. Остановка в Теревинфовой долине. Там нашли Тишендорфа. Недалеко оттуда встреча Патриарха и Паши. Потом постепенные встречи. Первый вид Иерусалима, чувства, слезы. Переодеванье в палатках. Встреча и прием в большой палатке. Наконец триумфальный въезд в город, толпа, пыль. Пешком от Яффских ворот, прямо через Греческий Монастырь в Храм. Наконец на Голгофе, и на гробе Господнем. Чувства, слезы, молитвы. Патриарх ввел в наши прекрасные комнаты. Отдыхаем. Вечером одни опять в храм; обошли все святыни.

Май

1 мая. Утром получил через нарочно присланную Греческую военную шхуну, телеграфическую депешу, чтобы возвращаться в Россию через Константинополь. Составил программу нашего пребывания здесь. Визит Патриарха у меня, и мой к нему. Отдал ему именем Саши крест. Во время жары оставались дома. Отправились в 4 часа. Крестный путь. Арка. Се человек. Претор Пилата. С террасы вид на Омарову мечеть, город и окрестности. Католическая Церковь de a flagellation **. Византийская Церковь Иоакима и Анны, подаренная Султаном Наполеону. Под нею место, где стоял дом родителей Богородицы. Купель Овчая или Вифезда. Овчие ворота. Спуск в Иосафатову долину, на поток Кедрский. Место где Стефан был побит каменьями. Гефсимания. Вертеп Богородицы. Гробницы Иоакима, Анны и Иосифа Обручника. Гробница Богородицы. Чудное впечатление, молитва и слезы. Молебн Богородицы. Алтари разных исповеданий. Католическая пещера de l'agonie ***. Скала, где спали три Ученика. Наше место моления у чаши. Сад Гефсиманский и 8 древних маслин. На гору Элеон. Ужасный ветер. Место Вознесения и остатки Храма кругом. Чудный обширный вид сверху и даже Мертвое море. Трудное возвращение по ужасной мостовой и темным улицам. Обед и спать.

2 мая. Утром ездил смотреть купленные нами места у самых городских стен. Очень хорошо выбраны. Потом объехал городские стены до Сионских ворот. В 10 часов Русская Архиерейская обедня на Голгофе. Потрясающее впечатление, слезы и молитвы.

* Слово не разобрано.
** Церковь бичевания (*фр.*).
*** агонии (*фр.*).

В 4 часа с жинкой сперва в Англиканскую Церковь, потом в Армянщину. Соборный их Храм Иакова, Патриархия и угощение. Патриарх подарил часть животворящего древа. Церковь на месте дома Первосвященника Анны и масличное дерево. За городом Церковь на месте дома Каиафы. Потом в мечеть, где внизу так называемый гроб Давида, наверху место тайной вечери.

3 мая. В 9 часов Патриаршая обедня в Приделе Ангела у гроба Господня. Мы сперва на паперти, потом в самом гробе. Ужасное пение мне мешает молиться, так что далеко не то впечатление, что вчера на Голгофе. Патриарх подарил нам частицы честного древа, для меня, жены, Николы и Костюшки. В 4 часа в Замок Давидов, с башни вид, потом в Яффские вороты, кругом стен северных, в Иосафатову долину и долинами кругом всего города. Разные вещи по дороге. Мост, через который вели Спасителя, гробницы Авессалома, Иакова и Захарии. Деревня Силоам. Источники Силоама, Мария и Неемии. Оттуда чудный вид, самая плодородная часть долины. Долинами домой. У жинки сильный геморроидальный припадок. Сегодня разговоры с Кириллом [47].

4 мая. Поездка в Монастырь Св. Саввы. Очень удачно, но там жестоко жарко. Замечательное положение монастыря. Находки Тишендорфа.

5 мая. Утром осматривал место, купленное для нашего консульства. Прекрасно выбрано, подле самого Храма. При этом проходили сквозь Монастыри Коптский и Абиссинский, которые ужасно бедны. Весь день ничего, только был большой официальный завтрак у Дорогобужинова [48], а в три часа имел длинный разговор с Пашою и дал ему Станислава. В 5 часов осматривали Омарову Мечеть со всеми принадлежностями, Эль-Акса, подземелья и золотые ворота. Ужасная давка, особенно при входе. Потом трубка и кофе у Паши.

6 мая. Чудная поездка в Вифлеем. Прелестные виды по дороге. Там все христиане. Патриаршая обедня. У меня обмороки. Потом завтрак и отдых. Разговор с Патриархом. Моя поездка в Вифсагур. Остатки Храма Явления Ангела, желал бы возобновить его. Молебн в вертепе Рождества. Рождественские детские чувства. Возвратный путь в чудный вечер.

7 мая. День явления Креста Константину. Сим знамением победиши. Большая Патриаршая обедня в Храме Воскресения с Панихидою. Ужасно тягостное впечатление от страшного пения. Потом разговор с Французским консулом Barrère об neutralisation de la coupole *, и с Английским Епископом Gobat. В 5 часов ездил в Вифанию. Прелестные виды на долины, на Мертвое море и на город. В Вифании место дома Лазаря и его так называемая гробница. Вечером у нас большой обед для Патриарха нашего и Армянского.

8 мая. Ночью в $1/2$ 1 маленькая Русская обедня на самом Гробе Господнем. Прелестно. Потом Патриарх нас позвал в Алтарь и сам при нас отрезал, и дал нам частицы мощей: 1) Царя Константина, 2) Царицы Александры (для жинки и для Мама), 3) Василия Великого, 4) Марии Магдалины. Потом обошли снова все Святыни огромного Храма. Спали до 9 часов. Утром Патриарх сам принес и подарил мне Превосходную Модель Кувуклии [49] и камни от Гроба Господня и от Голгофы, и бездну образов, крестов и четок. Делаем распоряжение насчет завтрашнего отправления. Вечером ездили в Крестный Монастырь, где школа, учрежденная Патриахом для Греков и Арабов. Она должна быть против Латинской пропаганды, но вряд ли соответствует своей цели. В 7 часов у нас большой обед с консулами и Пашою, которого дожидались целый час. Тоже был и Английский Епископ Gobat. Был приглашен и Валерга, но изволил отказаться ради постного дня, мило! Много говорил с Прусским консулом Розен, который очень интересен.

9 мая. Утром в 8 часов поехали на Элеонскую гору полюбоваться чудным видом Иерусалима. Поклонились Вознесению Господню, сошли с горы пешком и имели Русскую Архиерейскую Обедню в вертепе Гефсиманском гроба Богоматери. Приятное впечатление на прощание. Пили кофе тут же под деревом в тени. Возвращаться в город ужасно жарко. В 3 часа ходили прощаться с Патриархом, потом в Храм. Там напутственный молебн русский, и наконец прощание с Гробом Господним и Голгофой.

* нейтрализации купола *(фр.)*.

Ужасно плакали, оторваться не могли. Пустились в дорогу. Парадные проводы. Патриарх старик до Теревинфовой долины. Чудный вечер, легко идти. Ночлег у Абугоша.

10 мая. Поднялись в 3 часа, а пошли в 5. Облачно и прохладный ветерок. Благополучно прошли горы и сделали привал у источника Иакова, где поели шашлыку. Пришли в Рамлу, в 1 час. Решились идти дальше и пошли в 4 часа, а в Яффу пришли в 7. Я ушел вперед и ждал жинку перед городом у кофейного дома.

11 мая. Утром зыбь такая, что невозможно жинку доставить на фрегат. Оттого весь день сидели в Яффе (на жаре, на Монастырской террасе и скучали от нечего делать. Обедали в 4 часа с Мелетием и Кириллом. Тогда стихло и в 6 часов после литии в Монастырской Церкви отправились на фрегат и благополучно доставили туда жинку несмотря на довольно большую зыбь. В 8 часов снялись с якоря и отправились в Бейрут. «Палкан» я оставил в Яффе для Патриарха.

12 мая. Отличный переход в Бейрут, где встали на якорь во втором часу. Красивое расположение города. В $1/2$ 5-го прием на фрегате турецких властей и консулов. Потом на берег. Там шествие по узким улицам в Греческую Церковь со страшной толпой и страшной давкой. Просто ужас. Оттуда точно так же к нашему консулу Мухину [50], у которого обед, а в 10 часов в темноту возвращение на фрегат.

13 мая. Погода отличная, но с моря пошла довольно сильная зыбь, не по ветру, так что качка на якоре вышла ужасно неприятная. Жинке очень тяжело, и мы решились вечером, когда несколько стихло, перевести ее на берег. С парадного трапа садиться решительно невозможно. Мы импровизировали трап на левой стороне из пушечного порта и благополучно, хотя не без труда, посадили жинку в катер и привезли на берег. Там мы отправились в дом к Мухину на ночлег. Днем на фрегате я писал письмо к Саше [51] и отправил его с Мансуровым через Смирну и Константинополь.

14 мая. Весь день сидели на берегу в доме у Мухина. От нечего делать мне очень скучно, и я крепко устал. Читал газеты, пришедшие сегодня по 14-ое число. Еще ничего решительного не случилось. Принимал разное здешнее духовенство. В $1/2$ 6-го воротились на фрегат опять через трап из пушечного порта и тотчас начали подымать гребныя суда. В 7 часов снялись. «Ретвизан» остался здесь, чтобы доприиять уголь. Я ему дал рандеву Хиос. Сами мы хотим идти в Родос.

15 мая. Тихий противный ветер и порядочная зыбь, оттого у нас хода только 5 и 6 узлов, и то только по лагу, потому что по пеленгам оказалось, что всего ходу 3 $1/2$, стало быть, есть противное течение узла в 2. Весь день шли вдоль южного берега Кипра. Жинку тошнит, и она только под вечер встала и сидела на палубе у рубки. Очень неприятно от дыма, который стелется вдоль всей палубы.

16 мая. Погода чудесная, но ветер переменный, то попутный, то в лоб, и мы идем то по 9 узлов, то по 5.

17 мая. Ветер в лоб, и мы идем только по 5 узлов. Во время обедницы увидели «Баян» под парусами. Подозвали его к себе и получили с него фельдъегеря. Саша пишет про политическую кашу, желает нашего скорого возвращения через Константинополь, говорит, что я теперь дома необходим. Эскадре же приказание тотчас возвращаться, не заходя в Английские порты [52]. В $1/2$ 4-го встали на якорь в Родосе, который я вижу после 14 лет. Возил жинку на берег, показывал ей гаввнь, Рыцарский Арсенал и Улицу, Гроссмейстерский дом, место Церкви, которая взорвана, и базар. Вечером снялись.

18 мая. Ветер опять в лоб, и мы идем весьма нешибко, но погода прелестная. После полдня подошли к Патмосу с южной стороны, но лоцман наш тут не был 11 лет, а без него этот вход слишком труден. Поэтому пошли восточным проходом. Я сам ввел фрегат, сообразуясь с картою, и мы встали на якорь внутри узкого и живописного залива у местечка Scala. Отправился на берег купаться. Прелесть. В 5 часов с жинкой на берег. Радушная милая встреча греков. Водил жинку в пещеру Апокалипсиса, потом в Монастырь на верху горы в городе. Прелестная старинная Церковь. Из окон монастыря увидели мимо идущий «Палкан» с Патриархом в Смирну. Веселое возвращение на мулах. Жинка особенно в духе.

19 мая. Снялись в 4 часа утра, действуя в узкости одним винтом, без завозов. Прелестный переход до Самоса. Свеженький имбат. Прелестные берега острова. После

полудня встали на якорь в порту Вафи. Ездил на берег купаться. После обеда с жинкой на берег. Были в двух церквах в верхнем и нижнем городе. Чай в одном саду. Веселая прогулка на мулах по верхнему городу, по ужаснейшей дороге, но с прелестными видами, и вниз по вновь строившейся и теперь оставленной дороге. Воротились на фрегат, когда уже смеркалось. С нами пил чай здешний губернатор Аристарки. От него известие про большую будто бы победу французов с сардинцами над австрийцами. Не знаем правда ли.

20 мая. Снялись в $1/2$ 5-го утра и пошли в Хиос. После полудня вошли в залив и пошли сперва к Чесме. Остановились, не бросая якоря, и я на якоре объехал всю бухту, чтоб сказать, что был на месте этого ужасного боя[53]. Оттуда пошли к Хиосу и встали на якорь против города. Там уже стоит «Баян». После обеда съехали с жинкой на берег и сделали на мулах прелестную прогулку к так называемой школе Гомера. Воротились в совершенную темноту, с фонарями. Было очень живописное шествие. Узнали из газет подтверждение сражения у Монтебелло[54] и смену Буола[55]. Говорят, завтра будет пароход «Керчь» с более свежими известиями.

21 мая. Мои именины и чудная погода. Была обедня, молебн, салют, и мы расцветились флагами. В 3 часа на берег, и отправились внутрь Острова в Древний Монастырь. Жинка сделала часть пути, но нашла, что слишком жарко и дорога дурна, и воротилась. Я один поехал далее по ужасным дорогам, но по чудным долинам и ущельям. В Монастыре Церковь, построенная Константином Мономахом[56], в которой еще сохранилась древняя Муссия *. В 8 часов воротились на фрегат и обедали. Пришел пароход «Керчь», но никаких известий не привез.

22 мая. Снялись в 4 утра и пошли в Смирну. Чудный переход, сперва штиль, потом попутный имбат. Пришли в 2 часа. Там «Палкан» и французский фрегат «Pomone» с Адм[иралом]Clavaud. Тотчас приемы, Паша, духовенство etc. Тоже Иерусалимский Патриарх Кирилл. Большая радость с ним увидеться. После обеда съехали с жинкой на берег и дошли пешком до la pointe **. Но скоро нас узнали, собралась толпа, и было несносно.

23 мая. Утром увидели идущий с моря «Ретвизан». Скоро после полудня он встал на якорь, и мы решились сниматься сегодня же вечером, передавши свиту на компанейский пароход «Владимир». В 11 часов принимал здешних консулов. В 3 часа с жинкой ездили на берег в Митрополию. Страшнейшая давка народа, так что несколько раз было просто опасно. Осматривали тоже новую Церковь Св. Георгия. Там давка еще хуже. С трудом воротились на пристань. За обедом у нас французский адм[ирал] Clavaud. В 6 часов снялись с якоря и пошли к Дарданеллам. При захождении солнца прошли батарею. Чудный вечер и ночь. Читал жинке «Громобой» Жуковского.

24 мая. Утром, когда встал, мы уже проходили Митилену. Скоро сделался попутный ветер, который постепенно все свежел. Мы выставили всю парусину и пошли 9 узлов и более. В Тенедосе нашли «Баяна», которому приказал идти в Смирну, и готовиться к возвращению в Россию. После завтрака вскоре вошли в Дарданеллы. Показывал жене гробницы Ахиллеса и Патрокла. Шли отлично против довольно сильного противного течения. Останавливались на минуту в Дарданеллах, чтоб принять консула и прописать карантинное свидетельство. В 5 часов мы уже проходили Галлиполи. Ночью в Мраморном море совсем стихло, барометр очень низок и впереди совсем черно.

25 мая. С 6 часов утра делался очень свежий N с дождем, и мы подвигаемся очень тихо. В 12 часов начали подходить к Константинополю. От дождя и тумана вида никакого нет. Ужасно жалко. У Сарай-Бурну очень сильное течение. Встали на якорь, немного не доходя Топхане, где нас дожидается Султан[57]. Приехали ко мне Фуад и Мегмет-Али Паша[58]. Скоро потом, несмотря на дождь, съехали на берег с жинкой. Султан нас дожидается внизу лестницы в новом киоске. Глупая аудиенция, сидя на разных краях комнаты. Весь день оставались на фрегате ради дурной погоды. Получили фельдъегеря с письмами. Нас сильно торопят домой[59].

26 мая. В 4 часа снялись с якоря и перешли по Босфору в Эмергьян. Чудная погода и виды, но холодно. В 9 часов прогулка пешком по берегу до Еникьей. Там в кофейне встреча с двумя черногорцами. Воротились на канке. В 11 часов с жинкой

---

* мозаика.
** коса *(фр.)*.

во дворец Эмергьян, для нас приготовленный. Объявлено, что Султан у нас будет. Ужасно долго его дожидались. Наконец приехал. На фрегате люди по реям и салют. Я его встретил у пристани, жинка наверху. Довольно оживленный разговор с Султаном. Проводы, как прием. В 5 с жинкой в каике прогулка в Терапию, где выходили в сад Султанского киоска, и в Буюк-дере, где выходили в наш дом. Сильный дождь очень мешает. Вечером обед с некоторыми турками.

27 мая. Огромные приемы все утро разных турок и всего дипломатического корпуса. После того с жинкой в канке в город. Опять дождь. Осматривали Св. Софию я Сераль. И то и другое возобновлено и отлично. Воротились в каиках.

28 мая. Утром опять прием. Жинка принимала дипломатических дам. Потом Фуад-Паша принес мне бриллиантовый Меджидийе *, а жинке великолепный браслет с изумрудами и надписью [...] **. Тогда я отправился к Султану в Долма Багчэ благодарить его. Он опять меня встретил внизу лестницы. Пустой с ним разговор. В политику не вдается. Верхом в наш Русский Дворец в Пере. Долго ждал жинку. С ней через мост в Базар. Много смотрели, ничего не купили, и приказали привезти к нам на выбор. Видели еще две мечети Османийе и Султан-Валиде. Воротились в канке, обедали одни.

29 мая. Утром дождь, сидели дома и выбирали из базарных вещей подарки домой. Писал письмо Саше[60]. В 3 ездили в Гьёк Су. Смотрели прелестный киоск Султана. На прогулке мало народа. Немного подымались на канке по речке. Потом домой. Обедали одни. Вечером Султан прислал свою музыку.

30 мая. Утром чудная погода, первый хороший теплый день. Ездили с жинкой на каике в город, под оба моста, мимо Терсане в Фенер, оттуда в Патриархию. После службы в Церкви, к Патриарху. У него в комнате только Султанская Тугра ***. Вообще этот Патриарх мне очень не нравится. От него к нашему старому приятелю Патриарху Иерусалимскому. В его Церкви нас встречает Патриарх Антиохийский. Потом у него на квартире и в женской школе. Очень мило. Когда ехали назад на каике в Эмергьян, солнце ужасно парило, и собирались грозовые тучи. Жинка простужена и ужасно кашляет. Покуда она одевалась, сильный дождь. Поехали в каиках к обеду [к] Султану. В это время дождя не было. Султан встретил на лестнице внизу. После приема дипломатов он повел жинку к обеду в Гарем с Николой, а мы обедали в большой зале, которая великолепна. Подле меня сидели Мегмет-Али-Паша и Bullwer[61]. Во время и после обеда страшная гроза. Один удар очень близко. Долго собирались назад. Воротились в канке без дождя. Жинка интересно рассказывала про Гарем.

31 мая. Почти что весь день дождь. Обедня и длинная служба с коленопреклонением ради Троицы на «Громобое». Много греков и славян тут было. Перед обедом катались с жинкой в каике и смотрели киоск в Хункьяр-Искелеси, который очень не хорош. Вечером у нас большой обед.

Июнь

1 июня. В $1/2$ 1-го в киоске Гьек-Су, завтрак с Султаном. Это огромное происшествие, потому что он еще никогда ни с кем не ел. Был довольно разговорчив. Весь день списывал ноты для жинки. Вечером в Султанский Театр. Чудное здание. Мы с ним одни в ложе. Он много разговаривал и смеялся. Наверху за решетками Гарем. После театра жинка с дамами прощалась. Еще в Театре сидели брат Султана Абдул-Азиз и Султанские сыновья. Султан много говорил про женитьбу.

2 июня. В 12 на «Пруте» в Бешик-Таш прощаться с Султаном. Он особенно любезен. Представлял нам своего брата Volte-face **** Фуад-Паши. Признание Кузы[62]. Что он говорил про намерение вести политику. Воротившись, прощались с «Громобоем». Жинка много плакала. На компанейский огромный пароход «Владимир». Прощание

---

* Орден времен султана Абдул-Меджида.
** Подарок на память *(перс.)*.
*** Султанская Тугра (Тогра) — подпись (шифр) турецкого султана с изображением его титула и титула его отца, слова при этом сливались в особом каллиграфическом стиле.
**** Полная противоположность *(фр)*.

со всеми. Султан прислал табаку и пару удивительных янтарей. После обеда отправились. Простились с Босфором и вышли в Черное море.

3 июня. Шли весь день Черным морем. Погода чудесная, море тихо и спокойно. Вечером увидали маяк Фидониси и взяли курс на Кинбурн.

4 июня. Утром, подходя к Кинбурну, встретили Бутакова[63], вышедшего к нам навстречу на «Тамани». Благополучно прошли лиманом и Бугом и в Спаске съехали на берег. Там Строганов[64] и Безак, и бездна народу. Поехали с жинкой в Собор. Обедали на «Владимире» на мели. Ходили по бульвару. Огромная толпа.

5 июня. Утром работал с Бутаковым, а весь день таскался и смотрел. Адмиралтейство, мастерские, «Абин», «Турок», «Тигр», «Воин», «Пицунда», «Туапсе», госпиталь — с жинкой Гардемаринскую роту и Штурманское Училище. После обеда походили немного в Спаске.

6 июня. Простившись со всеми Николаевцами, в 10 утра отправились в путь с жинкой в моем дормезе с тем, чтоб ехать днем и ночью. Никола поедет завтра с тем, чтоб ночевать каждую ночь. Обедали в Бобринце. Пили чай в Елисаветграде. Там долгая остановка от неисправности экипажей свиты. У меня жестоко разболелся геморрой.

7 июня. Утром кофе в Кременчуге, обед в Полтаве, вечерний чай в Феодоровке.

8 июня. Утром кофе в Харькове, обед в Белгороде, вечерний чай в Обояни.

9 июня. Утром кофе в Кромах, обед в Черни, вечерний чай в Сергиевске.

10 июня. Утром кофе в Серпухове. Тут городничим наш бедный безногий Повалишин[65]. В 5 часов приехали благополучно в матушку Белокаменную. Сперва прямо к Иверской, потом к Св. Алексею в Чудове. Странная встреча Строганова[65]. После обеда во весь вечер читал газеты. Подробности про Ponte Magenta и взятие Милана[67].

11 июня. Утром дома. В 12 часов по Соборам. Удивительное впечатление наших Московских Святынь, к которым всегда прикладываюсь с такой верою и любовью, особенно теперь после Иерусалима. По красному крыльцу поднялись во Дворец. Весь его обошел, и Терема, и Церкви, и новые залы. Прелесть. У жинки сильный геморроидальный припадок. Она легла до вечера, приняв касторового масла. Я сделал визит Строганову, и был в магазине у Волкова. Обедали у нас некоторые здешние. К 6 часам на железную дорогу, простившись сперва с Св. Алексием и с Иверской. В 6 отправились по чугунке. В Твери пили чай и ужинали.

12 июня. К 8 часам были уже в Колпине. Пили кофе и обедали. Тут были мои морские старшие. Отправились в Царское. Свидание с Сашей и Мариею. Посидели и потолковали с час времени. Потом в Петергоф. Свидание с дорогой Матушкой и с нашими милыми детьми. Оля и Вера выбежали навстречу с ужасной радостию. Выросли и помилели. Костюха спал. У него еще видна ветреная оспа, у Оли уже совсем прошло. Посидели и потолковали и позавтракали. Воротились с детьми в нашу милую Стрельну[68]. После обеда с жинкой походили по ...*. Потом жинка поехала в Красное Село к Ольге, у которой тоже ветр. оспа. Я остался дома, работал и говорил много с Грейгом[69]. Путешествие Слава Богу благополучно окончилось. Какое блаженство быть опять дома.

---

* Слово не разобрано.

(Продолжение следует)

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В письме от 20 декабря 1858 г. Александр II одобряет поведение К. Н. на переговорах с Наполеоном III, Виктором-Эммануилом и Кавуром. «План и желания его,— писал царь о Наполеоне III,— я хорошо понимаю, но привести их в действие, без общей войны, невозможно, и потому дай Бог, чтобы он их отложил до более удобного времени». Касаясь также положения на Дальнем Востоке, царь писал о решении направить весной 1859 г. специальную комиссию для установления границ с Китаем и о необходимости дипломатическим путем решить вопрос о Сахалине в интересах России. В письме сообщается также о ходе подготовки крестьянской реформы, реорганизации цензуры, рассмотрении проектов по финансовой части (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 99—101об.).

[2] К. Н. покровительствовал деятельности графа Н. Н. Муравьева по организации управления, налаживанию хозяйства и заселению Амурского края. В свою очередь, Муравьев, видя поддержку К. Н., сожалел о его отъезде за границу, тем более что отношения графа с Александром II были не безоблачны. Так, 16(28) ноября 1858 г. царь писал К. Н. о Муравьеве: «Жаль, что при всех его достоинствах, которые никто более меня не умеет ценить, он постоянно стремится к достижению такой власти, которая сделала бы его независимым от центральных управлений, что я никак допустить не могу» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1. д. 681, л. 97об.). В дневнике же речь идет о задуманной К. Н. поездке в Амурский край (которая не состоялась). 25 февраля (9 марта) 1859 г. он писал Муравьеву-Амурскому: «Ваше намерение относительно устройства приобретенного Вами края совершенно сходно с моими убеждениями... Сколько смогу буду всеми силами помогать Вам... душевно желал бы обнять Вас на берегах Амура в 1860 году». Сам Муравьев отмечал, что желание К. Н. приехать в Амурский край обрадовало и ободрило его (см. Барсуков И. Граф Николай Николаевич Муравьев-Амурский. М. 1891, с. 551, 554).

[3] К. Н., являясь главноуправляющим Морского министерства, поставил перед собой задачу «полного органического преобразования всего управления». Находясь в Палермо, он подготовил свои замечания на проект «Образования Морского министерства и Портового управления», которые отправил управляющему министерством Н. Ф. Метлину 12(24) января 1859 г. (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 174, лл. 108—115об.).

[4] Горковенко Алексей Степанович (ум. 1876) — капитан I ранга, адъютант К. Н. В 1858—1859 гг. участвовал в плавании на «Ретвизане» и «Громобое» по Средиземному морю. В 1874 г. произведен в вице-адмиралы; Великий князь Николай Константинович (1850—1918), старший сын К. Н. В прим. 9 на с. 125 в № 5 журнала неточно указано, что он стал историком

[5] Чичерина — гофмейстерина, жена состоявшего в свите К. Н. управляющего гофмейстерской частью К. П. Чичерина.

[6] К. Н. писал Александру II: «Суда наши после некоторых неважных исправлений принялись теперь серьезно и фундаментально за учения, которые положат основу настоящей морской службы, так что я надеюсь, что мы ни перед какими иностранцами лицом в грязь не ударим... Январь месяц эскадра будет учиться, а я буду работать» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 196—196об.).

[7] Правительства Австрии и России относились друг к другу с недоверием. Политика Австрии в Крымской войне — подписание протокола «четырех гарантий», посылка царю «австрийского ультиматума» и, наконец, итоги войны, подведенные на Парижском конгрессе,— по выражению австрийского государственного деятеля Ф. Ф. фон Бейста (1809—1886 гг., канцлера в 1861—1871 гг.) — нанесла России «глубокое оскорбление» (см. История XIX в. Т. 5. М. 1938, с. 143). В назревавшем итало-франко-австрийском конфликте Россия собиралась занять позицию доброжелательного по отношению к противникам Австрии нейтралитета. Характерно, что К. Н. просил А. М. Горчакова прислать ему в Италию выписки из дипломатической переписки о заключенной в 1780 г. конвенции о морском нейтралитете (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 863, л. 58).

[8] Опера Джоаккино Россини «Севильский цирюльник» (1816).

[9] Итало-франко-австрийская война действительно началась в апреле 1859 года. 1 января 1859 г. на новогоднем приеме дипломатического корпуса в Тюильрийском дворце Наполеон III сказал австрийскому посланнику: «Сожалею, что наши отношения с Вашим правительством стали менее дружественными, чем прежде». Австрия отреагировала на эти слова, отправив несколько армейских корпусов в Ломбардо-Венецианское королевство.

[10] Таубе Василий Федорович (1817—1880) — капитан I ранга, командир винтового корвета «Ретвизан», в 1858—1859 гг. совершавшего плавание по Средиземному морю. В 1863 г. произведен в контр-адмиралы.

[11] Брошюра французского публициста Луи Ла-Геронньера «Наполеон III и Италия» вышла анонимно в январе 1859 г. в Париже с ведома Наполеона III. В ней излагалось содержание тайного соглашения между Наполеоном III и Кавуром в Пломбьере 20—21 июля 1858 г. о совместных действиях в целях изгнания австрийцев из Италии и территориальных приобретений.

[12] Великая княгиня Вера Константиновна (р. 1854) — дочь К. Н., с 1874 г. супруга герцога Евгения Вюртембергского.

[13] Мансуров Борис Павлович (1828—1910) — камер-юнкер, чиновник особых поручений Морского министерства. Приехал в Палермо из Иерусалима, где находился по поручению К. Н. для устройства богоугодных заведений и страноприимных домов для русских паломников. После встречи К. Н. направил Мансурова в Петербург, испрашивая разрешения царя совершить поездку в Иерусалим (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 936, л. 180).

[14] Тальферро Франц — российский консул на Мальте.

[15] В их числе было и письмо от Александра II от 1(13) февраля 1859 г., в котором он, в частности, писал: «Вообще все спокойно, хотя умы еще все в большом волнении, как от всех занимающего крестьянского вопроса, так и от необузданности нашей

безрассудной литературы, которой давно пора было наложить узду... Крестьянское дело подвигается, несмотря на жалкое зрелище, представляемое почти всеми губернскими комитетами. В особой комиссии уже рассмотрены некоторые губерн[ские] положения, в [них] есть, хотя, к сожалению, немного, хорошие и практические мысли... Всего более занимает нас финансовый вопрос, без которого, как ныне все убедились, невозможно дела решить». Далее царь сообщает о переговорах с Францией относительно позиции России в предстоящей войне в Италии, в частности о возможности сосредоточения русских войск на австрийской границе. При этом, ссылаясь на проавстрийские настроения в Германии и Пруссии, Александр II опасался, что «каша заварится общая», уповая лишь на то, чтобы России «можно было оставаться сколь возможно долее одними зрителями. Дела в Дунайских княжествах могут заварить новую компликацию, а тут нам нельзя быть одними зрителями, если Турция и Австрия вздумают действовать военною силою. Не дай Бог!» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 103—104об.).

[16] Римский-Корсаков — командир учебного артиллерийского корабля. В 1859 г. он был командирован в Англию и Францию для осмотра учебных артиллерийских кораблей, названия которых упоминаются в дневнике К. Н.

[17] В письме К. Н. излагал свои впечатления от пребывания в Сардинском и Неаполитанском королевстве и на Мальте, сравнивал английские и французские корабли, отмечая, что, осматривая английские корабли, «мы подсмотрели там многое хорошее и дельное». Он поблагодарил царя за предоставленную русской эскадре возможность совершать заграничные и кругосветные плавания, так как тем самым «мы получаем возможность оценить наше собственное состояние; только в этих плаваниях выходят наружу прорухи, которых мы дома никогда бы не увидели, только в этих плаваниях мы в состоянии учиться нашему прекрасному ремеслу и получить к нему страсть; и нам надо много еще учиться и все учиться, потому что мы еще большие дети. Много было у нас неудач, много еще их будет. Но не дай Бог от них унывать или приходить в отчаяние. Только одними неудачами можно добиться хороших и прочных результатов. Петр Великий выучился бить шведов, потому как они сперва его били. Впрочем рядом с неудачами мы видим и утешительные явления. Так, первое плавание первой Русской винтовой эскадры через океан совершилось весьма благополучно, и Кузнецов привел ее на Амур в прекрасном состоянии. В нашей Средиземной эскадре тоже есть хорошие и дурные результаты» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 200—200об.).

[18] К. Н. писал о необходимости «устроить дело» русских паломников в Иерусалиме. Дело в том, что среди русских дипломатов были опасавшиеся, «чтоб из этого не вышло какой-нибудь неприятной путаницы на востоке». Хотя теперь при активном участии Мансурова в Иерусалиме были сняты дома на «довольно долгие сроки, многие места куплены, другие приисканы». К. Н. трижды (в 1845, 1846 и в 1852 гг.) просил разрешить ему поездку на Восток и получал отказ. Тогда «нашей политикой управлял Нессельроде, который боялся как чумы всего того, что касалось востока. Кажется, что теперь времена другие и что мы можем действовать откровенно, не боясь кривых толков Европы. И отчего мое появление там должно возбудить более толков, чем появление других принцев католических и протестантских... Кроме того, внимание Европы в эту минуту гораздо более обращено на Италию, чем на Восток. Из Афин до Палестины всего 4 дня ходу, и я полагаю, что если, находясь так близко от нее, я ее миную, это произведет на всем Востоке гораздо худшее впечатление, показывая со стороны России какую-то холодность и пренебрежение к делам православия» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 203—204об.). К. Н. предлагал также устроить при Иерусалимском консульстве библиотеку русских книг и направить русских ученых для изучения древних рукописей, хранящихся в Иерусалимской патриаршей библиотеке и Крестовом монастыре (там же, ф. 722, оп. 1, д. 551, лл. 11, 14). Посол в Вене В. П. Балабин был недоволен путешествием К. Н. Он писал П. Д. Киселеву в Париж 19 июня 1859 г.: «Путешествие великого князя Константина в Иерусалим и Константинополь, так же как и в Афины, кажется мне совершенно несвоевременным, если не сказать более. Мы изо всех сил тушим огонь на Востоке, но зачем тогда выставлять напоказ великого князя перед христианским населением, которому имя, личность, появление великого князя говорит и должно говорить о независимости. А между тем [тогда как] турки подчиняются нажиму Вены в своей политике по отношению к Дунайским княжествам и угнетают Болгарию и Боснию с небывалыми варварством и тупостью, великий князь — в Константинополе и за этим следуют обмен любезностями, празднества и награды» (АВПР, ф. Посольство в Париже, оп. 524, д. 410, л. 121).

[19] Императрица Мария Александровна (1824—1880) — жена Александра II, урожд. принцесса Гессенская.

[20] Мирбах Роман Андреевич, в 1850—1858 гг. преподавал в Морском корпусе математику. В 1858 г. произведен в капитан-лейтенанты и сопровождал К. Н. в заграничном путешествии. В 1859 г. назначен воспитателем великого князя Николая Константиновича.

[21] Великая княгиня Ольга Константиновна (р. 1851) — дочь К. Н., с 1867 г. замужем за греческим королем Георгом I.

[22] Александр II приказал направить в распоряжение находившегося в Италии

психически больного прусского короля Фридриха-Вильгельма IV корабль. Фридрих-Вильгельм IV (1795—1861) приходился родным братом вдовствующей императрице Александре Федоровне, дядей — К. Н. С 1857 г. в связи с болезнью практически был отстранен от государственной деятельности.

[23] Пиацци Джузеппе (1746—1826) — астроном, математик; директор обсерватории в Палермо.

[24] В письме К. Н. от 21 февраля (3 марта) 1859 г. Александр II сообщал, что приказал П. Д. Киселеву «немедленно подписать трактат... Итак, мы вступили в решительный союз с Францией, подтвержденный письменным актом». Извещая брата о внутренних делах, он писал об учреждении Редакционных комиссий под председательством Я. И. Ростовцева для подготовки законодательства об отмене крепостного права. Вместе с тем Александр выговаривал брату за самовольное изменение маршрута: «Вчера по телегр[афу] из Лондона узнали мы, что ты 2/14 фев[раля] оставил Мальту и отправился в Афины, странно, что ты меня об этом не известил. Желаю, чтобы впредь ты непременно давал мне знать по телегр[афу], где таковой есть, о твоем прибытии или отплытии и куда» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 105—106об.).

[25] Граф Луиджи Бурбон Аквила (1824—1897) — брат короля Обеих Сицилий, начальник флота Неаполитанского королевства.

[26] Леопольд Бурбон, граф Сиракузский (1813—1860) — брат короля Обеих Сицилий Фердинанда II.

[27] Франсиско де Паула Бурбон, граф Трапани — брат короля.

[28] Карлос Луис Мария Фернандо Бурбон, граф Монтемолин (1818—1861) — племянник испанского короля Фердинанда VII, претендент на испанский престол, глава партии «карлистов».

[29] К. Н. приветствовал союз с Францией, однако высказывал опасение, что втягивание России в войну может остановить ее теперешнее «сословное и промышленное» развитие. Он приветствовал также назначение Ростовцева председателем Редакционных комиссий: «Мне кажется, что он находится на истинной и правой дороге, которая нас приведет к благополучному разрешению этого жизненного для России вопроса. Мне все кажется, что он иначе разрешиться не может, как выкупом поземельной собственности при помощи и гарантии правительства» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 205—205об.).

[30] Королева Обеих Сицилий Мария Терезия Изабелла (р. 1816) — урожденная эрцгерцогиня австрийская, с 1837 г. жена Фердинанда II. Неаполитанский двор находился в это время в Казерте.

[31] Мария София Баварская (1841—1925) — жена наследника престола (с 1859 г. короля Франческо II).

[32] Граф Трани, Луиджи Бурбон (1838—1886) — сын короля Обеих Сицилий Фердинанда II.

[33] Казерте, Альфонсо Бурбон (1841—1934).

[34] Фридрих-Вильгельм IV. См. прим. 22.

[35] Фердинанд II Карл, король Обеих Сицилий (1810—1859), правил с 1830 по 1859 г. Умер 22 мая 1859 года.

[36] Кокошкин Николай Александрович — в 1853—1860 гг. посланник в Неаполе (Королевство Обеих Сицилий).

[37] Князь Горчаков Александр Михайлович (1798—1883) — в 1856—1882 гг. министр иностранных дел, с 1867 г. — канцлер. Переписка между К. Н. и Горчаковым за время путешествия см.: ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 863; ф. 828 (А. М. Горчаков), оп. 1, д. 510.

[38] «И какое утешение нам, морякам, — писал он, — что мы всюду, под нашим Андреевским флагом, возим с собою кусочек нашей матушки России. Когда с берега чужого возвращаемся на корабль, это как будто бы мы возвращаемся в Россию. Тут мы находим и свою семью, и свой язык, и свои законы, и свое Богослуженне» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 211—211об.).

[39] Оттон Фридрих-Людовик (1815—1867) — принц Баварский, его жена Амалия, урожд. принцесса Ольденбургская Мария Фредерика (1818—1875). В 1832—1862 гг. — греческий король Оттон I.

[40] О необходимости усилить позиции православной церкви на Востоке К. Н. писал и 25 февраля (9 марта) 1859 г. (см. прим. 18). Александр II и Мария Александровна взяли «иерусалимское дело» под свое покровительство. В 1858 г. в Иерусалиме появился первый российский консул, была основана первая российская миссия, ее настоятелем стал епископ Порфирий (Успенский).

[41] 19(31) марта 1859 г. Александр II писал брату: «Желаю, чтобы воротился сюда к открытию памятника папá, т. е. к 25-му июня» (день рождения Николая I) и далее о Санни: «Нахожу приличным, чтобы и она сюда воротилась к тому же времени» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, л. 109).

[42] 23 апреля Австрия направила Сардинии ультиматум с требованием безотлагательно приступить к разоружению под угрозой немедленного открытия военных действий. По истечении трехдневного срока Сардиния ответила отказом. Война стала неизбежной. Франция заявила о поддержке союзника. Запись в дневнике сделана по старому русскому календарю.

[43] Великий князь Николай Михайлович (1859—1919) — сын великого князя Михаила Николаевича, военный деятель и историк, председатель Русского исторического общества. Как историк занимался исследованием эпохи Александра I; его публикации источников и сейчас представляют научный интерес.

[44] В сражении 28 (или 27) сентября 480 г. до н. э. у о. Саламин в Эгейском море греческий флот разбил персидский.

[45] К. Н. сообщал царю о тревожном положении в Греции в связи с начавшейся войной в Италии, выражал опасение возможной вспышки недовольства среди христианского населения Турции. Между тем «минута для решения восточного вопроса еще не пришла». Во время переговоров в Афинах речь шла и о необходимости «православного наследника» для Греции в случае смерти бездетного короля. К. Н. писал о дружественном приеме в Греции не только со стороны королевской семьи, но и со стороны народа, о «процессе возрождения этого молодого и энергического народа» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 213—216об.).

[46] Озеров Александр Петрович — камергер, в 1857—1861 гг. посланник в Афинах.

[47] Во время переговоров с патриархом Кириллом К. Н. добивался, чтобы он оказывал поддержку российскому консульству или по крайней мере явно не противодействовал ему (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, л. 218).

[48] Дорогобужинов Владимир Ипполитович, в 1859 г. исполняющий дела консула в Иерусалиме.

[49] Кувуклия — сень над местом погребения и воскресения Христа.

[50] Мухин Николай Екимович — российский консул в Бейруте.

[51] 13 мая 1859 г. из Бейрута К. Н. писал Александру II о своих переживаниях, связанных с посещением Иерусалима. «Наше дело устройства русского поклонничества пойдет, надеюсь, на лад,— говорится далее в письме.— Купленные земли прекрасно выбраны, утверждены за нами фирманами, и, надеюсь, что Иерусалимский паша нам будет помогать. Станиславская лента, которую я вручил ему твоим именем, тоже этому поможет» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 217—218). К. Н. поддерживал развитие паломничества в Палестину. Для составления задуманного им путеводителя в Палестину был послан Мансуров, который по возвращении в ноябре 1857 г. подал записку, суть которой сводилась к тому, что прежде чем составлять путеводители, следует устроить для паломников странноприимные дома, больницы, церкви, иметь там врачей, сестер милосердия. Нессельроде и отчасти Горчаков не разделяли подобных планов; К. Н. встретил сопротивление и в Синоде, но Александр II поддержал его и учредил Иерусалимский комитет, который должен был следить за развитием всего дела; в дополнение к добровольным пожертвованиям он дал на строительство в Иерусалиме 500 тыс. рублей (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 936, лл. 32об.—36, 190—191об.).

[52] Письмо Александра II от 22 апреля (4 мая) 1859 г. посвящено в основном внешнеполитическим вопросам, отношению к начавшейся войне: «Насчет вашего возвращения, через Францию, при теперешних политических обстоятельствах и при возгоревшейся уже войне в Италии, нахожу его неудобным, тем более что Наполеон, как кажется, сам желает принять командование над войсками, следовательно, вы его в Париже уже не застанете. По всему этому желаю, чтобы вы из Яффы шли на «Рюрике» прямо в Константинополь и оттуда в Одессу и сухим путем уже сюда». О своей позиции Александр II писал, что старается «локализировать войну», однако «вся 1-ая Армия и 14 и 15 дивизии приводятся в военное положение, не с тем, чтобы принимать участие в военных действиях, но как демонстрация против Австрии» (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 111—112).

[53] Разгромив турок в Чесменском сражении (5—7 июля 1770 г.), русский флот установил свое господство в Архипелаге и получил возможность блокировать Дарданеллы.

[54] В сражении у Монтебелло 20 мая 1859 г. австрийцы потерпели поражение от франко-сардинской армии.

[55] Граф Буоль-Шауэнштейн Карл-Фердинанд (1796—1865) — австрийский государственный деятель, в 1859 г. ушел с поста канцлера. Был посланником в Петербурге в 1848—1850 гг., позже в Лондоне.

[56] Константин Мономах — византийский император с 1042 по 1055 год.

[57] Султан Турции Абдул-Меджид (1823—1861).

[58] Мегмед Фуад-паша (1814—1869) и Мегмед-Эмин Али-паша (1815—1871) — турецкие государственные деятели.

[59] В письме от 17(29) мая 1859 г. царь, ввиду возможной войны на Востоке, которая могла повлечь за собой войну с Англией, сообщал К. Н. о необходимых в этом случае мерах, например, «по Черному морю», по морской части (ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 681, лл. 113—114).

[60] В письме говорилось о приеме в Константинополе, на который султан израсходовал около двух миллионов рублей. «Все это вещи до сих пор никогда не виданные, которые выходят совершенно из общепринятого порядка и из обычаев. И делается это лично султаном, вопреки желанию его министров, чтоб публично доказать, как высоко он ценит дружбу Русского государя и как рад показать это, принимая его брата. Что касается до министров, то они должны волею или неволею этому повиноваться, но это им очень неприятно, особенно нашему старому приятелю Фуад-Паше. Из них составляет одно резкое исключение Риза-Паша, который явно придерживается русской стороны» (ЦГАОР СССР, ф. 678, оп. 1, д. 771, лл. 219—219об.). Посещение Константинополя свидетельствовало о восстановлении отношений и сближении России с Турцией после Крымской войны. Головнин писал, что возвращение К. Н. через Турцию было вызвано вовсе не стремлением царя искать сближения с этой страной, а желанием, чтобы он возвращался с Востока, минуя Европу, где начались военные действия (там же ф. 722, оп. 1, д. 936, лл. 194—194об.).

[61] Возможно, имеется в виду Бульвер Генри Уильям, лорд Литтон, английский писатель и дипломат (1801—1872) — посланник в Мадриде, Вашингтоне, Флоренции, посол в Константинополе в 1858—1865 годах.

[62] Куза (Александр-Иоанн I) (1820—1873) — князь соединенных княжеств Молдавии и Валахии. В январе 1859 г. был избран князем Молдавии, затем Валахии; утверждение султаном последовало только в 1861 г., и Куза объявил себя князем объединенной Румынии. Куза выступал за проведение реформ и освобождение крестьян. В 1866 г. в результате военного заговора был свергнут.

[63] Бутаков Григорий Иванович (1820—1882) — контр-адмирал, состоял в свите К. Н., заведующий морской частью в Николаеве и военный губернатор Николаева и Севастополя. В 1860 г. переведен в Балтийский флот, командовал практической эскадрой винтовых судов в Балтийском море, был командирован в Англию и Францию для сбора сведений по морской части. В 1861 г. назначен начальником практической эскадры винтовых лодок в Балтийском море.

[64] Возможно, Строганов Александр Григорьевич — граф, генерал-адъютант, генерал от артиллерии, Новороссийский и Бессарабский генерал-губернатор, член Государственного совета.

[65] Повалишин Николай Федорович — лейтенант флота, городничий в Серпухове.

[66] Возможно, граф Строганов Сергей Григорьевич — генерал от кавалерии, генерал-адъютант, член Государственного совета, член Московского благотворительного общества, член комиссии по постройке в Москве храма во имя Христа Спасителя, член Московского отделения Главного совета женских учебных заведений.

[67] 4 июня 1859 г. сражение при Мадженте, 8 июня — въезд Наполеона III и Виктора-Эммануила в Милан.

[68] Стрельнинский дворец — летняя резиденция К. Н.

[69] Грейг Самуил Алексеевич (1827—1887) — гвардии полковник, в 1859—1860 гг.— адъютант К. Н.; впоследствии — вице-директор комиссариатского департамента Морского министерства.

ЛЮДИ, СОБЫТИЯ, ФАКТЫ

ВАЦЛАВ МИЛЛЕР

И. Ф. Панфилов

Совет труда и обороны осенью 1927 г. назначил особоуполномоченным в нефтяную Оху на Сахалине В. А. Миллера, а в августе 1928 г. он был утвержден управляющим гострестом «Сахалиннефть»[1]. Ему поручалась организация комплекса нефтяных сопутствующих работ, которые на острове раньше не проводились. Кроме того, там действовала советско-японская нефтяная концессия, единственная компания такого рода в СССР. Поэтому Миллер должен был уметь поддерживать деловые отношения с японской стороной, быть дипломатом, отстаивать интересы своей страны и самостоятельно принимать решения. По всем своим качествам (а это была личность примечательная) и жизненному опыту Миллер соответствовал новому назначению и отнесся к нему с энтузиазмом. Огромная по масштабам работа захватила его.

Кем же был организатор советской нефтяной промышленности на Сахалине?[2] Вацлав Александрович родился 13 сентября 1887 г. в Королевстве Польском, в семье железнодорожника. Участник патриотических молодежных кружков с 1903 г., он начал революционную деятельность с распространения прокламаций и нелегальной литературы, был связным в Лодзинской и Ченстоховской организациях Социал-демократии Королевства Польского и Литвы (СДКПиЛ), по окончании реального училища в 1905 г. вступил в ряды Лодзинского отделения СДКПиЛ[3]. В 1905—1907 гг. по партийной работе непосредственно был связан с Ф. Э. Дзержинским. Осенью 1906 г. власти ответили на очередной рост революционных настроений в Королевстве Польском массовыми репрессиями. Были арестованы Дзержинский и многие другие, в том числе Миллер. Их бросили в тюрьму при Варшавской ратуше. Затем Вацлава Александровича перевели в Варшавскую цитадель, отличавшуюся особо строгим режимом[4]. Совершив побег, он перебирается в 1907 г. в Швейцарию, где начинает занятия на физико-математическом факультете Женевского университета и учится там по 1909 г.; там же вступает в местную секцию СДКПиЛ. В Швейцарии он постоянно общался с большевиками, позднее встретился и с В. И. Лениным[5].

Весной 1917 г., вернувшись в Россию, Миллер вошел от СДКПиЛ в состав Петросовета, часто выступал на уличных митингах и в Таврическом дворце, отстаивая большевистский курс. Когда с 20 октября Военно-революционный комитет (ВРК) столицы приступил к назначению своих комиссаров во все крупные части Петроградского военного гарнизона, на большие предприятия, вокзалы и в другие важные пункты города и его окрестностей, среди первых комиссаров оказалось немало поляков, в их числе и Миллер. Вацлав Александрович был назначен в артиллерийский отдел ВРК заместителем командующего артиллерией Красной гвардии[6]. После того как за саботаж революционных постановлений были арестованы комендант Петропавловской крепости полковник Васильев и комендант находившегося в ней Кронверкского арсенала штабс-капитан Филиппов, 23 октября комендантом крепости стал Миллер. Вскоре он занял должность комиссара Петропавловской крепости.

В течение двух суток, с вечера 23 октября, Миллер производил выдачу оружия из арсенала рабочим, а также солдатам, разоруженным Временным правительством после июльских событий 1917 года. Вечером 24 октября Ленин установил личный контакт с Петропавловской крепостью[7]. К оперативной связи Смольного с нею был привлечен и Миллер. Кроме того, Миллер вместе с артиллеристами морского артиллерийского полигона[8] готовил орудия крепости к обстрелу Зимнего дворца, а во время попытки контрреволюционного мятежа юнкеров в столице отвечал за артиллерийское обеспечение отрядов моряков. Потом он был направлен под Гатчину, где командовал отрядами Красной гвардии[9].

II Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, участником которого являлся и Вацлав Александрович, образовал Народный комиссариат по делам национальностей, при нем создается Комиссариат по польским делам, которому была поручена опека над тысячами польских беженцев из районов военных действий, а также пленных и солдат. Всего их насчитывалось в Советской России около двух миллионов[10]. Миллер стал членом коллегии Наркомнаца и заместителем комиссара по польским делам. В этом наркомате он работал до апреля 1920 г. и в то же время был редактором газеты «Trybuna» — органа польских социал-демократических групп в России, а также заведующим Отделом печати и информации Наркомнаца. В 1918 г. Миллер окончил Первые советские военные курсы и вскоре был назначен по совместительству редактором газеты «Жизнь национальностей».

В 1920 г. Миллер был направлен на Западный фронт, где редактировал в Минске ежедневную боевую газету «Sztandar Komunizmu». В качестве эксперта он участвовал в мирных переговорах с Польшей, которые проходили в сентябре 1920 г. в Риге, показав себя эрудированным дипломатом, а в сентябре 1922 г. был назначен на должность первого секретаря представительства РСФСР в Чехословакии.

23 апреля 1923 г. ЦК РКП(б) отозвал Миллера из Чехословакии для работы на нефтяных предприятиях Грозного, где он приобрел первый опыт деятельности в этой отрасли промышленности, сначала в качестве заведующего Отделом агитации и пропаганды окружкома партии, а затем и заместителя председателя треста «Грознефть». Там он познакомился с помощником директора нефтеперегонных заводов, своим будущим заместителем по тресту «Сахалиннефть» М. П. Богдановичем, старым большевиком, активным участником трех революций. В 1927 г. Миллера и Богдановича вызвали в Москву. Их приняли председатель ВСНХ СССР В. В. Куйбышев, член Президиума ВСНХ В. И. Межлаук и председатель Совета нефтяной промышленности СССР И. М. Губкин.

О чем же шла речь на этой встрече? На Северном Сахалине в небольшом таежном поселке «Керосиновое озеро» (в будущем г. Оха), на площади советско-японской концессии завершались работы к поисковому бурению на нефть. Этим занимались уже третий летний сезон геологи под руководством Н. А. Худякова, героя гражданской войны. Для возводимого на левом берегу Амура промышленно-оборонного форпоста (теперь г. Комсомольск) нужна была нефть. Ее-то и должен был дать Сахалин.

ПАНФИЛОВ Иван Федорович — сотрудник треста «Сахалингеофизразведка» (г. Оха).

[1] Ленинградский государственный исторический архив, ф. 381, оп. 1, д. 602, л. 1084; Центральный государственный архив РСФСР Дальнего Востока, ф. Р-4293, оп. 2, д. 2, л. 2.

[2] При подготовке данной работы использованы сведения, полученные автором в ответ на его запросы из ЦПА ИМЛ при ЦК КПСС, Историко-дипломатического управления МИД СССР, Партийного архива Красноярского края, Геологического института АН СССР.

[3] Стасова Е. Д. Накануне Октября. В сб.: Великая Октябрьская социалистическая революция. М. 1957, с. 64.

[4] О Феликсе Эдмундовиче Дзержинском. Воспоминания, статьи, очерки современников. М. 1977, с. 10.

[5] Миллер В. А. Председатель Совнаркома.— Новый мир, 1958, № 11.

[6] Герои Октября: 1917. Т. 2. Л. 1967, с. 730.

[7] Петроградские большевики в Октябрьской революции. Л. 1957, с. 422, 435, 440.

[8] Герои Октября. Т. 2, с. 776.

[9] Петроградский военно-революционный комитет. Т. 2. М. 1966, с. 40.

[10] Герои Октября. Т. 2, с. 43; см. также: Манусевич А. Я. Польские интернационалисты в борьбе за победу Советской власти в России, март — октябрь 1917 г. М. 1965, с. 47—48.

Перед первыми руководителями «Сахалиннефти» встал вопрос огромной государственной значимости. Предстояло решить сложнейшие хозяйственные проблемы. В Москве было решено, что к моменту ледостава на Амуре всем работникам «Сахалиннефти» нужно отправиться к месту назначения. В состав группы входили Миллер, Богданович, Худяков, буровой мастер В. М. Никифоров из Баку, десятник вышкостроения Е. И. Дувалов из Грозного и другие.

В конце 1927 г. вся группа двинулась из Хабаровска на лошадях по застывшему Амуру. Снежный покров был в человеческий рост. Стояли 40-градусные морозы, мела пурга. И в Николаевск экспедиция прибыла лишь на 32-й день. Там рассчитывали пополнить запасы продовольствия, но продуктов в городе не было. На личные деньги купили три ящика гвоздей. Ведь в Охе не было пока ничего, кроме леса и воды, надо было туда везти муку, соль, спички, пилы, лопаты, топоры и т. д. От этого зависели жизнь и работа нового коллектива.

Начало первой пятилетки сахалинские нефтяники ознаменовали крупными успехами. К осени 1928 г. на Охе были построены четыре буровые вышки, на одной из которых 5 октября состоялся митинг. Миллер призвал всех первопроходцев дать Родине как можно быстрее сахалинскую нефть. Бурение велось канатным способом, кочегарку топили дровами, воду доставляли в бочках на конных волокушах из маловодной Охинки. На морозе стыли лица, слезились от колючего ветра глаза, слезала с рук кожа при соприкосновении с металлом, рвались обледеневшие стальные тросы. Но люди не отступали. 6 ноября 1928 г. из скважины пошла первая на Сахалине советская нефть промышленного значения. Так охинские нефтяники встретили 11-ю годовщину Великого Октября.

С того времени начался отсчет будущих миллионов тонн островного «черного золота». Вскоре государство получило миллионы валютных рублей от продажи этой нефти. Первостроитель Охи А. У. Даильченко вспоминал: «В нашу жизнь и работу, в наше молодое сознание вошли люди, которые много дали нам, молодым рабочим. Особенно запечатлелись Н. А. Худяков, В. А. Миллер, М. П. Богданович... Помню, как о них на одном из собраний под аплодисменты всего зала громогласно заявили рабочие: больше бы нам таких руководителей, не боящихся даже самой черновой работы — тогда все вверх дном перевернем, и Оха будет социалистической!» [11].

В 1930 г. Миллера отзывают в Москву на должность заместителя директора Главного управления нефтяной промышленности СССР [12] в отдел по Дальневосточному краю, начальником же треста «Сахалиннефть» был назначен Богданович. К тому времени на Камчатке уже несколько лет искали нефть хабаровские геологи Дальневосточного отделения Главного геологоразведочного управления (непосредственно подчинявшегося ВСНХ СССР), но с малым результатом, так как там не было опытных специалистов по бурению. В Главнефти было принято решение направить на Камчатку экспедицию специалистов Ленинградского нефтяного института и Дальневосточного отделения, знакомых с районом исследований. По рекомендации Миллера начальником экспедиции становится Худяков. В январе 1932 г. Богдановича отозвали в Москву, назначив заместителем директора треста «Нефтезаводское строительство». В столице вновь встретились Миллер, Худяков, Богданович и работавший в Геологическом исследовательском нефтяном институте А. И. Косыгин.

В феврале 1934 г. Миллера направили уполномоченным Народного комиссариата тяжелой промышленности по делам нефти на Дальнем Востоке с местонахождением в Хабаровске [13]. Он немедленно приступил вместе с работниками Далькрайплана и Сахалинской области к наращиванию геологоразведочных и буровых работ, чтобы заложить фундамент для прироста запасов нефти. В то же время в поле его зрения постоянно находились ускоренная ее добыча, транспортировка и хранение. Миллер выезжал в Комсомольск, Николаевск, Александровск и на Эхаби (еще в 1926 г. Косыгин составил первую достоверную структурную карту нефтеносности этой площади). В октябре 1936 г. в Эхаби фонтаном ударила легкая нефть. Было положено начало разработке наиболее богатого островного ее месторождения.

[11] Сахалинский нефтяник, 18.XI.1969.
[12] Księga polaków — uczestnikow rewolucji Październikowej. 1917—1920. Warszawa. 1967, s. 579—580.
[13] Ibid., s. 580.

Миллер же оказался очевидцем перелома в геологических исследованиях на Сахалине. Миновала пора, когда геологический материал добывался «на конце лопаты»: исследовательские работы велись шурфами, и по падению пластов изучались выходы нефти. С 30-х годов начали развиваться геофизические методы разведки. По рекомендации Миллера и геологов «Сахалиннефти» подобные работы впервые были проведены около залива Старый Набиль: этот район считался наиболее перспективным в нефтеносном отношении, что впоследствии подтвердилось. Добыча нефти на Северном Сахалине неуклонно возрастала. За первую пятилетку она составила 439 тыс. т, за вторую — 1341 тыс. тонн [14]. По нынешним масштабам эти цифры не особенно впечатляют. Но ведь все это тогда было впервые, тем более что дело разворачивалось «на краю света».

А затем произошли трагические события, связанные с массовыми необоснованными репрессиями: 13 января 1937 г. Миллер был отозван «в распоряжение Наркомтяжпрома» и вскоре арестован. 15 августа 1939 г. Вацлава Александровича не стало. На долгие годы имя его оказалось незаслуженно забытым, и лишь в 1955 г. он был реабилитирован [15]. Но начатое им дело развивалось. В Великую Отечественную войну сахалинская нефть сыграла важную роль в обеспечении Красной Армии и народного хозяйства горючим.

[14] Подсчеты автора.
[15] Księga polaków, s. 580.

ВО ВРЕМЕНА ЗБРУЧСКОГО ИДОЛА

И. П. Русанова, Б. А. Тимощук

В 1848 г. в р. Збруч (приток Днестра), по которому в то время проходила граница между Российской и Австро-Венгерской империями, было обнаружено каменное изваяние весом около тонны, получившее название «Збручский идол». С помощью трех пар волов его вытащили из воды и отправили в Краков. Там изваяние и сейчас занимает почетное место в специальном павильоне Археологического музея. Идол представляет собой каменный столб высотой 2,67 м, на четырех гранях которого расположены рельефные изображения, а верх увенчан четырехликой головой, покрытой шапкою. Ему нет аналогий. Интерес к его открытию в научном мире был огромен [1].

Местный любитель древностей М. Потоцкий, первым обративший внимание на находку, предположил, что скульптура изображает языческого бога балтийских славян Святовита, деревянный идол которого (по описанию датского хрониста XII — начала XIII в. Саксона Грамматика) имел четыре головы. Примитивные фигурки с двумя, тремя и четырьмя головами из дерева и рога, реже — камня найдены археологами в разных частях славянского мира: в Польше и Болгарии, на Украине, в Новгороде и др. Согласно данным арабских путешественников и русских летописцев, изображения славянских богов были деревянными, и только в Киеве у деревянной статуи Перуна конца X в. голова была серебряной, а усы — золотыми.

РУСАНОВА Ирина Петровна — доктор исторических наук, Институт археологии АН СССР; **ТИМОЩУК Борис Анисимович** — доктор исторических наук, Институт археологии АН СССР.

[1] Обзор литературы о нем см.: Гуревич Ф. Д. Збручский идол. В кн.: Материалы и исследования по археологии СССР. Т. 6. М. 1941; Leńczyk G. Światowid Zbruczański. In: Materiały archeologiczne. T. V. Kraków. 1964.

Изображения на четырех гранях идола размещены в три яруса. В верхнем видны в полный рост четыре фигуры[2]. На лицевой стороне обелиска находится женское божество с турьим рогом в правой руке (возможно, богиня плодородия Мокошь). На соседней грани — мужская фигура со слегка изогнутой саблей на поясе. Такого рода сабли были распространены в IX—XI веках. Видимо, это Перун, являвшийся богом грозы, молний и грома, а в дальнейшем ставший богом войны, покровителем воинов и князя. Рядом — изображение коня. На тыльной стороне — мужское божество, на одежде которого виден знак Солнца: круг с шестью лучами внутри (предположительно, солнечный Дваждьбог). На четвертой грани — женское божество с кольцом в руке (вероятно, Лада). В среднем ярусе обелиска видны чередующиеся, как бы держащиеся за руки фигуры мужчин и женщин, в в нижнем — три фигуры усатых мужчин.

Все изображения, по мнению исследователей, отражают представления язычников о Вселенной и ее делении на небо — мир богов, Землю с людьми и подземный мир, таинственные обитатели которого держат на себе Землю. В совокупности все изображения, обращенные к четырем сторонам света и объединенные одной шапкой, составляют облик всеобъемлющего и вездесущего бога Вселенной — Рода.

Относительно назначения идола, времени изготовления, этнической принадлежности его создателей и других вопросов существует множество мнений[3]. Главная роль в их обосновании должна принадлежать археологическим материалам из той местности, где он был найден. Однако за истекшие 142 года эта местность не была как следует обследована археологами. Лишь в 1984 г. такую работу начала Прикарпатская экспедиция Института археологии АН СССР, чему предшествовало изучение славянских городищ Украинского Прикарпатья. В результате были определены археологические признаки славянских святилищ и их отличия от городищ других типов (общинных и феодальных центров).

Вся жизнь древних славян была пронизана языческими верованиями, которые сохранялись и после принятия Русью христианства в конце X века. Это нашло отражение в церковных поучениях и позднейших этнографических материалах. Исследования славянских городищ-святилищ показали, что главной их частью являлось капище (небольшая круглая площадка с идолами), окруженное культовыми валами и рвами, не имевшими оборонительного значения. На восточнославянских землях исследовано несколько таких капищ. Самое известное из них — капище Перуна под Новгородом[4]. На вершинах валов вместо деревянных защитных стен, характерных для городищ других типов, устраивались площадки с алтарями, где горел постоянный огонь и возлагались жертвы. Огни разжигали и на плоском дне рвов, ограждавших священное место. Рядом находились длинные дома общественного назначения — контины, в которых собирались верующие для совместных трапез, свадеб, поминальных пиров и исполнения магических обрядов.

Прикарпатская экспедиция, приступив к обследованию места находки Збручского идола — холмистой и покрытой лесом местности, называемой Медоборами (теперь Гусятинский р-н Тернопольской обл.),— открыла уникальный культовый центр, включавший в себя два больших городища-святилища и примыкающие к ним селища: одно из городищ находится на самой высокой в Медоборах горе Богит; второе — Звенигород — пятью километрами выше по течению Збруча, на высоком мысу коренного берега. Оба городища имеют все элементы, характерные для рядовых святилищ, но выделяются грандиозными размерами, сложной системой мощных валов и рвов, развитой структурой из нескольких частей с различными функциями. Здесь, в сравнительно глухой местности, удаленной от крупных городов Киевской Руси, существовал особый языческий мир.

Городище Богит, в 1,5 км от места находки идола (его «похоронили» в реке, и, согласно верованиям, он должен был снова возродиться), имеет на самой возвышенной части капище — овальную площадку 50×70 м, окруженную каменным валом с плоской вершиной, на которой горели огни. Почти в центре ее возвышался круглый пьедестал из камней диаметром 9 м, симметрично обрамленный восемью чашевидными углублениями. В его средней части расположена квадратная яма, стенки которой выложены камнями, а размеры соответствуют основанию идола (в плане все сооружение имеет много общего с капищем Перуна под Новгородом, где также в центре круглого возвышения стоял идол с восемью жертвенными ямами). Скорее всего каменный пьедестал на горе Богит служил основанием Збручского идола. В углублениях вокруг него совершали жертвоприношения: разжигали огни, бросали жертвенное мясо животных и черепки глиняной посуды. Разбрасывание черепков имело ритуальное значение у многих народов и широко применялось при погребениях. В двух углублениях были совершены погребения мужчин в возрасте около 60 лет, возможно, жрецов. еще в двух найдены кости малолетних детей, вероятно, принесенных в жертву. Судя по керамике, захоронения были совершены в XII веке. Рядом с постаментом идола находился жертвенник, обставленный большими каменными глыбами, где жертвоприношения совершались с X до начала XIII века.

Часть городища, соседняя с капищем, была застроена полуземлянками необычного для славян типа: они отапливались открытыми очагами и в них отсутствовали печи. Кроме того, около жилищ не было хозяйственных и производственных построек. В таких условиях могли жить люди, не занимавшиеся непосредственно хозяйственной деятельностью и находившиеся на общественном обеспечении: ими могли быть служители культа — жрецы. Рядом с «домами жрецов» находились две большие контины. Здесь же была устроена нишеобразная печь для выпечки ритуальных хлебов. Большая площадка, примыкавшая к городищу, оставалась незастроенной; вероятно, в торжественных случаях здесь собирались толпы верующих. Существенной частью городища являлся могильник с трупосожжениями, который определял основную функцию святилища, связанную с культом предков. Правы те исследователи, которые видят в Збручском изваянии изображение божеств, посвященных культу предков — Рода и рожаниц.

Святилище Богит возникло одновременно с могильником на рубеже IX—X веков. Более ранних находок на святилище, могильнике и прилегающих селищах не найдено (за исключением древнейших материалов скифского городища V в. до н. э., на месте которого славяне соорудили свое). Тогда же, возможно, был поставлен на пьедестал и Збручский идол. Наиболее поздние находки относятся к первой половине XIII века. Можно утверждать, что это святилище прекратило существование в годы нашествия Батыя. Под угрозой надвигавшегося разгрома язычники спрятали в Збруче изображение своего бога (по сообщениям летописи, в свое время были также брошены в воду идолы Перуна и Велеса в Новгороде и Киеве). Окружавшие Богит селища тоже были покинуты в середине XIII в., жизнь в этих местах больше не возобновлялась.

Второе городище-святилище на Збруче — Звенигород — существовало в то же время. Основная масса найденных там вещей датируется XII — первой половиной XIII в., но это место почиталось славянами с более раннего времени: найдена славянская посуда V—X веков. Структура этого городища также не проста. Прослеживается сложная система верований и языческих обрядов, связанных с земледельческими культами, почитанием сил природы, огня, камней, источников воды, оружия и с магическими действиями, направленными на защиту от враждебных сил. Как и на Богите, в наиболее священной части городища находились капища с идолами. Это площадки, вымощенные камнями. В центре одной выступала скала, на другой сохранилась большая яма, в которой стоял идол. Площадки усыпаны вещами, принесенными в дар богам: обломками стеклянных браслетов (круг — символ Солнца), металлическими замками и ключами (символы сохранности)[5], серебряными височными кольцами и различными острыми предметами — ножами, косами, стрелами (для защиты от злых сил).

На одном капище совершались человеческие жертвоприношения, в том числе детские. Найдены кости более чем 30 расчлененных скелетов, сложенные в ямы и сопровождаемые вещами. Принесение в жертву богам взрослых людей и детей-первенцев

---

[2] О семантике этих изображений см.: Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М. 1981, с. 450—464; его же. Язычество древней Руси. М. 1987, с. 236—251.

[3] См., напр., Łowmiański H. Religia słowian i jej upadek. Warszawa. 1979.

[4] Седов В. В. Древнерусское языческое святилище в Перыни.— Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР (КСИИМК), 1953, вып. 50; его же. Новые данные о языческом святилище Перуна.— КСИИМК, 1954, вып. 53.

[5] Макаров Н. А. Магические обряды при сокрытии клада на Руси.— Советская археология, 1981, № 4.

имело место во многих языческих религиях. О человеческих жертвоприношениях у славян-язычников говорится во многих церковных поучениях и в летописях. Например, под 983 г. в летописи сообщалось о решении старцев и бояр в Киеве: «Бросим жребий на отроков и девиц, на кого падет он, того и зарежем в жертву богам»; в начале княжения Владимира Киевского, когда приносили человеческие жертвы, «осквернилась кровью земля Русская»[6]. Но такие жертвоприношения совершались только у главных языческих богов и до последнего времени не были документированы археологическими исследованиями. В Звенигороде же они зафиксированы во многих местах.

Вокруг капищ, на которых стояли идолы, располагались помещения для жертвоприношений, в которых магические обряды совершались периодически. Интересно помещение, расположенное между капищами,— прямоугольная постройка с углубленным полом. Сначала на полу разжигался огонь и рассыпались обгоревшие хлебные зерна. На них были положены два перекрещивающихся серпа, два человеческих черепа и верхняя часть скелета. С этими жертвами связана ритуальная хлебная печь в глиняной стене помещения и богатые подношения — массивный серебряный браслет, четыре золотых височных кольца с нанизанными на них золотыми бусинами. Остатки жертвоприношений были засыпаны землей, и сверху устроена площадка из камней, на которую положены новые жертвы — череп человека, кости животных, серебряные височные кольца, обломки стеклянных браслетов. На уровне этих жертвоприношений устроена вторая хлебная печь, и снова все засыпано землей и завалено большими камнями для сохранности жертв и защиты живых от вредоносной силы мертвых, с чем связывалась система ритуальных действий. Все обряды, совершенные в этом помещении, указывают на аграрную магию: попытки задобрить богов богатыми жертвами и молениями об урожае.

Подобные помещения открыты во многих местах Звенигорода, и всюду находились хлебные печи, что указывает на распространение культа плодородия. После выпечки хлеба около печей и внутри их оставляли жертвы. Ритуальные хлебы выпекались на городище в большом количестве и использовались на совместных трапезах или подносились богам. Константин Багрянородный в X в. писал, что русы «приносят в жертву живых петухов, кругом втыкают стрелы, а иные кладут куски хлеба, мяса»; Роду и рожаницам приносили хлеб, сыр и мед[7]. И на этом городище, как и на Богите, рядом с капищами были поставлены большие общественные дома. Но в Звенигороде помимо остатков трапез в них обнаружены серебряные височные кольца, зерненые бусы, браслеты, шпоры, меч, медная посуда, деревянные шкатулки с металлическими оковками и др. Это согласуется со сведениями о западнославянских континах, в которых хранилось богатство общины.

Наиболее священная часть Звенигорода, как и в Богите, окружена валами и рвами. На вершинах валов и на дне рвов горели огни, и в некоторых местах на площадках-алтарях были положены вещи. Валы в трех местах прорезаны проходами, к которым вели дороги, выложенные камнями. Дороги начинались у подножия городища и вели от священных источников воды наверх, к капищам. По дорогам проходили торжественные обрядовые процессии, в по пути их следования располагались жертвенные помещения и длинные общественные дома. Религиозные церемонии проходили под наблюдением и при непосредственном участии жрецов. Их жилища были расположены в особой части городища, отделенной от капищ валом. Роль жрецов, по-видимому, не ограничивалась религиозной деятельностью. Дело в том, что Звенигород расположен в центре огромного славянского поселения X—XII вв., жители которого наряду с земледелием занимались и ремеслом. На поселении раскопаны усадьбы, состоящие из обычных для славян этой территории жилых полуземлянок с печами-каменками, хлевов, амбаров, ремесленных мастерских. Но не обнаружено никаких признаков административного центра. Можно предположить, что таким центром являлось само святилище, так что в руках жрецов, обладавших авторитетом и богатством, было сосредоточено местное управление. Их власть распространялась не только на

[6] Повесть временных лет. М.— Л. 1950, с. 254, 256; Аничков Е. Б. Язычество и древняя Русь. СПб. 1914, с. 359.

[7] Известия византийских писателей о Северном Причерноморье. М.— Л. 1934, с. 10—11; Гальковский Н. М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Т. II. СПб. 1916, с. 86.

Богит и Звенигород, но и на население окружающих селищ, которые вместе составляли языческий мирок, обеспечивавший себя всем необходимым.

Крупный культовый центр на Збруче был, вероятно, широко известен в славянских землях. Сюда приходили язычники с территории хорват, волынян, возможно и дреговичей, в том числе жители городов, о чем свидетельствуют находки соответствующих предметов. Святилища на Збруче посещали и представители господствующих классов, приносившие в дар богам серебряные и золотые вещи, например, колты — украшения знатных женщин, мечи и шпоры, принадлежавшие привилегированным лицам. Среди паломников были даже христиане, оставившие на капищах нательные кресты и иконку, возможно и священники, которым принадлежали роскошные кресты-энколпионы и кадило. Исследователи давно обратили внимание на возрождение языческих представлений в XII веке. Позиции язычества значительно укрепились в период феодальной раздробленности и все возраставшей опасности татаро-монгольского нашествия, что привело к своеобразному двоеверию[8].

Центр на Збруче уникален по полноте и сохранности, по разнообразию верований и обрядов, следы которых там прослеживаются. Он не уступает знаменитым святилищам западнославянских земель, о которых сохранились письменные свидетельства (например, Аркона), и во многом с ними схож. Итак, можно утверждать, что Збручский идол был изготовлен из местного известняка не позднее X в. восточнославянскими умельцами, поставлен на грандиозном святилище и служил предметом поклонения до середины XIII века.

[8] Рыбаков Б. А. Спорные мысли, устаревшие методы.— Вопросы литературы, 1967, № 3, с. 160—162; Лихачев Д. С. «Слово о полку Игореве» и его время. Л. 1985, с. 24.

ИСЛАНДЦЫ

Г. И. Анохин

Ирландский монах Дикуил в сочинении «Измерение круга земного», относимом к 825 г., сообщал, что в 795 г. ирландские монахи обнаружили остров, где солнце летом уходит за горизонт всего на несколько часов, а у берегов море не замерзает даже зимой[1]: характеристика, подходящая для Исландии. Ирландские отшельники, возможно, поселились именно тогда на этом острове, ибо последующие поселенцы, скандинавы, называли некоторые урочища топонимами, в основе которых лежит корень papi, заимствованный из гэльского. «отшельник», «монах». Так появились Папей («Остров монаха») у восточного побережья Исландии, Папос («Очаг монаха»), Папфьорд («Залив монаха»). Современные археологи, включая бывшего президента Исландии, а до того директора Национального музея К. Элдъярна, нашли древнейшие ирландские руины лишь на о. Папей[2], исландские же саги раннего средневековья несколько раз упоминают о крестах, колоколах, монашеских посохах и христианских книгах ирландцев.

Общеизвестное открытие Исландии скандинавами описано в одной из важнейших саг «Книга заимки земли» с относительно точно датированной хроникой каждого этапа заселения острова. Около 867—869 гг. остров был открыт независимо друг от друга экипажами двух парусно-весельных кораблей, занесенных на крайний запад Норвежского моря штормами. В 872 г. на поиски тамошних земель отправился уже прославленный к тому времени предводитель морских походов викингов Ингоульвюр Арнарссон из Далсфьорда (Западная Норвегия) со своим сводным братом Лейвюром

АНОХИН Генрих Иосифович — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР.

[1] Dicuili liber De mensura orbis terrae. Brl. 1870, p. 14, cap. VII, 14.

[2] Severin T. The Brendan Voyage. Lnd. 1978, pp. 167—168.

Хроудмарссоном по кличке Хьёрлейф. Вслед за ними в Исландию устремился поток переселенцев.

Мало на земле народов, начало истории которых было бы освещено столь ярким светом, что известны поименно чуть ли не поголовно все «первые люди». В «Книге заимки земли» рассказывается о жизни почти четырехсот семей первых колонистов, которые поставили свои хутора на прибрежных низменностях в устьях исландских рек. Этническое их происхождение не было единым [3]. Из упомянутых там почти семи тысяч лиц примерно 85% — уроженцы Норвегии, более 12% — Британских островов (преимущественно кельтские рабы, захваченные скандинавами в Ирландии), остальные — из Швеции и Дании. В дальнейшем там победил древненорвежский как единственный язык общения, хотя и с элементами заимствования слов из ирландского.

Тогда в Исландии был гораздо более мягкий климат, чем ныне. Вдоль морского берега и устьев рек произрастало пышное субарктическое разнотравье. Прибывающие селились вдали друг от друга хуторами: для разведения коней как мясо-молочного скота и для верховой езды и овец как мясо-молочно-шерстного скота каждому хозяйству требовались большие пастбища. Земледелие имело прихуторской характер: выращивались ячмень и овес на хлеб, кашу и изготовление пива. Наличие лишь редкостойных березовых рощ создавало топливные трудности, исключало постройку своих кораблей (взамен выходящих из строя), для подвоза всегда не хватавшего зерна. Но плавника было много, из него и строили жилища. Жилые дома первопоселенцев не уцелели: сгорели при междоусобных стычках исландских родов.

Каждая прибывавшая большая патриархальная семья образовывала на острове вместе с зависимыми домочадцами и патриархальными рабами хрепп — семейную общину. Неверно утверждение, будто там «частная собственность на землю господствовала» [4]. Собственность хреппов — общинная, а основную массу населения составляли именно свободные общинники. Главы общин — хёвдинги — пользовались влиянием, соответствовавшим экономической и численной значимости хреппов. Последние, связанные отношениями соседства, составляли соседские общины — годорды. Годорд на тинге — общем собрании общины — избирал из хёвдингов жреца — годи. Тот на средства годорда содержал капище и руководил жертвенными пирами и тингом, всякий раз ритуально надевая на руку как знак выборной власти священное кольцо, постоянное место которого было на алтаре.

В 930 г., когда на острове проживало свыше 30 тыс. человек (столько же их осталось к началу XIX в.), в Тингведлире, на поляне среди скал в 40 км к северо-востоку от Рейкьявика, собралось первое всеисландское вече — альтинг, орган народовластия до XIII века. Согласно принятому уже на первом вече закону, альтинг должен был собираться на две недели каждый год в июне. На него обязаны были приезжать все годи и каждый девятый из членов годордов. Годи (на первых альтингах — 39 человек) составляли законодательный и судебный совет — лёгретту, которая избирала на три года лёгсагумадюра, всеисландского «законоговорителя» на альтингах. Были созданы столь обстоятельные законы по защите общества, что понятия «общество» и «закон» в первые века истории Исландии совпадали. Это сочетание прав и обязанностей так охарактеризовал немецкий историк XI в. Адам Бременский: «У них нет другого короля, кроме закона» [5].

Первое столетие народовластия на острове чрезвычайно яркое. То было время сложения саг, расцвета самобытного творчества прозаического повествования, преимущественно исторического содержания. В начале XI в. в Исландии жило около 70 тыс. человек. И все последующее развитие самосознания их и их потомков вплоть до наших дней шло под воздействием саг, записанных в XII — XIII веках. Именно тогда исландцы осознали себя отдельным народом, хотя и говорили все еще на норвежском языке. В 1000 г. альтинг решил принять христианство, но без искоренения языческих обрядов, а также исключив аскетизм и религиозную нетерпимость. В результате

[3] Landnámabók. Islendinga saga. I. Reykjavík. 1953, s. 36—75; Пейрер Г. Любопытные известия, или Сокращенная история об острове Исланде. М. 1789, с. 65—70.
[4] Стеблин-Каменский М. И. Культура Исландии. Л. 1967, с. 24.
[5] Adami Gesta Hammaburgensis ecclesiae pontificum ex recensione Lappenbergii. Hannoverae. 1876, p. 36.

языческая мифология осталась существенным элементом исландской культуры. Годи превратились в священников, избираемых годордом из хёвдингов, но по-прежнему ходили с оружием. Епископов избирал альтинг. Многоженство сохранилось даже среди духовенства, причем развод всегда был свободным для любой стороны. Конина до наших дней бытует как деликатес. Церковь выступила лишь против поединков как средства решения тяжб и обычая бросать на пустыре нежелательных новорожденных [6].

В Исландии на смену родовой знати не пришла феодальная, ибо там не было и феодализма в континентальном его понимании. Имущественное расслоение не стало значительным, экономически выделялись лишь епископства и монастыри. В XI—XII вв. в Исландии действовали два епископства и девять католических монастырей — центров распространения письменности на норвежском языке, ставшем исландским с применением латинского алфавита. Благодаря личному равенству на острове живет доныне общепринятая форма обращения на «ты», обращение же на «вы» там есть признак неприязненных отношений.

В 1264 г. исландцы попали в подчинение Норвегии, а с 1380 г. вместе с последней — Дании. Утрата независимости совпала с нараставшим с XIII в. похолоданием климата и, соответственно, ухудшением хозяйственной ситуации на острове. Из-за неумеренного выпаса был почти истреблен скотом березняк, развилась водно-ветровая эрозия почв, пастбища превращались в тундровые пустыни, начался массовый падеж скота. Резко возросла зависимость островитян от торговли с Норвегией, Данией и Ганзой. В 1402—1404 гг. эпидемия чумы унесла жизни значительной части населения. В XVI в. управление Исландией полностью перешло к датскому правительству. Дания монополизировала всю местную торговлю. Протестантская Реформация 1540 г. насильственно ввела лютеранство, католические монастыри разорились, лишились земель и рукописных богатств. Епископ Й. Арассон, возглавивший вооруженное сопротивление Реформации, был казнен в 1550 г. вместе с единомышленниками. Лютеранство, победившее насилием, продолжало вызывать противодействие исландцев. Одна из его форм — устойчивая симпатия, понимаемая ныне как патриотизм, к стилю горделиво-роскошной архитектуры католических храмов.

Условия жизни исландцев все более ухудшались. В 1579 г. остров опустошили английские пираты, в 1614 г.— испанские, в 1627 г.— мавританские. В 1707 г. от оспы умерла треть от 50 тыс. исландцев. Страшные извержения вулканов в 1727—1728, 1755, 1766, 1783—1784 гг. покрыли пастбища пеплом. Землетрясение 1784 г. унесло жизни еще четверти островитян, свело на нет земледелие и до критического минимума — поголовье скота.

С XVII в. датский язык стал на острове административным. Исландцы противопоставляли данизации своеобразный пуризм: они постоянно переписывали и распространяли свои хроники, особенно пергаменные подлинники саг, которые расхищали коллекционеры, вывозившие их в другие страны. С XVIII в. исландцы повели борьбу за очищение своего языка от датской лексики и вообще иноязычных слов. Это привело к изоляции местного языка, поголовной грамотности населения благодаря чтению копий саг на каждом хуторе и восстановлению родословных всех жителей как стимула роста самосознания. Когда в 1752 г. умер последний прямой потомок первопоселенца Ингоульвюра, это событие стало поводом для резкой вспышки такого самосознания.

Борьба с угнетением увенчалась успехом. В 1854 г. исландцы освободились от торговой монополии Дании, в 1855 г. добились закона о свободе печати на родном языке, в 1859 г.— права публикации законов по-исландски. Когда в Исландии 100 лет назад скотоводство оказалось не способным прокормить островитян, они стали все более переходить к рыболовству. Другого же выбора, кроме эмиграции, у них не было. Так в 1870—1900 гг. в США и Канаду эмигрировало свыше 30 тыс. исландцев, забросивших хутора в наиболее трудных для жизни северных и восточных районах острова. Но первая половина XX в. вновь ознаменовалась борьбой за суверенитет. В 1901 г. исландцы добились установления трехмильной зоны рыболовства вокруг

[6] Fostbraedra saga. Kjøbenhavn. 1852, cap. 6; Eyrbuggja saga. Leipzig. 1864, cap. 54; Kålund Kr. Familielivet på Island.— Aarbøger for Nordisk Oldkyndighed og Historie, Kjøbenhavn, 1870, s. 270—272.

острова; в 1904 г. был упразднен пост датского губернатора, и Исландия получила самоуправление во главе с государственным министром, резиденция его находилась в Рейкьявике, он был ответственным перед альтингом; в 1913 г. исландский флаг признан государственным.

В годы первой мировой войны местные рыбопромышленники и фермеры обогатились на торговле с воюющими странами, окрепла национальная буржуазия, вырос рабочий класс. В 1916 г. возникли Федерация исландских профсоюзов, Социал-демократическая партия с печатным органом «Народная газета» и Прогрессивная (фермерская) партия, слившаяся с Автономной при общем печатном органе «Время». 30 ноября 1918 г. Дания признала государственный суверенитет Исландии, ограничив его персональной унией (общий король, в ведении которого остались иностранные дела) и постоянным нейтралитетом. 18 мая 1920 г. альтинг утвердил первую конституцию Исландии.

После оккупации немецко-фашистскими войсками Дании в апреле 1940 г. английское командование высадило войска в Исландии. В июле 1941 г. на смену англичанам пришли американцы по соглашению «Об обороне Исландии во время войны». В декабре 1943 г., когда истек 25-летний срок договора об унии Исландии и Дании, большинство исландцев высказалось за установление независимой республики. В число сторонников республики вошла и Единая социалистическая партия Исландии, возникшая в 1938 г. после слияния левого крыла Социал-демократической партии и Коммунистической, образованной местными марксистами в 1930 году. 16 июня 1944 г. альтинг принял новую конституцию Республики Исландии, а 17 июня было провозглашено суверенное государство. СССР поддерживает дипломатические отношения с Исландией с сентября 1943 г. (через Данию — с 1926 г.).

Исландию вовлекли в 1948 г. в план Маршалла, в 1949 г.— в НАТО. Хотя она никогда не имела армии и ни с кем не воевала, в Кейфлавике и на некоторых малых островах по сей день дислоцированы подразделения авиации и подводного флота США. Сейчас на острове живут 28-е и 29-е поколения исландцев, знающих свои родословные за 1100 лет. С этой же особенностью связано наличие у них лишь имени и отчества. Согласно закону 1925 г. «Никто не должен брать себе в нашей стране фамилию» [7]. Она встречается у исландцев как исключение и воспринимается как одиозное явление. Так, одиозным оказалось взятие фамилии Лакснесс писателем Халлдоуром Кильяном (от места расположения потомственного хутора) [8].

Сейчас в Исландии функционирует многоотраслевая экономика: переработка рыбы, гидроэнергетика, азотно-туковая, алюминиевая, цементная, красильная, текстильная, трикотажная, кожевенно-обувная, водорослеперерабатывающая и деревообрабатывающая промышленность [9]. У исландцев — самая низкая плотность населения в Европе (2,2 человека на 1 кв. км). Доныне селяне живут на хуторах, поселки же выполняют административно-распределительные и торговые функции. Так как они лежат на берегу моря, то одновременно являются рыбачьими. До конца XVIII в. в стране не было городов, а Рейкьявик в 1801 г. насчитывал 300 жителей. Ныне в городах Исландии проживает свыше 80% населения, причем в Рейкьявике — 119 тыс. (половина всех жителей страны), во втором по величине городе Акурейри — более 10 тысяч.

Исландия — страна феноменальных тружеников, отстоявших свое благосостояние в суровой борьбе. Сейчас по количеству печатной продукции на душу населения исландцы занимают первое место в мире (на 238 тыс. жителей приходится 600 ежегодно выпускаемых названий книг, 80 газет, несколько десятков журналов). Исландцы проводят за чтением в среднем не менее семи часов в неделю. «Миниатюрность» этого общества усаживает рядом богатых и бедных — в школе, в союзах культуры, на выборных собраниях. Но имущественная поляризация сохраняется, хотя всем исландцам неизменно присущи привычка к труду, готовность помочь другому и простота в обращении.

---

7 Pálsson H. Islenzk mannanöfn. Reykjvík. 1960, s. 11; Системы личных имен у народов мира. М. 1986, с. 280.

8 Советская этнография, 1969, № 4, с. 133—138.

9 Волков А. М. Страны Северной Европы. М. 1986, с. 4, 87.

ИСТОРИОГРАФИЯ

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ РОССИИ В РАБОТАХ Н. Я. ЭЙДЕЛЬМАНА

Н. Н. Покровский

Мы встретились впервые в аудитории Московского университета на Моховой 1 сентября 1947 г., когда курс наш начинал свою студенческую жизнь лекцией М. Н. Тихомирова о 800-летии Москвы. Эйдельман был одним из самых блестящих студентов курса, но попал на заметку в первом же семестре, задав преподавателю истории советской литературы крамольный вопрос: куда исчезли из его лекций Ильф и Петров? Да плюс к этому немало других подобных историй, да «пятый пункт», да отец в лагере — этого с лихвой хватило, чтобы после окончания университета в 1952 г. для Натана не нашлось места в той значительной части курса, которая была направлена в науку — в аспирантуру или академические институты.

Но нет худа без добра. Он стал учителем. Школьное преподавание заставляет держать в голове весь исторический процесс на всем земном шаре. Для историка Эйдельмана станет правилом стремление к постоянному сравнению прошлого нашего Отечества и других стран — метод редкий среди историков, изучающих конкретные процессы. Излюбленные приемы в будущих книгах Эйдельмана — сравнение синхронных событий в России и других странах, обзор русских и зарубежных газетных сообщений на какую-либо примечательную дату отечественной истории [1]. Те, кому повезло быть его учениками, вспоминали, как умел он взрывать вопросами тяжелую казенную логику учебников, как заставлял воспринимать исторический процесс в его противоречивости и искать другую, более глубокую, сложную и гибкую логику этого процесса, когда обе противоборствующие стороны могут быть по-своему правы.

Преподавание ему нравилось, но через неполных шесть лет его пришлось прекратить. Он заступался за своих свободомыслящих учеников, в том числе и за попавших в поле зрения всемогущих «органов». А вскоре и на него было заведено дело. Оно было частью более широкого следствия 1957—1958 гг., которое сейчас обычно называют «университетским делом», или «делом группы Краснопевцева». Оно в немалой мере состояла из бывших студентов нашего дружного курса. На Истфаке МГУ бурно и даже азартно обсуждали только что вышедшие «Экономические проблемы социализма в СССР» Сталина (на курсе преподавала А. В. Санина, коей «вождь народов» отвечал в своем «бессмертном» труде). Большое сочинение с критикой этого труда и собственными суждениями по теме фигурировало на следствии и суде. В наших кружках высказывались за рыночные рычаги и самодействующий экономический механизм, за демократический социализм. Вместо казенных споров об «основном законе социализма» говорили о сравнительно слабом в России действии закона стоимости, о традициях феодального насилия над ним. (Это станет потом одной из главных тем последних книг Натана.) Старались на основе появившихся после XX съезда из спецхрана источников разглядеть реальную историю партийных дискуссий, обличали сталинизм с его раскрестьяниванием, террором и сверхцентрализацией и пытались найти корни наших трагедий в истории революционных партий начала нынешнего и даже второй половины прошлого века.

ПОКРОВСКИЙ Николай Николаевич — член-корреспондент АН СССР (Сибирское отделение АН СССР).

1 Эйдельман Н. Я. Твой девятнадцатый век. М. 1986, с. 9—11, 215—219; его же. «Революция сверху» в России. М. 1989, с. 28, 34—45.

Натан близко общался со многими членами нашей группы, читал многое, но в самую узкую группу не входил (подобные ситуации в XIX в. будут потом особенно, быть может невольно, привлекать его внимание своим сложным психологическим рисунком). Его не арестовали, но следствие о нем и еще нескольких истфаковцах велось усиленно. Дело этой группы было выделено в особое производство, но потом решили его замять и ограничились тем, что выгнали «недоносителей» с работы. Натану пришлось уйти из школы в подмосковный музей. Он интенсивно занимается научной работой — историей вольной печати А. И. Герцена. Его успехи ценил взыскательный П. А. Зайончковский. Но путь в академические институты и к преподаванию ему был заказан; даже когда уже было издано несколько монографий Эйдельмана о Герцене, начальство так и не позволило ему работать в герценовской группе Института истории СССР.

Вернувшись на волю и устроившись в Суздале, в 1964 г. я отправился повидать Натана в Истру, в Московский областной музей. Там он, поведав мне о своих научных изысканиях, сказал, что вряд ли ему удастся напечатать теперь их итоги в строго академических изданиях — куда удобнее сделать это в книгах, рассчитанных на широкого читателя, обладающих положительными качествами художественной прозы, но столь же документальными, как и научные монографии. Крайне трудный путь: речь ведь шла не о популяризации чужих работ (этим Натан уже занимался в двух своих книгах), даже не о переложении собственных монографий общедоступным языком, а о превращении яркой, занимательной для широкого читателя художественной прозы одновременно в серьезное научное исследование. Внешние обстоятельства толкали Эйдельмана к этому. Но, конечно, то, что он сумел пойти по такому пути, объяснялось причинами внутренними, своеобразием его личности и таланта, выработанными им приемами занимательности научного повествования. Через два года после нашего разговора я держал в руках книгу о тайных корреспондентах «Полярной звезды». Сейчас, когда перечитываешь эту его работу после «Лунина», «Апостола Сергея», «Грани веков», она может показаться чуть ли не традиционно-академичной по жанру. Но я хорошо помню свое первое впечатление от ее чтения — поразительная раскованность, смелость выражения мыслей, умение населить книгу образами живых людей. Надо помнить к тому же, что в те годы, когда появлялись книги Эйдельмана об эмигрантской вольной печати Герцена, сама эта тема вызывала настороженность лиц ответственных: недаром уже накануне перестройки Натану, признанному специалисту, девять раз подряд отказывали в поездках для работы в зарубежных архивах.

Рассказывая о герценовских корреспондентах, действовавших в годы Великой реформы, Эйдельман, конечно, не может обойти и общей темы — «революция или реформа» (хотя тема эта пока еще у него не на первом плане). Важны для него поэтому и пресловутые «расхождения внутри демократического лагеря по вопросу прежде всего о методах и средствах борьбы», споры людей круга Герцена и круга Чернышевского [2]. Традиционно высокую оценку революционных призывов Чернышевского Эйдельман не оспаривает, в его книге есть яркие строки о смелости деятелей лагеря «Современника». Но другую традицию — поношения «либеральных колебаний» Герцена — Натан не поддерживает. Он старается понять правду Герцена и кружка его московских друзей. Для историка, не без потерь пережившего хрущевскую оттепель, проблема русской революционности начинает постепенно углубляться. Впереди серьезные раздумья о спорах и колебаниях в стане декабристов, об историософии Пушкина. В книгах Эйдельмана, начиная с «Тайных корреспондентов», все более пристальное и доброжелательное внимание будет уделяться либеральным деятелям, передовой интеллигенции вообще (включая служилую).

Догматическая историография, всячески спрямляя реальный исторический процесс, выбирала из многоголосия общественной жизни лишь одноплановово-революционных (как казалось) деятелей (сегодня, по-видимому, исполняется прямо противоположный «социальный заказ»). Книги Эйдельмана всегда полифоничны, он стремится выслушать и понять всех, отметить и резкие расхождения, и споры и «споры-согласия». И правда истории заставит Эйдельмана не только подробно рассказать о сотрудничестве в герценовской вольной печати славянофила Ивана Аксакова, но и задуматься над этим примечательным фактом (который опять-таки и сегодня многим не ко двору): «Теоретические споры «допетровская Русь или Запад?» казались Герцену не таким вопросом, который может теперь соединять или разделять людей. Таким вопросом он считал отношение к крестьянскому делу, демократическим реформам, освобождению человеческой личности. Определенная группа славянофилов — Иван Аксаков прежде всего — высказывалась за освобождение крестьян с землею даже громче и решительнее, чем их «антиподы»-западники... Наблюдая Россию и Запад, Герцен, как известно, создает оригинальную теорию русского общинного социализма. Крестьянская община, максимальная децентрализация, максимальные права личности — вот чего хотели Герцен и Огарев» [3]. При этом такие разные общественные деятели, как, например, С. И. Муравьев-Апостол и Н. А. Серно-Соловьевич, А. Н. Афанасьев и М. И. Семевский, А. И. Герцен и Н. Г. Чернышевский, дают на страницах книг Эйдельмана поучительные нравственные уроки нашему столетию.

В «Тайных корреспондентах» как бы обозначился план всех дальнейших работ Натана Яковлевича; здесь мы встретим крайне интересовавших Герцена героев большинства его будущих книг и статей — Пушкина, Якушкина, Лунина, Муравьева-Апостола, Липранди, Павла I. Многим сюжетам, впервые кратко упомянутым в этой книге, в следующих будут отведены страницы тщательного анализа.

Для Эйдельмана-источниковеда характерно величайшее, почтительное внимание к тексту, передающееся и читателю. Сейчас, когда престиж исторической науки постыдно низок, когда стало привычным расхожее мнение о современных историках как о платных служителях ведомства «обратного провидения» (пользуясь любимым Натаном герценовским определением казенной фальсификации прошлого [4]), особенно важно, что в самые заматерелые 70-е годы Эйдельман не только честно стремился в меру отпущенного ему блестящего дарования выявить объективную правду о прошлом, но и создавал особый тип исторического повествования. Его книги предельно насыщены текстами источников, они включают подчас целые комплексы их, авторские выводы занимают нередко едва ли не меньший объем, чем непосредственно свидетельства эпохи, голоса самих героев исторической драмы. Историк как бы говорит читателю: вот основания для моих заключений, читайте сами, проверяйте меня, делайте свои заключения. Поэтому он часто цитирует источник куда шире, чем этого непосредственно требует логика развития авторской мысли, иной раз вводит в свое изложение полный текст документа с заверительными, делопроизводственными записями и т. д.

Эта в общем-то несвойственная нашим историкам манера использования источника не создает впечатления пестроты, блужданий по боковым линиям — чего, казалось бы, здесь трудно избежать. При этом рассказ о каком-либо лице, событии сочетается с подробной историей поисков и интерпретаций источников, тем самым продолжая хорошую традицию отечественной науки (вспомним хотя бы И. Ю. Крачковского). В ряде своих работ (о Пушкине, Грибоедове, Дубельте, многих других) Эйдельман увлекательно излагает ход источниковедческих изысканий, а в итоге высвечивает важные характеристики эпохи, событий: начинает говорить добытый с таким трудом «исторический остаток» — сам текст. Это излюбленный метод Натана Яковлевича.

Но ему прекрасно известна старая истина гносеологии источниковедения: даже «простое» издание текста, не говоря о его использовании, есть действие, в коем уже отражена позиция исследователя. (Издание лунинских «Писем из Сибири», подготовленное им совместно с И. А. Желваковой,— подтверждение этого общего закона [5].) Сам выбор текста для публикации — уже сознательный исследовательский акт. Неизбежный субъективизм историка может быть преодолен здесь в тем большей мере, чем глубже он осознает нравственную свою ответственность и чем лучше владеет техни-

[2] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты «Полярной звезды». М. 1966, с. 160—162, 190—191.

[3] Там же, с. 83.

[4] Главе VI монографии «Герцен против самодержавия» (М. 1973) предпослан эпиграф: «...Русское правительство, как обратное провидение, устраивает к лучшему не будущее, но прошедшее».

[5] Лунин М. С. Письма из Сибири. М. 1987; Лунин М. С. Сочинения, письма, документы. Иркутск. 1988.

кой своего ремесла. Натан Яковлевич проявлял артистическое мастерство, выстраивая поразительно яркие, подчас афористические тексты источников, подтверждающих главную мысль его анализа. Но важнейшим принципом было самое пристальное внимание к свидетельствам противоположной направленности: Эйдельман постоянно приглашает нас к сопоставлению противоречащих друг другу текстов, к извлечению истины из подобных сопоставлений. Ему не был свойствен грех многих историков — грех молчаливого отбрасывания неугодных источников или использования из текста лишь того, что нужно автору.

В работе о Н. М. Карамзине анализ противоположных оценок современниками труда знаменитого историка положен в основу всего замысла книги. Известна оценка Карамзина как поборника «самовластья и прелестей кнута», десятилетиями служившая советским преподавателям определяющей для «Истории государства Российского». И действительно, консервативный монархизм составляет ядро исторической концепции Карамзина. Эйдельман же напомнил и о другой, противоположной оценке Пушкиным труда историографа — «подвиг честного человека». Он собирает по возможности полную коллекцию противоположных показаний источников как базу анализа реального процесса. Недостоверная версия источника всегда представляет для Эйдельмана предмет самого пристального внимания: что искажает автор текста? И главное — почему?

Огромное количество ценнейшей информации извлекает цепкий аналитический ум Натана Яковлевича из разнобоя мнений многочисленных мемуаристов о Павле I и конкретных обстоятельствах его гибели. Эйдельману удается не только собрать коллекцию этих мнений (понятное стремление к полноте базы текстов), но и сделать наиболее трудное в источниковедении: выявить недостоверность и тенденциозность версии, явно преобладающей в свидетельских показаниях современников. Он убеждается, что в дворянских и аристократических слоях (откуда вышли мемуары) Павел пользовался «плохой социальной репутацией». Сам этот факт, многократно отраженный в воспоминаниях и иных источниках, становится важным отправным пунктом суждений о взаимоотношениях различных социальных групп с верховной властью. Изучив сведения о царском приказе «Полк, в Сибирь марш!», автор делает вывод не только о недостоверности соответствующих источников, но и о вполне достоверном явлении: «Социальная репутация Павла у «грамотного сословия» была такой, что, кроме реальных историй, ему охотно приписывали десятки недействительных или сомнительных»[6]. Подобным же образом Эйдельман проверяет документами мемуарные известия современников о числе лиц, наказанных при Павле I. В результате выявляются важные реальные параметры «народолюбивого» политического курса императора и вместе с тем дворянская реакция на эти новации «царя-тирана» (пушкинская формула): число наказанных мемуаристы резко преувеличили; среди прошедших через Тайную экспедицию дворяне составляли 44%, а крестьяне вместе с казаками — лишь 13%.

В тех случаях, когда тенденциозные материалы невозможно проверить по документам, Эйдельман пользуется другими источниковедческими приемами. Во-первых, выделяет сферу совпадающего в противоречащих друг другу свидетельствах. Во-вторых, изучив общее направление искажений фактов мемуаристом, с учетом выявленной тенденции оценивает степень достоверности сообщаемых им сведений, не находящих подтверждения в независимых источниках. В рассказе о смерти Павла I самое острие событий — сцена в императорской спальне, предельно противоречиво описанная мемуаристами. Натану Яковлевичу приходится принимать во внимание все варианты, порою расчленяя действительный ход событий на ряд эпизодов и высказывая свое суждение по каждому из них, а заодно, слитно с этим анализом,— и о направлении искажений истины, как вольных, так и невольных.

Свидетели то подтверждают один другого, то спорят. Кажется, что Эйдельман лишь беспристрастно следит за этим спором, на деле же он постоянно пребывает на одной стороне, он — лицо открыто заинтересованное. Но сторона эта — сторона исторической правды, его интерес — в восстановлении реального хода событий, и он группирует, сталкивает между собой показания свидетелей, вовлекая читателя в процесс научной критики источника, демонстрируя пределы возможности выявления правды. В самые ответственные моменты этой реконструкции события голос Эйдельмана почти не слышен за великолепно аранжированными им сольными и хоровыми партиями современников-свидетелей. В итоге историческая правда получается сложной, составленной из частей разной достоверности, а порой и относительной. Что-то воссоздается точно и однозначно, подтвержденное показаниями противоположных по тенденции источников. В других случаях историк предлагает выбрать более правдоподобное, по его аргументированному мнению, свидетельство. В третьих приходится предоставить читателю выбор равновероятных показаний.

Наконец, есть ситуации, когда историк бессилен узнать истину. Примером могут служить обстоятельства смерти в 1718 г. царевича Алексея Петровича. Тема эта полтора века была в России из числа самых секретных, но в 1858 г. Герцен начал в «Полярной звезде» борьбу за ее рассекречивание, опубликовав документ, весьма далекий от официальной версии. Эйдельману важно составить свое мнение, собрав источники, оценив их и сравнив с опубликованным Герценом документом, подлинность которого под вопросом. Давно уже известно место хранения, шифры главных документов, и Натану Яковлевичу, конечно, не избежать знакомства с ними в архиве, хотя есть и публикации. Важна и история самих этих публикаций, история архивных поисков и цензурных запретов прошлых веков: «Как известно,— замечает Эйдельман,— в ту пору состояние архивных фондов было таково, что даже верховная власть не знала и не могла дозваться до многих обстоятельств своего прошлого, являясь как бы государственной тайной «для самой себя»[7].

Но вот обнаруживается факт, вроде бы противоречащий только что высказанным мыслям о всеобщей архивной секретности и неразберихе: первое издание некоторых важных документов о смерти царевича Алексея (включая переписку с ним царя) было предпринято по следам событий, в 1718—1719 гг., по правительственной инициативе. Эйдельману здесь важны два момента: во-первых, «Петр I не пожелал, чтобы дело его сына было безгласной тайной, подобной убийству Иваном Грозным своего сына». Во-вторых, петровское «регулярное государство», публикуя важные подлинные документы, «многое скрывало, многое подавало препарированным»[8]. Рассмотрев документальные основания официальной версии о смерти царевича, равно как и многочисленные слухи и предположения об этом событии, распространявшиеся почти полтора века, Натан Яковлевич приходит к грустному выводу, что вся совокупность этих источников не позволяет восстановить истину[9], а подлинность некоторых важнейших документов не поддается ни подтверждению, ни опровержению.

Обширная глава об обстоятельствах смерти царевича Алексея Петровича, насыщенная сложными источниковедческими проблемами, но читаемая как приключенческая повесть, открывается эпиграфом: «Петр I — самый полный тип эпохи, или призванный к жизни гений-палач, для которого государство было все, а человек ничего; он начал нашу каторжную работу истории, продолжающуюся полтора века и достигнувшую колоссальных результатов»[10]. Против несправедливой односторонности этого суждения Герцена Эйдельман выступал многократно: Петр — одна из ключевых фигур России, и противоположные характеристики, которые давал ему, например, Пушкин, будут самым тщательным образом рассматриваться, оценки дела Петра опять и опять будут проходить через рассуждения Натана Яковлевича о судьбах Отечества. Но вчитаемся в этот эпиграф. Сегодня, на шестом году отчаянных попыток страны вырваться из мертвящих пут тотального огосударствления, особенно заметна главная его идея — осуждение этатизма. Эйдельман видел тут одну из извечных трудных проблем России. Поразительная современность Герцена — любимая его идея. (Как, конечно, и Салтыкова-Щедрина, Натан любил цитировать его и в переполненных студенческих аудиториях, и за дружеским застольем. Тетрадка его выписок из «Писем к тетеньке», «Убежища Монрепо» и, конечно, «Истории одного города» была в 1957 г. изъята при обыске у кого-то из нас образованными службистами с Лубянки как осо-

[6] Эйдельман Н. Я. Грань веков. М. 1982, с. 57.

[7] Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия, с. 67.
[8] Там же, с. 56—57.
[9] Там же, с. 95.
[10] Там же, с. 55.

бо опасный подрывной материал; в следственном деле она фигурировала как сочинения «неизвестного антисоветского автора».)

Главный предмет его исследования — русская общественная мысль XVIII—XIX веков. Эйдельман твердо стоял на дореволюционных позициях историко-филологического единства. Среди главных героев его исследований были Герцен, Толстой, Пушкин, Грибоедов, Рылеев, Одоевский, Жуковский, Дельвиг, Карамзин, Радищев, Фонвизин. Конечно, он подходил к текстам великих писателей, к документам об их жизни в первую очередь как историк, но и как литератор, и как филолог, применяя классические методы текстологов-древников (недаром тыняновская традиция была близка ему). Для исследователей памятников новой литературы с ее четким понятием авторства и последней авторской воли текстология подчас сводится к выяснению этой воли. Эйдельман обычно иначе поступает с литературным (да и документальным) текстом, следуя важнейшему принципу, сформулированному Д. С. Лихачевым: анализу подлежат все периоды жизни данного текста, все его списки и редакции, слои правки, дальнейшее бытование в рукописном и печатном виде.

Поиск рукописей и разных изданий текстов, опубликованных вольной печатью Герцена, составляет одно из главных направлений работ Эйдельмана. Это относится, например, к материалам «Полярной звезды» 1861 г. о Пушкине. В связи с историей первого раздела этой герценовской публикации, содержащей вычеркнутые в московском (1859 г.) издании «Записок» И. И. Пущина места, Натан Яковлевич обращается к своеобразному кодексу, хранящемуся в Институте русской литературы АН СССР. Там на чистых листах, вплетенных между страницами издания, собственной рукою Пущина восстановлены все опубликованные затем Герценом пропуски московского издания. Необычность этого варианта автографа «Записок» позволяет выявить основные вехи создания декабристом обоих списков воспоминаний [11].

Через 13 лет в монографии о Пушкине и декабристах Эйдельман провел детальнейший анализ памятника, центральная тема которого — встреча Пущина с Пушкиным в Михайловском 11 января 1825 года. Демонстрируя свои приемы «медленного чтения» источника, Натан Яковлевич сопоставляет воспоминания с двумя пушкинскими стихотворениями («Мой первый друг» и «19 октября») — не только с окончательными, но и с черновыми их вариантами, помогающими расшифровать и важные детали трудного разговора, и эмоциональную обстановку встречи [12]. Еще через пять лет этот факт снова привлек внимание Эйдельмана, на этот раз в контексте изучения художественных связей истории и современности в сознании поэта. Новому подробному изучению подверглись черновые и беловые варианты обоих пушкинских стихотворений. С помощью приемов палеографии (цвет чернил) и внутренней критики текста раскрыты «циклы» работы Пушкина над посланием к Пущину [13]. Стремление учитывать все этапы движения текста источника, включая его разные публикации, архивные злоключения, сочетается с манерой Эйдельмана вести изложение, используя источник сразу в нескольких хронологических срезах. Судьба текста, памятника позволяет составить представление не только о периоде, отраженном в нем, о времени его создания, но и об эпохах, наложивших отпечаток на его дальнейшее использование.

В книгах Эйдельмана о декабристах с несвойственной предшествовавшей историографии, но столь нужной в 70-е годы тщательностью, рассматриваются нравственно-этические проблемы. Он передает этические размышления Сергея Муравьева-Апостола, заключенного в каземат, приводит тюремные записи в Евангелии его брата Матвея. Одним из первых в послесталинской науке (наряду с Ю. Ф. Карякиным и Е. Г. Плимаком) он ставит вопрос о влиянии страшных катаклизмов Великой Французской революции, террора и диктатуры на русскую революционно-демократическую мысль.

Исследуя идейные колебания декабристов, разочарование некоторых из них в революционных методах, Эйдельман не удовлетворяется стандартным объяснением, что все дело, мол, в ограниченности дворянской революционности, а указывает на их честность, благородный, нравственный императив — все то, что так мало ценилось в сталинском обществе и отрицалось при объяснении прошлого в вульгарно-экономических схемах. Чувство ответственности за судьбу Отечества соединялось у декабристов с пониманием того, насколько реальная действительность страны далека от их идеалов и как легко революция во имя этих идеалов может превратиться в нечто противоположное и страшное. Подобные размышления появились в нашем обществе в пору первой послесталинской оттепели: когда постепенно начали осознавать реальный ход русских революций XX в., заплаченную при этом цену. Быть может, появлению новой, более глубокой концепции движения декабристов способствовали и участие Натана Яковлевича в спорах кружка однокурсников, знакомство с их работами по истории России и революции и, как неизбежное следствие этого, собственный опыт соприкосновения с аппаратом насилия.

Не отвергая известную формулу — декабристы были страшно далеки от народа,— Эйдельман вместе с тем обратил внимание и на то, насколько народ был далек от них и их замыслов. (Сейчас мысль эта становится даже модной в иных кругах, в том числе враждебных Натану Яковлевичу.) Тезис об объективных российских основаниях сомнений и колебаний декабристов становится концептуальным уже к 1970 г., то есть с «Лунина»: «Пушкина, Никиту Муравьева, Матвея Муравьева, Пестеля — всех примерно в одно время посещают сходные мысли: несоответствие мечтаний и действительности». Осознавшим этот факт и отказавшимся уже от тактики «Союза благоденствия», тактики постепенного улучшения действительности, оставалось в 1823—1825 гг., по мнению Эйдельмана, два пути: «Действовать все резче и решительнее» или — «остановиться: не дезертировать, но удалиться «в запас». Второй путь, подчеркивает он, «не робость (робкие давно ушли) — честность». Такие сомнения, «внутренняя неуверенность» не умаляют величия! «Своим печальным опытом» декабристы поставили перед русским освободительным движением «проблему соотношения целей и средств», в том числе и проблему недопустимости «ультралевой крайности — цель оправдывает средства» [14].

В «Лунине», включаясь в давний спор историков (Н. М. Дружинина, М. В. Нечкиной) о причинах поворота Никиты Муравьева к более умеренным взглядам, к признанию монархии, Эйдельман указывает на его «многомесячное общение; как раз в 1822 г. с солдатами и офицерами в походе — «приближение к народу открыло Муравьеву силу, стойкость монархического идеала» [15]. Это замечание станет позднее отправным пунктом его раздумий о природе крестьянского монархизма, воздействовавшего на общественную мысль «верхов», на революционное движение.

В концепцию Эйдельмана органично включалась и непростая проблема — очень неодинаковое поведение декабристов на следствии. И здесь его не удовлетворяет то же трафаретное объяснение: «нестойкая дворянская революционность». Показания Рылеева и особенно Пестеля, назвавших куда больше имен и «отраслей» заговора, чем у них спрашивали, не было, конечно, тайной для историков, но это не находило в их трудах полного отражения. Рассказ Эйдельмана был поэтому неожиданностью для многих, интересовавшихся историей. Анализируя значительные различия в поведении подследственных, Натан Яковлевич показывает, что в тех обстоятельствах противостоять следственной машине «без потерь» было невозможно. Но противоречивая политика Александра I воспитала в них надежду, что можно вырвать у власти многое, что власть сама понимает неизбежность перемен, реформ. И, уже будучи под следствием, Пестель пытается представить весь заговор куда более масштабным, чем он был в реальности. Дело было не в трусости, а в шаткой надежде, жертвуя собою, все же добиться чего-то для страны. Для Эйдельмана это отнюдь не оправдание, но объяснение, данное к тому же на фоне детального рассказа о противоположном поведении: Лунин столь же самоотверженно не назовет ни одного лишнего имени.

От книги к книге все сильнее звучит проблема цели и средств революции. Наиболее полно Эйдельман формулирует свое понимание ее в вышедшей уже посмертно работе о влиянии событий Великой Французской революции на русское общество. «Прогресс несомненен, но и цена велика»,— писал Эйдельман. Он видит правду не только штурмовавших Бастилию, но и тех, кто «отрицали, не принимали Марата,

[11] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты, с. 169—173.
[12] Эйдельман Н. Я. Пушкин и декабристы. М. 1979, с. 239—305, особенно 263.
[13] Эйдельман Н. Я. Пушкин. История и современность в художественном сознании поэта. М. 1984, с. 93—108.
[14] Эйдельман Н. Я. Лунин. М. 1967, с. 87, 196.
[15] Там же, с. 84.

Робеспьера, Комитет общественного спасения, толпу, уничтожающую заключенных в парижских тюрьмах, расстрелянную Вандею, сожженный Лион». И именно в этой связи Натан Яковлевич пишет о непосредственном воздействии этических категорий на исторический процесс: «Если бы не было подобных людей, решительно не принимавших террор и кровь, то на первый взгляд прогрессу было бы легче пробиться; но более глубокие размышления откроют нам, что человечество, не думающее о средствах, о нравственных вопросах, немногого бы стоило: оно озверело бы, съело само себя, не смогло бы в конце концов воспринять тот самый прогресс»[16].

Трудно переоценить эту, нравственную, сторону воздействия эйдельмановской прозы на читателя глухих 70-х годов. Я наблюдал, как в свои приезды в Новосибирск Натан от раза к разу в своих выступлениях все больше уделял внимания моральным факторам движения общества вперед, как жадно внимала студенческая аудитория его рассказам о жизни по законам правды, чести и бескорыстия не только Лунина, Пущина, но и Мицкевича, Карамзина. Историзм Эйдельмана сказывался в том, что он не побоялся объективно, без положенных сожалений говорить о глубокой религиозности многих своих героев. Все настойчивее с начала 1970-х годов историк акцентирует внимание своих читателей на укреплении в общественном сознании лучших людей нации того, что сейчас мы называем непреходящими общечеловеческими ценностями. Неисчерпаемым источником этих этических идей (подтвержденных делом, биографией), очень нужных нынешнему веку, была в творчестве Натана Яковлевича великая русская литература века прошлого. И недавно изданная его книга о русских писателях на Кавказе — это размышления не только о судьбах России на перекрестке Европы и Азии, но и о судьбах апостолов чести и благородства российской словесности в застойное безвременье николаевских лет[17].

У Эйдельмана был дар видеть в частном факте и конкретной проблеме отражение общих закономерностей. Поэтому он уделял все больше внимания (особенно — от «Грани веков» к «Революции сверху») основным концепциям развития России и русской общественно-политической мысли. Все его творчество было борьбой против жестких механистических схем развития общества, которые в нас вдалбливали по «Краткому курсу» со студенческих времен. Да и сфера его профессиональных интересов лежала далеко от социально-экономической истории — в области культуры и идеологии, политики. Но его видение исторического процесса укладывалось в основном в теорию формационного развития.

Прогресс человеческого общества состоял для Эйдельмана (как и для многих русских интеллигентов прошлого века) прежде всего в расширении «пространства свободы» человеческих личностей и коллективов, в пределах «его» XVIII и XIX веков — в постепенном отступлении феодальной несвободы под натиском буржуазных свобод. И объяснение специфики движения России по этому пути он тоже искал прежде всего в обстоятельствах экономических — слабости послетатарского города в России. Этим он в основном объяснял и победу в конце XVI—XVII в. крепостного права — кардинального фактора, влиявшего и на политику, и на борьбу идей всего позднего феодализма вплоть до реформ 1860-х годов. Эйдельман любил напоминать, что Английская буржуазная революция и юридическое закрепление в России норм крепостного права произошли в одном и том же 1649 году.

Вместе с тем он активно исследует обратное воздействие политики и идеологии на социально-экономические отношения. Пользуясь итогами работ К. В. Чистова, Б. А. Успенского, А. М. Панченко и других, самостоятельно вводя в научный оборот документы XVIII в., он отводит весьма значительное место в общем историческом процессе народным политическим взглядам. Его занимал феномен крестьянского монархизма. Видя его связь с особой ролью государства в создании и укреплении единой Руси, Эйдельман полагал, что народный монархизм немало содействовал закрепощению. Нам уже приходилось возражать против этого тезиса[18]. Закрепощению крестьяне сопротивлялись отчаянно, а народный монархизм имел ярко выраженный антикрепостнический, антифеодальный характер: авторитет государева имени крестьяне

[16] Эйдельман Н. Я. «Мгновенье славы настает...». М. 1989, с. 156—157.
[17] Эйдельман Н. Я. Быть может за хребтом Кавказа. М. 1990.
[18] Покровский Н. Н. В пространстве и времени. В кн.: Эйдельман Н. Я. «Революция сверху», с. 9—13.

пытались использовать в борьбе с феодальными путами, за бóльшую свободу хозяйствования.

По мнению Натана Яковлевича, в эпоху феодализма ускоренное развитие страны несколько раз достигалось целенаправленным государственным воздействием, что укрепляло этатистские начала в обществе. Мне видятся три таких периода: середина X — середина XI в.; вторая половина XV в.; первая четверть XVIII века. В центре внимания Эйдельмана здесь, конечно, была эпоха Петра Великого. В оценках ее Эйдельман опирался на помощь мыслителя уникального — Пушкина. Просвещавший Россию Петр одновременно резко увеличивает несвободу вообще, и подчинение личности государству — в частности. Противоречие это (по Пушкину) не вполне еще развернулось во время Петра; отсюда двойственная оценка его в «Медном всаднике». Эйдельман прослеживает шаг за шагом и эволюцию отношения Пушкина к Петру, и движение замысла «Медного всадника», и своеобразный «спор — согласие» Пушкина и Мицкевича о петровской России[19], спор о благодетельных для России просветительских реформах и усилении державной власти над подданным.

В размышлениях о путях русской истории XVIII столетия Эйдельман исходит прежде всего из того же соотношения двух факторов — просвещения и несвободы (и экономической, и политической): в то время были страны и более просвещенные, и более несвободные, чем Россия, но именно сочетание высокой степени того и другого — отличительная черта России, по Эйдельману. Реформы Екатерины, распространив крепостное право на Украину, однако, принесли стране новый рост культуры, просвещения и важные политические права и свободы дворянству, частично горожанам. Дворянские свободы способствовали тому осознанию сословной и личной чести, этики, ответственности за весь народ, которые в 1825 г. приведут лучшую часть дворян на Сенатскую площадь; по подсчетам Эйдельмана, в движение декабристов было так или иначе вовлечено около десятой части дворянства. Эйдельман анализирует в контексте развития этого противоречия значение народного монархизма и, наоборот, «народолюбивых» заявлений монархов. Оказывается, как раз те режимы, которые особенно настойчиво провозглашали единение престола и народа, боролись с дворянским радикализмом, дворянской революционностью. В этом он, в частности, видит внутреннюю близость политики Павла I и Николая I.

Натан Яковлевич не был рабом концепции, и одновременно с этой теорией он активно разрабатывает историю явления, одно время мало популярного в нашей науке и свидетельствующего о весьма опасных для трона последствиях народного монархизма. Речь идет о русском «нижнем» самозванчестве. (Этот термин введен, чтобы различить самозванцев, появляющихся в нижних и в верхних слоях общества.) Конечно, более всего привлекает Эйдельмана фигура Пугачева — он рассуждает о специфике его таланта и о законах исторического развития страны и народа, которые «двигались вперед как огромными дворянскими реформами Петра, так и «ядерными вспышками» народных войн. Необходимыми условиями этого движения историк считает и продворянские реформы XVIII в., и народное восстание против дворян под знаменами самозванца[20].

Борьбу Пушкина и особенно Герцена за рассекречивание отечественной истории Эйдельман считал важнейшей составной частью общего стремления интеллигенции и народа сократить сферу насажденной властью несвободы. Его очень интересовали и методы сокрытия прошлого, и пути обнародования исторической правды. Важнейшим из них он считал тот, каким шел Герцен,— вольная, неподвластная цензуре печать, публикация основных источников. Он выделяет определение, данное «западником» Герценом одному из выпусков своей типографии: «Несколько любопытных материалов для уголовного следствия, начавшегося над петербургским периодом нашей истории». Тема сокрытой властями истории России звучит во многих книгах Эйдельмана, для нескольких она является главной: «Борьба Герцена с самодержавием за обнародование важных исторических тайн, за «рассекречивание былого» и является

[19] Эйдельман Н. Я. Пушкин. Из биографии и творчества. 1826—1837. М. 1987, с. 261—284.
[20] Эйдельман Н. Я. Твой восемнадцатый век. М. 1986, с. 147.

основным содержанием данной работы»,— пишет он во введении к одной из своих книг[21].

Не перестаю удивляться той зоркости, с которой Эйдельман в 60—70-х годах выбирал из «вечных» проблем русской истории те, что станут особенно волновать общество конца 80-х годов. Это и влияние на исторический процесс этических принципов выдающихся деятелей страны, включая острую проблему национализма и шовинизма. Интернационалистская позиция великого русского демократа Герцена, не побоявшегося пойти против господствующего настроения власти и верхов общества в связи с польским восстанием 1863 г., дала Эйдельману еще в 1966 г. повод напомнить современникам об этой принципиальной линии защиты польского движения. «Немного оставалось общественных деятелей (из числа неарестованных и несосланных),— пишет он,— которые в 1863 и 1864 гг., подобно Герцену и Огареву, не дали себя одурманить и одурачить»[22]. Среди этих немногих — и главные герои исследования Натана Яковлевича о тайных корреспондентах «Полярной звезды» — московский кружок друзей Герцена — Е. И. Якушкин, П. А. Ефремов, А. Н. Афанасьев.

Позднее Эйдельман не раз будет возвращаться к польской теме, к попыткам исторически объяснить самые разные взгляды на нее, не исключая взгляды Пушкина, Чаадаева; напомним в этой связи хотя бы тонкий анализ взаимоотношений Пушкина и Мицкевича. Но для себя он твердо усвоил благородный императив герценовских оценок, связавший «век нынешний и век минувший», и примет активное, заинтересованное участие в совместной советско-польской работе по устранению белых пятен в истории отношений двух народов. Ранее он неоднократно предупреждал, как во время бурных перемен важно не опоздать с принципиальными шагами, не упустить время, за пределами которого благородное дело восстановления правды будет выглядеть не столько актом справедливости, сколько вынужденной уступкой[23]. Память его хранила свидетельство отца, слышавшего в лагере болтовню караульного офицера, похвалявшегося участием в Катынских расстрелах; свидетельство это он ввел в научный оборот, и оно получило независимое подтверждение[24]. С присущей ему энергией Эйдельман спешил содействовать своевременному восстановлению русско-польской дружбы на путях рассекречивания тайной истории.

В книге «Последний летописец» (1983), посвященной «Истории государства Российского», Натан Яковлевич опять встречается с темой соотношения просвещения и несвободы (спор Карамзина со Сперанским), реформы и революции, противоречивого влияния событий Французской революции. Тема Карамзина, писателя и историка одновременно, особенно важна для Эйдельмана — это тема сочетания научного и образного мышления, точного знания и искусства в постижении реального исторического процесса. Натан Яковлевич доказывает, что карамзинский опыт сочетания того и другого важен «и сегодня, на высоком витке историографической спирали». Ведь восстановление цельной картины прошлого по частям, порой случайным деталям — «операция по природе своей не только научная, объективная, но в немалой степени и художественная, субъективная»[25].

Случилось так, что две последние прижизненные книги Натана как бы завершили в его творчестве тему, поднятую еще в «Тайных корреспондентах». Одна из них — «Последний летописец» — о Великой революции, вторая — о Великой реформе. Годы 1789 и 1861. Главка о посещении столь любимых им хранилищ рукописной и редкой книги Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина почему-то названа «Последний визит». Книга о реформе (точнее — реформах 1860-х годов и некоторых других) названа популярным сегодня словосочетанием: «Революция сверху» в России» (1989). Спор решается в пользу революционных по сути (то есть меняющих отношения собственности) преобразований, проводимых реформаторским способом: книга подчеркнуто актуальна, направлена на выявление общих закономерностей российского (то есть в первую очередь государственного) пути таких преобразований.

---

[21] Эйдельман Н. Я. Герцен против самодержавия, с. 5.
[22] Эйдельман Н. Я. Тайные корреспонденты, с. 192, 193.
[23] Эйдельман Н. Я. Твой девятнадцатый век, с. 248—249.
[24] Антонов-Овсеенко А. Карьера палача.— Звезда, 1989, № 11, с. 97.
[25] Эйдельман Н. Я. Последний летописец. М. 1985, с. 14.

Эйдельман обобщает исследования советских историков о возрастающей роли государства в России — при сравнительной слабости третьего сословия, городов и при вполне уже сложившейся к началу петербургского периода специфике монархического сознания народа. Говоря о том, как успехи просвещения сопровождаются в России XVIII в. углублением крепостнических отношений, Эйдельман прослеживает складывание и взаимодействие тех общественных сил, которым неизбежно придется в XIX в. заняться ликвидацией этих отношений. В своем анализе подготовки и хода реформ 1860-х годов Эйдельман акцентирует внимание на общих проблемах русских «революций сверху». Это и нарастание ощущения невозможности жить по-старому, воздействие экономических и военных факторов на подобное ощущение, это и сравнительно небольшая степень предварительной спланированности реформ. Это и проблема кадров: откуда в недрах вполне застойной системы берутся деятели, смело и успешно принимающие на себя многое такое, о чем недавно и помыслить было страшно. Это и проблема сопротивления могущественных консервативных сил, а также опоры реформаторов на движение низов, проблема зигзагообразности пути реформ под воздействием противостоящих общественных сил, неизбежности приливных и отливных волн в проведении преобразований.

Но, признавая неизбежность временных откатов, Эйдельман подчеркивает главную мысль: отступление не может отбросить страну на исходные позиции, при каждом зигзаге «пространство свободы» все же расширяется. В этой связи недопустимой представлялась ему традиционная у нас гиперкритика буржуазных реформ 1860-х годов, недооценка их результатов. Натан Яковлевич подчеркивает огромное благодетельное значение для страны земских и иных учреждений, рожденных реформами. Он говорит об итогах самоотверженной и квалифицированной деятельности земской интеллигенции, особо акцентируя нравственную сторону: «И все же на первое место мы поставим не количественную, а качественную сторону: сами усилия этих людей, их стремления, пусть не всегда успешные, имели нравственный характер. Постепенно создавалась та высокая репутация разночинной демократической земской интеллигенции, которая, несомненно, относится к золотому фонду русского прошлого»[26].

...После смерти Натана Яковлевича сразу в нескольких некрологах прозвучит одна и та же мысль: он был ярким воплощением русского интеллигента. Это удивительно справедливое суждение высказывалось тогда Д. С. Лихачевым, С. С. Аверинцевым и многими другими — однокурсниками, учениками, читателями. Для меня он всегда и пример исторического оптимизма. В тяжелые 70-е годы он с захватывающей страстью рассказывал о благородных, независимых характерах нашей истории. За три дня до смерти Натан позвонил мне, чтобы поведать невеселые, по моим оценкам, столичные новости, обсудить силу очередной «отливной волны». Но оценка самого Натана, дававшая не сиюминутный, а более широкий взгляд на процесс, была, несмотря ни на что, оптимистичной. Она совпадала с последними словами его последней прижизненной книги: «Мы верим в удачу,— не одноразовый подарок судьбы, а трудное движение с приливами и отливами,— но все же вперед. Верим в удачу: ничего другого не остается...»[27].

---

[26] Эйдельман Н. Я. «Революция сверху» в России, с. 148.
[27] Там же, с. 172.

В. Б. КОБРИН. *Иван Грозный.* М. Московский рабочий. 1989. 173 с.

Богатейшая мировая литература об Иване Грозном пополнилась новой научно-популярной биографией царя. Доктор исторических наук, профессор Московского историко-архивного института В. Б. Кобрин, давно изучающий историю России эпохи средневековья, в ясной, доходчивой форме излагает события времени правления Ивана Грозного, характеризует его личность, окружение. Особо хотелось бы выделить яркий этюд о детстве Грозного. Автору удалась характеристика административного аппарата, реформ, предпринятых царем в 50-е годы.

Интересна попытка автора использовать при воссоздании социально-психологической атмосферы русского общества XVI в. такой источник информации, как дошедшие до нашего времени в летописях и записках иностранцев или же реконструируемые автором слухи. Так, по словам Г. Штадена, ведущую роль в организации опричнины играл брат второй жены Грозного — черкесский князь Салнук-мурза (в крещении Михаил Темрюкович Черкасский), что, однако, противоречит другой версии, известной по Пискаревскому летописцу: царь прислушался к совету В. М. Юрьева и А. Д. Басманова. Кобрин же считает, что в этих сведениях есть «общее рациональное зерно», поскольку, по его мнению, речь идет «об одной и той же группе — родичах двух первых жен царя» (с. 69). Автор не предпринимает попытки проверить эти слухи по другим источникам. Его допущение представляется нам неправомерным, родичи царя происходили из настолько разных социальных сред, что зачислять их в одну группу лишь на основе свойства затруднительно. Стремительное же возвышение Басманова в период подготовки опричнины говорит в пользу мнения автора Пискаревского летописца. Михаил же Темрюкович стал играть заметную политическую роль лишь в 1570 году.

Еще большие сомнения вызывает апелляция к челобитной, якобы поданной участниками Земского собора 1566 г. и содержавшей просьбу об отмене опричнины. На основе этой вполне достоверной гипотезы автор воссоздает закулисные события: «Не исключено, что возник слух: царь и сам хотел бы покончить с опричниной, но нужен повод» (с. 73). Тем самым Кобрин отказывает членам Собора, в основном земским людям, в возможности иметь собственное мнение и выступить с ним перед царем. Думается, что автор переоценивает верноподданнические настроения боярства, дворянства и купечества и их страх перед государем.

В рецензируемой книге широко используются записки иностранцев. Автор считает авантюристов-наемников настолько лишенными морали, что они, в частности Штаден, не стыдились «никаких, самых мерзких своих поступков», не пытались както себя приукрасить (с. 84). В действительности наемники явно преувеличивали свои «подвиги», стремились приукрасить себя, поразить своих читателей и возможных будущих сотоварищей легкостью обогащения в «дикой, варварской» стране. Нужно, по-видимому, более критически оценивать разнообразные сообщения иностранных наемников, в которых немало было хвастливых россказней.

К сожалению, Кобрин не использовал также богатые информацией источники, как посольские книги. Автор как бы абстрагируется от международной обстановки, в которой жила страна при Грозном, от войн, в которые она была вовлечена отчасти и амбициями царя. Кобрин, конечно, упоминает о Ливонской войне, пишет и о ее целях — завоевании Ливонии и возвращении «русских» земель Великого княжества Литовского,— правда, во вполне традиционной для советской науки формулировке: «Воссоединение... украинских и белорусских земель и присоединение Прибалтики» (с. 137).

Но в книге идея взаимосвязи внутренней и внешней политики Грозного не только не стала лейтмотивом, как это было, например, в работе Р. Ю. Виппера, но и вообще не прозвучала с той серьезностью, которой она достойна. Автор отказывается от принятой — и совершенно правильной (как обнаруживает анализ посольских книг, связанных с Великим княжеством Литовским) — идеи, будто Алексей Адашев был сторонником войны с Крымским ханством. По мнению Кобрина, и Адашев, и И. М. Висковатый выступали с идеей войны на западе. К сожалению, автор не касается литературы вопроса, в том числе и зарубежной,— а на эту тему писали С. М. Соловьев, Н. И. Костомаров, Я. С. Лурье и такие исследователи, как Г. Эрне, В. Кирхнер, Н. Ангерманн, Э. Тиберг, Ф. Кемпфер, Г. Штекль, Зб. Вуйцик и др.

У всех вышеперечисленных авторов сложилось, как мы полагаем, более правильное представление о внешнеполитической программе Адашева — Висковатого. Ради уточнения добавим, что и тот, и другой были последовательными сторонниками мирных отношений России с Великим княжеством Литовским, что послужило главной причиной не только опалы Адашева в 1560 г., но и казни Висковатого в 1570 году. В 1560 г. обнаружилось, что утопическая программа «вечного мира» с Литовским княжеством привела к вовлечению последнего в Ливонскую войну, а в 1570 г. выяснился полный крах планов царя, связанных с этой войной.

Поскольку автора не занимают вопросы международных отношений, он практически не касается и темы о причинах Ливонской войны. Между тем их анализ совершенно необходим в связи с общей концепцией деятельности Грозного, который руководствовался идеей о Ливонии как своей вотчине, ступеньке к обладанию всей «вселенной» (что провозглашало знаменитое «Сказание о князьях владимирских»). Объективно же война за Ливонию была борьбой за выход к Балтике. Если бы победила программа А. Ф. Адашева — развития мирных экономических связей со странами Северной и Северо-Восточной Европы — или если бы Ливонская война была успешной для России, она бы намного ускорила процесс развития страны, раньше было бы ликвидировано отставание в области экономики, в частности покрыт дефицит цветных и благородных металлов, как это было во время знаменитого Нарвского плавания 1558—1581 годов.

В реальности же борьба за упрочение международного престижа — таково объективное значение «титулатурной войны» России и Великого княжества Литовского, а позднее Речи Посполитой — сопровождалась аналогичной борьбой внутри страны. Царь по титулу, Грозный не располагал теми прерогативами, которые имел любой неограниченный монарх средневековья, в особенности раннего. Ему долго не удавалось пользоваться всей полнотой власти именно в области международных отношений. Социально-политическая борьба осложнялась тяжкими условиями длительной Ливонской войны, что придавало ей особую остроту.

В книге есть блестяще написанный очерк об И. П. Федорове, верном слуге Иване IV, погибшем мучительной смертью в сентябре 1568 г. (с. 76). Он был обвинен в желании захватить царский престол. Речь шла, конечно, о другом, а именно о неосторожном вмешательстве Федорова в вопросы, находящиеся в компетенции царя — во внешние сношения, когда он осенью 1562 г. в качестве наместника Ливонии вступил в самостоятельные переговоры с верховным командующим литовским войском Г. Ходкевичем, пообещав ему посредничество и ходатайство перед царем об установлении мирных отношений с Великим княжеством Литовским, так как был вполне уверен в их целесообразности и успешном исходе своего ходатайства перед царем. И второй пример. Когда в 1570 г. обнаружился полный крах литовской политики, в мясорубку Грозного попали все участники переговоров с Великим княжеством Литовским — и печатник Висковатый, и посольские дьяки А. Васильев и др., и казначей Н. А. Фуников, и вдохновитель опричнины, активный деятель переговоров кануна опричнины зимы 1563—1564 гг. и верный сподвижник царя — Басманов, и многие другие.

Данные посольских книг не позволяют согласиться с Кобриным, который в качестве характерных черт личной власти, в том числе и Грозного, выделяет тотальный террор, произвольный выбор жертв, демагогию. Жертвы Грозного — это сторонники другой внешнеполитической ориентации и концепции, люди, считавшие признание титулатуры царя менее существенным делом, чем упрочение давних и традиционных связей с большей частью населения Великого княжества Литовского.

Мы не знаем и, к сожалению, никогда не узнаем, во что обошлась России Ливонская война: в 1626 г. сгорели все материалы финансового ведомства, но мы знаем, во что обошлись все войны времен Грозного русскому и другим народам России. Об этом, как о результатах опричнины, очень ярко пишет и Кобрин. Его пафос в рассказе о садистских зверствах, выделяющихся на фоне «стандартных» жестокостей XVI в.[1], может разделить, конечно, каждый исследователь того времени. Однако концепция опричнины, принятая Кобриным и восходящая к С. Б. Веселовскому и А. А. Зимину, уязвима. По-видимому, более прав в понимании ее сущности Виппер[2], удостоившийся нелестной, но в целом верной оценки автора (с. 9—10).

Опричнина — это временная мера, предпринятая царем, чтобы создать альтернативное от традиционного боярского войско с карательными функциями, чтобы поднять Россию «на дыбы» ради продолжения любой ценой войны, которая должна была прибавить блеску имени царя и включить еще одну вотчину в состав его владений. Последствия введения опричнины в сфере социальных отношений хорошо известны. Произошла ликвидация последнего удела, завершена борьба с остатками самостоя-

[1] См. Зимин А. А., Хорошкевич А. Л. Россия времени Ивана Грозного. М. 1982.

[2] Виппер Р. Ю. Иван Грозный. М. 1922 (1942, 1944).

тельности Великого Новгорода и церкви, полной деформации подверглась структура землевладения, усилился налоговый гнет (Кобрин пишет даже о «ярме», указывая огромность той суммы, которую должна была заплатить земщина царю за «подъем» — отъезд в Александрову слободу — 100 тыс. руб.) (с. 67).

Книга принадлежит к популярному сейчас жанру исторической публицистики, элементы которого складывались и ранее,— стоит вспомнить критические выступления Веселовского против позорного романа Костылева, подтекст монографий Зимина. Автор говорит о Грозном в полный голос. Его книга откровенно полемична. Он отвергает и наивный монархизм Н. М. Карамзина, и холодную апологию государства в работах Соловьева, и выхолощенность преданного, как он полагает, закономерностям истории С. Ф. Платонова, он разделяет лишь пафос негодования Веселовского.

На мир XVI века автор смотрит с позиций борца против всех и всяческих тираний. Культ Грозного в эпоху сталинщины, его причины, смысл, формы и цель — вот одна из ведущих линий книги Кобрина, придающая ей особую злободневность и популярность. Кобрин видит смысл культа Грозного в закономерностях развития и функционирования личной власти. Однако концепция «личной власти», сформулированная им, как нам представляется, не вполне соответствует деятельности Грозного: думается, что вряд ли можно напрямую осовременивать его террор. В пылу борьбы со сталинским культом Грозного автор никак не может избавиться от этого давления. Если некоторые предшественники Кобрина проводили аналогии с Грозным со знаком «плюс», то Кобрин делает это со знаком «минус», допуская во многих случаях перехлест (кроме указанного выше, отметим также и его позицию по отношению к городской политике Грозного).

Но как бы то ни было, книга Кобрина — попытка возрождения морального принципа в изучении истории, восстановления прав человека прошлого на наше сочувствие и сопереживание. В этом автор продолжает гуманистические традиции русской и советской литературы. Специалисту же книга будет интересна, поскольку заставит еще раз задуматься о нерешенных проблемах трагического времени Грозного.

А. Л. Хорошкевич

Ю. Ю. КАХК. *«Остзейский путь» перехода от феодализма к капитализму.* Таллинн. Ээсти раамат. 1988. 446 с.

Монография академика АН ЭССР Ю. Кахка посвящена буржуазной эволюции аграрных отношений в Эстонии. Автор стремится ответить на три вопроса: 1) какова роль дворянства и крестьянства в этом процессе, 2) какую роль играли другие факторы — центральное правительство и деятельность просветителей, 3) каковы соотношение и значение экономического, социального и политического факторов в этом процессе (с. 9).

Кахк считает, что главной социальной силой, стимулировавшей в аграрной сфере переход к капитализму, было крестьянство, которое своей постоянной борьбой вынуждало помещиков и правительственную администрацию идти на уступки. Оно было реально заинтересовано в буржуазных отношениях и играло первенствующую роль в прогрессе агротехники, в то время как незаинтересованное в нем дворянство являлось тормозящей силой на пути капитализма. Впрочем, такая трактовка представляется несколько прямолинейной.

Помещики согласились на освобождение крестьян без земли в 1817—1819 гг. и на установление отношений с ними на условиях свободного найма. Крестьяне же саботировали эту реформу. Автор приводит соответствующие данные. Именно поэтому освобождение крестьян по законам 1817 и 1819 гг. имело формальный характер, что и показано в книге. Крестьяне соглашались стать свободными арендаторами, но их никак не устраивала перспектива кабальной аренды.

Думается, автор несколько преуменьшает роль помещиков и одновременно преувеличивает роль крестьян в прогрессе агротехники (с. 351—353). Урожайность на помещичьих полях была все же выше, чем на крестьянских (с. 383), что в значительной степени объяснялось лучшей агротехникой. Кахк, конечно, прав, когда подчеркивает, что и крестьяне внесли свою долю в ее совершенствование, но она не превышала вклад, сделанный помещичьими агрономами и управляющими. Во всяком случае, достаточно убедительных данных на этот счет в книге не содержится. Да и в российских губерниях XVIII — первой половины XIX в. агротехника и урожайность на помещичьих землях были выше, чем на крестьянских, и большинство нововведений сначала приходили в помещичье, а уже оттуда в крестьянское хозяйство.

Можно обнаружить противоречия между тремя утверждениями автора: 1) барщина была так обременительна, что создавала дефицит времени для работы в своем хозяйстве, 2) у крестьян был резерв времени даже летом (с. 106), 3) барщина за землю, предоставляемую помещиком, стоила крестьянам примерно столько же, сколько вольная аренда той же земли (с. 336). По-видимому, дефицит времени, отрицательно влиявший на эффективность крестьянского хозяйства, не являлся функцией только барщины, хотя с нею до некоторой степени и был связан. Поэтому известное отставание крестьянского хозяйства от помещичьего нельзя полностью относить за счет крепостного права.

Кахк приходит к выводу, подтверждаемому математическим расчетом, что царское правительство было больше заинтересовано в том, чтобы избежать крестьянских волнений и поэтому проявляло больше настойчивости при проведении аграрных реформ, чем дворянство (с. 359) (это, мне кажется, может в какой-то степени объяснить распространенность наивного монархизма среди крестьян). Может быть, следовало упомянуть и о том, что у царизма имелись дополнительные мотивы для благоприятного решения аграрного вопроса в Прибалтике: заинтересованность в политической стабильности в этой «национальной окраине», стремление предотвратить распад империи путем заигрывания с крестьянством, использование Прибалтики как полигона для проведения экспериментальных реформ с целью найти оптимальный вариант отмены крепостного права в России.

Деятельность просветителей играла, конечно, большую роль в аграрных реформах (с. 179), но применительно к Эстонии можно было бы указать и на то, что это был один из самых грамотных регионов не только в России, но и в Европе.

Рассматривая вопрос о кризисе крепостнической системы хозяйства, Кахк считает, что прежде всего «надо выяснить те признаки «тупиковости» ситуации, которые закрыли путь для более широкого и интенсивного развития производительных сил» (с. 330). К подобным признакам автор относит отсутствие у помещиков экономического стимула к тому, чтобы делать инвестиции в сельское хозяйство, поскольку они практически не увеличивали их доходов (этот тезис автор называет парадоксом политэкономии феодализма) (с. 338—340).

В своих расчетах Кахк исходит из того, что арендная плата (фактически равная барщине) и плата за наемный труд после отмены крепостного права остаются в прежнем соотношении (наверное, так считали и помещики). Но, как показывает пореформенный опыт, арендная плата обгоняла заработную плату. В связи с этим было бы интересно построить контрфактическую модель. Расчеты Кахка свидетельствуют только о том, что вложения в рабочую силу (а значит, и переход к вольнонаемному труду) были невыгодны для помещика. Для окончательного вывода о «тупиковости ситуации» необходимо было бы доказать, что такими же были и инвестиции в новую агротехнику. Кроме того, при отмене крепостного права и сохранении всей земли за помещиком последнему не грозило разорение ни в случае обработки всей земли наемным трудом, ни при аренде земли безземельными крестьянами. Поэтому применительно к помещичьему хозяйству экономический тупик можно считать не абсолютным, а всего лишь относительным.

И в Эстонии, считает автор, крепостнические отношения сдерживали развитие крестьянского хозяйства, которое не было в достаточной мере застраховано от помещичьего произвола и всяких неожиданностей, препятствовали социальной мобильности, маневрированию рабочей силой, способствовали относительному аграрному перенаселению, сдерживали буржуазную социальную дифференциацию (с. 348—351). Крепостное хозяйство находилось в тупиковом состоянии и в социальном, и в политическом смысле.

В книге излагается история помещичьего и крестьянского хозяйства в условиях «остзейского» варианта аграрной политики правящих классов, социальной борьбы крестьянства с конца XVII в. до середины XIX века. Автор построил шестифакторную регрессионную математическую модель крестьян-

ского хозяйства, которая позволила уточнить связи между крепостнической эксплуатацией и экономическим состоянием крестьянского хозяйства (с. 114—117). Для оценки соответствия аграрной политики помещиков и центрального правительства социально-экономическим условиям Прибалтики, автор также применил математические методы (некоторые неточности, допущенные им, не повлияли, думается, принципиально на результаты анализа). Было бы интересно сопоставить, как дворянство и крестьянство оценивали возможные потери от предполагаемых реформ.

Для решения важного вопроса о зависимости между экономическим положением крестьян и их участием в антикрепостнических волнениях Кахк применяет корреляционный анализ и на его основе приходит к выводу, что прямая механическая связь в данном случае отсутствовала. Подобные движения начинали более угнетаемые слои, имевшие непосредственный повод для недовольства, а затем в борьбу включались и те крестьяне, которые находились в относительно лучших условиях (с. 372—373). Думается, для проверки этого тезиса было бы целесообразно построить динамические ряды тяжести повинностей в отдельных имениях и проследить, какую роль играл сам факт увеличения повинностей, то есть отхода от традиционных или закрепленных законом норм.

Монография содержит ценный материал для сопоставления положения и борьбы эстонского и русского крестьянства, уровней развития сельскохозяйственного производства в российской и эстонской деревне в середине XIX века. Крепостническая система хозяйствования в великороссийских губерниях еще не достигла предела своих возможностей, говорить о разложении и кризисе там крепостничества в экономическом смысле преждевременно.

В Прибалтике и других странах Центральной и Восточной Европы отмена крепостного права происходила в два этапа. На первом крепостнические отношения ограничивались, регламентировались, ставились в рамки закона и только спустя 150—200 лет наступал второй этап — их полная отмена. Русская деревня не знала первого этапа, в 1760—1780 гг. крепостничество там только достигло апогея и практически в таком «цветущем» виде было отменено в 1861 году.

Эстонский вариант, как показывает Кахк, свидетельствует, что юридическая защищенность эстонского крестьянства развивала в нем чувство достоинства, уважения к собственной личности и тем способствовала стремлению вести борьбу до полного освобождения. Кроме того, юридическая защищенность движимого имущества и результатов труда эстонского крестьянина поощряла его хозяйственную инициативу, что имело следствием и более высокую производительность труда, высокий жизненный уровень, большую продолжительность жизни. Было бы хорошо подкрепить этот тезис данными о питании, здоровье, бюджете.

Автору стоило бы поподробнее и более четко рассказать о целях и лозунгах крестьянского движения, о крестьянских законах 1765, 1804, 1817—1819, 1849 и 1856 годов. Нет оснований каждое выступление крестьяи считать политическим (с. 379), а борьбу крестьянства — всегда классовой. Думается, что применительно к XVIII — первой половине XIX в. было бы целесообразнее вместо термина «феодализм» использовать термин «крепостничество».

Б. Н. Миронов

Г. А. КОСМАЧ. ***Кризис германского либерализма в годы Веймарской республики. Идеология и политика Немецкой демократической партии в 1918—1929 гг.*** **Минск. Изд-во «Университетское». 1989. 190 с.**

Работа доцента Минского педагогического института кандидата исторических наук Г. А. Космача — первое в советской историографии монографическое исследование истории Немецкой демократической партии (НДП). Автор использовал материалы из фондов Центрального государственного архива ГДР в Потсдаме, официальные публикации документов НДП, ее периодику, труды идеологов партии, мемуары.

Значительное внимание уделено в работе идейным истокам НДП, в связи с чем дается анализ взглядов ведущих идеологов немецкого либерализма — Ф. Наумана,

М. Вебера, Л. фон Брентано, В. Ратенау и др. Либеральное течение в кайзеровской Германии у нас почти не изучено, поэтому даже краткий очерк его, содержащийся в книге, представляет интерес. Речь идет прежде всего о его виднейших представителях в начале нынешнего века — Наумане и Вебере. В работе показано, что немецкий либерализм не был однородным течением, отмечена роль его прогрессивного крыла, унаследовавшего традиции южногерманского либерализма — борьбы за политическую свободу, антимилитаризма, критики реакционного пруссачества. Сильной стороной работы является анализ экономической программы НДП, выявление ее связей с определенными группировками крупного капитала.

Наивысших успехов НДП добилась в 1919 г. на выборах в Национальное собрание, став третьей партией по числу депутатов после СДПГ и партии Центра. Но уже в 1920 г. на выборах в рейхстаг она потерпела крупное поражение. Основными причинами падения влияния НДП автор справедливо считает все возраставший разрыв между провозглашаемыми ею целями и реальной политикой, неспособность решить острейшие социальные проблемы, все больший перевес правого крыла, опиравшегося на «комитет работодателей» внутри партии и делавшего одну за другой уступки крупному капиталу в ущерб программным положениям о «социальном либерализме». Сыграл свою роль и общий поворот монополистических кругов после Ноябрьской революции, когда миновала угроза их власти, к поддержке реакционных партий (с. 55—56).

В книге обстоятельно рассмотрен кризис НДП — идейный и организационный. Соглашаясь с основными выводами о главных причинах кризиса партии и всего представляемого ею идейно-политического течения, хотелось бы высказать некоторые замечания по авторской концепции. Думается, что 1929 г. во многом искусственно выбран для хронологических рамок работы. Для НДП такой цезурой был скорее 1928 г., когда партия потерпела крупное поражение на выборах и выявились глубокий кризис либеральной идеологии и обострение всех противоречий в рядах НДП. Логичным был бы также выбор в пользу 1930 г., когда произошло преобразование НДП в Немецкую государственную партию на основе слияния с реакционным Младогерманским орденом.

Долгое время советские германисты находились под давлением оценок, содержавшихся в документах КПГ и Коминтерна. Однако в них, как известно, имелись ошибочные установки. Не способствовала самостоятельности советской германистики и необходимость постоянной оглядки на историков ГДР, которые, в свою очередь, находились под прямым идеологическим прессом СЕПГ. Гипертрофия «классового подхода» чувствуется в некоторых случаях и в рецензируемой книге. Стоило ли, в самом деле, использовать в научной работе лозунговую терминологию КПГ, согласно которой «веймарская демократия в конечном итоге являлась диктатурой буржуазии» (с. 47), а «буржуазные партии голосуют в рейхстаге только после указаний капитанов промышленности»? (с. 124). В первом случае стирается всякое различие между парламентским республиканским режимом и диктатурой; во втором — сбрасывается со счетов известная самостоятельность буржуазных партий, их способность при необходимости быть выше частных интересов отдельных группировок буржуазии.

Трудно согласиться с утверждением, что «в ходе Ноябрьской революции и послевоенного подъема рабочего движения либералы оказались в одном лагере с реакцией» (с. 153). НДП находилась «в одном лагере» с СДПГ и партией Центра — «веймарской коалиции», или, включая Немецкую народную партию, — «большой коалиции», но решительно отвергала сотрудничество с монархической Немецкой национальной партией. В 1920 г. она выступила против монархического заговора Каппа — Лютвица, поддержав вместе с СДПГ и КПГ всеобщую стачку протеста, приведшую к поражению этой антиреспубликанской вылазки реакции. НДП заявила о себе именно как левобуржуазная партия, стоявшая на страже веймарской буржуазно-демократической конституции.

Думается, не стоило так навязчиво подчеркивать «антидемократический» и «антинародный» характер политики НДП (с. 56, 81—82). Слов нет, НДП на протяжении 20-х годов все более становилась на сторону крупного капитала, что вполне убедительно показано автором. В этом смысле провозглашавшийся ею «социальный либерализм» немногого стоил. Однако следовало бы отдать должное и усилиям НДП в области политических свобод, основных прав человека, утверждения концепции правового государства. Иначе возникает опас-

ность неправомерного смещения вправо всего облика этой партии.

Наконец, критика деятелями НДП большевистской идеологии и практики «социалистического строительства» в СССР сегодня уже не может восприниматься как сплошное очернительство или проявление исходной антикоммунистической позиции (в отличие от некоторых содержащихся в книге оценок). Следует признать, что это была критика с общедемократических позиций, например, когда шла речь о политической системе советского общества (с. 162), о месте в ней профсоюзов (с. 97), о социалистической экономике (с. 82).

В. Н. Виноградов

Geschichte der Kärntner Slowenen von 1918 bis zur Gegenwart unter Berücksichtigung der gesamtslowenischen Geschichte. Klagenfurt (Celovec). 1988. 226 S.

История каринтийских словенцев с 1918 г. до настоящего времени с обзором истории всех словенцев

Рецензируемая книга выпущена словенским издательством Общества св. Могора в австрийском городе Клагенфурт (слов.— Целовец). Коллектив авторов состоит из историков-словенцев и частично из ученых, принадлежащих к немецкоязычному населению. Это преподаватели университетов в Вене, Зальцбурге, Триесте, учители гимназий в Целовце, чиновники министерства просвещения. Они рассказывают о судьбах каринтийских словенцев, которые оказались в составе Австрии в результате плебисцита 1920 г., решившего спор об этих землях между Югославией и Австрией в пользу последней.

В книге рассмотрена история словенского населения Каринтии, начиная со времени его прихода в альпийские земли и кончая распадом Габсбургской монархии и плебисцитом. Сделано это в тесной связи с историей всего словенского народа, что вполне оправданно, поскольку почти все словенские земли находились в пределах Габсбургской монархии. С большим тактом показаны авторами отношения между словенцами и немцами, подчеркивается, что в борьбе против господствующих классов крестьяне и рабочие обоих народов нередко выступали единым фронтом.

Много внимания уделено в книге сложным политическим, экономическим и этническим процессам, связанным с формированием австрийской нации, которую, по мнению автора соответствующего раздела, составляют не только немецкоязычное население Австрии, но и славяне (словенцы, чехи, словаки, хорваты), как и евреи, цыгане и пр. К австрийской нации причисляется также и немецкоязычное население Тироля (Италия) (с. 62—63). Однако применяемый при этом метод не ясен: смешиваются принципы государственной и этнической принадлежности. Словенцев и другие славянские и неславянские народы вряд ли можно причислять к австрийской нации, которую, как мы считаем, составляет прежде всего немецкоязычное население. По-видимому, с этим согласно и большинство авторов книги: через всю книгу проходит мысль о национальном единстве каринтийских словенцев со словенцами, живущими в Югославии и Италии.

Судьба каринтийских словенцев как особой национальной общности в годы межвоенной республики и фашистской оккупации была трагична. Сразу же после плебисцита 1920 г. началась усиленная их германизация, которая имела определенный успех. Причинами этого, по мнению авторов, были, с одной стороны, отрыв словенского населения Каринтии от основной массы словенцев, а с другой — активная германизаторская политика австрийских властей и местных националистов, рассматривавших словенцев как врагов Австрии и агентов соседней Югославии.

Неприязнь каринтийских словенцев к австрийским властям выразилась в том, что примерно треть их приветствовала аншлюс, чему способствовала, по мнению авторов, политика германских властей, заинтересованных в том, чтобы сделать Югославию своим союзником и поэтому сначала относившихся к словенцам лояльно. Однако местные нацисты закрывали словенские школы, культурные и экономические общества.

После падения Югославии начался настоящий террор. Каринтия (наряду с Штирией и Верхней Крайной) была включена в пределы третьего рейха. Уже в 1942 г. в южной Каринтии началась партизанская борьба, которая развивалась в тесной взаимосвязи с югославским национально-освободительным движением. Основу партизанских отрядов составляли словенцы, много среди них было дезертиров из немецкой армии. В 1944 г. к партизанам стали присоединиться и австрийские антифашисты.

Авторами рассмотрена также история словенцев в Югославии и Италии. В Италии они подвергались преследованию властей, пытавшихся их денационализировать. В Югославии словенцы, несмотря на различные препятствия, имели все же более благоприятные условия для политического и культурного развития, чем в Италии и Австрии.

Большое место в книге занимает изложение событий послевоенного периода борьбы каринтийских словенцев за свои права, развитие национальной культуры. Созданный еще в годы нацистского режима Освободительный фронт, объединявший словенских патриотов Каринтии — от коммунистов до католиков,— выступал за объединение всех словенских земель, чего требовало и югославское правительство, поддерживаемое Советским Союзом. Однако США, Великобритания, Франция, правительство Австрии настаивали на неприкосновенности ее границ. Британские оккупационные власти всячески препятствовали деятельности Освободительного фронта, в котором в конце концов остались коммунисты и сочувствующие. Отделившиеся от него католики образовали собственный центр, выступавший за то, чтобы словенские районы Каринтии остались в Австрии, и добившийся некоторых успехов в борьбе за национальные права словенцев.

Авторы пишут, что на положение каринтийских словенцев повлияли резолюции Коминформа относительно компартии Югославии от 1948 и 1949 годов. Хотя СССР внешне и поддерживал требования Освободительного фронта, в действительности Советское правительство, как подчеркивается в книге, давало понять Югославии, что не поддержит ее территориальных притязаний. Думается, однако, что это утверждение нуждалось в более серьезном документальном подтверждении, учитывая, в частности, что югославское правительство еще в апреле 1947 г. отказалось от всяких территориальных претензий к Австрии.

По настоянию СССР в Государственный договор 15 мая 1955 г. о восстановлении независимой и демократической Австрии была включена ст. 7, предусматривавшая право живущих в альпийской республике словенцев и хорватов создавать свои организации и школы, иметь периодические издания, свободно пользоваться родным языком во всех учреждениях на территории проживания, участвовать в работе государственных, культурных и общественных учреждений. Австрийское правительство обязывалось пресекать деятельность организаций, выступающих против национальных прав словенцев и хорватов.

Судя по материалам, приводимым в книге, послевоенные австрийские правительства проводили по отношению к словенцам сравнительно лояльную политику. Но тем не менее процесс их ассимиляции ускорился, численность их неуклонно уменьшается. Пытаясь объяснить это явление, авторы ссылаются на объективные (втягивание словенского населения в общее экономическое развитие Каринтии и Австрии в целом, специфика его социальной структуры, низкий уровень образования) и субъективные (неприязненное отношение немецкоязычного населения, непрестижность словенского языка) причины. Спасение словенцев Каринтии от ассимиляции авторы видят в предоставлении словенскому языку равных прав с немецким, в неукоснительном исполнении ст. 7 Государственного договора с Австрией. Думается, однако, что этого условия все же недостаточно, чтобы гарантировать словенцев от денационализации.

«История каринтийских словенцев» рассказывает о судьбе народа, много столетий находящегося под властью чужеземцев и пытающегося сохранить свою национальность.

И. В. Чуркина

J. CHLEBOWCZYK. *Miedzy dyktatem, realiami a prawem do samostanowienia. Prawo do samookreslenia i problem granic we wschodniej Europie Srodkowej w pierwszej wojnie swiatowej oraz po jej zakonczeniu.* Warszawa. PWN. 1988. 614 s.

Ю. ХЛЕБОВЧИК. *Между диктатом, действительностью и правом на самоопределение. Право на самоопределение и проблема границ в Центральной и Юго-Восточной Европе в период первой мировой войны и после ее окончания*

Монография ныне покойного польского историка Ю. Хлебовчика завершает цикл его работ о процессе формирования наций и национального самосознания у народов Центральной и Восточной Европы вплоть до образования независимых государств после Великой Октябрьской революции и первой мировой войны [1].

В монографии Хлебовчика, изданной в 1975 г., процесс образования наций рассматривался в основном в контексте эволюции общественного сознания (составными частями которого является, по мнению автора, классовое и национальное сознание) в условиях становления капитализма. Сравнивая Запад и Восток Европы, автор пришел к выводу о двух моделях формирования наций. Для западного региона был характерен переход от государственной общности к языковой, а от нее — к национальной; для восточного: от языковой к национальной и от нее — к государственной [2]. Лишь с середины XIX в. можно, по мнению автора, говорить применительно к этому региону о возникновении языковоединых национальных общностей, стремящихся к освобождению и созданию независимых государств.

На первой фазе рассматриваемого процесса осуществляется эмансипация, интеграция и унификация языково-этнических групп, т. е. формирование «национальности», стадиально предшествующей нации и имеющей лишь языково-этнические характеристики: современный литературный язык, единые моральные нормы, зафиксированные в обычном праве, общее культурное наследие и психический склад при отсутствии, однако, социально-политической структуры. Национальности свойственна «внутренняя национальная связь». Отсюда особая роль интеллигенции — «будителей» как социальной силы, интегрирующей национальные организмы, а также и способствующей формированию их исторического сознания [3]. К началу второй фазы завершается формирование нации, национального меньшинства или национальной группы [4]. Процесс этот протекает в неразрывной связи с демократизацией общественных отношений.

Во второй фазе рассматриваемого процесса — «политической» — сначала формируется стремление к внутренней суверенности, а затем — к суверенности внешней. Возникает «национальный вопрос», связанный с решением проблем национальной территории и границ [5]. Национальная связь преобразуется в «национальную идею», выступающую как основа национального солидаризма и противостоящую классовому сознанию, внутриклассовой солидарности (классовые противоречия отходят при этом на второй план) [5]. К концу XIX в. национализм перерастает в шовинизм, а в ряде случаев и в расизм.

Хлебовчик стремится диалектически рассмотреть взаимосвязь между развитием и национальной интеграции и стремлением к национальной обособленности в государственных рамках, с одной стороны, и развитием внешних связей и влияний, наполнением национальных идеалов универсальным общечеловеческим содержанием — с другой. Главной социальной силой второй фазы развития нации в рассматриваемом регионе было, как считает автор, крестьянство (вернее наиболее состоятельная и активная его часть), к которому в более развитых обществах присоединялась буржуазия [7].

[1] Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze we wschodniej Europie Srodkowej w dobie kapitalizmu. Warszawa—Kraków. 1975; ejusd. Swiadomość historyczna jako szynnik procesu narodotwórczego.— Dzieje najnowsze. R. IX.1977, № 1; ejusd. On Small and Young Nations in Europe: Forming Processes in Ethnic Borderlands in East-Central Europe. Wrocław. 1980; ejusd. O prawie do bytu małych i młodych narodów. Warszawa — Kraków. 1983.

[2] Chlebowczyk J. Procesy narodotwórcze.., s. 18.

[3] Ibid., s. 103—106, 137.

[4] Ejusd. Swiadomość historyczna.., s. 106.

[5] См. ejusd. O prawie do bytu.., s. 56.

[6] Ejusd. Procesy narodotwórcze.., s. 150.

[7] Ibid.

В рассматриваемых работах Хлебовчик ограничился идеологическими аспектами истории национального движения и национального самосознания и отвлекся от рассмотрения такого существенного фактора, как экономическое развитие. Сконструированная им модель не является принципиально новой (в межвоенный период ее придерживался, например, М. Хандельсман) [8].

Рецензируемая монография посвящена завершающему этапу формирования национальной идеологии в Австро-Венгерской, Российской и Османской империях. Свою основную задачу автор видит в анализе ирреденты, т. е. мировоззренческих концепций, политических программ, конкретных стремлений и усилий в направлении реализации права наций на самоопределение и разрушение существующих политических, государственных и территориальных структур, оформление новых государственных организмов на основе культурно-этнической общности (с. 53). Хронологически работа охватывает время от первой русской революции до начала 20-х годов.

Автор стремится в первую очередь выявить взаимосвязь и взаимозависимость национального и социального факторов. Применительно к Османской империи наиболее тесное переплетение этих проблем выявилось в период революции младотурков (1908—1913 гг.). Значительное место автор отвел рассмотрению различных форм ирреденты у народов Австро-Венгерской монархии: в Чехии, Венгрии, Румынии, Трентино и Триесте, у югославских народов. Решение национальной проблемы в Австро-Венгрии в любой форме — дуализма или федерации,— подчеркивает автор, было невозможно без решения социальных проблем и преобразования полуфеодального государственного организма, в первую очередь за счет отстранения от власти австрийских и венгерских господствующих слоев и немецкой бюрократии.

Существенным фактором в развитии национальных процессов и межнациональных отношений в Центральной Европе становится Германия, экономическое влияние которой в Австро-Венгрии усиливается и по линии экономической интеграции двух государственных организмов. Пангерманисты выдвигали идею центрально-европейской федерации на основе унии Германии и Австро-Венгрии с перспективой дальнейшего расширения этого образования на юг и восток (с. 233—234). Заключительная фаза ирреденты приходится, по мнению автора, на первую мировую войну, стимулировавшую национальные процессы.

Существенное место в книге отведено рассмотрению роли социал-демократических партий в национально-освободительном движении, их программ по национальному вопросу. На примере чешской и польской социал-демократии, скептически относившихся к требованию независимого национального государства, автор убедительно показал, что социал-демократы, игнорировавшие существующие реалии, сами поставили себя в условия изоляции.

Революция 1905—1907 гг. в России ускорила развитие национального самосознания народов, как по линии требований об институализации национально-культурных форм жизни, так и по линии борьбы за воссоединение, преодоление территориальной раздробленности и образование независимого государства (поляки, финны). Национальное движение еврейского народа вылилось в русло, с одной стороны, сионистской программы создания суверенного государства евреев в Палестине, а с другой — фолькизма (требования национально-культурной автономии на территории проживания) (с. 26—27). Ответом на рост национального самосознания стала активизация великодержавно-шовинистических организаций (Союз русского народа, Союз националистов в 1909—1910 гг. и др.). Автор показывает всю пестроту форм, которые принимало национально-освободительное движение.

Весьма актуальным представляется анализ ленинской теории национального вопроса и сопоставление ее со взглядами Сталина и других деятелей партии, а также и с реальной политикой Советской власти в области межнациональных отношений. Автор считает, что ленинская программа по национальному вопросу была наиболее радикальная из всех существовавших в 1913—1919 годах. Провозглашение права наций на самоопределение было необходимо для демократического и прогрессивного развития наций. По мере демократизации государственного строя ослабевают центробежные тенденции, все более явственно проявляются выгоды существования крупного государства. В. И. Ленин подчеркивал общедемократическое содержание в национализме угнетенной нации. Вместе с тем он разделял точку зрения К. Маркса и Ф. Энгельса, ставивших решение национального во-

[8] Handelsman M. Historyka. Warszawa — Kraków. 1928, s. 9—10.

проса в зависимость от интересов пролетариата.

В 1918 г. Ленин заявил, что интересы существования социалистической республики и интересы социализма в конкретной ситуации, тогда сложившейся, стоят выше, чем право наций на самоопределение (Польши, Литвы, Курляндии и пр.)[9]. Такое заявление, по мнению автора, привело к тому, что в глазах «инородцев» Советская власть стала выглядеть репрессивной, проводящей политику национальной дискриминации. Положение в национальных областях усугубляла негибкая политика большевиков, опиравшихся на пролетариат, который в национальных районах в подавляющем большинстве состоял из русских рабочих. Для них было характерно безразличие к национальным проблемам и отрицание любых проявлений национального самосознания, которое рассматривалось как проявление буржуазного национализма.

Позднее Ленин сумел оценить опасность, которую таил в себе такой подход к решению национального вопроса. На VIII съезде ВКП(б) он критиковал Л. Г. Пятакова, призывавшего к «отмене наций»[10]. Диалектичность ленинского мышления, подчеркивает автор, особенно впечатляет на фоне схоластических «теоретических изысканий» Сталина, подходившего к этому вопросу с позиций примитивно понимаемой идеи мировой революции, автономизации национальных областей. Всякое же национальное движение рассматривалось как проявление реакции.

Автор считает, что пролетариат является составной частью своей национальной общности и поэтому должен представлять в борьбе за власть не только свои классовые, но и общенациональные интересы.

Для характеристики процесса образования независимых государств Ю. Хлебовчик предложил термин «демократически-национальная (социально-национальная) революция», которая идет значительно дальше буржуазно-демократической, реализуя идеи национальной независимости и завершая процесс образования нации (с. 452—453). Термин, предложенный автором, по-видимому, не может считаться бесспорным, однако достаточно точно характеризует национальное движение эпохи капитализма. В целом же автор следует ленинской схеме образования нации и национального государства, продолжая в то же время традиции польской историографии. Его работа направлена против сталинской «теории» наций, исключавшей само понятие национального самосознания, которое объявлялось проявлением буржуазного национализма.

Т. М. Симонова

[9] Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 35, с. 251.
[10] Там же, т. 38, с. 181.

УЧЕНЫЕ КИТАЯ ИЗУЧАЮТ ИСТОРИЮ СССР

Исследование истории СССР в Китае — пока еще слабо развитая отрасль науки. Старый Китай не оставил в этом плане ничего. К 1949 г. в стране не было почти ни одной книги по этой проблематике. Только после победы народной революции исследование истории СССР вышло на широкий простор и превратилось в одну из составных частей китайской исторической науки.

В 50-х годах была переведена на китайский язык серия книг советских ученых по истории СССР. Среди них: «История СССР» (под ред. А. М. Панкратовой, учебник для средней школы), «История СССР» (т. II, под ред. М. В. Нечкиной), «История народного хозяйства СССР» (под ред. П. И. Лященко), вступительная статья А. М. Панкратовой к публикации «Рабочее движение в России в XIX веке», «История СССР периода социализма» (под ред. М. П. Кима), монографии П. А. Зайончковского «Отмена крепостного права в России», В. Н. Яковцевского «Купеческий капитал в феодально-крепостнической России».

За последние годы переводится все большее число книг советских ученых на китайский язык. Среди них: М. Н. Покровский «Русская история в самом сжатом очерке», «Крестьянские войны в России XVII—XVIII вв.» (под ред. И. И. Смирнова); Н. И. Павленко «Петр Первый», М. Т. Иовчук и И. Н. Курбатова «Плеханов», Р. Г. Скрынников «Иван Грозный»; Б. А. Романов «Россия в Маньчжурии» и «Очерки дипломатической истории русско-японской войны (1895—1907 гг.)»; М. К. Касвинов «Двадцать три ступени вниз».

В 50-х годах в Китае начали готовить специалистов по истории СССР. В 1955—1957 гг. на историческом факультете Пекинского университета была организована специальная группа аспирантов под руководством доцента Московского университета С. И. Антоновой. Выпускники группы впоследствии работали в учебных заведениях и исследовательских учреждениях Китая. В то же время в Советский Союз были посланы китайские студенты и аспиранты. Они изучали историю СССР и после возвращения на родину сыграли и до сих пор играют большую роль в распространении знаний по истории СССР и в ее исследовании. Некоторые выпускники исторических факультетов китайских университетов, а также изучавшие в них русский язык тоже занимаются исследованием проблем истории СССР.

В 1966—1976 гг., когда в Китае происходила «культурная революция», исследовательская работа в этой области полностью остановилась. После «культурной революции», со времени 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.), началось быстрое восстановление и развитие исследований по истории СССР. Появился ряд специальных учреждений по изучению Советского Союза. В Институте всемирной истории Академии общественных наук КНР, в Пекинском университете и во многих высших учебных заведениях страны работают сегодня специалисты по вопросам истории СССР. В ряде университетов и институтов читаются специальные курсы истории СССР, с 1978 г. началась подготовка аспирантов в университетских и исследовательских учреждениях.

В результате развертывания исследовательских работ растет число опубликованных в журналах статей, касающихся различных проблем истории СССР. Издаются специальные журналы по истории СССР (например, в Ланьчжоуском университете и в Шаньсийском педагогическом институте). Кроме того, в Амурском университете выпускается журнал «Вопросы СССР», а в Гиринском университете — «Исследования общественных наук СССР». В них также печатаются статьи по истории СССР.

За последние 10 лет в Китае изданы такие обобщающие и монографические работы, как «Краткий очерк истории России» (в 2-х тт.), «История СССР (1917—1945)»; «Краткий очерк военной истории России», «История агрессивно-экспансионистской политики царской России» (в 2-х тт.), «История Октябрьской революции», биографии Н. И. Бухарина, П. А. Кропоткина, М. А. Бакунина, Л. Д. Троцкого Многие из этих книг стали учебными пособиями для студентов вузов, изучающих историю СССР.

О результатах, достигнутых китайскими учеными в изучении истории СССР, можно судить по содержанию двух из перечисленных выше работ.

«Краткий очерк истории России», вышедший в 1986 г., представляет собой первый в Китае труд, в котором русская история изложена с древнейших времен до падения царизма. Авторы очерка старались тщательно учитывать мнения К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина по проблемам истории России и опирались на самые новейшие труды китайских, советских и буржуазных ученых. Упор в изложении сделан на вопросы социально-экономического развития, эволюции крепостного строя и царизма, классовой борьбы, внешней политики. Проблемы истории народов России и отношений между ними лишь затронуты в очерке. В нем проводится мысль о закономерности развития российского общества. Авторы считают, что Русь вступила в феодальную формацию в IX веке. Если в IX—X вв. главной формой классового господства был вассалитет без ленов или лены, обложенные только данью (К. Маркс), то в XI в. феодальные отношения стали несомненным фактом. Внутри феодального общества уже в конце XVII в. появились, по мнению авторов, зачатки капиталистических отношений. После 1861 г. капиталистический способ производства наконец стал в России господствующим.

Авторы подчеркивают особенности русской истории. Так, ими отмечается отсутствие рабовладельческой формации на Руси, которая после разложения первобытного строя сразу начала переходить к феодализму.

Если страны Западной Европы вступили в эру капитализма в результате буржуазных революций, то Россия встала на этот путь после отмены крепостного права. В 1861 г. в ней хотя и была революционная ситуация, но отсутствовали социальные силы, которые могли осуществить буржуазную революцию. После 1861 г. в стране сохранились многочисленные пережитки крепостничества, задачи буржуазной революции остались нерешенными. В отличие от буржуазии Западной Европы русская буржуазия не была революционной. Авторы очерка характеризуют формирование

русской буржуазии, отмечают, что она играла большую роль в экономической жизни страны и пыталась участвовать в управлении государством и общественными делами. Но в отличие от западной русская буржуазия была тесно связана с феодальными порядками, подчинялась царизму, долгое время не выставляла самостоятельных политических требований. Ей были присущи исконная политическая слабость и соглашательство, она так и не выросла в революционный класс. Пролетариата она боялась больше, чем реакции, стремилась только к частичной реформе старого строя, к изменению формы власти и сговору с царизмом за спиной народа.

Авторы рассматривают и особенности российского империализма. Речь идет о трех его характерных чертах: крайне неравномерное развитие монополистического капитализма и сочетание его с крепостническими пережитками; зависимость русской буржуазии от царизма; зависимость российского империализма от западноевропейского. Все это свидетельствовало о крайней остроте и сложности противоречий российского общества в начале XX века. Главным из них было противоречие между широкими народными массами и царизмом. Отсюда возникла необходимость буржуазно-демократической революции.

Авторы очерка уделяют большое внимание истории революционного движения в России. Русский народ страдал от гнета и крепостничества, и капитализма. Его сопротивление нашло выражение в XVII—XVIII вв. в трех крестьянских войнах. В XIX в. выступали поочередно три класса, три поколения русских революционеров. В начале XX в. в России произошли три революции. Поэтому русский народ приобрел такое богатство революционного опыта, какого не имела ни одна страна в мире.

В очерке тщательно рассмотрены вопросы истории России, по которым шли дебаты среди ученых в Китае и других странах. Например, по проблеме возникновения государства у восточных славян авторы не соглашаются ни со сторонниками норманнской теории, ни с теми, кто игнорирует деятельность варягов на Руси. Последние, считают авторы, не изменили способа производства и образа жизни восточных славян. Относительно восстания декабристов в Китае было мнение, что оно являлось буржуазной революцией. Авторы очерка подчеркивают, что оно было дворянской революцией. В начале XIX в. в результате начавшегося разложения крепостничества и потрясений в русском обществе выделились из дворянской среды элементы, составившие революционную силу. Их борьба соответствовала нуждам развивающихся капиталистических отношений, но это не были представители буржуазии. Тогда в России дворянство преобладало во всех областях жизни, а формирующаяся буржуазия была слишком слабой и не могла быть руководящей силой в революционном движении.

Важное место в очерке отведено реформам и процессу модернизации России. Особое внимание авторы обратили на преобразования Петра I и реформу 1861 года. Если первые способствовали постепенному движению страны по пути модернизации, объективно создавая условия для развития капитализма, то вторая положила начало капиталистической формации в России. Авторы очерка, анализируя развитие ее народного хозяйства после 1861 г., показали, как Россия за короткое время подняла свою экономическую мощь и приблизилась к индустриально развитым странам. В очерке излагается также материал о развитии общественно-политической мысли, в особенности о распространении демократической и социалистической идеологии. Авторы высоко оценивают успехи, достигнутые русским народом в просвещении, науке, технике, литературе и искусстве, подчеркивают, что он внес ценный вклад в развитие человеческой культуры.

В изданной в 1980 г. книге «История Октябрьской революции» подчеркивается, что это было событие, потрясшее мир и оказавшее глубокое влияние на китайскую революцию.

Авторы проводят мысль о том, что революция была длительным процессом, прослеживая события, охватывающие период от Февральской революции до победы сил революции в гражданской войне. Такой подход показывает органическую связь социалистической революции с буржуазно-демократической, Октябрьской революции — с гражданской войной.

Одним из важных сюжетов книги является процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Авторы отмечают, что после свержения царизма противоречие между пролетариатом и буржуазией стало главным. Исход революции зависел от того, к кому перейдет вся власть: к Советам или к буржуазному Временному правительству. Второй исход означал, что революция закончится половинчато, а первый — что она пойдет быстро вперед, к социализму. Но тогда в большевистской партии не все ясно понимали это, не видели правильного пути. Только Ленин разработал четкую программу перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической.

В книге рассматривается вопрос о мирном и немирном пути развития революции. Авторы, с одной стороны, подчеркивают значение вооруженного пути, который в конечном счете вел к ее победе, с другой — учитывают возможности мирного развития революции в условиях двоевластия, когда буржуазия не могла прибегать к силе, а Россия стала самой свободной из воюющих стран. Когда после июльского кризиса эти условия исчезли, вооруженное восстание сделалось неизбежным. На страницах книги приведены имена многих видных революционеров.

Авторы уделили внимание социалистическому строительству в первые дни Советской власти, экономической и культурной политике, программе развития народного хозяйства страны. В книге показано, что многие иностранные трудящиеся и интернационалисты участвовали в борьбе за победу социалистической революции в России. Здесь говорится, в частности, о находившихся в России китайских рабочих, которые в рядах Красной гвардии защищали дело Октября, приводятся факты, как народы разных стран активно поддержали борьбу русского пролетариата за социализм и выступили против интервенции в Советскую Россию. Резюмируя эти факты, авторы подчеркивают в заключении, что Октябрьская революция — это справедливое дело не только русского, но и других народов мира.

В 1985 г. было создано Всекитайское общество по изучению истории СССР и Восточной Европы, в которое вошли около 150 человек. Каждые два года оно проводит дискуссии по различным темам, относящимся к данной проблематике.

Однако достигнутые успехи пока еще не соответствуют требованиям социалистического строительства в Китае. И все же у китайских ученых крепнет уверенность в том, что в дальнейшем дела пойдут лучше. Залогом этого является более глубокое и всестороннее изучение работ классиков марксизма-ленинизма. Например, раньше в Китае не был известен памфлет Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века». В конце 70-х годов он был наконец переведен на китайский язык. Это произведение Маркса помогает глубже понять историю феодальной России, в том числе генезис русского феодализма, роль варягов, отношения между Россией, Украиной и Белоруссией, внешнюю политику царизма. Еще раньше стала известной в Китае работа Энгельса «Внешняя политика русского царизма». Сталин писал, что в ней немало ошибок. Главная из них, по его мнению, состоит в том, что Энгельс игнорировал противоречие между Германией и Англией. Между тем этот упрек неоснователен, ибо при жизни Энгельса это противоречие еще не было столь очевидным. Важное значение имеет для китайских историков преодоление левацкого идейного влияния, которое оказывал на них краткий курс «Истории ВКП(б)».

Исследование истории СССР в КНР в настоящее время находится под воздействием процессов бурного экономического строительства, которым охвачена страна. Отсюда — повышенный интерес китайских историков к таким проблемам, как модернизация, промышленный переворот и реформы в России, «военный коммунизм», новая экономическая политика, сталинская модель социализма, роль Н. И. Бухарина, Н. С. Хрущева.

В условиях проводимых в КНР реформ и расширения ее внешних сношений усиливается значение научного обмена с учеными других стран, в том числе советскими. Контакты с ними в связи с улучшением отношений между нашими двумя странами, несомненно, будут успешно развиваться.

Сунь Чэнму (КНР)

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

БЫЛИ ЛИ РОМАНОВЫ РОМАНОВЫМИ?

В редакцию поступило письмо М. Д. Бороновского (Иркутск), в котором, в частности, говорится: «Мы привыкли считать, что начиная с царя Михаила Федоровича Россией на протяжении более 300 лет правила династия Романовых. Однако почему она так называется, если начиная с Петра III по существу Россией правили немцы? Разве Петр III, Екатерина II, Павел I и т. д.— русские Романовы? Так почему же считается, что это представители династии Романовых? Вот вопрос, на который я уже давно не могу найти ответа».

Поскольку разъяснения по этому вопросу могут заинтересовать читателей журнала, ниже публикуется ответ доцента Московского историко-архивного института кандидата исторических наук А. Б. Каменского на это письмо.

Вопрос читателя правомерен. Действительно, Петр III, Петр Федорович, на самом деле был Петром-Ульрихом, принцем Шлезвиг-Голштинским. Его жена, Екатерина II, Екатерина Алексеевна, на самом деле София-Августа-Фредерика, принцесса Ангальт-Цербстская. Соответственно, и их потомки были по крови не совсем русскими, а следовательно, как пишет М. Д. Бороновский, «Россией правили немцы». Если бы дело ограничивалось лишь тем, чтобы выяснить национальную принадлежность последних русских царей и их право называться Романовыми, вряд ли стоило бы занимать этим журнальные страницы. Однако понятно, что за вопросом читателя стоит нечто большее. Ведь если Россией на протяжении более чем 150 лет правили немцы, которым, как иногда считают, интересы русского народа были совершенно безразличны, то появляется соблазн именно их обвинить во всех бедах, свалившихся на Россию. Именно такой вывод нередко делается и писателями, и публицистами, а иногда и историками. Но давайте разберемся.

В 1598 г. со смертью царя Федора Иоанновича пресеклась династия Рюриковичей; прямых наследников, в чьих жилах текла бы кровь кого-то из венчанных русских царей, не оставалось. На царский венец могли претендовать и претендовали представители знатнейших семейств, причем основанием претензий служило достаточно близкое родство с царствовавшим домом. Жребий пал на Бориса Годунова. Он особой знатностью не отличался, но его сестра Ирина была замужем за последним Рюриковичем. В годы Смуты на русском престоле, помимо Лжедмитрия I, побывал и еще один царь — Василий Иванович Шуйский. Он был членом как раз одного из знатнейших русских родов, также ведущих начало от Рюрика, причем если царский род шел по прямой линии от Ивана Калиты, то князья Шуйские вели свое начало от его старшего брата. Однако, относясь к Рюриковичам, как, впрочем, и ряд других знатных фамилий, Василий Иванович Шуйский не имел в своих жилах царской крови и потому не принадлежал к их династии. Если бы он и его потомки удержались на троне, это была бы уже династия Шуйских.

В 1613 г. земский собор избрал на царство Михаила Федоровича Романова, чей знатный московский род хотя к Рюриковичам и не принадлежал, но был в родстве с бывшей династией через первую жену Ивана Грозного, Анастасию Захарьину. Это и было началом династии Романовых. Вплоть до конца первой четверти XVIII в. на престоле последовательно сменились цари Алексей Михайлович, Федор Алексеевич, Иван Алексеевич и Петр Алексеевич (Петр I). Их принадлежность и к фамилии, и к династии Романовых сомнений не вызывает. Затем в течение двух лет Россией управляла Екатерина I, имевшая право на престол лишь в качестве вдовы своего мужа. Русской по крови она, как известно, не была.

С петровского времени, когда Россия начинает активно вмешиваться в европейскую политику, и вплоть до падения Романовых в 1917 г. в обычай входят династические браки членов российского царствующего дома с представителями королевских домов Европы. Сразу отметим, что в результате этих браков не только русская кровь размывалась иноземной, но и наоборот, что, впрочем, в Европе было не в диковинку. Здесь нелишне вспомнить, что столь же обычными были подобные браки еще в домонгольской Руси, когда русские князья брали в жены половчанок, литовок, гречанок и т. д., а русская княжна могла стать королевой Франции. И лишь золотоордынское иго и наступивший затем период определенной культурной замкнутости прервал эту традицию.

После Екатерины I на русском престоле сидели сначала внук Петра I, Петр II, а затем его племянница Анна, дочь царя Ивана Алексеевича. Она, в свою очередь, провозгласила наследником внука своей сестры Ивана Антоновича. Имел ли этот младенец право на русский престол? Несомненно, ибо был внуком царя Ивана Алексеевича. Понятно, что у Ивана Антоновича кровь была уже не чисто русской, но, заняв престол, он имел законное право называть себя Романовым, хотя фамилия у него, сына герцога Брауншвейгского, в нашем современном представлении, должна была бы быть иной. Точно таковы же были права на престол и Петра III, ведь он был родным внуком Петра Великого. Что же касается его национальности, о которой в XVIII в. задумывались очень мало, интересуясь больше вероисповеданием, то, по крайней мере по матери, он был русским.

Сменившая Петра III Екатерина II обладала правом на престол в той же степени, что и ее предшественница Екатерина I. С точки зрения тогдашних представлений это право подкреплялось наличием малолетнего сына, законного наследника престола, в чьих жилах также текла кровь великого преобразователя России. (Впрочем, существует недоказанная версия, что Павел I был сыном не Петра III, а Сергея Салтыкова. В этом случае его, конечно, нельзя причислить к Романовым, но зато сильно повышаются шансы его и его потомков считаться русскими.) Последующие русские цари были прямыми потомками Павла I и, следовательно, принадлежали к династии Романовых. Что же касается их национальности, то определить ее весьма сложно, как, впрочем, и национальность членов королевских домов Англии, Франции, Германии, Испании, Швеции и т. д.

Итак, на первый взгляд может показаться, что Бороновский прав по крайней мере в том, что, начиная с Петра III, русские цари были не совсем русскими. Ну, а до Петра III? Полулегендарный Рюрик, к которому восходит род Ивана Грозного, был, как известно, иноземного происхождения. Вообще подавляющее число родов знатного российского дворянства были «выезжими» — «из немец», Польши, Литвы, Орды и т. д. К их числу, например, относятся роды Пушкиных, Лермонтовых и Тургеневых. В XVIII в. дворянство России пополнилось за счет присоединенных областей Прибалтики. Примерно до конца этого столетия «остзейские рыцари» жили достаточно обособленно, пытаясь отстоять свои исторические привилегии. Однако с начала XIX в. шел процесс их ассимиляции. Браки между русскими и прибалтийскими дворянами стали обычным делом. Дочь М. И. Кутузова была в первом браке за адъютантом отца графом Тизенгаузеном, погибшим на поле Аустерлица. В историю русской культуры прочно вошли имена Фонвизина, Дельвига, Кюхельбекера и многих других.

И «выезжавшие» в XIII—XVI вв. на русскую службу знатные европейцы и татарские мурзы крестились в православие, быстро перенимали русские обычаи, русский уклад жизни. Уже в третьем, а то и во втором поколении, породнившись с русскими семьями, они становились русскими по культуре и сами активно участвовали в ее формировании.

А. Д. Кантемир был сыном молдавского господаря, к роду валашских бояр принадлежал и М. М. Херасков. Отец И. И. Хемницера был уроженцем Саксонии, а отец В. В. Капниста — выходцем из Греции. Фамилия Д. И. Фонвизина еще в XIX в. писалась как Фон-Визин, а национальное происхождение Ф. А. Эмина не установлено: он родился в семье не то венгра, не то поляка, да к тому же принявшего магометанство.

Представить себе русскую культуру XVIII в. без этих имен так же невозможно, как невозможно представить ее без русских Тредиаковского, Ломоносова, Сумарокова, Державина. Значит ли это, что русскую культуру создавали не русские? Ничуть. Все это были люди думавшие, говорившие и писавшие по-русски. Это были представители русской культуры, ее неотъемлемая часть. Россия практически всегда была многонациональным государством. Историю ее вместе с русским народом творили люди разных национальностей, для которых она 100, 200, 300, 500 и более лет назад стала родиной. В значительной степени именно благодаря многонациональному характеру Российского государства русская культура приобрела мировое значение.

Что же касается царей династии Романовых, чья роль в русской истории на протяжении длительного времени у нас замалчивалась или искажалась, то очевидно, что характер их деятельности определялся не соотношением русской, немецкой, французской, английской, шведской, датской и прочей крови в их жилах, но личными качествами каждого из этих царей. Именно эти качества влияли на то, какой след оставил тот или иной из Романовых в истории России.

А. Б. Каменский

«ДО НАРОДА И ПАЛЬЦЕМ НЕ ДОТРАГИВАЙТЕСЬ!»

Н. П. Огарев в своей революционной деятельности огромное внимание уделял работе среди войск. Он систематически и настойчиво пропагандировал идею сближения армии с народом[1] и рассматривал это сближение в качестве гаранта победоносной революции в России: «При значительном крестьянском восстании солдаты по мужикам стрелять не станут»[2]. Огарев

[1] Огарев Н. П. Избранные социально-политические и философские произведения. Т. I. М. 1952, с. 527—584; Общее вече, 15.X.1862, № 4.

[2] Колокол, № 51, 1.IX.1859, с. 406.

понимал, что сила и размах революционного движения, ход и исход революции в значительной мере зависят от того, на чьей стороне выступит армия. Он выдвинул и развил идею военно-крестьянского восстания: инициатива его должна принадлежать армии, а массовые, повсеместные выступления крестьян должны его поддержать.

Печатная продукция Вольной русской типографии, и прежде всего статьи и брошюры Огарева, имела хождение среди офицеров в воинских частях, флотских экипажах, в военно-учебных заведениях, о чем свидетельствуют обнаруженные мною в архивах судебно-следственные материалы.

Юнкер В. Трувеллер, бывший студент Петербургского университета, во время возвращения из заграничного плавания в Россию в 1862 г. дал подшкиперу Евдокимову брошюру Огарева «Что надо делать войску». Последний донес об этом начальству. 13 июня 1862 г. Трувеллера арестовали, на фрегате был произведен тщательный обыск. У гардемарина В. Я. Дьякова нашли несколько экземпляров брошюры «Что нужно народу» и подборку экземпляров газеты «Колокол» за 1857—1862 годы. По прибытии фрегата «Олег» в Гамбург там оказалась посылка на имя Трувеллера, которая была немедленно вскрыта — в ней обнаружили около 1 тыс. экземпляров брошюры «Что нужно народу».

На допросах Трувеллер заявил, что содержание конфискованной у него литературы он считает «евангельскою истиной» и что собирался купить за границей станок и шрифт, чтобы самому печатать подобные сочинения, но не успел[3]. К сожалению, дальнейшую судьбу Трувеллера из-за отсутствия документов проследить трудно. Позднее, уже в русских водах, при разоружении фрегата «Олег» в дуле одного из орудий было найдено еще 186 экземпляров брошюры «Что нужно народу»[4].

Примечательна судьба подполковника А. А. Красовского — участника Крымской войны 1852—1856 годов. В связи с тяжелым ранением он был прикомандирован к Киевскому кадетскому корпусу. Узнав, что расквартированному под Киевом 4-му резервному батальону отдан секретный приказ приготовиться к походу в местечко Богуслав Каневского уезда для усмирения крестьян, отказавшихся подписывать уставные грамоты, он возмутился. За два дня до выступления, 17 июня 1862 г., Красовский подбросил на территорию лагеря несколько конвертов с надписью: «Солдатам Житомирского полка 4-го резервного батальона. Передавайте, молодцы, из роты в роту». В конверты были вложены листовки, написанные им от руки, но разными почерками. Листовки заканчивались одними и теми же словами, а именно: «Поведут вас — идите, но помните: до народа и пальцем не дотрагивайтесь! Кровь его (говорит слово Божие) падет на вас и на детей ваших. Аминь!».

Во время обыска в квартире Красовского было обнаружено большое количество бумаг с выписками из газеты «Колокол», печатные брошюры «Что нужно народу» и «Что надо делать войску» и множество других изданий Вольной русской типографии[5]. Красовский на следствии и суде заявил, что листовки сочинил и подбросил он сам. Сделал он это вследствие сильного негодования покорностью войск и позорной ролью, которую им отводит правительство в деле крестьянской реформы. 11 августа 1862 г. военный суд приговорил Красовского «к лишению чинов, дворянского достоинства, бронзовой медали в память войны 1853—1856 годов, всех прав состояния и к смертной казни расстрелянием»[6].

На приговоре военного суда Александр II 11 октября 1862 г. наложил такую резолюцию: «Подполковнику Красовскому заменить смертную казнь политической смертью с исполнением над ним обряда, в сем случае в законах установленного, и затем сослать в каторжную работу в рудники на 12 лет». А. И. Герцен так откликнулся на эту расправу: «Красовский, заслуженный полковник, покрытый ранами и крестами, был выведен в октябре месяце в Киеве на площадь; у него сорвали эполеты и ордена, бросили ему одежду осужденного на каторжные работы, заковали в кандалы и отправили в рудники на двенадцать лет. Преступление его состояло в пропаганде между солдатами, которых он умолял не стрелять в крестьян»[7]. О дальнейшей судьбе Красовского, к сожалению, никаких материалов у нас нет.

М. Я. Попов,
кандидат исторических наук,
Загорск

---

[3] Центральный государственный исторический архив СССР, ф. III Отделения, 1 я эксп., 1862 г., д. 23, ч. 9, л. 24.
[4] Там же, лл. 64, 76.

[5] Центральный государственный военно-исторический архив СССР, ф. Ауд. департ. (Л), 3-е отд., 2 стол, 1862 г., св. 667, д. 48, лл. 185, 301—301об, 370—632.
[6] Там же, л. 366.
[7] Там же, л. 68; Герцен А. И. Полное собрание сочинений и писем. Тт. I—XXII. Пг. 1919—1925. Т. XVII, с. 238.

РЕПЛИКА

В № 7 «Молодой гвардии» помещен материал лектора общества «Знание» В. Хорина «Когда молчат историки, или Несколько вопросов журналу «Вопросы истории».

«Серьезная озабоченность» Хорина вызвана опубликованием у нас «работ с откровенно антирусской направленностью», к числу которых он отнес статьи Э. Мюле о методах датировки основания Киева, Е. В. Анисимова о Петре I, М. А. Аннанепесова об обстоятельствах «добровольного» присоединения Туркменистана к Российской империи, а также перепечатку работ Л. Д. Троцкого «Сталинская школа фальсификаций» и К. Маркса «Разоблачения дипломатической истории XVIII века».

По мнению Хорина, ценность исторического свидетельства зависит в первую очередь от того, принадлежит ли оно иностранцу или нашему соотечественнику. Не может быть прав и историк, если он, допустим, немец и берется оспаривать нашего соотечественника. Да и историку с русской фамилией (как, например, Анисимову), раз он утверждает что-либо дающее повод для «патриотической озабоченности», доверять нельзя.

«Молодая гвардия» уже не единожды писала о публикациях «Вопросов истории», но мы не считали необходимым вступать в полемику. Заметка Хорина, однако,— особый случай. Здесь шовинистически-«патриотическая» позиция выступает особенно резко. Конечно, с Хориным и его единомышленниками из «Молодой гвардии» невозможно, да и бессмысленно вести полемику на почве фактов. Они, что называется, с порога отвергают все, что не укладывается в устраивающие их схемы.

Хорин с притворным огорчением сетует на то, что в исторической науке «преобладали стереотипы, четкое разделение на белое и черное», пытаясь создать впечатление, что и ныне «Вопросы истории» находятся в плену такого подхода. При этом наш «озабоченный» критик делает вид, будто ему неизвестно о многочисленных материалах, опубликованных в журнале и посвященных (подобно, кстати, и попавшимся ему на глаза) как раз тому, чтобы сломать установки официальной апологетической историографии. На самом же деле его не устраивает именно эта освещаемая «Вопросами истории» сложная многоцветность и противоречивость нашего прошлого. Ему нужна даже не двухцветность — «черное и белое»,— а абсолютно одноцветная, «белая» картина истории нашей страны, облаченная в торжественно-праздничные ризы.

Конечно, лавина новых фактов, вошедших за последнее время в массовое историческое сознание, десятилетиями лишенное доступа к полной и правдивой исторической информации, обескураживает и приводит в озлобление закосневших в своем догматизме жрецов от пропаганды, которые зорко следили, чтобы эта информация не доходила до советских людей. Теперь закоренелые догматики и схоласты вместо того, чтобы пересматривать свои взгляды, принимаются возводить плотины на пути этого освежающего потока. Новыми фактами и идеями они, естественно, не располагают, солидных научных доводов в их арсенале не имеется. Вот и строят они свою запруду из обветшавших, изъеденных временем бревен — всевозможных идеологизированных концепций, превращавших историю в служанку пропаганды.

Вводимые в научный оборот новые факты, источники, документы, оценки и выводы объявляются ими сенсационными спекуляциями и профанацией науки. Они призывают к ответственному подходу к источникам, а сами освобождают себя от этой ответственности и с легкостью необыкновенной манипулируют ими. Поскольку же ветхость сих старых догм и выцветших от времени черно-белых схем становится все более очевидной и они, как несостоятельные и фальсификаторские, отвергаются и наукой, и общественным историческим сознанием, то подтягиваются последние резервы, а именно — слегка замаскированная крикливо афишируемым патриотизмом великодержавность, оголтелая шовинистическая фразеология, прямые ксенофобские выпады.

Нас нисколько не удивляет, что отвергнутое другими, более уважающими себя органами печати письмо Хорина нашло пристанище на страницах «Молодой гвардии». Что же касается «Вопросов истории», то мы предпочитаем ориентироваться не на рекомендации подобных самозваных радетелей за Россию, а на мнение научной общественности и широкого круга наших читателей, высказанное неоднократно в их письмах, опубликованных на страницах журнала.

ИЛЬЯ САВВИЧ ГАЛКИН

7 апреля 1990 г. ушел из жизни крупный ученый и организатор науки, доктор исторических наук, профессор Московского государственного университета, заслуженный деятель науки РСФСР, почетный профессор Сегедского университета (Венгрия) Илья Саввич Галкин.

И. С. Галкин родился 1 августа 1898 г. в д. Панасюки Пружанского района Брестской области в бедной крестьянской семье. Участник гражданской войны, воин Красной Армии (1918—1921 гг.), И. С. Галкин после демобилизации работал учителем, а затем директором школы и колонии для беспризорных. В 1927 г. он вступил в ряды КПСС. После окончания в 1932 г. этнологического факультета Московского университета работал преподавателем, проректором Московского института философии, литературы и истории (ИФЛИ). После слияния ИФЛИ с МГУ в конце 1941 г. И. С. Галкин становится проректором, а затем ректором МГУ (1943—1948 гг.), свыше четверти века (1953—1980 гг.) он возглавлял кафедру новой и новейшей истории исторического факультета МГУ, ряд лет заведовал также кафедрой всеобщей истории в Академии общественных наук при ЦК КПСС (1950—1956 гг.).

И. С. Галкин постоянно вел педагогическую и научно-исследовательскую работу. Им опубликовано свыше 200 работ по истории международных отношений, рабочего движения, историографии и методологии, по вопросам методики преподавания в высшей школе. Он был одним из ведущих специалистов по истории Германии, воспитавшим немало германистов, работающих ныне в различных университетах страны.

Большое внимание уделял И. С. Галкин исследованию проблем историографии и методологии исторической науки. Под его руководством издан фундаментальный двухтомный труд по историографии нового и новейшего времени стран Европы и Америки (М. 1967—1968), удостоенный Ломоносовской премии 1970 года. И. С. Галкин — автор монографии «В. И. Ленин и развитие советской историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (М. 1977). В 1984 г. им опубликована книга о жизни и деятельности его учителя академика Н. М. Лукина.

И. С. Галкин много сделал для развития высшего и среднего образования в стране. Он возглавлял историческую секцию научно-координационного совета при Минвузе СССР, входил в состав ряда научных и ученых советов, был членом бюро Национального комитета историков Советского Союза. С его участием готовились многие программы и учебники по новой и новейшей истории для средней и высшей школы. И. С. Галкин был одним из авторов школьного учебника по новой истории, который неоднократно переиздавался. В 40-е и 50-е годы был издан курс его лекций, прочитанных в Высшей партийной школе и АОН при ЦК КПСС. Под его редакцией и при авторском участии были изданы учебники для высшей школы по новой истории и новейшей истории стран Запада, а также первый в нашей стране учебник для студентов исторических факультетов по историографии новой и новейшей истории стран Европы и Америки.

Много сил отдал И. С. Галкин подготовке научной смены. Он подготовил свыше 100 кандидатов и докторов исторических наук — преподавателей университетов нашей страны и ряда зарубежных вузов.

И. С. Галкин вел активную общественную деятельность. Он избирался депутатом Московского Совета, был вице-президентом общества «СССР — Греция», заместителем председателя Комиссии историков СССР и ГДР, неоднократно участвовал в международных конференциях историков, являлся членом редколлегии журнала «Новая и новейшая история».

Советское правительство высоко оценило научную и педагогическую деятельность И. С. Галкина. Он был награжден двумя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, Трудового Красного Знамени, медалями.

В памяти всех, кто знал Илью Саввича, он останется крупным ученым, светлой личностью, добрым и отзывчивым человеком.

CONTENTS

Articles: **B. V. Andrianov, G. E. Markov.** The Economic and Cultural Types and Modes of Production; **Sh. Fitzpatrik.** Classes and the Problems of Class Affiliation in Soviet Russia in the 20s. Historical Profiles: **B. V. Ananich, R. Sh. Ganelin.** Sergei Witte. Reminiscences: Memoirs of Nikita Khrushchev. History and Lives: **General A. Denikin.** Essays on the Russian Troubled Times; **A. F. Kerensky.** Russia at the Turn of History. Publications: Diary of Great Prince Konstantin Nikolaevich. People. Events. Facts: **I. F. Panfilov.** **Vaclav Muller; I. P. Rusanova, B. A. Timoshchuk.** In the Time of the Zbruchaevsky Idol; **G. I. Anokhin.** The Icelanders. Historiography: **N. N. Pokrovsky.** Problems of Russian History in the Works of Natan Eidelman; V. B. Kobrin. **Ivan** the Terrible J. J. Kahk. The "Ostzee" Way from Feudalism to Capitalism; G. A. Kosmach. Crisis of German Liberalism during the Weimar Republic. Ideology and Politics of the German Democratic Party in 1918-1929; History of the Carintia Slovenes from 1918 to the Present Time and a Historical Survey of All Slovenes (Klagenfurt); J. Khlebovchik. Between Diktat, Reality and the Right to Self-Determination. The Right to Self-Determination and the Problem of Frontiers in Central and Southeastern Europe During the First World War and Immediately after It (Warszawa); **Sung Chenmu** (China). Chinese Scholars Study the History of the USSR. Letters to the Editor.

SOMMAIRE

Articles: **B. V. Andrianov.** Types économico-culturels et modes de production; **Sh. Fitzpatrik.** Les classes et les problèmes de l'appartenance de classe en Russie soviétique des années 1920. Portraits historiques: **B. V. Ananitch, R. Ch. Ganéline.** Serguéi Youliévitch Vitté. Mémoires: Les mémoires de Nikita Serguéévitch Khrouchtchev. L'histoire et les destinées: **Le général A. I. Dénikine.** Les aperçus du temps trouble russe; **A. F. Kérenski.** La Russie à un tournant historique. Ecrits inédits: Le journal du grand-duc Constantin Nikolaévitch. Hommes, événements, faits: **I. F. Panfilov.** Venceslas Miller; **I. P. Roussanova, B. A. Tumochtchouk.** A l'époque de l'idole de Zbroutchev; **G. I. Anokhine.** Les Islandais. Historiographie: **N. N. Pokrovski.** Problèmes de l'histoire de la Russie dans les travaux de N. Ya. Eidelman; V. B. Kobrine. **Ivan le Terrible;** Y. Y. Kahk. «La voie «ostsee» du passage du féodalisme au capitalisme; G. A. Kosmatch. La crise du libéralisme allemand dans les années de la République de Weimar. L'idéologie et la politique du Parti démocratique allemand de 1918 à 1929; L'histoire des Slovènes de Carinthie depuis 1918 et jusqu'à nos jours avec l'aperçu de l'histoire de tous les Slovènes (Klagenfurt); You. Khlébovtchik. Entre le dictat, la réalité et le droit des peuples à disposer d'eux-mêmes. Le droit à la souveraineté et le problème des frontières en Europe centrale et du Sud-Est en période de la Première Guerre mondiale et après sa fin (Warszawa); **Sun Tchenmou** (Chine). Les chercheurs chinois étudient l'histoire de l'URSS. Courrier de la rédaction.

SUMARIO

Artículos: **B. V. Andriánov, G. E. Márkov.** Modos y tipos económico-culturales de producción; **Sh. Fitzpátrik.** Las clases y los problemas de la pertenencia clasista en Rusia Soviética de los años 20. Retratos históricos: **B. V. Anáñich, R. Sh. Ganelin.** Serguéi Yu. Witte. Memorias: Memorias de Nikita S. Jruschov. Historia y destinos: **General A. I. Denikin.** Ensayos de los tiempos turbios en Rusia; **A. F. Kerenski.** Rusia en viraje histórico. Publicaciones: Diario del gran principe Konstantín Nikoláevich. Hombres, sucesos, hechos: **I. F. Panfílov.** Václav Miller; **I. P. Rusánova, B. A. Timoschuk.** En los tiempos del Idolo de Zbruch; **G. I. Anojin.** Los islandeses. Historiografía: **N. N. Pokrovski.** Problemas de la historia de Rusia en los trabajos de N. Ya. Eidelman; V. B. Kobrin. Iván el Terrible; J. J. Kahk. El «camino de Ostsee» de transición del feudalismo al capitalismo; G. A. Kosmach. Crisis del liberalismo alemán en los años de la República de Weimar. Ideologia y política del Partido Democrático Alemán en 1918—1929; Historia de los eslovenos de Carintia desde 1918 hasta el presente con resumen de la historia de todos los eslovenos (Klagenfurt); J. Chlebowczyk. Entre el diktat, la actualidad y el derecho a la autodeterminación. El derecho a la autodeterminación y el problema de las fronteras en Europa Central y Sudeste en el período de la primera guerra mundial y después de terminada la misma (Warszawa); Sun Chengmu (RPCh). Científicos de China estudian la historia de la URSS. Cartas a la Redacción.

Технический редактор З. П. Кузнецова.

Сдано в набор 03.07.90. Подписано к печати 25.07.90. А 06933. Формат 70×108[1]/16.
Высокая печать. Усл. печ. л. 16,60. Усл. кр.-отт. 17,33. Уч.-изд. л. 19,08.
Тираж 102 000 экз. Заказ № 2548. Цена 90 коп.

Адрес редакции: 103781 ГСП, Москва, К-6, М. Путинковский пер., 1/2. Телефон 209-96-21.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.